

А.Г.Кузьмин

МАРОДЕРЫ НА ДОРОГАХ ИСТОРИИ

2 $\frac{07 - 24}{279}$

А.Г. Кузьмин

МАРОДЕРЫ НА ДОРОГАХ ИСТОРИИ

нол

Москва
РУССКАЯ ПАНОРАМА
2005

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2007

Кузьмин А.Г.

К89 **Мародеры на дорогах истории** / Предисл. С.В.Перевезенцева– М.: «Русская панорама», 2005. – 336 с. – (Размышления историка).

ISBN 5-93165-112-8

Эта книга – сборник публицистических статей, опубликованных в 1992–1997 гг. и принадлежащих перу выдающегося историка, профессора, доктора исторических наук А.Г. Кузьмина (1928–2004), настоящего патриота нашей Родины. Обладая блестящим аналитическим умом и отличаясь независимостью взглядов, Аполлон Григорьевич рассказывает о тесной связи современности с историей – об исторических корнях и причинах сегодняшних событий и явлений. В книге идет речь о взаимоотношениях власти и народа в России; о союзниках и противниках нашей державы; о причинах межнациональных конфликтов внутри государства; о связи культуры с русским национальным характером, о причинах и последствиях русофобии...

Для широкого круга читателей.

ББК 84(2Рос=Рус)7

ISBN 5-93165-112-8

© А.Г.Кузьмин, 1991–2005.
© Оформление. SPSL, 2005.
© «Русская панорама», 2005.

Предисловие издателей	4
<i>С.Перевезенцев. Через историю в будущее! Слово памяти об учителе.</i>	5
Вместо предисловия	11
Раздел I. ЧЕМ ДЕРЖАЛОСЬ ЕДИНСТВО РОССИИ?	
Истоки русского национального характера	14
Чем держалось единство России?	35
Почему в России не уважают законы?	47
Самоуправление в России	53
Капитализм или социализм?	63
Раздел II. УХАБЫ НА РУССКОМ НАПРАВЛЕНИИ	
Ухабы на русском направлении	70
Неравное равенство	76
Письмо анонима	82
Какой фашизм нам угрожает?	89
Откуда тянет смрадом фашизма?	112
«Кавказские братья» и их московские дяди и тети	119
Чем «черный октябрь» отзовется?	130
Раздел III. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАЛЬШИВКИ	
Арийские руны на влесовых струнах	152
Вавилонское столпотворение на Средней Волге	157
Мародеры на дорогах истории	164
Кому и зачем нужны исторические фальшивки?	179
Феномениана фоменкинианы (<i>И.Настенко</i>)	187
Раздел IV. РОССИЯ В ОККУЛЬТНОЙ МГЛЕ	
Вальпургиева ночь духовной оппозиции	196
Кому открыты двери храма Соломона?	204
Россия в оккультной мгле, или зачем «евразийцы» маскируются под русских патриотов?	216
Раздел V. ЕВРАЗИЙСКИЙ КАПКАН	
Пропеллер пассионарности или теория приватизации истории	238
Хазарские страдания	266
Ответы или наветы	294
Аутодафе русской интеллигенции расчистит путь евразийской элите	300
«Евразийство» и «геополитика»	307
Евразийский капкан	311
Вместо послесловия	325

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ

Представляемая читателю книга – единственная не вышедшая при жизни выдающегося ученого-историка, истинного патриота России Аполлона Григорьевича Кузьмина. Сборник был составлен еще в 1998 г. самим Аполлоном Григорьевичем из статей, опубликованных в 1991–1997 гг., в которых он поднимает важнейшие, по его мнению, вопросы выживания и дальнейшего существования России и русского народа.

Аполлон Григорьевич внимательно следил за всем происходящим в стране. Ежедневно он просматривал десятки газет самого разного толка: и «левых», и «правых», и либеральных, и красно-коричневых. Его наблюдения отнюдь не поверхностны, а выводы максимально заострены. Неудивительно, что в середине 1980-х гг. ему не давали печататься, а в 1990-х некоторые статьи могли быть изданы лишь в малотиражных газетах. Подготовленный к печати, как уже говорилось, в 1998 г., сборник пролежал несколько лет без движения в разных издательствах, которые так и не решились его издать. Весной 2004 г., почти перед самой своей смертью, А.Г.Кузьмин передал нам файлы с текстами статей. За небольшим исключением это полное собрание публицистики замечательного русского историка.

Хотя все безобразия нашей постсоветской жизни иллюстрируются примерами из 1990-х гг., книга не утратила актуальности. Русская нация вымирает, национальные богатства, бóльшей частью уже разворованные, продолжают разворовываться, важнейшие вопросы экономической и политической жизни страны решаются в угоду Западу, всевозможными идеологическими ухищрениями русский народ лишают национального самосознания, превращая в быдло. Как пишет в своем предисловии (2002 г.) сам Аполлон Григорьевич: «...Ни один из затронутых ранее вопросов до сих пор, к сожалению, не устарел – задача спасения России и народа стала еще более актуальной, а поэтому предпринимаем новую попытку...».

ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ — В БУДУЩЕЕ!

СЛОВО ПАМЯТИ ОБ УЧИТЕЛЕ

Предисловие к этой книге уже было написано, когда свершилось непоправимое – 9 мая 2004 года, в День Победы, на 76-м году жизни скоропостижно скончался автор этой книги, крупнейший русский историк и мыслитель, талантливый писатель и публицист, замечательный педагог, доктор исторических наук, профессор Аполлон Григорьевич Кузьмин. И слова, предваряющие эту книгу, теперь, к глубокому прискорбию, превратились в слова памяти о великом русском ученом и учителе, великом человеке и патриоте. Ведь от нас ушел истинный радатель за Отечество...

Аполлон Григорьевич Кузьмин родился 8 сентября 1928 г. в селе Высокие Поляны Пителенского района Рязанской области в семье сельского фельдшера. С 1952 г., когда он стал студентом исторического факультета Рязанского педагогического института, вся его жизнь была связана с изучением отечественной истории. Окончив аспирантуру по кафедре источниковедения МГУ, где он учился под руководством академика М.Н. Тихомирова, А.Г. Кузьмин в 1963 г. с блеском защитил кандидатскую диссертацию. Затем работал в Институте истории АН СССР в группе по изданию Полного собрания русских летописей, позднее – заместителем главного редактора журнала «Вопросы истории». В эти же годы преподавал в МГУ на кафедре истории СССР эпохи феодализма. В 1971 г. он защитил докторскую диссертацию «Начальные этапы русского летописания». С конца семидесятых годов и до самой кончины научно-педагогическая деятельность А.Г. Кузьмина протекала в стенах Московского государственного педагогического института (ныне – Московский педагогический государственный университет), где он был профессором кафедры истории России почти тридцать лет.

Уже в первых своих научных работах А.Г. Кузьмин проявил себя как яркий, талантливый ученый, а вскоре стал признанным специалистом по истории Древней Руси. Однако талант Апол-

лонз Григорьевича оказался настолько велик, а знания его столь глубоки и разносторонни, что он стал автором работ, написанных по самому широкому кругу проблем развития России на различных этапах ее исторического бытия. Его перу принадлежит более 200 научных трудов, среди которых работы по летописеведению, Крещению Руси, происхождению русского народа, книги и статьи по древнерусской религиозно-философской мысли, публицистические книги и статьи, литературные произведения. Назовем лишь несколько, наиболее известных: монографии «Рязанское летописание» и «Начальные этапы древнерусского летописания», книги «Падение Перуна» о Крещении Руси и «Татищев» (в серии «ЖЗЛ») о первом русском историке, составленные им двухтомник «Откуда есть пошла Русская земля», в котором были опубликованы уникальные документы о происхождении русского народа, и книга «Славяне и Русь»... До последнего года жизни Аполлон Григорьевич продолжал активно работать, только в 2003–2004 гг. вышли его новые книги: «Начало Руси», «Крещение Руси», «Источниковедение Древней Руси», том «Сборников Русского исторического общества» «Антинорманизм», в котором Аполлон Григорьевич был редактором, составителем и автором основных статей. И, конечно же, необходимо назвать фундаментальный двухтомный труд «История России с древнейших времен до 1618 года», который является своеобразным итогом многолетней научно-педагогической деятельности А.Г. Кузьмина, а также «Хрестоматию по истории России с древнейших времен до 1618 года», подготовленную им вместе со своими учениками...

И за какую бы тему, за какую бы научную проблему ни брался Аполлон Григорьевич, везде он находил свою, оригинальную точку зрения, везде он совершал иногда маленькие, но чаще значительные научные открытия. Вообще, удивительно, сколь много нового, неожиданного, но в тоже время строго обоснованного внес профессор Кузьмин в отечественную историческую науку! Иногда кажется, что такое было невозможно совершить одному человеку! Перечислим только главное: новая концепция происхождения Руси и русского народа; новая концепция Крещения Руси; новая концепция истории древнерусского летописания; новое прочтение памятников древнерусской религиозно-философской мысли... Наконец, новая концепция исторического развития России с древнейших времен...

И все его работы были подчинены главной цели: найти и показать своеобразие отечественной истории, ее самобытность, выявить присущие ей «родовые черты». В этом смысле он стал наследником и продолжателем дела русских славянофилов.

Аполлон Григорьевич никогда не был «кабинетным» ученым, прятаясь от мирских проблем в тишину архивов и библиотек. Наоборот, он всегда занимал активную гражданскую позицию, был истинным патриотом России, внес огромный вклад в становление и развитие русского патриотического движения. И эта неразрывная связь активной гражданской и научной позиций Аполлона Григорьевича лишний раз свидетельствуют об огромной социальной роли и общественной значимости истории как науки, которая, изучая прошлое, помогает понять настоящее и заглянуть в будущее. С 1988 г. и до конца дней он был бессменным председателем Московского городского добровольного общества русской культуры «Отечество».

Оружием, которым Кузьмин боролся за Россию, были наука и публицистика. Он считал, что «чистая» наука – это слишком уж «узкое» занятие. Главная задача ученого – служить своему Отечеству, быть гражданином и патриотом. Гордостью за прошлое, но и болью за настоящее проникнуты множество его страстных публицистических статей, которые всегда с нетерпением ждали читатели «Нашего современника», «Молодой гвардии» и многих других патриотических изданий. В начале 1980-х годов в журнале «Наш современник», где он многие годы был членом редколлегии, А.Г. Кузьмин опубликовал серию полемических статей в защиту русского народа, после чего ему более двух лет был закрыт доступ на страницы открытой печати. Были тогда и угрозы жизни... Но он был смел, никогда не боялся вступать в открытый бой, будь то научная дискуссия или же полемика с недругами нашего Отечества. И чаще всего выходил из этих боев победителем, ибо трудно было что-то противопоставить его знаниям и логике.

И эта книга, которую читатели держат в руках, представляет собой собрание публицистического наследия Аполлона Григорьевича Кузьмина.

Вообще, когда читаешь публицистическую, посвященную современным дням книгу, написанную историком, всегда подспудно в тебе борются две мысли. Первая мысль, в принципе, понятна – интересно, что историк может сказать о современнос-

ти? Ведь всегда важно мнение знатока российских древностей о днях нынешних. Но тут же появляется и другая мысль, а точнее, «мыслишка» – а что уж такого нового может сказать этот знаток?

Оказывается, может. И многое. Тем более, если это говорит такой авторитетный историк как Аполлон Григорьевич Кузьмин. А.Г. Кузьмин – это ученый-мыслитель. Он всегда придавал огромное значение *теоретическим основам исторического познания*. *Диалектическое понимание истории* свойственно А.Г. Кузьмину, как никакому другому исследователю, он много писал о необходимости и перспективности подобного подхода, плодотворно пользовался этим подходом в своих работах. Именно понимание диалектического взаимопроникновения общественного бытия и общественного сознания в ходе исторического процесса позволяло А.Г. Кузьмину увидеть и показать всю сложность, проблемность и, в то же время, сущностные черты и особенности отечественной истории, выявить в противоборстве различных интересов главные закономерности исторического развития.

В целом же, профессор А.Г. Кузьмин – один из немногих историков, кто объединил в единое целое философию и историю, теорию исторического знания и сам процесс познания истории. Нельзя не отметить и тот факт, что именно профессор А.Г. Кузьмин, как талантливый педагог, несколько поколений своих учеников научил философскому пониманию истории, философскому отношению к истории. А значит, и философско-историческому пониманию современности...

Повторимся: одна из важнейших задач науки истории – через знание прошлого понять настоящее и заглянуть в будущее. Вот почему А.Г. Кузьмин, глубокий историк и истинный гражданин, столь много внимания уделял публицистике. Он был уверен, что знание истории – это основа понимания современности и будущего. По его глубочайшему убеждению, Россия – настолько своеобразная страна, имеющая столь весомую специфику, что только соблюдение традиций может служить базой для всяческого рода новаций.

А ведь нас давно уже убеждают в том, что у России нет и даже не может быть собственного лица, собственного понимания жизни, собственных корней. Нам давно пытаются привить ненависть к собственной истории и культуре во имя неких «общечеловеческих» ценностей. Нас давно уже стремятся лишить

собственного прошлого. А это значит только одно – нас хотят лишить собственного будущего...

И, если прочитать статьи А.Г. Кузьмина, опубликованные в этой книге, то лишний раз убеждаешься в том, что историку и в самом деле есть что сказать по современным проблемам. Рассуждает ли он о современной исторической науке, о специфике национального сознания, о принципах устройства российской власти – все это крайне, можно даже сказать, жгуче современно и так необходимо сегодня. «Через историю – в будущее!» – так можно сформулировать главный принцип этой книги.

* * *

Великий русский историк и учитель, Аполлон Григорьевич был талантлив во всем, и, может быть, в первую очередь, в отношении к людям. Он любил людей, любил жизнь, любил творить добро и радость. Совершенный бесребреник, он дарил себя людям, отдавал без остатка, не требуя взамен...

Свою любовь к науке и Родине он сумел передать многочисленным ученикам. Можно с уверенностью сказать, что благодаря усилиям А.Г. Кузьмина в отечественной науке сложилось самобытное научное направление, оригинальная научная школа, разрабатывающая центральные проблемы российской истории.

Моему поколению повезло – мы были одними из первых, кто может называть себя гордым именем: «ученики Кузьмина». В 1977 г. Аполлон Григорьевич впервые начал читать курс отечественной истории на дневном отделении исторического факультета МГПИ, а мы были теми самыми первокурсниками, которым он прочитал свою первую лекцию. Помню то ошеломляющее впечатление, которое произвела эта лекция на нас, тогда еще несмышленишей, ибо мы были уверены, что раз поступили на истфак, то уж историю-то мы знаем. Оказалось, что ничего мы не знаем!

Аполлон Григорьевич, находившийся тогда в самом расцвете лет и сил, вдруг открыл нам огромный и неведомый мир – мир науки истории. Мир, полный проблем и противоречий, мир полный неизведанного и непознанного. Стоит только вспомнить знаменитый «кузьминский» вопрос – «В чем проблема?», с которого и он сам, а потом уже и мы, его ученики, привыкли начинать всякое дело... И этот мир науки предстояло познавать и

открывать именно нам! Это было удивительное и поразительное качество А.Г. Кузьмина, как педагога – он, маститый ученый, профессор, сразу же стал относиться к нам, «зеленым» студентам, как к коллегам, как к тем, кто в будущем должен продолжить дело развития русской исторической науки. Наверное, именно это отношение, помимо человеческого обаяния, яркого научного и литературного таланта, привлекло нас к нему. Ведь только на нашем курсе курсовые и дипломные работы у Кузьмина писали более двадцати человек! Позднее тысячи студентов прослушали курсы лекций профессора Кузьмина, под его руководством написаны сотни курсовых и дипломных работ, более 30 его учеников защитили кандидатские и докторские диссертации...

Прощай, дорогой Аполлон Григорьевич... Ты родился в День Великой Победы на Куликовом поле, а ушел от нас в День Великой Победы в Великой Отечественной войне, в день, когда Русская Православная Церковь поминает всех павших за Отечество. И мы будем помнить тебя, как победителя, защитника Земли Русской. Прощай, и прости нас...

С.В. Перевезенцев,
ученик А.Г. Кузьмина, доктор исторических наук,
Сопредседатель Правления Союза писателей России

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

15.02.2002 в традиционной передаче на НТВ «Свобода слова» обсуждалась проблема отмены моратория на смертную казнь и укрепления правовой обеспеченности общества. Выступали широко известные деятели разного профиля, депутаты Думы: сторонники отмены и противники. Обсуждение было весьма откровенным. Все, правые и левые, сторонники и противники отмены моратория, с большей или меньшей жесткостью говорили о тесной связи правящих верхов России с криминалом. Говорилось о развале, по существу, всей правоохранительной системы, но постоянно отмечалось и то, что и само общество у нас тяжело поражено криминалом и тоже захвачено «криминальной революцией». Совершенно ясно, что если в такой ситуации общество не созреет именно как общество, колоссальные людские и материальные потери государства будут только нарастать.

Предлагаемая книга написана как раз на тему разрушения общества путем «подбрасывания» разрушительных же идей. Эта проблема ясно обозначилась после апрельского пленума ЦК КПСС 1973 года, когда криминал пошел в открытое наступление, и особенно обострилась в 1980-е, когда была еще возможность сохранить великую страну, незадолго до того ставившую задачу «догнать и перегнать». Переворот 1989–1990-х годов, разрушивший страну, и ограбление народа чубайсовскими «реформами» в 91-м вроде бы пробудили сознание многих заблудших. Но криминал во власти вновь «подбросил» идеи совершенно противоположной направленности в качестве «патриотических». Варварский расстрел парламента в 1993 году загнал патриотические и просто граждански озабоченные слои населения на обочину этого криминального мира, любыми способами пытающегося помутить сознание и способность к сопротивлению народа.

В 1994 году предпринималась попытка издать сборник опубликованных и неопубликованных статей по теме «евразийства» – варианту турецкого (младотурецкого) масонства, наиболее русофобского и построенного на бесцеремонном игнорировании и искажении исторических фактов. Попытка эта не удалась в значительной степени из-за противодействия «патриотов-евразий-

цев», многие из которых искренне не понимали, кому они служат. Вторая попытка предпринималась уже незадолго до «дефолта», окончательно разорившего простых тружеников и бросившего их на «большую дорогу» в поисках любого возможного заработка. Предисловие к этому изданию здесь сохранено как своеобразное отражение того времени. Но ни один из затронутых ранее вопросов до сих пор, к сожалению, не устарел – задача спасения России и народа стала еще более актуальной, а поэтому предпринимается новую попытку...

В предлагаемой книге собраны в основном опубликованные или предназначавшиеся к публикации статьи, посвященные драматическим и трагическим событиям последних лет. Основное содержание можно свести к двум главным проблемам: *чем держалось единство России*, и *что позволило его сокрушить* в течение короткого времени.

Первый раздел так и озаглавлен: «Чем держалось единство России». Здесь же обозначаются и некоторые идущие из глубины веков слабости. Большая часть статей относится к эпохе разрушения. И в этой связи выделяются разные факторы, хотя, как правило, они всегда действовали в комплексе и потому выделение того или фактора на первый план достаточно условно. Так, раздел «Россия в оккультной мгле» тесно пересекается и с историей фашизма и национал-социализма, и со спекуляциями вокруг этой темы. В свою очередь статьи о фашизме увязываются с планами разрушения России в прошлом и настоящем. Раздел «Евразийский капкан» включает основные статьи, в которых рассматривается самое коварное и самое популярное в кругах, прибегающих к патриотической риторике, изобретение «гамельнских крысоловов». Раздел «Ухабы на «русском направлении» включает в основном материалы, относящиеся к 90-м годам, когда открытое наступление русофобских разрушительных сил по существу не встречает сопротивления тех, кто от этого более всего страдает, а оппозиция не желает или не способна понять и оценить происходящее. Тема «мародеров на дорогах истории» тесно сплетается с проблемой «гамельнских крысоловов» – целенаправленном отвлечении масс в идеологические и социальные тупики. И через все эти материалы проходит главная тема, издавна скрываемаемая от народов: механизм власти вообще и механизм мирового господства в частности.

А.Г. Кузьмин, апрель 2002 г.

Чем держалось единство России?

ИСТОКИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА*

В последнее время много говорят и пишут о «русской идее». Вроде бы ради прояснения ее сути широко пропагандируются работы религиозных философов прошлого и начала нашего столетия (в основном сочинения масонов-розенкрейцеров). М.А. Маслин собрал внушительный сборник так и названный: «Русская идея» (М., 1992), в котором основные публикации представлены.

Большинство рассуждений о «русской идее» в прошлом столетии являлось своеобразным откликом на идеологию немецкого романтизма и философию XIX века, а также на немецкую же струю в российской историографии, преобладающую в Российской Академии наук с XVIII века. В этой системе ценностей вершиной мыслилось государство, как определенным образом выстроенная машина, и народы делились на способные или неспособные создавать государства, «исторические» и «неисторические» (Гегель, Фихте). Славяне попадали во вторую категорию, и это обстоятельство вызывало либо протест, либо согласие, либо стремление увидеть за спецификой особое предназначение.

Мистическая окраска почти всех рассуждений о «русской идее» – следствие огромной сложности вопроса. Слишком много искомых величин, которые формируют национальные характеры. И хотя обычно сознается, что национальный характер создается историей народа, многое остается для «метафизики». Нужного объема исторических знаний наука в прошлом столетии не имела, а наш век слишком увлекся общими закономерностями. Между тем и закономерности могут быть выявлены только на сопоставлении своеобразий, в том числе своеобразий систем ценностей. В принципе все это познаваемо. Но пока в познании опережают не друзья народа, а его враги. И в этом главная причина переживаемой ныне катастрофы.

* Под названием «Об истоках русского национального характера» опубликована в сб. *«Русский народ: историческая судьба в XX веке»*. – М., 1993. Основы концепции излагались также в материалах «круглого стола» в *«Вестнике Московского университета»*. Серия 8. История. 1993, № 5.

Большинство людей просто живет, не задумываясь об истоках своих симпатий и антипатий и не пытаясь определить, что в тех или иных настроениях индивидуальное, а что поддается обобщению. О своей национальности человек начинает думать обычно лишь в инонациональной среде. Показательно, что Н.М. Карамзин существенно пересмотрел свои взгляды после путешествия по Европе в 1789–1790 годах: Европа оказалась совсем не такой идиллической, как представлялось издали. Примерно такого же рода метаморфозу пережил и Герцен в середине XIX века, и А.Зиновьев в самом недавнем прошлом, рассказав об этом в серии блистательных статей. Да и многие-многие другие, не всегда это сами осознавшие и выразившие в печати. С точки зрения теории познания перед нами частный случай общей формулы Гегеля: «Различие есть скорее граница существа дела; оно налицо там, где суть дела перестает быть, или оно есть то, что не есть суть дела» (Соч. Т. 4. М., 1959. С. 2). Именно русская эмиграция и более широко эмиграция из России наглядно показала и себе, и миру, насколько различна психология выходцев из России по сравнению как с западными, так и с восточными психологическими типами. И идти, очевидно, можно лишь от выяснения тех различий, которые порождают всеми наблюдаемую русскую или российскую ностальгию.

В конце 1950-х годов, когда начали практиковать обмен научными сотрудниками, в общежитии Главного корпуса МГУ в течение года проживали шесть американских стажеров. Пятерых мы почти не видели. Зато один постоянно заинтересованно наблюдал за шумными сборами студентов и аспирантов в гостиной. Часов с четырех пополудни гостиная обычно заполняется, и начинаются споры и разговоры часто за полночь. Перед возвращением в Штаты стажер поделился впечатлениями о нас, а заодно и о русских эмигрантах. Ни тех, ни других он не понимал. Но он отметил, что именно и тут, и там вызывало у него непонимание и удивление.

Прежде всего, гостя удивляло, зачем мы собираемся, тратим впустую массу времени. «Нас здесь шестеро, — сравнивал он. — И за год ни у кого не возникало желания сходить к другому в гости: только деловые встречи». Примерно в том же направлении оценивались и эмигранты в Америке? Все, с кем приходилось общаться, до боли тоскуют по России. Перед поездкой в Москву стажеров, в частности, напутствовал Керенский. Он очень

тепло говорил и о России, и о социализме, и о Ленине («непонятно, в чем они расходились»). И явно тосковал по Волге. По Волге тосковал и немец из бывшего «Немецкого Поволжья» (плакал, завидуя отъезжающим в Россию). Учительница русского языка – еврейка из Одессы – просила привести щепотку русской земли. «Совершенно непонятно. Мне все равно, где жить: родина там, где мой бизнес. У русских все иначе».

По существу о том же говорят песни Вилли Токарева об «Одессе» на Брайтон-бич: «Здесь всюду лампочки горят, и о днях все говорят... Прилетел вчера я из Парижа, в Лондон завтра еду по делам. Я давно друзей своих не вижу: жизнь моя – сплошной маде палам». А ведь это самая интегрированная с Западом часть эмиграции из России.

Итак, одна отличительная черта, едва ли не более всего мучающая эмигрантов из России – непонятная на Западе *жажда общения*. Нетрудно заметить, что даже и в третьем поколении многие эмигранты не могут примириться с окружающим их стилем жизни. Встреча с человеком из России для них праздник, даже если политические и прочие взгляды далеко расходятся.

Другим стимулом к размышлению послужили беседы в начале 70-х годов с сербским философом, бывшим партизаном. Он вспоминал, как в горах пели они русские песни, и это придавало и силу, и веру в конечную победу. И между прочим заметил: «Для Европы это общее место: славяне – коммунисты, а Европа никогда к коммунизму не пойдет». Из числа славян он, однако, исключал хорватов и поляков: «Они же католики!». А на замечание, что хорваты четыре столетия сопротивлялись наступлению Рима, возразил: «Если это и было так, они этого не помнят и не хотят вспоминать».

Итак, вторая отличительная черта – *разные системы нравственных ценностей и форм общежития*. В публикациях прошлого столетия эти факты (особенно славянофилами) рассматривались в контексте религиозных отличий. Но при этом не всегда учитывалось, что и религиозные различия требуют объяснения, равно как и не вполне осознавалось, что за ними стоит *существенно разное отношение к частной собственности*.

Несмотря на многовековую войну «всех против всех» в Западной Европе сохраняются традиции римского права с акцентом на частную собственность. С раннего средневековья Европа знает и частную собственность на землю, в том числе крестьян-

скую (аллод). Эти традиции сохраняются и в Византии. С раннего средневековья за покушение на частную собственность предусматривалась смертная казнь или членовредительство. На Руси же воровство наказывалось лишь денежными штрафами. Примечательно, что в договоре Руси с греками 911 года оговаривается, что тяжбы по кражам решаются по «Русскому закону», предполагающему штраф в размере тройной стоимости украденной вещи. А о том, кому принадлежит земля, спорили даже в канун реформы 1861 года, поскольку законодательно это вопрос не был оформлен. К.Аксаков полагал, в частности, что на землю имеют право и помещики, и крестьяне, но последние в большей степени.

Из войны против всех Европа в конечном счете выходит с разработкой весьма жестокой, строгой законодательной регламентацией. И несмотря на суровость законов, они сравнительно легко принимались населением, поскольку никакой общественной защиты обособленный индивид не имел. На Руси *письменные законы имели гораздо меньшее значение, нежели обычное право*.

Обычно права держалась не только сельская община в подавляющем большинстве неграмотная. Так же жил и город. А.Н. Островский в «Горячем сердце» остроумно это обыграл. Законы часто не считались с действительностью. На это обстоятельство в первой половине XVIII века обратил внимание В.Н. Татищев. Он указал на большие расхождения и в самих законодательных актах, и в их отношении к законам «естественным» (согласованными с требованиями «естественного права») и «божественными» (записанными в Священном писании). Многие законы казались ему неоправданно жестокими. «Неумеренные казни разрушают закон», — заключал он. Но как заметит современник Островского, имевший большую административную практику М.Е. Салтыков-Щедрин, в России «жестокость законов умеряется необязательностью их исполнения». Их невозможно было исполнять, в том числе из-за многочисленных внутренних противоречий, на которые указывал еще Татищев, и которые в огромном количестве всплыли во время публикации Полного собрания русских законов: противоречившие друг другу законы никогда не отменялись, но и действовали тоже редко.

С точки зрения законопослушания почти непреходимая грань разделяла Власть и Общество. Общество откупалось от

внешней власти взяткой, а внутри его продолжали действовать свои законы, которые нельзя было обойти: законы традиции. В послемонгольское время в относительно редкие периоды намечались возможности сближения Власти и Земли. Таковы, в частности, мероприятия XVI века (законодательство и деятельность «Избранной рады»), начало XVII столетия (попытки законодательного ограничения самодержавия и обеспечения прав местного самоуправления).

С конца же XVII века Власть пошла в резкий отрыв от Земли, и этот разрыв не был преодолен ни до 1917 года, ни после. Известный дипломат В.И. Куракин, свояк Петра I, сокрушался в 20-е годы XVII столетия: коррупция поразила высший правящий строй и путей ее преодоления не видно. Нынешние власти «войной законов», а точнее беззаконием оставляют далеко позади все худшее, перешедшее к нам из истории.

Многовековая борьба за самостоятельность (XIII–XVII века) воспитала поистине мистифицированный культ государства, как гаранта самой возможности выживания. За «государственную измену» в России всегда карали более сурово, чем за воровство, и это всеми сословиями принималось как должное. Но при этом сохранялось противостояние Власти и Земли, причем в качестве одной из кардинальных черт социально-политической жизни и основы своеобразной психологии: приверженность государственности проецируется на монарха, а отрицательное отношение к внешней жизни концентрируется на низших чинах администрации и бюрократии, то есть на тех представителях власти, с которыми гражданам приходится непосредственно иметь дело. Кстати, и ныне именно на этом держится монархизм обывателя, на которого мало действуют и вскрываемые факты наибольшего размаха коррупции именно в высших этажах власти.

Русские масоны-розенкрейцеры (В. Соловьев, Н. Бердяев и др.) уловили одну черту национального характера, определяемую как «всесветность». ~~Здесь мы имеем своеобразных предтеч нынешних пропагандистов «общечеловеческих ценностей», предполагающих подавление национальной специфики во имя, в конечном счете, торжества всемирных центров силы, которые всегда находились за пределами России. Отечественные розенкрейцеры пытались идеализировать (и поэтизировать) ослабленное чувство национального самосознания русских, что в условиях роста националистических настроений~~

в мире не вооружало, а обезоруживало. Но самый факт имел место и требовал объяснения.

К середине XIX века в Центральной Европе обозначилось основное противостояние: воинственный пангерманизм, нацеленный на пробуждающееся славянское самосознание. Общегерманский фестиваль в Гамбахе в 1832 году обозначил Россию как главного врага немецкого национализма, изначально выступившего с претензиями на господство над иными народами, прежде всего славянами. Немецкого обывателя запугивали возможностью объединения славянских народов под эгидой России. Именно в кругах немецких и венгерских националистов в начале сороковых годов было рождено понятие «панславизм».

«Панславизм», как реакция на пангерманизм, реально возникает и пытается организационно оформиться. Естественно, в его рамках существуют разные направления от радикальных до охранительных. И русская общественная мысль пытается осмыслить различия славянского и германского мира. Развертывается полемика «западников» и «славянофилов», причем правительство более склоняется к первым. Николай I достаточно откровенно объяснил свою позицию. «Русские дворяне служат государству, а немецкие – нам». И не случайно, что в революцию 1848 года он был целиком на стороне своих «братьев» по Священному союзу, за что получил позднее оценку от внука – Александра III, как «величайшего дурака в истории» (имеется в виду помощь главному стратегическому врагу).

Из радикального крыла панславизма вырастает в итоге анархизм Бакунина и Кропоткина, «русский социализм» Герцена. В 1848 году Бакунин обратился с призывом к участникам Славянского съезда в Праге, в котором противопоставил германские государства – Пруссию, Австро-Венгрию и Россию, саму немецкую государственность, как извечное зло, славянскому самоуправлению, которое, по его мнению, должно было принести свободу всем народам Европы. Энгельс тогда довольно резко обрушился на «друга», заодно настаивая на «неисторичности» большинства славянских народов. (Позднее он признает право и славянских народов на самоопределение.) Но сам факт принципиального различия системы общественной организации у славян и немцев ему пришлось признать в другой связи.

Известно, что и к славянам, и к русским в частности, у Маркса и Энгельса отношение было достаточно пренебрежительным.

В середине века это отношение подогревалось еще и ролью русского правительства в подавлении революции в Западной Европе, в частности в Венгрии. Публично и Маркс, и Энгельс ратовали за воссоздание Польского государства, имея в виду прежде всего ослабление Российской государственной машины. Но в их переписке звучали иные, свободные от конъюнктуры мотивы. Примечательно письмо Энгельса Марксу от 23 мая 1851 года, в котором сравнивается историческая роль Польши и России. «Чем больше я размышляю над историей, — пишет Энгельс, — тем яснее мне становится, что поляки — обреченная нация, которая нужна как средство, лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши теряет всякий смысл. Поляки никогда не совершали в истории ничего иного, кроме смелых драчливых глупостей. И нельзя указать ни одного момента, когда бы Польша, даже только по сравнению с Россией, с успехом представляла бы прогресс или совершила что-либо, имеющее историческое значение. Наоборот, Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар: и Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности элементов промышленного развития, чем по самой природе своей шляхтерско-сонная, Польша. Преимуществом России является уже одно то, что русское дворянство, начиная с императора и князя Демидова и кончая самым последним боярином четырнадцатого класса, у которого только и есть, что его «благородное» происхождение, занимается промышленным производством, барышничает, надувает, берет взятки и обдeldывает всевозможные христианские и еврейские делишки. Поляки никогда не умели ассимилировать чужеродные элементы. Немцы в городах были и остаются немцами. Между тем, каждый русский немец во втором поколении является живым примером того, как Россия умеет руссифицировать немцев и евреев. Даже у евреев вырастают там «славянские скулы» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 240–241).

Не все у Энгельса «на месте». Он не отличил «русского» от того, что составляло специфику «высшего» слоя. В. Оскоцкий и Ю. Суровцев вполне могли бы покритиковать его за отход от «учения о двух культурах» и в данном случае были бы правы. Но

кое-что он отметил правильно, хотя и не объяснил, оставшись на том же мистическом уровне, что и мыслители розенкрейцерского круга. Почему поляки не могут ассимилировать, а русские могут? Почему шляхта не может, а русское дворянство может? Это же огромной важности проблемы!

Но и в смутном его впечатлении просматривается и российская «всесветность», и разобщенность «верхов» и «низов».

Итак, специфика налицо. Ее чувствовали и «западники», и «славянофилы», и русские, и европейские авторы и в XIX, и в XX веке. Более того. Описание этой специфики более или менее сходно, а описание бытовой реакции почти всюду единообразно. Нигде, ни в Европе, ни в Азии ассимиляция не проходила так легко и незаметно для переходящего из одного этноса в другой.

Все перечисленные (и какие-то не перечисленные) особенности русского бытового сознания так или иначе ощущаются бытописателями, этнографами и социологами и очень часто напрашивается заключение, что «умом Россию не понять». А понять надо и можно.

Главная причина мистификации «русской идеи» – запутанность вопроса об этнических истоках Древнерусского государства. (Позднейшая история более доступна для познания и понимания.) Главный исток – славянство – достаточно ясен, хотя продолжают споры и о том, с какого времени можно говорить о славянах как о особом этносе, так и о том, на какой территории они формировались. Что же касается племени «русь», то здесь масса самых различных гипотез и предположений.

Более всего путаницы внесла немецкая академическая наука в России XVIII–XIX веков. Для немецкой филологии и истории XIX века в целом было свойственно делить народы, населявшие Европу, на германцев и негерманцев, причем вся Северная и Центральная Европа считалась германской, а Восточная и Юго-Восточная преимущественно славянской. В России немецкие ученые настойчиво проводили концепцию о германоязычии Руси и варягов, а поскольку такая концепция противоречила многим фактам, она вызывала противодействие как на научном, так и на идеологическом уровне.

Естественно, что только непредвзятое отношение к этому главному вопросу откроет путь к пониманию специфики национального характера. Естественно также, что обоснование любой концепции требует монографий. Обоснование предлагаемой

здесь концепции изложено в книгах «Начальные этапы древнерусского летописания» (М., 1977), «Откуда есть пошла Русская земля» (Т. 1–2. М., 1986). «Падение Перуна» (М., 1988) и в некоторых других. Принципиальное значение имеют также статьи «Об этнической природе варягов» («Вопросы истории», 1974, № 11), «Об истоках древнерусского права» («Советское государство и право», 1985, № 2) и некоторые другие, посвященные более частным (иногда и более общим) проблемам.

Стержень концепции – несомненная разнотичность славян и руси. И варяги, и русь в первые века нашей эры заселяли южное побережье и некоторые острова Балтики и принадлежали к особой группе индоевропейских племен, условно именуемых в современной немецкой лингвистике «северными иллирийцами». (В начале нашей эры это племена варинов и ругов.) Видимо, после завоевания Юлием Цезарем Галлии и Британии на восток к Балтике ушли некоторые кельтские племена, смешавшиеся с северными иллирийцами. В свою очередь руги с III века отдельными группами переселяются на юг и юго-восток, в результате чего на карте Европы появляется более десятка «Ругий» и «Русий». В большинстве мест они сливаются со славянами (в Прибалтике, в Поднепровье, в Подунавье) и считают себя аристократическим славянским родом, но сохраняют многие бытовые и психологические особенности. Это хорошо просматривается в сопоставлении и противопоставлении полян и других славянских племен в «Повести временных лет».

В отличие от ругов-русов, рано переместившихся к границам Римской империи, варины, хотя и участвовали в событиях на Дунае в V–VI веках, но в большинстве вернулись к берегам Балтики, где и были ассимилированы славянами. В результате название «варяги» распространяется на все племена балтийских славян между Одером и южной частью Ютландского полуострова. С конца VIII века под натиском франков население с южного берега Балтики начинает переселяться на восток (главным образом морем) в области будущей Северо-западной и Северо-восточной Руси. «Русь варяжская» – один из компонентов населения Балтийского побережья. Но для Киевской Руси гораздо большее значение имела Русь Дунайская (Ругиланд), откуда, по летописи, и вышли славяне и русь.

Естественно, что психология любого народа зависит от форм общежития и характера трудовой деятельности. Скажем, психо-

логия оседло-земледельческих народов и скотоводов-кочевников существенно различна, причем для изменения сложившихся традиций даже и при изменении форм хозяйствования потребуются много поколений. Так, на острове Рюген (одна из балтийских Русий) до XII века сохранялся культ коня, и это заставляет предполагать, что некогда предки племени входили в состав индоиранских племен, занимавших обширные пространства Степи от Дуная до Урала. (Култ этот характерен и для венедов, причем и в Малой Азии, и в Северной Италии, и в Прибалтике.) Обычно различаются у земледельцев и кочевников и формы общины.

В нашей литературе давно выделены две главные формы общины: кровородственная и территориальная. Чаще всего их рассматривают как последовательные этапы развития от первобытно-общинного строя к государственности. Но это – неточно. Оба эти типа общины всегда сосуществовали во времени (и сейчас существуют). У славян, насколько можно проникнуть в глубь веков, община была территориальной. В свое время О.Н. Трубачев отметил одну существенную деталь: у славяне обычно называют по месту обитания, а у германцев – по имени предка. А это и есть отражение разных типов общины. Далее. В рамках кровородственной общины долго сохраняется большая семья. «Большие дома», в которых жили такие семьи, известны вплоть до средневековья на побережье Балтики и Северного моря, в рамках Черняховской культуры в Причерноморье, в Ладогe, в Подунавье и Приднепровье. А параллельные с ними часто на тех же территориях рассеяны малые полуземлянки площадью в 10–20 квадратных метров, где могла разместиться лишь малая семья. В литературе шел спор (в частности, между И.Я. Фрояновым и М.Б. Свердловым) о характере древнерусской семьи: большая или малая, и вроде бы у обеих сторон находятся аргументы. А дело в том, что малая семья характерна для славян (и жилища этого типа прослеживаются со II тысячелетия до н. э.), тогда как у русов долго держалась большая семья.

Еще один признак, различающий кровородственную общину от территориальной – отношение к генеалогии. В кровородственных общинах генеалогии всегда придавалось большое значение. На ранних этапах генеалогия нужна была для предотвращения возможного кровосмешения (родство у индоевропейских народов считалось до седьмого поколения и в этих пределах браки не допускались). С возникновением государств древность ро-

да как бы приравнивается к знатности. Скажем у датчан родословные начинаются чуть ли не с библейского сотворения мира. А у франков они не шли глубже V века. Очевидно, следует различать собственные германские и ассимилированные германцами племена.

Генеалогиям обычно придавали большое значение кочевые племена, а также переселенцы из сравнительно отдаленных мест. Так у «северных иллирийцев» или венедов балтийских постоянно жили предания о переселении их из Малой Азии после падения Трои. И, видимо, за этими преданиями есть определенная историческая реальность. Достаточно сказать, что значительная часть населения Восточной Прибалтики, в особенности у побережья, относится к средиземноморскому антропологическому типу.

У славян длинных генеалогий не было. В лучшем случае они могли бы назвать какого-то отдаленного предка, но последовательная генеалогическая лестница при этом не выстраивалась. И это также следствие территориального характера общины, в рамках которых старейшины не наследуют должности, а избираются.

Византийские авторы VI века отмечают, что славяне и анты «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим» (Прокопий Кесарийский). Впрочем, упоминаются и славянские князья и вожди. В большинстве имена эти неславянские (они сходны с франкскими той же поры и, видимо, восходят к более ранним кельто-иллирийским). Поскольку славяне, занимая Балканы, ассимилировали многие местные племена (в частности, франкские), какие-то сведения могут относиться к таким новообращенным или просто входящим в славянские и *антике* союзы племен. С X века появляются летописные данные и об организации управления у восточных славян. Это десятские, пятидесятские, сотские, тысяцкие, «лучшие люди», старейшины. На пиры Владимира в конце X века приглашались представители городского самоуправления, начиная с десятских.

Примерно та же система самоуправления предстает и на землях балтийских славян. Просматривается она и в волостях в Северной Руси по документам более позднего времени. Главный признак славянской системы организации — делегирование сн-

зу вверх. Бакунин верно уловил эту специфику славянского общежития, выстраивая на ее основе концепцию идеального общественного устройства, резко отличающегося от германского государства.

Собственно система иерархического построения управления сверху вниз, видимо, не германская, а иллиро-венетская. Не случайно, что прочнее всего она была как раз на территориях, ранее занятых этой ветвью племен. Но сами эти племена значительных государств не создали. Кровно-родственные общины готов, лангобардов, свевов, ругов и других племен вступили в борьбу друг с другом, претендуя на господство в выстраиваемой иерархии. В итоге же они расселялись по всей Европе и даже значительной части Африки и довольно скоро растворились среди местного населения или же были истреблены в ходе непрерывных войн главным образом друг с другом. Остатки же их в большинстве нанимались на службу удачливым королям и императорам.

Иерархичность заложена уже в большой кровно-родственной семье и обязательна в кровно-родственной общине. Здесь неравенство предполагается изначально: младшие члены семьи обязаны подчиняться старшим. Это, кстати, хорошо проиллюстрировано в «Повести временных лет» в рассказе о семье у полян. Она явно такого же типа, как и германские, и негерманские семьи, которые представлены в варварских правдах. (Ближе всего к обычаям полян оказываются правила, зафиксированные «Баварской правдой». Это заставляет полагать, что летописец называл полянами ту часть населения, которая во второй четверти X века – это фиксируется археологическими и некоторыми письменными материалами – переселилась из Подунавья на Средний Днепр.) В отличие от полян, младшие члены семей остальных славянских племен вполне самостоятельны во всех своих решениях. Если у полян брак покупной и заключается он родителями, то у остальных славян решают сами женихи и невесты во время «игрищ между селами» (тоже форма защиты от кровосмешательства).

У полян была моногамия. Моногамия была и у большинства иллиро-венетских племен. У германцев было и так, и этак, что опять-таки говорит о сложности их истоков. У славян было многоженство: по две–три жены. Этот обычай долго не могла преодолеть христианская церковь и на востоке, и у западных сла-

вян. На территории Киева археологи отмечают своеобразные гнезда из двух-четырех землянок. Видимо, это и есть примерная славянская семья той поры.

В кровно-родственной семье чувство «крови» прививается почти насильно и отчужденность больших семей (или малых общин типа лангобардской *фары*) друг от друга часто выливается и в прямую вражду, регулируемую обычаем кровной мести (пережитки ее есть во всех варварских правдах, а в некоторых районах бывшего Союза она возрождается уже на наших глазах). Со стороны в такую семью можно проникнуть в качестве раба, да и сами младшие члены семьи располагают немногим большими правами. В рамках территориальной общины и наличия многоженства родственные чувства слабее, а связи по горизонтали много прочнее. Территориальная община и является объяснением колоссальной способности славян ассимилировать другие народы (да и ассимилироваться самим). В современных болгарях фракийский компонент представлен в не меньшей мере, чем собственно славянский. Такая картина наблюдается по существу всюду, где расселялись славяне. Византийский автор Маврикий (или Псевдо-Маврикий) дает очень важное свидетельство такого плана: «Находящихся у них в плену они держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но ограничивая срок рабства определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси, или остаться у них на положении свободных и друзей». «Неисторичность» славян проявилась, в частности, в том, что завоевав в VI-VII веках большую часть Центральной Европы, славяне нигде не установили своего господства.

Современному человеку очень трудно понять одну особенность психологии территориальной общины: ее члены не имели личных имен. Во время распространения христианства в Европе многие народы не имели личных имен и поэтому крестить означало еще и «дать имя». У римлян было всего два десятка имен, и те заимствованные. Заимствованными были большинство германских имен (на это обращал внимание Иордан в VI веке), причем на германской почве они обычно переосмысливались (например, кельтское имя Ригсдаг – добрый король – превращалось в Регенстаг – дождливый день, а Горм, Гворм – знатный – в Ворм – червь). Не было у римлян и собственных женских имен (женщин называли либо по порядку рождения,

либо по мужу). У славян имена появляются лишь у князей (обычно это титулы – Владислав, Святополк, Владимир и т. д.), а затем у выделяющейся аристократии. Даже в XIII веке, когда христианство внедрялось у балтийских славян, целые села их принимали одно и то же имя (магдебургскому архиепископу пришлось обратиться со специальным посланием, запрещающим славянам принимать одно и то же имя Иван). Даже и в XIX веке в одной семье могло быть несколько Иванов (если их рождение попадало на дни соответствующего святого), а фамилии утвердились и вовсе недавно.

У племен с кровно-родственной общиной имена обычно были, в том числе и у женщин. Само имя в древности носило и определенную магическую нагрузку. И в этой связи мы сталкиваемся еще с одним любопытным и крайне важным в социально-психологическом плане явлением: разные типы общин сопровождают и разным верованиям.

Для древнего мира в целом и в особенности как раз для племен с кровно-родственной общиной характерен крайний фатализм. Судьба – одно из коренных понятий древних верований. Прокопий Кесарийский, рассказывая о верованиях славян, удивляется: «Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-нибудь силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшими в опасное положение, то они дают обещания, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избежав смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы».

Античный мир, как известно, знал два вида Судьбы: Фатум – неотвратимый рок, отменить которую не в силах и боги; и Фортуна – изменчивую судьбу, с которой можно и договориться. В славянском мировоззрении судьба жила лишь в последнем качестве, и от божества в конечном счете зависело, как пойдут далее события. У славян не было ни фатализма, ни астрологии, ни хиромантии.

Славянофилы, первыми нащупавшие некоторые специфические особенности славянской психологии, склонны были увязывать их с православием. На самом деле взаимосвязь здесь обратная. Ни в давнем, ни в недавнем прошлом христианство нигде не смогло до конца преодолеть психологию языческой поры и должно было так или иначе считаться с этим. По существу все

различия отдельных направлений в христианстве с влиянием языческого «субстрата».

Язычество вообще всюду держалось достаточно прочно потому, что оно, как правило, регулирует отношения человека с природой, его повседневный быт и хозяйственную деятельность. Христианство принимает на себя функцию регуляции социальных отношений. В оптимальном варианте они даже и не мешают друг другу, что в известной мере и проявилось в русском православии, по крайней мере, в некоторых его трактовках. Католичество резко разделило священников и мирян (причастие хлебом и вином или только хлебом), против чего славяне Чехии боролись несколько столетий. Провиденциализм здесь сродни языческому фатализму. У кальвинистов от человека вообще ничего не зависит: все ему предопределено от начала до конца – он лишь не знает свою судьбу. (В сущности христианство как стимул к нравственному совершенствованию в этом случае теряет смысл.) Византийское православие также имело ряд ответвлений, сближаясь и с мистическим Востоком, и провиденциалистским Западом. В русском же христианстве спасение, как правило, можно было заслужить праведной жизнью, добрыми делами, да и с Богом можно было общаться не только в храме и не только через священника.

Окончательный разрыв Восточной и Западной церквей в 1054 году имел внешне незначительный повод: употребление при причастии «опресноков» (пресного хлеба), или заварного. Первое было характерно для иудеев и усвоено католиками, второе – восточными странами. Первые упрекали оппонентов в «северианстве» – пренебрежении к Ветхому завету, вторые – в склонности к иудаизму. Отношение к Ветхому завету, действительно, было разным. Это проявилось, в частности, в знаменитом «Слове о законе и благодати» Илариона, являвшемся, видимо, своеобразной программой кандидата в митрополиты. И, действительно, в раннем летописании мы видим лишь одного летописца, проявлявшего заметное внимание к Ветхому завету, и этот летописец является «западником» по своим религиозным представлениям (включая признание фатума).

«Западническое» влияние восходит, видимо, к дунайским славянам или русам Ругиланда, где издавна существовали разные христианские общины, в том числе ирландские, ориентированные на «Закон». В ирландской христианской литературе

ссылки на Ветхий завет составляют до трех четвертей всех отсылок к Священному писанию. Летописец мог воспользоваться переводом Ветхого завета на славянский язык, осуществленным в IX веке Мефодием. Но перевод этот не сохранился и не получил распространения на Руси в силу именно негативного отношения к самому Ветхому завету.

Прагматическому Западу с его установкой на жесткую регламентацию и письменный Закон более соответствовал именно Ветхий завет. Славянская община с обычным правом более ориентировалась на Благодать с идеей равенства всех народов и всех сословий и акцентированием внимания на нравственных правилах общежития. Показательно, что русские монастыри вплоть до XVI века не имели письменных уставов, следуя преданию». В отличие от Руси в Византии Ветхий завет – «Закон» – пользовался гораздо большим почтением, а греческие переводы Библии ценились ирландскими общинами выше латинских (поэтому ирландских миссионеров в Европе часто называли «греками»). Но надо иметь в виду и то, что Византия была конгломератом языков и культур, причем славянский компонент преобладал не только на Балканах, но и в некоторых районах Малой Азии. Отсюда значительные различия в социальной психологии населения Империи.

Более или менее значительные различия изначально проявляются и в раннем русском христианстве (достаточно сказать, что в летописи сохранился арианский символ веры). Христианство шло с разных сторон и более всего с Дуная, из Великой Моравии, где долго соприкасались арианство, ирландская церковь, католичество (в римском и немецком вариантах), православие (с антиохийскими элементами). Но различия объяснялись и «субстратом»: «русское» христианство на Дунае отличалось и определенной спецификой, восходящей к русскому язычеству, которое было близко иллиро-венетскому. У русов долго сохранялся фатум, жертвоприношения вплоть до человеческих (чего славянство никогда не знало). «Слово о полку Игореве» – памятник именно русского язычества (фатализм, предпочтение смерти плену, дабы не стать рабом «в веке сем и будущем» и др.).

«Русское», однако, не сводимо к иллиро-венетскому. Возможно сказывалось уже славянское влияние (и на побережье Балтики, и на Дунае). Но отдельные черты ведут в иллиро-венетский (или индоарийский) мир. Балтийские рутены, по сооб-

щению спутников Оттона Бамбергского, крестившего в 20-е годы славян-поморян, «много рассказывали о своем происхождении». Правда, речь, видимо, шла о происхождении племени, русским летописям и родословцам не известен ни отец Рюрика (поздние средневековые генеалогии выводят его из рода ободритов), ни отец Олега, да и Игорю Рюрик придан в отцы явно в позднейшей легенде. Но сам принцип «законности» и «незаконности» династии пришел все-таки с русами.

О претенциозности ругов-русов говорят постоянно разные источники. Прокопий Кесарийский говорит об этом, комментируя эпизод, когда руги (роги) захватили власть над готами в Италии. Восточные авторы говорят о чем-то подобном в связи с появлением русов в Бардаа в 943 году (они претендовали на власть, обещая достойно править), да и варяжское сказание, занесенное в летопись, предполагает аналогичную ситуацию. Здесь надо только иметь в виду, что «варягами» на Руси называли всех балтийских славян, а не только ассимилированных вагринов (а в XI веке сюда включают и Скандинавию). И из того, что «суть люди новгородский от рода варяжска», как совершенно справедливо сообщает новгородский летописец, следует лишь то, что славянский элемент был преобладающим компонентом в числе пришельцев «находников» варягов.

С Русью вопрос обстоит сложнее. Во-первых, она на юге Руси, в Прикарпатье и в Подунавье намного раньше, а во-вторых, она меньше смешалась со славянами. Славянские племенные союзы IX века отличались внушительными размерами (превышающими большинство европейских стран). Это были государства, построенные снизу вверх. Но экономические потребности в ту пору еще не выходили за пределы волости, в крайнем случае, уезда (в понимании XIX века). Земли связывались более традицией, культовыми особенностями (поражает устойчивость, например, таких отличительных признаков, как височные привески). На юге постоянно существовала потребность в более основательном объединении перед лицом накатывавшихся с востока степных орд. На севере потребность в большем объединении стимулировалась более нарастающими внутренними противоречиями (в частности, межплеменными конфликтами разноэтнических племен). Так или иначе, к середине IX века государственность не была достроена «доверху». И сверху на нее легла сила внешняя, в разное время пришедшая из

Прибалтики, из Подунавья, возможно, и из Причерноморья и Прикарпатья.

Оценить этот факт весьма непросто. Дело в том, что лимит времени для строительства государства «снизу» был уже исчерпан во всех случаях. Угроза нарастала и с юга (хазары, степь), и с севера – кровожадные норманны. Русы, несомненно, защитили восточно-славянские, угрофинские и балтские племена и от того, и от другого (Прибалтика с IX века прочно входит в состав нового государства). Не вмешивались русы и во внутреннюю жизнь племен, ограничиваясь весьма скромной (по европейским масштабам – крайне скромной) данью. Огромные просторы и практическая недоступность многих территорий делали новую власть склонной к партнерству, а не подавлению покоренных народов. Это было, несомненно, самое гуманное общество в тогдашнем мире, и Валентин Иванов хорошо это почувствовал, сопоставляя Русь и с Востоком, и с Западом. Но это было общество, где Власть и Земля были разделены. Земля была представлена в основном славянами и ассимилированными ими племенами, а Власть принадлежала «роду Русскому», куда хотя путь и не был закрыт выходцам из иных племен, но где господствовали иные ценности.

В походах русских дружин «за зипунами» в X веке участвовали выходцы и из всех славянских племен. Расслоение ускорялось. Бывшие соплеменники появлялись в составе княжеских дружин в качестве сборщиков дани. Разумеется, шел и противоположный процесс, но раздвоенность систем ценностей сохранялась, и Земля с Властью не сливалась.

К XII веку наметился в целом перевес Земли. Всюду активизируется вече и институт посадничества, княжеская власть в большей или меньшей степени подчиняется Земле. Славянское начало стало превалировать и в менталитете (в частности, у женщин русичей исчезают языческие имена, а христианские в быту в домонгольское время не употреблялись, поэтому и появляются Ярославны, Святополчии и пр.). Русский феодализм никогда не знал многоступенчатой иерархии вассалитета и не достигал в домонгольский период того уровня эксплуатации крестьян, который просматривается в Западной Европе. Все это позволило Руси в XII веке не только догнать, но и обойти Западную Европу в ряде отраслей ремесла и искусства (на Руси вообще был выше процент городского населения и сами города крупнее). Но

разделенность Земли и Власти не исчезла, а после татаро-монгольского разорения она резко усугубится.

В немецкой литературе (в частности, Максом Вебером) была сформулирована «теория смены господ». Речь идет о неполноценных славянах, над которыми всегда стоит чья-то внешняя власть: варяги-германцы, византийцы, татаро-монголы, снова (с Петра) германцы. В 20-е годы два «господина» выглядят существенно иначе: варяги – в основном балтийские славяне, а русы – не германцы. Византийского господства вовсе не было, хотя митрополиты из Византии и были со времен Ярослава Мудрого. На внутреннюю жизнь Руси они почти не влияли, а «византийским наследством» на Руси стали интересоваться по-настоящему лишь со второй половины XV века, после падения Константинополя.

Татаро-монголы – фактор, наиболее негативно сказавшийся на истории Руси и психологии ее населения. Иго стоило потоков крови, деградации всех сфер жизни, многовекового ограбления и истребления наиболее активных элементов народа (в том числе и после освобождения от ига, в XVI–XVII веках из-за постоянных набегов). Именно татарское иго остановило процесс соединения Земли и Власти, придав ему противоположную направленность в силу отмеченных выше причин. Попытки связать Власть и Землю в середине XVI-го века и особенно в XVII веке, когда Власть страну развалила, а Земля ее вновь собрала («Народная монархия» Солоневича), оказались малоуспешными, в частности, и потому, что «верхи» по-прежнему смотрели «за море», третируя то, чем управляли, а радикальные проекты Земли, вроде Приговора 30 июня 1611 года, предусматривавшего избрание бояр Советом всей земли с правом отзыва, не получили должной поддержки и у самой Земли (из-за внутренних противоречий).

С Петра высшим эшелонem Власти, действительно, овладевают немцы. «Смена господ», действительно, происходит. Землю третируют, угнетают. Но она живет, и в ее рамках накапливается и энергия протеста, и жажда созидания. В XIX веке осознается, что специфика России – это община, коллективизм и связанная с ними духовность. Развитие капитализма (в том числе и в формах, названных в выше цитированном письме Энгельса) вызывает отрицательную реакцию у большей части народа. Революции начала XX века были неизбежными. И кардинальные факты этой эпохи – стремительный взлет кооперации

(к 1917 году Россия выходит на первое место в мире по этому показателю, включив в разные типы кооперации до 70 % населения). А также голосование за социалистические партии на выборах в Учредительное собрание осенью 1917 года почти 90 % избирателей (в том числе 58 % за эсеров и 25 % за большевиков). Разрушая помещичьи усадьбы (а с августа 1917-го по весну 1918 года они были разрушены почти все), крестьяне воссоздавали общину, куда во многих случаях загнали обратно и хуторян). Но восстановить сам принцип делегирования власти снизу доверху они не могли и потому, что самоуправление давно было низведено на самый низший уровень, и потому, что лозунг «грабь награбленное» не стимулирует желания выстроить государства доверху. И хотя Крестьянские съезды 1917 года были и авторитетной, и представительной силой, выражавшей интересы крестьянства, устойчивых своих организационных структур не создали ни крестьяне, ни рабочие.

Октябрь 1917 года был закономерным: он отражал разочарование трудовых слоев населения в деятельности и бездеятельности Временного правительства. Намечался и вполне жизнеспособный блок главных социалистических партий, имевших реальную опору в трудовых слоях населения – большевиков и эсеров (Крестьянские съезды поддержали в этом левых эсеров). Но великая историческая возможность была упущена потому, что сами партии строились сверху вниз, а не снизу вверх. В результате практически во всех партиях (у эсеров в том числе) во главе оказались лица вновь далеко отстоящие от России. Временное правительство, как известно, целиком состояло из масонов. Масонами были и кадеты, и меньшевики, и эсеры. Масоны оказались и во главе кооперативного движения. Если бы Ленин сказал вместо «пролетариат борется, а буржуазия крадется к власти» «масоны крадутся к власти» – было бы все абсолютно точно. Но масоны были и в большевистском руководстве, а многие из тех, кто настаивал на законодательном запрещении масонства и сионизма, также руководствовались не интересами России, да и пролетариата тоже.

Следует подчеркнуть, что революция в 1923 году шла снизу, причем, несмотря на сопровождавшую ее эксцессы, именно Земля восстала против Власти. Надо иметь в виду также, что лишь большевики отозвались на требования масс (по любви или по расчету – это вопрос другой). Это обстоятельство отмечали и не-

которые зарубежные историки. (См., например, весьма объективную книгу американского историка А. Рабиновича «Большевики приходят к власти», изданную в Нью-Йорке и Лондоне в 1976 г. и переведенную у нас в 1989-м). «Советы» также были рождены творчеством масс, и в них по существу восстанавливалась традиционная славянская форма самоуправления, строящаяся снизу вверх. Однако, достроить ее доверху снова не удалось. Гражданская война, межнациональные конфликты, иностранная интервенция неотвратимо вели к диктатуре, либо правой, либо левой. А диктатура также неотвратимо ведет к обособлению Власти от общества. Вполне закономерно также, что оторванная от Земли Власть укрепляет себя инородными элементами. В воспоминаниях К. Симонова как-то промелькнула такая веселая юмореска: в 1927 году появилась карикатура, на которой по берегам речки стояли с одной стороны Троцкий, Зиновьев и Каменев, а с другой – Сталин, Орджоникидзе и Енукидзе. Подпись под карикатурой гласила: «И заспорили славяне, кому править на Руси».

Лозунги социальной справедливости, однако, по инерции действовали и вдохновляли широкие трудовые слои. Великая Отечественная война, несмотря на огромные потери, способствовала укреплению Земли и выдвиганию ее представителей во властные структуры. Вновь наметилась возможность полного соединения Земли и Власти. «Перестройке» было назначено остановить этот процесс.

Сейчас новые господа намерены окончательно подавить Землю, изменить саму психологию народа. Много в этом направлении уже сделано. Положение напоминает худшие времена иноземных оккупаций и в чем-то превосходит их. Ведь никогда в истории России не было, чтобы страна вымирала в условиях мирного времени. А говорит этот факт, между прочим, и о том, что изменить характер народа труднее, чем уничтожить его... Это следовало бы осознать тем, кто искренне желает возрождения России. Среди многочисленных преступлений нынешнего режима на первом месте стоит не ограбление народа, даже не его физическое уничтожение, а попытка лишить людей веками наработанных духовных ценностей, превратить их в скотоподобные существа. И наказания ныне заслуживают не только те, кто способствует новоявленным квислингам, но и те, кто все понимая, уклоняется от борьбы с преступным кланом.

ЧЕМ ДЕРЖАЛОСЬ ЕДИНСТВО РОССИИ?*

В известном письме Энгельса Марксу от 23 мая 1851 года, где сопоставляются исторические роли России и Польши, есть такой пассаж: «Поляки никогда не умели ассимилировать чужеродные элементы. Немцы в городах остались и остаются немцами. Между тем каждый русский немец во втором поколении является живым примером того, как Россия умеет русифицировать немцев и евреев. Даже у евреев вырастают там славянские скулы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 241). Указав на этот весьма важный для понимания национального характера факт, Энгельс никак его не объяснял и не комментировал. Между тем, речь идет о явлении едва ли не уникальном.

А задумываться над подобными фактами приходится обычно эмигрантам. Это тоже достаточно хорошо известно. Подавляющее большинство русских эмигрантов и вообще эмигрантов из России всюду испытывают ностальгию по оставленной Родине, даже если на новом месте чисто материально чувствуют себя благополучными. Карамзин в конце XVIII века, Герцен в середине XIX-го, Александр Зиновьев совсем недавно выразили по существу одинаковые чувства: вроде бы притягательная и благополучная «заграница» вблизи оказывается совсем не такой, как на расстоянии, а домашние неудобства вдруг одеваются романтическим покроем.

Что же и на Западе, и на Востоке создает явный дискомфорт для искателей «свободы» и правовых гарантий? Мне постоянно вспоминаются беседы с американским стажером в общежитии МГУ в начале 60-х, когда начались сбалансированные обмены специалистами и разведчиками. Американец с недоумением говорил о восторженных тирадах Керенского в адрес Ленина и России вообще, а Волги в особенности, об учительнице русского языка еврейке из Одессы, просившей привезти щепотку русской земли, о немце из немцев Поволжья, плакавшем, что он не может вернуться в Россию. «Моя родина там, где мой бизнес», — заключал он. Более же всего его удивляли каждодневно повто-

* Опубликовано в «Литературной России», 8.04.1994. Варианты – в «Изм», 1997, № 3 и «Континет – Россия», 1997, № 8.

ряющиеся «собрания» в гостиной, этак, с 4-х пополудни и за полночь, обычно с самым горячим обсуждением чего-либо беспроblemного, либо вовсе непродуманного. «Нас здесь шестеро и за год ни у кого не появилось желания заглянуть к другому в гости». Здесь и заложено самое главное: непонятная ни на Западе, ни на Востоке жажда общения, общение – как самоценность и более того – как высшая ценность. Много можно сказать ехидных слов по поводу российской интеллигенции, которая и в XIX-м, и XX-м веках много говорила и мало делала. А если уж говорить о специфике, то надо бы было объяснить, почему интеллигенция, самым характером труда обреченная на индивидуализм, собирается, оправдывается друг перед другом за свою бездеятельность, вообще собирается. Как правило – ругает власть, и в большинстве случаев дальше не идет.

А зачем же собирается и почему перед кем-то оправдывается? Сохраняется вроде бы утраченное условиями труда чувство ответственности перед кем-то и чем-то. И на прямой вопрос: перед кем и перед чем – большинство наверняка не ответит. Очевидно, чувство давно ушло на подсознательный уровень, осознать который не просто, но важно. Итак – почему общение как самоценность? Естественно, что этого не понять, не обратившись к истории, именно к истории общежития.

Со школьной скамьи всем памятна социологическая схема: от первобытно-общинного, родоплеменного как высшей его стадии строя к территориальной, соседской общине и соответственно к государству как высшей форме территориальной организации. А действительный исторический процесс был много сложнее и разные формы общежития сосуществовали на протяжении тысячелетий. Лес и Степь, Горы и Моря предполагали разные формы хозяйствования и соответственно организации общества. Соответственно и социальная психология различалась порой до полной несовместимости, следы чего и поныне проявляются в межэтнических конфликтах.

Прежде всего надо иметь в виду, что общины кровно-родственная и территориальная – вовсе не этапы «большого пути». Это и в прошлом, и доныне сосуществующие формы, часто противоборствующие. У кочевых народов обычно преобладает кровно-родственная община с резко выраженной внутренней иерархией и решительным преобладанием мужского начала над женским. У оседлых земледельцев чаще всего складывает-

ся территориальная община, в рамках которой дольше удерживается идея равенства и в семье, и в общине в целом.

С точки зрения взаимодействия и противостояния разного типа общин история вообще и история Европы, в частности, практически не рассматривались. Между тем, можно достаточно уверенно говорить о наличии в Европе с глубокой древности обоего вида общин, с преобладанием либо одной, либо другой тенденции. Достаточно вспомнить знаменитую борьбу «патрициев» и «плебеев» в Риме, в результате которой общественное начало на какое-то время победило и обеспечило Риму решающий перевес по сравнению с большинством соседей.

Эпоха «Великого переселения народов», датируемая обычно IV–VI веками, но начавшаяся значительно раньше (движение племен с востока и с севера), дает большой материал и для выяснения еще одной актуальной проблемы: как и почему погибают народы. Высокие в материальном положении культуры, существовавшие по периферии Римской империи (вроде черняховской культуры Северного Причерноморья), сгорают в междоусобной борьбе. Общим для всех них знаменателем было предпочтение грабежа соседей (в данном случае одряхлевшей Римской империи) совсем еще недавно весьма производительному труду. Целые племена исчезли с этнической карты Европы на протяжении двух–трех поколений. И инициировали это ускоренное самоистребление племена с ярко выраженным приоритетом кровно-родственного начала.

Хороший иллюстративный материал по взаимоистреблению и самоистреблению дает история готов, довольно обстоятельно представленная письменными источниками. Принцип иерархии обязательно провоцирует борьбу за власть и господство. Борьба родов Амалов и Балтов за гегемонию привела сначала к распаду готов на две большие группы, а впоследствии к «разбеганию» родов друг от друга и их полному растворению в иноязычной среде. Примерно такой же была судьба и большинства других диких племен, громко заявивших о себе в IV–VI веках и отчасти в более позднее время (например, лангобарды). А возвышаются с VI века племена, о которых незадолго до этого вроде бы ничего не было слышно: франки и славяне.

Где же они были ранее? Франки примерно там же, где застает их бурный подъем VI столетия, а славяне в VI веке достигают Балтийского и Северного морей, Средиземноморья, заселяют ог-

ромные пространства от запада Европы до Кавказа и этот своеобразный биологическо-демографический взрыв шел явно с той территории, где только что истребляли друг друга во взаимных усобицах племена, жаждавшие власти и нетрудового богатства.

Как они могли не только уцелеть в самом пекле почти непрерывного двухвекового разбоя, но и поглотить остатки многих некогда громкославных племен? Наверное откупались данью, но сами в усобицах не участвовали, занимаясь не слишком производительным трудом, достаточным однако для обеспечения демографического взрыва. И практически всюду проявляется одна характерная черта: ассимилируясь в отдельных местах, они в большинстве случаев ассимилируют численно превосходящее население.

За счет чего все это достигалось? Очевидно за счет устойчивости общественной организации на, так сказать, производственном уровне. А такую устойчивость и обеспечивала территориальная община. Она просматривается у славян практически на всю глубину, на которую археологически можно рассмотреть самих славян, а антропологически они оказываются соединением северных и южных компонентов (где-то в Подунавье) примерно с рубежа III–II тысячелетий до нашей эры.

Примечательно, что у племен с кровно-родственной общиной обязательно присутствует своеобразный культ генеалогии – как племени в целом, так и отдельных родов в частности. В территориальных общинах генеалогиям не придают особого значения. Более того, у славян, как и у ряда других народов (в том числе римлян), долго не было личных имен, которые в древности носили бы магический характер. Соответственно и сами религиозные культы были и значительно проще и приземленней, нежели у племен с кровно-родственными общинами. Кстати, по характеру культов можно порой представить достаточно глубокие истоки многих письменно засвидетельствованных племен. Скажем культ коня у балтийских славян ведет, во-первых, к ассимилированному ими местному населению, а те, в свою очередь, предполагают глубинную историческую связь со степью, где конь играл первостепенную роль и в хозяйстве, и в кочевых перемещениях, и в военном деле.

В «Повести временных лет» имеется исключительно важный и насыщенный очерк-сравнение обычаев полян и других славянских племен. Поляне, обычаи которых летописцу-киевлянину

представляются самыми разумными, объединены в кровно-родственные общины и большие семьи, где младшие члены семьи целиком подчинены старшим. У них сохраняется покупной брак и что-то вроде германского «моргенгабе» – утреннего дара молодого супруга новобрачной после первой брачной ночи. Варварские «правды» Подунавья (готская, баварская, лангобардская) вполне разъясняют суть и содержание обычаев полян, подтверждая справедливость рассуждений летописца о выходе полян-руси с Дуная: в VI веке (культура «пальчатых фибул») и в середине X-го (могильники с трупоположениями моравского типа). У славян же практически отсутствует и внутрисемейная и общинная иерархия, молодые сами решают свои проблемы, а «игрища между селами» предполагают и экзогамию и территориальную общину как орган более значимый, нежели непосредственные родственные отношения.

Летописный рассказ о борьбе полян и древлян в середине X века при всей его легендарности также несет определенную информацию о разных принципах общественно-политических организаций. При этом киевский летописец, вроде бы увлеченный чисто военной стороной дела, по существу показывает капитальные преимущества древлян: здесь активно задействованы в политической жизни «лучшие люди» (как правило избираемые «землей»), и «князи их добри суть, распасли суть Деревскую землю».

В VI веке, когда славяне буквально затопили Балканский полуостров, за короткое время ассимилировав численно преобладавшие фракийские общины и устремляясь в собственно византийские земли, византийские авторы обратили внимание на ряд поразивших их особенностей странных завоевателей. Во-первых, греки не могли понять, каким образом «живущие в демократии», вроде бы лишённые иерархических структур славяне одерживают победы над регулярными византийскими легионами. Во-вторых, их отношение к военнопленным. По закону войны рабовладельческой эпохи пленный – раб. (Нынешняя Чечня дает примерное представление, как это в те времена выглядело.) Славяне же предлагали пленным либо выкупиться, либо остаться в общине на положении равноправных членов. И наконец, славяне не обкладывали никого данью, не устанавливали своего господства. Более того, занимая территории Византийской империи, легко соглашались платить дань императорам. Энгельс имел в виду примерно эту специфику, когда говорил,

что варвары омолодили дряхлеющий мир. Надо было только оговорить, что в VI веке это были славяне.

Свойственные кровно-родственным общинам культ генеалогий и иерархичность по своему трансформируются в Империях, возникших на развалинах Римской-Франкской и Византийской. Иерархия в Империях как бы отрывается от кровнородственного начала, роды «знатные» и «незнатные» вместе с их генеалогиями выстраиваются в иерархию независимо от действительной этнической природы, а в «Священной Римской империи» латинский язык («кухонная латынь») долго успешно конкурировал с германскими языками и мог победить, как он победил в самой Италии, Галии и на других европейских территориях.

Естественно, что в границах Империй славяне в массе остались внизу социальной лестницы. Но и на Дунае, и на Эльбе, и на Балтике они несколько столетий вели борьбу за самосохранение в этнокультурном, религиозном и хозяйственном планах. Балтийские славяне почти четыре века выдерживали натиск франков и саксов, а язык свой сохраняют до конца XVIII столетия. Естественно и то, что вооруженная борьба побуждала усваивать кое-что и из структурных организаций (скажем, постоянные боевые дружины) противника. Но у тех же балтийских славян неславянское начало всегда было значительно, поскольку в VI-IX веках славяне на Балтике поглотили достаточно многочисленные остатки иллиро-венетских и отчасти кельтских племен.

На территориях, оставшихся за пределами Империй, внешнее влияние сказывалось в гораздо меньшей степени, и исконные традиции удерживались веками в почти неизменном виде. Наиболее наглядно это проявилось именно на территории Восточно-Европейской равнины. Здесь, конечно, тоже происходили вооруженные столкновения с иноязычными племенами – прежде всего кочевыми, накатывавшимися периодически с востока. Но продвижение самих славян на восток шло путем ассимиляции соседей. Это касалось прежде всего балтских и угро-финских племен, но касалось и отдельных групп иранцев, рассеянных на обширных территориях от лесостепи до Причерноморья и Каспия. Так, Причерноморская Русь (Восточный Крым и Таманский полуостров) практически не имеют славянского населения как с точки зрения антропологии, так и археологии. А к середине X века византийцы уже не отделяют этих русов от поднепровских, и они говорят теперь на одном – именно славянском – языке.

К IX веку в Восточной Европе складывается ряд крупных племенных образований славян, отличавшихся значительной внутренней устойчивостью и более или менее единообразной структурой управления, выстраивавшейся снизу вверх. Движение с запада на восток шло в основном по двум традиционным путям: с Балтики Волго-Балтийским путем, с Дуная – Дунайско-Днепровским. Два эти пути долго не пересекались, а денежные системы так и не слились вплоть до татаро-монгольского нашествия. Культура северного ареала была близкой одновременно с южного берега Балтики (это проявлялось, в частности, в характере жилищ и планировки поселений), на юге также долго удерживался особый тип жилищ, свойственный территориям бедных лесом.

Социальная дифференциация проникает, естественно, и в восточную Европу и наиболее заметно она проявлялась в тех районах, где ассимилировались племена так или иначе сохранявшие кровно-родственную общину. Как было сказано, к их числу относится и область племен полян и многие пограничные территории. Тем не менее в большинстве княжеств-земель и в городах, и в селах сохраняются похожие системы традиционного самоуправления. Можно отметить совершенно несвойственную в это время Западной Европе черту: мирный в целом характер сосуществования и внутри племен, и между племенами. Обычно удивляют и размеры этих земель-княжений. Чем поддерживалось политическое и культурное единство? Явно не общими экономическими интересами (хотя какую-то роль и они играли). А культурные особенности часто нарочито подчеркивались (скажем, в типе височных подвесок).

На достаточно мирный характер общежития указывает и принципиально значимый факт: сельские поселения не укреплялись, и даже в городах в центре укреплялся «детинец», а посады, занимавшие куда большую территорию, оставались неукрепленными. Каменных же замков, которыми на Западе феодалы защищали себя от подданных, на Руси не будет и позднее. И даже внешняя угроза не всегда подталкивала к принятию мер предосторожности.

Некоторое представление о характере общежития внутри славянских племен, пожалуй, может дать зарубинецкая культура, существовавшая за тысячу лет до сложения здесь государства (II в. до н. э. – II в. н. э.). Культура возникала в условиях, ког-

да степь заполнили сарматы, и славяне оттеснялись на север. И вот по южным границам культуры (довольно точно ее обрамляя) создаются протянувшиеся на сотни километров защитные цепи валов («Змиевы» или «Трояновы» валы), которые позднее будут защищать и от половецкой конницы. На территории же самой зарубинецкой культуры укрепленных поселений практически нет. И, конечно, требовалась структура, которая могла бы объединить равных по своему положению людей для свершения столь многотрудного дела. (Пала же культура под ударами с противоположной стороны – с северо-запада, где никаких укреплений не было.)

Трудно сказать, как бы шло далее развитие славянских племен, если бы в IX веке по Волго-Балтийскому пути сначала на восток, а затем и на юг не устремились варяги и русы. Варяги – это в узком смысле племя варинов, а в широком – балтийские славяне и позднее также скандинавы. «От рода варяжска» вели себя новгородцы и судя по материальной культуре Новгорода, а также по характеру городского самоуправления – это были именно балтийские славяне. К IX веку были славянизированы и варины, но они еще сохраняли какие-то свои традиции в верованиях и обычаях, записанных в специальном правовом документе, видимо, в конце VIII столетия. Русы в одних случаях отождествляются с варягами, в других – это явно иное племя. Сложность в данном случае заключается в том, что в одной Прибалтике было несколько «Русий», а в Европе в целом более десятка, и восходили они к разным истокам. Для Восточной Европы наиболее значимы были русы-руни, шедшие на восток и балтийским путем, и с Дуная (Ругиланд). Определенное влияние на балтийских русов оказали, видимо, и кельтские «рутены», жившие на побережье Ламанша и на реке Роне. А помимо этих двух ветвей существовала еще русь аланская, ветвь которой тоже была на Балтике, и которая участвовала в движении на юг по пути «из варяг в греки».

Все эти неславянские выходцы с Балтики в конце IX века, когда Олег занял Киев и объявил его «матерью городов русских», говорили по-славянски. На славянском языке были записаны противни греческого оригинала договоров Руси с греками. Но имена послов и купцов дают смесь имен из разных языков (в основном восходящих еще к эпохе Великого переселения) – иллиро-венетские, кельтские, фризские, иранские. Последних

много в договоре Игоря, и они там переплетаются с именами эстонскими, причем «чудские» имена в основном увязаны с княжеским родом (в котором теперь являются Святослав, Володислав, Предслава – имена-титутлы, права на которые рядовые труженики не имели). Договоры проясняют, откуда именно пришли Олег и Игорь: это западные области нынешней Эстонии – провинции Роталия и Вик и лежащий против них остров Сааремаа. Русь (причем аланскую) знал Адам Бременский, о ней много писал Саксон Грамматик, упоминается она и в шведских источниках. Но она остается пока совершенно неисследованной. Можно предполагать, что и балтийские славяне были здесь представлены значительными группами. Во всяком случае остров Сааремаа поддерживал тесные связи и выступал обычно в союзе с Псковом и Новгородом на протяжении почти пяти веков. Но переход на славянскую речь автоматически славянами не делал: «русь» и в самом Киеве держится особняком от местного славянского населения. Лишь при Владимире в гриднице князя будут пировать «старцы градские», сотские и десятские – исконное городское самоуправление.

Оценка самого факта объединения славянских и неславянских племен в рамках единого государства, совершенное силой так или иначе внешней, сложна и неоднозначна. Все-таки освободились от хазарской дани, заняли прочные позиции по отношению практически ко всем крупным соседним государствам и смогли противостоять непредсказуемой Степи. Но Земля и Власть на Руси никогда не составляли гармонии. Это проявлялось и в неуважении к ретивым сообщникам, которые стремились служением Власти «выбиться в люди» и ко всяким княжеским слугам (позднее к чиновникам), и вообще к писанным законам, идущим от Власти. В то же время обычное право, идущее от Земли, регламентировало жизнь крестьянина-общинника или посадского человека до мелочей.

Борьба Земли и Власти в XI–XII веках шла с переменным успехом, но в целом с перевесом Земли, большим или меньшим ограничением княжеской власти городским самоуправлением. Сама раздробленность в эти годы на Руси шла несколько иным путем, нежели в Европе. Там земли растаскивали феодалы, здесь шло перераспределение власти в пользу самоуправления. И в экономическом плане эта тенденция давала положительный эффект. Положительным в экономическом плане было и то, что

прекратились дальние походы «за зипунами» – чем увлекалась пришедшая власть, а дружины князей сократились во много раз. В отношениях с Западом это было вообще безопасно. А с Востока нагрянула орда, противостоять которой в то время в одиночку не могла ни одна держава ни на Востоке, ни на Западе.

Когда читаешь разную «евразийскую» дребедень о благотворности для Руси монгольского завоевания и Ордынского ига, обычно не понимаешь, где элементарное невежество, а где русофобский цинизм. Нашествие на всем пути с востока на запад вело к уничтожению целых народов. Почти полностью были истреблены половцы, во много раз сократилось население Волжской Болгарии, в несколько раз сократилось и население Руси (Домонгольская численность его будет достигнута лишь к концу XVII века.) Практически полностью был разрушен Киев – один из крупнейших городов тогдашней Европы, а останки убитых некому было убирать даже и шесть лет спустя после нашествия. Практически все Среднее Поднепровье запустело. И дань, возложенная на оставшихся в живых, была такой, что, скажем, крестьянин начала нашего века выплатить бы ее не смог. И конечно, основательно была деформирована психология и Земли, и Власти. Лишь во второй половине XIV века начинается возрождение, основой которого станет снова община: крестьянская община, возрождающаяся в традиционном виде, и общежительные монастыри, также возрождавшие померкшее было чувство коллективизма и взаимоподдержки.

Перераспределение властных полномочий от Земли к Власти стало практически неизбежным: других путей освободиться от ига не было. Власть же, если ее ничего не сдерживает, неизбежно ставит собственные корыстные интересы выше блага своих подданных. В XIV–XV веках было вроде бы убедительное обоснование: освобождение придет лишь с объединением земель вокруг сильной великокняжеской власти. В XVI–XVII столетиях на первом месте по-прежнему задачи внешнеполитические: в основном воссоединение вокруг Москвы прежних русских земель. А Землю во имя теперь уже имперских задач закрепощают. И когда бездарные правители буквально разорили центр России и спровоцировали внешнюю (на сей раз польско-шведскую) интервенцию, спасти страну снова пришлось Земле.

Сама тенденция гармонического взаимодействия Земли и Власти существовала с конца XV века, когда было в основном

завершено объединение русских земель вокруг Москвы и пало татарское иго. Были и отдельные государственные деятели, создававшие и так или иначе пытавшиеся ограничить аппетиты чиновников разраставшегося аппарата Власти. Наиболее примечательным проявлением этой тенденции были реформы середины XVI столетия, проводимые фактически управлявшими в то время страной Адашевым и Сильвестром. Но реформаторам удалось продержаться всего десяток лет, после чего торжествует – в самой свирепой форме – тенденция подавления. В годы же Смуты идеологи Земли закономерно возвращаются к идеям реформаторов середины ушедшего века и идут в ряде случаев дальше. «Приговор» 30 июня 1611 года, принятый по инициативе Прокопия Ляпунова 1-м ополчением, провозглашал своеобразную «Советскую» власть. Бояре должны были избираться «Советом всей земли» и могли быть отозваны, если не справлялись со своими обязанностями. «Ссылки» между городами стали формой взаимодействия разных земель в рамках этого «Совета». Но с распадом ополчения (из-за серьезных противоречий между дворянами и казачеством) тенденция к взаимодействию ослабевает, и 2-е ополчение собирается уже под несколько иными лозунгами (оно, в частности, вообще отказывается от какого-либо сотрудничества с казачьими отрядами).

В реформах середины XVI века значение придавалось практике созыва Земских соборов. Правда, созывали их сверху и, как правило, приглашали представителей тех сословий и городов, от которых Центр хотел получить поддержку. Подъем самосознания Земли в годы Смуты и Земским соборам предназначает значительно бóльшую роль. «Валаамская беседа» предполагает постоянное участие избранных членов Собора (поочередно) в непосредственном управлении страны вместе с царем, власть которого соответственно ограничивалась. Примерно эти рекомендации и попытались реально воплотить в жизнь ополченцы – освободители Москвы, и близко к этому идеалу подходил в 1613 году Собор, на котором избирался новый царь. На Соборе были представлены практически все сословия, кроме крепостных и холопов, а Михаилу были предписаны какие-то ограничительные условия, о которых говорят разные источники, но которые, к сожалению, до нас не дошли. Монархи всегда стремились к абсолютизму и, естественно, подобные документы уничтожали. А своеобразный переворот 1622 года по существу свел на нет

роль Соборов, немало сделавших перед этим для освобождения страны от польских и шведских интервентов.

Крепостное право побуждало крестьян бежать на окраины, в Сибирь, куда-нибудь подальше от Власти. И практически всюду беглые восстанавливают общинное управление. Частным случаем такого самоуправления может рассматриваться казачий круг и казачье войско. Но именно потому, что это было войско, и потому, что оно было самой боевой силой в народных восстаниях XVII–XVIII веков, Власть старалась подкупить войсковых старейшин (в чем позднее в какой-то мере и преуспела).

В XVIII веке была одна серьезная попытка поднять роль Земли и сословий: это выступление «верховников» в 1730 году. Тогда появилось сразу несколько проектов расширения прав сословий и ограничения царской власти. Татищев под разными предлогами и в разных маскировочных формах направлял властям подобные проекты вплоть до своей кончины в 1750 году. Но власти лишь раздражались такой настойчивостью и держали борца за благо отечества подальше от столиц, фактически в ссылках. И не случайно, что главный политико-философский труд Татищева – «Разговор о пользе наук и училищ» увидел свет лишь в 1887 году (и то лишь благодаря юбилею – двухсотлетию со дня рождения).

XIX век знаменовал, с одной стороны, усиление бюрократизации Власти, с другой – ослабление Земли в связи с развитием буржуазных отношений с их неизбежным индивидуализмом и эгоизмом. Вокруг крестьянской общины, все еще объединявшей большую часть населения страны, начинается борьба сначала славянофилов и западников, а затем народников и марксистов западного типа. Речь шла о плюсах и минусах двух различных систем: российской и западной, а также о попытках прогнозирования – что может дать России переход от соборно-коллективистского отношения к действительности к индивидуалистическому. Споры эти так или иначе затрагивали и правящие верхи, которые должны были считаться хотя бы с тем, что выгоднее им самим (обычно это маскируется демагогией о государственном интересе или общественном спокойствии). В начале нашего века за сохранение общины как основы порядка стоял Плеве, за разрушение ее – Витте. Идеи последнего затем и попытался воплотить Столыпин.

Столыпиним у нас ныне восхищаются и правые, и левые, и демократы, и патриоты. И те, кому нужны «великие потрясе-

ния», и те, для кого нужна «Великая Россия». Столыпин надеялся разрушением общины ослабить крестьянство, которое в силу недостатка земли уже в революцию 1905–1907 годов показало себя готовым привнести «великие потрясения». В итоге же он как раз эти потрясения и спровоцировал. 1917 год это показал. За осень–зиму 1917–1918 годов крестьяне разрушили чуть ли не все помещичьи усадьбы, загоняя назад в общину и хуторян. И ни Временное правительство, ни большевики не в состоянии были это предотвратить. А в 20-е годы крестьянская община достигает, может быть, высшей точки своего развития. И поскольку гнет на нее сверху был заметно ослаблен, она в ряде мест и сильнее, и созидательнее советов. По-настоящему ее подорвет лишь коллективизация. Подорвет тем, что проводилась она сверху как раз путем подавления общинного самоуправления.

В последнее время у нас много пишут и о кооперации. Поражает стремительный взлет ее за какие-то два десятилетия до Октября. А взлет этот тоже реакция на разложение и разрушение общины.

Нынешние разрушители и квислинги понимают (или им подсказали), что разрушить Россию нельзя, пока не искоренено коллективистское сознание большей части ее народа. Поэтому в 1989-м «демократами» и был брошен клич-призыв поставить во главу угла «суверенитет личности». К чему это привело теперь в состоянии увидеть каждый. Но ведь это все легко было предвидеть. А наши партийные и патриотические издания материалы-прогнозы не принимали по не вполне ясным причинам. Некомпетентность? Безволие? Или нечто худшее?

ПОЧЕМУ В РОССИИ НЕ УВАЖАЮТ ЗАКОНЫ*

Беспрецедентное беззаконие наших дней оказалось неожиданным для многих, в особенности как раз для тех, кто искренне верил, что мы идем к «правовому государству». А произошло то, что уже не раз происходило, хотя, может быть, и не в таком

* Сокращ. вариант опубликован в газете «Аль-Кодс», 1994, № 29. Основное звено концепции изложено в статье «Истоки древнерусского права» в журнале «Советское государство и право», 1985, № 2.

трагическом размере: попытки переделать Россию на «европейский» лад неотвратимо приводили к разрухе и крови, и лишь естественный – без насилия властей – возврат к традиционным формам позволял преодолевать кризис.

К сожалению, «европеисты» никогда не стремились понять глубинную специфику истории как собственной страны, так и идеализируемой Западной Европы. В XVIII–XIX веках на нее смотрели с точки зрения германоцентризма, в XX столетии подгоняли под «общие закономерности», полагая свойственную каждому народу специфику чуть ли не врожденным пороком. Со спецификой боролись и цари и генеральные секретари, а в относительно краткие периоды, когда в результате некоторого единения Власти и Народа наблюдался более или менее заметный экономический и духовный подъем, как бы выпадали из поля зрения. И это при том, что практически все добровольные или вынужденные эмигранты XIX–XX веков чувствовали мучительное неудобство на «цивилизованном» Западе.

Почему в Европе законы уважают, а в России нет? Уже таким разным людям, как Михаил Бакунин и Лев Толстой было ясно, что дело ни в коем случае не в уровне «цивилизованности», а экономическое отставание России от Европы легко объясняется трехвековым разорением и ограблением ее татаро-монголами. Оба упомянутых и многие другие мыслители XIX века видели и такие достоинства у «отсталых», которые не просматривались в современной им Европе, которая то ли утратила их, то ли еще не подошла к ним. Толстой задержал внимание на примечательном факте: законопослушная Европа беспрекословно выполняет указания оккупационных властей, а русские беззаконники, никого не спрашивая и ни с кем не советуясь, начинают партизанскую войну – войну «не по правилам» – с вторгшейся в Россию армией Наполеона. В середине XX века картина повториться и здесь, и там. Значит, стоит за этим нечто весьма устойчивое. Это нечто в первую очередь и должно быть выявлено.

Наблюдения над историей всех стран и континентов показывают, что менталитет народов складывается веками и тысячелетиями как своеобразное (чаще всего неосознанное) подчинение определенным формам общежития. Издревле известны две главные формы общины: кровно-родственная и территориальная. Их чаще всего рассматривают в хронологической последовательности: первая – в качестве элементарного звена племени, вто-

рая – государства. На самом деле они существуют и в догосударственный, и в государственный период. Сосуществуют они и до сих пор. Исторически кровно-родственная община чаще связана с кочевыми племенами – скотоводами, территориальная – с оседлыми земледельцами. В кровно-родственной общине иерархия присутствует изначально: у разных поколений разные права. Со стороны в нее можно попасть лишь в качестве «побратима» или чаще – зависимого человека, раба.

Территориальные общины обычно держаться принципа равенства и внутри ее и в отношении к другим племенам и народам. Они выстраиваются снизу вверх, путем делегирования, вплоть до высшей власти. Они открыты и для иноплеменников, которых принимают как равных. Они легко ассимилируют и ассимилируются в иноязычной среде (прежде всего в рамках также территориальных общин). У них нет культа генеалогий и аристократических притязаний. Территориальная община и будет тем главным, что определит специфику славянского менталитета на полторы тысячи лет после их бурного расселения чуть ли не по всей Европе в конце V–VII веков. Можно отметить и другое: утрата специфического славянского менталитета обычно связана с нарушением территориальной общины. В свою очередь многие древние народы или их остатки растворились в славянских территориальных общинах: фракийцы, иллирийцы, венеты. Последние настолько, что в позднейшей традиции их и знали как ветвь славян, хотя таковой они изначально не были. Именно с характером славянской общины связана та специфически «русская» особенность ассимилировать любые народы, на которую обратил внимание Энгельс (письмо Марксу от 23 мая 1851 года), не пытаясь впрочем, как-либо ее осмыслить.

Принцип равенства, связывающий территориальную общину, предопределяет специфическое отношение к частной собственности: она на протяжении веков остается подчиненной более важной коллективной, она лишь в тех сферах, которые не затрагивают интересы общины в целом.

Устойчивость общины у славян сохранялась именно потому, что неизбежные ограничения притязаний личности с лихвой компенсировались преимуществами как в хозяйственной, так и в культурно-духовной сфере. И именно община являлась наиболее действенной защитой перед лицом угрозы как со стороны природных, так и инородных, иноплеменных сил.

Название «Русь» в Европе встречается более чем в десятке областей. В одной Прибалтике оно встречается в нескольких местах по южному и восточному побережью и на островах. В течение тысячелетия существовала «Руссия» на Дунае (на территории нынешних Австрии, Венгрии и Югославии). Две «Руси» вплоть до 1920 года сохранялись в Тюрингии на землях лужицких сербов. Доныне «русины» населяют долины Карпат (решительно отличая себя и от украинцев, и от словаков). Еще в конце XIV века московский митрополит Киприан (болгарин по рождению) претендовал на присоединение к русской митрополии «русских» городов в низовьях Дуная и на побережье Черного моря. И так далее. В большинстве случаев оказывается, что эти «руси» потомки одного племени, принявшие участие в Великом переселении и называвшиеся в латиноязычных источниках «ругами», «рогами», «розомонами» (росомонами).

У русов община была кровно-родственной с характерным для нее построением управления сверху вниз и свойственной всем племенам, столкнувшимся в междоусобной схватке эпохи Великого переселения; русы, в частности, считали себя аристократическим славянским родом и как бы на этом основании претендовали на власть над мирными землепашцами. Избавляя славянские племена от хазарской или какой-то иной дани, русские князья переводят эту дань на себя.

«Освободители» были безусловно предпочтительней хазар или других племен, язык которых был «нем» (откуда «немцы»). Во всех случаях заметны следы какого-то договора «рода Русского» с племенами, соглашающимися уплачивать дань. Русы любили подчеркнуть и свои намерения «хорошо управлять». Но Древнерусское государство IX–X веков носит явные следы двухсоставности, в рамках которой «Земля» – традиционная славянская система, а «Власть» – князь и его русская дружина. Между «Землей» и «Властью» были и вооруженные столкновения (вроде борьбы полян-руси и древлян), и совместные выступления против внешних врагов, и перебежки с одной стороны на другую. Но и, забыв об исходных своих этнических различиях, они сохраняли свои разные обычаи, в том числе представления о правах и обязанностях управляющих. Помимо прочего территориальная община обеспечивала своим членам защиту, не требуя от них правовых жертв. Она не нуждалась в иерархии и извне привнесенной регламентации.

В течение всего XVII столетия Земля так или иначе заявляла о себе, и к концу столетия вновь сложилась ситуация своеобразного двоевластия. Укреплялся посад, отступало крепостное право, каменное строительство в городах намного превзошло все, что ранее, да и позднее было построено; трудно назвать такой период, когда оно было бы столь размашистым. Но верхи продолжали чувствовать себя чужими «в этой стране». Их взоры были обращены на Запад. Резкий поворот Петра к Европе имел многих скрытых сторонников и мало противников государственного уровня. Крепостное право в самом свирепом виде разольется по России, подавляя и Землю в целом. С общиной теперь мало считается и помещик-крепостник, и государственный чиновник. Но она остается прибежищем для угнетенных, и не случайно, что бегущие от произвола крестьяне опять-таки восстанавливают на новых местах примерно то же самоуправление (казачий круг, как его специфический вариант).

Община переживет и Столыпинскую реформу, столь почитаемую нынешними приватизаторами и их вроде бы радикальными оппонентами. Власть долго пыталась использовать общину как опору, эксплуатируя в своих интересах принцип круговой поруки. Но в начале XX века именно община возглавила и организовала крестьян на борьбу за землю (крестьянам не хватало трети до половины необходимой земли, «трудовой нормы»). Реформа Столыпина имела, как и ныне, не экономические цели, а политические: разрушить общину как орган крестьянской самостоятельности и отвлечь ее от покушения на помещичьи земли. На время удалось сохранить землю за помещиками. Но и в 1917 году аграрный вопрос оказался главным, и большевики победили лишь потому, что приняли крестьянский «Наказ». При этом помещичьи хозяйства почти все сожгли, а хуторян, выселившихся из общины в ходе реформы, загнали назад в общину.

О 1917-м годе и «большевистском перевороте» сейчас много пишут, как о какой-то несуразной случайности. А надо бы учитывать, что на выборах в Учредительное собрание свыше 80 % проголосовало за партии социалистической ориентации (в том числе в российских губерниях 58 % за эсеров и близких к ним группам и около 25 % за большевиков). Крестьянские съезды в ноябре–декабре поддержали Власть Советов и правительство из большевиков и левых эсеров. Они, разумеется, ратовали за «русский социализм». Но он и был в то время оптимальным вариан-

том по крайней мере для крестьян, оставшихся главным, наиболее многочисленным слоем России. Естественно, что «военный коммунизм» встретил резкое неприятие со стороны крестьян. Но политика нэпа их вполне устроила, и община в это время возрождается и укрепляется почти на всей территории собственно России. Рядом с ней возрождается и кооперация, бурно развивавшаяся в период между двумя революциями как своеобразный отзвук и альтернатива Столыпинской реформы. Община вместе с кооперацией были вполне жизнеспособны к 1928 году. Почему оказалось возможным и чуть ли не вынужденным второе издание «военного коммунизма» – тема, разумеется, особая.

Таким образом, у крестьян не было потребности в государственных письменных законах за все время существования Российского государства. Но и само государство никогда не уважало собственные законы. Сначала это были установления, как-то регулирующие отношения Власти с Землей. Позднее они принимают крепостнический и грабительско-фискальный характер, а наказания никак не соответствовали мере вины, которая к тому же таковой и не воспринималась наказанными. Татищев побывав на казачьем круге, искренне удивился: государственные преступления ни во что не ставят, а за безделицу смертью казнят. Ему, государственнику, непонятны нормы обычного права, в данном случае у той части населения, некогда бежавшей от государства, которая особенно дорожила своей обособленностью и кастовой замкнутостью. Тот же Татищев, критикуя современное ему законодательство, скажет, что «неумеренные казни разрушают закон». А народная пословица выразит иначе: «Где суд, там и неправда». Все большая бюрократизация власти и у чиновников питала пренебрежение к закону. Они пугали законами крестьян, горожан, купцов, да и не только их, вымогая взятки.

В «Горячем сердце» Островского есть характерный эпизод: Градобоев принимает купцов с прошениями и жалобами: «Как вас судить? По закону или по совести? А законов у нас много!». Чиновник получив распоряжение показать купцам, «сколько у нас законов», выносит 40 пухлых томов «Полного собрания русских законов», изданных во второй четверти XIX века. Купцы, естественно, напуганы: «Лучше по совести». Что это значит – и тогда не надо было пояснять. Эпохальное издание хорошо иллюстрирует как раз отношение к законам всех ветвей российских законодателей: подавляющее большинство законов не действо-

вали, но ни один из них не был отменен. Да и не может вести себя иначе бесконтрольная власть, единственная цель которой – удержание власти.

САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ*

В упоминавшемся уже письме к Марксу от 23.05.1851 Энгельс, оценивая прогрессивную роль России по отношению к Востоку и противопоставляя ее «шляхтерски-сонной» Польше, обратил внимание на уникальную способность русских ассимилировать другие народы. Причин этого явления Энгельс не искал, но факт отмечен верно и он очень важен для понимания кардинальных черт русского национального характера, в связи с которыми находится и другой многократно замеченный факт: русские и вообще выходцы из России испытывают на Западе непонятную для местных жителей ностальгию по покинутой Родине.

Энгельс недооценил высказанное незадолго до этого наблюдение Бакунина: славянская община держалась принципа равенства, и управление в ней выстраивалось снизу вверх. У германцев преобладал иерархический принцип, а государство выстраивалось лестницей соподчинения сверху вниз. К немецким монархиям Бакунин, помимо Пруссии и Австро-Венгрии, относил и российское самодержавие, совершенно чуждое основной массе народов.

Отмеченное противостояние Земли и Власти – одна из наиболее характерных особенностей истории России, и она находит достаточно простое объяснение в условиях сложения древнерусской государственности и народности. В нашей социологии обращали внимание на разные типы общин – кровно-родственную и территориальную. Но обычно их рассматривали как этапы движения от родового общества к народности. Эти общины издревле сосуществуют и так или иначе противоборствуют. Территориальные возникают у оседлых земледельческих племен, кровно-родственные – у кочевников.

В Европе с бронзового века сосуществовали и противоборствовали разные типы общин. Многие племена исчезли в борь-

* Опубликовано в «Аш Шамс», 1995, № 2.

бе за господство, в том числе друг с другом в рамках единого племени, другие порабощались завоевателями и утрачивали свою культуру и язык. К эпохе становления современных европейских государств и народов территориальная община сохранялась лишь у славян, тогда как у других народов возобладал иерархический принцип соподчинения сверху вниз.

Территориальная община обычно открыта для приема выходцев из иных народов на положении свободных и равных. Кровно-родственная – не допускала равенства и внутри семьи, а выходцы из иных родов могли попасть в нее в качестве неполноправных. Именно открытость славянской общины вызывает затруднение при определении особенностей славянского антропологического типа, а этническое самосознание изначально ослаблено на фоне племен с кровно-родственной общиной. Зато социальный идеал – равенство и коллективизм – прочно удерживается на протяжении многих веков.

В середине первого тысячелетия славяне заселили обширные пространства Европы, в том числе восточную ее часть вплоть до Северного Кавказа. Но на всей территории сохранялись и племена с иными формами общежития. Особое значение для последующей истории Руси имела форма организации племени (рода) «русь», давшего название новой народности и государственности.

Вопрос об этнической природе «руси» до сих пор не решен, а политические пристрастия его постоянно запутывают. Дошедшие «русские» имена находят аналоги и отчасти объяснение в именослове иллиро-венетских, кельтских, фризских племен, история которых также остается невыясненной. Как и многие другие племена с кровно-родственной общиной, русы (руги) с первых веков нашей эры оказались разбросанными по разным областям Европы (в Прибалтике, Подунавье, Карпатах, на Днестре, в Приазовье и т. д.). Их контакты со славянами становятся постоянными с эпохи Великого переселения (IV–VI века), причем и в Центральной и в Восточной Европе, и в Прибалтике. Исторические судьбы в большинстве случаев объединили русов со славянами против общих врагов (в частности, германцев). Но и, считая себя «аристократическим славянским родом», они долго сохраняли свои формы общежития. Это рельефно показал летописец конца X века, сопоставляя обычаи полян (руси) и остальных славянских племен.

Однотипные общины могут существенно различаться между собой масштабами территорий, подчиненных общему управлению. В VI–IX веках на территории Восточной Европы складываются обширные этнополитические образования, имеющие общее управление. Чаще всего и называются они по занимаемой территории (древляне, дреговичи, бужане или воляняне) управление в них выстраивалось снизу вверх путем делегирования, причем размеры образований явно превышали только хозяйственные потребности. (Последние удовлетворялись уже на волостном уровне: распределение земель и угодий между общинами.) Право участия в делах имели хозяева домов, которые выбирали старейшин (десятских, полусотских, сотских, тысяцких, на определенный срок. Наиболее важные дела решались на собраниях – вече разного уровня, которые проходили в определенном, довольно строгом порядке.

Снизу доверху государство, однако, не было достроено: внутренних потребностей для этого не было, а борьба с внешней угрозой неизбежно поднимала роль иерархического принципа. Поэтому так легко славянские племена признали верховенство «руси», возглавившей большое государственное образование в Восточной Европе.

Русы, как это видно из описания в летописи обычаев полян и из договоров Руси с греками, сохраняли кровно-родственную общину, хотя с переходом на славянскую речь они неизбежно усваивали и какие-то элементы славянской культуры.

В IX–X веках «род русский» в целом претендует на привилегированное положение, получая дань со славянских, балтских и угро-финских племен и освобождаясь от каких-либо обложений в пользу, как теперь бы сказали, исполнительной власти. Но иерархия внутри «рода русского» пока еще выражена слабо (значительно слабее, чем в современных эпохе западно-европейских обществах).

Первые князья – это предводители дружин «джентельменов удачи». (Наследственный принцип утвердился лишь в XI веке.) В дальние походы приглашались и волонтеры из других племен. Возвращаясь, они вносили в жизнь общины разлагающее начало. Но оно коснулось все-таки лишь слоя «выборных». А в итоге собственные князья славянских племен постепенно (в течение двух столетий) были заменены потомками первых «русских» князей.

В домонгольский период славянский «мир» утратил возможность избирать из своей среды высшие органы власти. Но и «Рюриковичи», разместившиеся по разным землям, не вмешивались во внутреннюю жизнь общин, а потому в них будут сохраняться традиционные порядки. Особое место в структуре складывающегося государства занимал город. В домонгольский период на Руси насчитывалось до 1,5 тысяч укрепленных поселений, треть из которых были городами и в социально-экономическом смысле. Но разные пути вели к возникновению городов и соответственно различалось их внутреннее устройство. Обычно различают три типа городов: племенные центры, торгово-ремесленные поселения, княжеские города-земли. В конечном счете крепость становилась торгово-ремесленным центром округа, а торгово-ремесленное поселение обрастало крепостными стенами, на традициях управления сказывалось происхождение города. Соперничество г. Владимира и г. Ростова в XII–XIII веках – это и борьба двух типов городской самоорганизации.

Север Руси в целом и северо-западные ее города дают наибольший материал для уяснения характера местного самоуправления, поскольку они не подвергались тотальному татарскому разграблению и уничтожению. (Не случайно, что и былины киевского цикла сохранились в основном на севере.) Но необходимо учитывать и определенную их специфику. Это не племенные города как таковые. Большинство из них основаны переселенцами – «варягами» – выходцами с южного берега Балтики, где в VI–IX веках славяне ассимилировали местные племена («северных иллирийцев»), но впитали определенные черты прежней культуры. В IX–X веках города южного берега Балтики были крупнейшими ремесленными и торговыми центрами Европы, которые вели широкую торговлю, в частности, по Волжско-Балтийскому пути с Востоком через булгар на Волге. Германский натиск на земли балтийских славян, начавшийся с конца VIII века, побуждал балтийских славян переселяться на восток, и многие города северо-запада Руси возникают как таковые. В них складывается та же система самоуправления, которая отличала города на южном берегу Балтики, где они сохраняли большую самостоятельность по отношению к княжеской власти.

Но вместе с этим города переселенцев приносят на северо-запад и принципы своеобразной корпоративной иерархии. «Город» (Новгород) и «пригороды» (Псков и др.) – два звена иерар-

хической лестницы. В свою очередь по отношению к селу город выступает как бы коллективным феодалом. В самом городе заметно противостоят «меньшие» и «большие», а на высших должностях далеко не всегда оказываются наиболее достойные.

В целом в домонгольский период в противостоянии Земли и Власти первая имеет определенный перевес, хотя и внутри ее нарастающее неравенство создает определенную социальную напряженность. Летописцы и автор «Слова о полку Игореве» с горечью обсуждают усобицы, вызванные нарастанием корыстных устремлений именно в высших сферах. А страшное разорение татаро-монголами в 1237–1240 годах и последующее ограбление Руси воспринималось как Божье наказание за неспособность действовать согласно и сообща.

«Евразийский симбиоз», привлекавший вслед за околонучными шарлатанами некоторых далеких от истории политиков – на самом деле, самые страшные века в отечественной истории. Десятки народов были уничтожены «под корень». Городов на Руси даже в конце XVII в. было намного меньше, чем в канун татаро-монгольского нашествия и общая численность населения к концу XVII века не достигла предмонгольского уровня. Целые области были полностью опустошены. Киев, насчитывавший не менее 50 тысяч жителей, был практически стерт с лица земли. Население Поднепровья было частью уничтожено, частью угнано в рабство и на невольничьи рынки. А пришедшее сюда позднее новое население не имело связи с предшествующим, а потому были нарушены и традиционные формы.

Положение Северной Руси было более благоприятным в том смысле, что леса и болота представляли некоторую защиту от татарской конницы. Но резкий упадок сказался во всех сферах жизнедеятельности. Уцелевшим беглецам надо было начинать практически с нуля.

И тем не менее всюду, где так или иначе скапливается значительное количество беглецов из разоренных областей, восстанавливается традиционная система управления. Именно на севере, в удалении от татар и от собственных князей и феодалов, общинное самоуправление славянского типа получит самое широкое распространение и доживет до нашего столетия.

Несколько поколений сменилось, прежде чем на Руси начали преодолевать чувство безнадежности. И возрождение духа началось именно через укрепление крестьянской общины. На

волне [возрождения] и в его русле возникает и более сотни монастырей общежитского типа. Земля рождает и истинных подвижников, к коим можно отнести и выдающегося государственного деятеля XIV в. митрополита Алексия – одного из немногих митрополитов русского происхождения. На фоне усобиц в Золотой Орде, где за два десятилетия были уничтожены все чингизиды (только они могли занимать ханский стол), причем обычно дети убивали отца, а затем и друг друга, Русь являет собой мир возрастающей духовности и чувства долга перед общими интересами. Но потребность в концентрации сил неизбежно приводит к столкновению княжеской власти и городского самоуправления. В Москве оно было по существу уничтожено незадолго до Куликовской битвы. А последствия сказались через два года после великой победы: в 1382 году в Москве не оказалось управленческой структуры, способной организовать оборону от нашествия Тохтамыша. Потребуется еще столетие, чтобы окончательно сбросить татарское иго.

Единое государство, сложившееся к концу XV века, строилось во многом на других основах, нежели в эпоху Дмитрия Донского. Общинное самоуправление все более отодвигается на низший уровень, ограничиваясь крестьянским миром и городским посадом. Мир решает только свои собственные вопросы и в его рамках сохраняются те формы демократии, которые были характерны и для ранней славянской общины. Это так называемый «земский» уровень. Второй ярус управления и самоуправления – «губной» – предполагает тоже выборную систему. Но выборность здесь во многом условна (не каждого можно выбрать) и в конечном счете предполагает укрепление положения дворянского сословия как главной опоры центральной власти на местах. Именно укрепление этого самоуправления поведет к быстрому наступлению крепостнических отношений. Представителями Центра на местах были поначалу «кормленщики», а позднее – воеводы. Центральная власть направляла своих представителей на места, обязывая население их содержать. Местное население пользы в их пребывании не видело и воспринимало это как неизбежное зло (благоустройство городов резко упало после замены местного самоуправления воеводским).

Попытки балансировать взаимодействие всех уровней управления предпринимались в середине XVI века (реформы Адашева и Сильвестра), а также после Смутного времени начала

XVII века. С середины XVI века в практику входит и созыв земских соборов, на обсуждение – точнее, утверждение – которых выносились те или иные важные вопросы. Обычно Москва устанавливала, сколько делегатов должен направить тот или иной город. «Третье сословие» приглашалось в тех случаях, когда речь шла о финансовом обеспечении каких-то военных мероприятий. Но в трудные годы Смуты, когда верхи своей корыстной и бездарной политикой развалили страну и сами спровоцировали иностранную интервенцию, Земля и Земские соборы сыграли большую конструктивную роль, собрав и укрепив разрушенное государство.

Представление о тенденциях и общественных настроениях дает «Приговор» от 30 июня 1611 года, принятый незадолго до гибели Прокопия Ляпунова и распада первого ополчения.

Земский собор 1613 года был наиболее представительным и правомочным. На нем присутствовали делегаты от черносошного крестьянства и казачества. Достаточно широко обсуждался и вопрос о пределах царской власти. (Впервые он был поставлен в Судебнике 1550 года.) В течение ряда лет Земские соборы обсуждали все важнейшие вопросы, но инициатива их созыва оставалась за правящими кругами, и, укрепившись, самодержавие перестало к ним обращаться.

На протяжении XVII века еще сильны были настроения в пользу расширения прав самоуправления общин и корпораций. Но все заметнее проявляется и отрыв «верхов» от «низов» своей страны. Показательно, что когда в 80-е годы XVII века составлялся сводный родословец главных княжеских и дворянских родов («Бархатная книга»), несмотря на отмену местничества, более всего стимулировавшего фальсификации родословных, большинство из тех, кто не мог возвести себя к Рюриковичам или Гедиминовичам, писались «выезжими» из татар, половцев, печенегов – откуда угодно, лишь бы подальше от своей страны, заслуги перед которой вроде бы и не имели никакой цены. Именно на этой волне произойдет «германизация» верхов и полный отрыв их от собственного народа.

Именно в XVIII веке Россия превращается в одну из немецких монархий. При Анне Ивановне (русской по рождению) в гвардейский Измайловский полк русских не брали даже в качестве рядовых. После Елизаветы Петровны цари и по крови были немцами. За счет нещадной эксплуатации русских крестьян

выделялись средства и лучшие земли для немецких колонистов. И вроде бы обрусевший Николай I откровенно скажет о причинах предпочтения, оказываемого им немцам: «Русские дворяне служат государству, а немецкие – нам».

И все-таки и в условиях крепостнического XVIII века идея самоуправления жила. Оно сохранялось на окраинах, в черносошных волостях, оно возрождается в казачьем круге, в далекой Сибири. Даже и в крепостной деревне, хотя и под надзором помещика или его управляющего, крестьянский мир сохраняет элементы прежнего самоуправления и мечтает о восстановлении его в полном объеме.

Что же касается внутрисословного самоуправления, особенно дворянского, оно все более становится корыстно-паразитарным, и не случайно, что именно средний уровень чиновничества станет наиболее ненавистным для населения.

В XVIII веке тоже были политические деятели, сознававшие необходимость «увольнения» разных сословий, в том числе крестьян, предоставления им возможности заниматься своим делом, попросту свободно трудиться. А замечание одного из иностранных резидентов наводит на определенную аналогию: «Россия вела войны всегда со времен Петра, но не война истощила государство, оно истощено роскошью, дурным управлением министров, переводом за границу сумм, наконец, бесплодная распущенность, тщеславие и суетность разоряют государство». У всех резидентов повторяющаяся мысль: «Цель двора достигнута, если в Европе говорят, что Россия богата».

В целом для XVIII века характерны фейерверки двора и нищета 90 % населения, обеспечивающего этот непрекращающийся пир во время чумы. Надрывный голос Радищева явился камнем, брошенным в омут. Круги замерли в «бургах» и «гофах», «бунтовщика» наказали, а униженные и оскорбленные об этом жесте отчаяния и не узнали. Не «выезжим» пробиться наверх было чрезвычайно трудно, а остаться «русским» в верхах практически невозможно. За этим следили и ближайшие советники царствующих особ, и управляемые извне масонские организации, плотно окружившие все подступы к трону.

В XVIII веке уровень национального самосознания был неизмеримо ниже, чем веком раньше. Пробуждение его начнется с Отечественной войны 1812 года. Уже многие декабристы осознают чуждый для России характер «немецкой» монархии. В спо-

ре славянофилов и западников прояснится главный факт: «специфика» и «отсталость» – не идентичные понятия. Русская община, резко отличающая Россию от Западной Европы, – основа славянского мировоззрения и общежития, хранящая в себе огромные силы, которыми поднимется Россия и которые явятся вкладом русского народа в общечеловеческое развитие. Последнее представлялось как бы ответом на рассуждения немецких философов об «исторических» и «неисторических» народах.

В России мировоззренческими вопросами занималась не наука, а литература. И это не случайно. Академия наук создавалась в России в XVIII веке из тех же «выезжих» из разных немецких княжеств. Среди них были и настоящие ученые, но равных Татищеву и Ломоносову не было. Между тем, первый, предлагавший бесполезно расходуемые деньги употребить на просвещение собственного народа, в Академию не попал, а Ломоносов был принят только потому, что его признавала Европа. Так будет и позднее. Академия изначально строилась по масонскому принципу: академики избирают себе подобных. Поэтому национально ориентированных в ней почти не было. Народ же академиков-иностранцев не интересовал. И не случайно, что заведомо надуманную и антинаучную «норманскую теорию» вслед за Ломоносовым опровергали историки, не удостоенные академических званий.

В реформах 60-х годов XIX века, в особенности в крестьянской, большую роль сыграли именно славянофилы, лучше других представлявшие деревню и крестьянский мир. Поскольку это большая самостоятельная тема, ограничимся указанием на то, что именно славянофильские исследования общины явились первыми шагами в становлении «русского социализма». Они оказали влияние и на Бакунина, и на Герцена, и на Чернышевского, и на позднейшее народничество (хотя исток далеко не всегда назывался).

Буржуазные реформы разъедали традиционный общинный уклад, но не могли разрушить его полностью. Насильственное разрушение общины в начале XX века («Столыпинская реформа») – большая самостоятельная тема. Реальное отношение к ней крестьянства выявилось в 1917 году. Можно сказать, что 1917-й год и был вызван этой реформой. Сокрушив с осени 1917 года до весны 1918 года все помещичьи усадьбы, крестьян и хуторян вновь «загнали» в общину. А 1920-е годы окажутся го-

дами ее расцвета. И апологетам Столыпина, и хулителям «переворотов» 1917 года следовало бы учитывать, что на выборах в Учредительное собрание в российских губерниях, в главных промышленных центрах победили большевики (около четверти всех голосов), а в деревне эсеры (более половины общего количества), выступавшие с лозунгами «русского социализма». Иными словами, в представлении народа идеи самоуправления и социализма сливались.

К сожалению, лидеры многочисленных партий, образовавшихся перед и в ходе революции, как и нынешние «страшно далеки» от народа. Борьба за власть явно перевешивала задачи отыскания наиболее целесообразного, соответствующего условиям страны и желаниям трудового народа пути. К тому же политические партии структурировались на западный манер сверху вниз, а «демократический централизм», за который боролись на II съезде РСДРП, так и не был полностью реализован. Космополитическая часть большевиков вообще смотрела на Россию лишь как на плацдарм для осуществления умозрительной «мировой революции». Лидеры эсеров, которым по положению следовало бы бороться как раз за русские и российские интересы, практически без исключения оказались членами масонских лож, центры которых находились на том же Западе. (О полной зависимости от масонства «белого движения» писал О. Платонов в «Литературной России».)

70-летие «реального социализма» не было «дорогой в никуда». Хотя и тяжелой ценой, но СССР стал второй мировой державой с высокой степенью социальной защищенности. Идеи социализма, хотя и в искаженной форме, но работали!

За все это время ни политики, ни ученые не задумывались всерьез о простенькой вроде бы статейке Ленина «Три источника и три основные части марксизма». А ведь третий источник – утопический социализм – это самоуправление.

Иными словами, без самоуправления не может быть и социализма, а диалектический материализм и политэкономия вполне могут обслуживать и капитал, в том числе криминальный. Ту же, по существу, идею развивал Ленин и в последних статьях, в частности, в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», которая была попросту отвергнута тогдашним Политбюро. А результат закономерен: оторванная от народа власть всегда собирает около себя все худшее.

КАПИТАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?*

Пять лет назад наше общество «Отечество»** провело дискуссию, на которой был поставлен вопрос: «Перестройка: капитализм или социализм». В то время архитекторы «перестройки», овладевшие государственной машиной, скрывали цель разрушительных преобразований. А уже два года спустя участникам «круглого стола» в «Нашем современнике» предлагали стержневой вопрос: «Есть ли будущее у социализма?». Так стремительно изменилась психология общества, особенно интеллигенции. Заодно выяснилось, что ни о социализме, ни о капитализме общество не имеет понятия.

Прежде всего, в чем принципиальное отличие капитализма от социализма? При многообразии вариантов того и другого разделяет их точка отсчета: индивид или общество? Капитализм предполагает приоритет личного интереса, социализм – общественного. Неизбежным следствием первой посылки является выстраивание иерархии сверху вниз через войну всех против всех. В Европе эта война продолжалась примерно полтора тысячелетия, пока общество пришло к нынешней стадии. В ходе этой борьбы исчезли многие племена и народы, истреблены или разорены многие социальные слои в рамках вновь складывающихся народов и государств. И ныне, когда оформился «золотой миллиард», эксплуатирующий остальное население Земли, он, по нашумевшему заявлению А.Зиновьева, представляет такую замкнутую тоталитарную структуру, каковой в Российской истории никогда не было. В итоге, провозглашая суверенитет личности, капитализм неотвратимо подавляет ее иерархической структурой.

Социализм кладет в основу общественный интерес, социальную справедливость. Вариантов здесь тоже много. Достаточно

* Опубликовано в газете «За СССР», 1994, № 1. Сходные идеи высказывались также в материалах «круглого стола»: «Есть ли будущее у социализма» в журнале «Наш современник», 1991, № 7.

** Аполлон Григорьевич был председателем общества и автором его Программы. Позднее, название «Отечество» и часть программных установок были использованы при создании известной партии.

напомнить споры середины XIX века (марксизм против утопического социализма и «русского социализма» Бакунина и Герцена), а также споры представителей «советских» партий (большевиков, меньшевиков, эсеров и родственных им течений) в 1917–1918 годах. Спор Бакунина с Марксом носил глубоко принципиальный характер. Маркс абсолютизировал антагонизм труда и капитала, Бакунин считал главным противоречие между разными системами социальной организации. Он, отчасти под влиянием славянофилов, заметил, что у славян общество выстраивалось снизу вверх, тогда как в романо-германских государствах сверху вниз. По его мнению, лишь славянская община могла стать и образцом будущего общества социальной справедливости, и той революционной силой, которая освободит все народы Европы от гнета со стороны трех немецких монархий: Пруссии, Австро-Венгрии и России.

Кстати, и Маркс вынужден был признать, что его концепция социализма пригодна лишь для Западной Европы, у России же может быть свой путь, связанный с уцелевшей за тысячелетия в самых трудных условиях общиной и общинным сознанием. В упомянутой дискуссии «Отечества» О. Платонов обращал на это внимание.

На выборах в Учредительное собрание осенью 1917 года «советские» социалистические партии одержали полную победу, но договориться между собой не смогли. Здесь и личные амбиции, и разная ориентация («европеисты» и приверженцы «русского социализма»). К тому же верхний эшелон большинства партий оказался под контролем масонских организаций. «Европеисты»-меньшевики, не имея практически никакого влияния среди российских граждан, играли большую роль, нежели лидеры самой массовой партии эсеров именно потому, что выше стояли в системе масонской иерархии. Масоны контролировали и самое массовое движение начала века – кооперацию. В итоге и чисто национальные традиции, и организации оказывались под контролем тех же «европеистов». А в условиях гражданской войны традиции самоуправления и вовсе подавляются идеологией и практикой диктатуры, выстраивающейся по «немецкому» образцу сверху вниз.

На практике любыми идеями могут спекулировать в корыстных интересах. За примерами далеко ходить не надо: достаточно оглядеться вокруг. И главный вопрос в этой связи: был ли у

нас социализм в 20–30 годы? На уровне лозунгов и ориентированной на них политической демагогии, несомненно, был. Никто из руководства не мог публично отречься от тезисов о равенстве, социальной справедливости, праве на труд, медицинскую помощь, образование, от осуждения эксплуатации, спекуляции и т. д. Но у социализма в СССР не было главного его элемента – самоуправления на разных уровнях, тех принципов, которые в идеале были заложены в советской системе (идеологом которой, кстати, не без оснований признавали Бакунина).

Показательно, что небольшая работа Ленина о трех источниках марксизма не была принята его коллегами, а когда он вернулся к идее «третьего источника» в конце 22-го начале 23-го года («Как нам реорганизовать Рабкрин»), Политбюро практически единодушно отвергло рекомендации как фантазии больного человека. Сам культ вождей, сложившийся с первых дней революции, опирающийся на традицию монархического воспитания и неизжитый поныне, оправдан в военное время, но непригоден для эпохи мирного строительства. А вожди в большинстве не были на высоте ни в интеллектуальном, ни в этическом, ни в политическом плане.

Прежде всего в числе «вождей», как и в старой России, почти не было людей русских хотя бы по воспитанию. Россия оставалась для них, как и для нынешних, «этой страной». От ориентации на народ «этой страны» как бы освобождала идея мировой революции – абстрактная «общечеловеческая ценность», пугавшая народы самых разных стран. Кстати, последняя акция Советского государства, ориентированная на эту «ценность» – ввод войск в Афганистан, а вывод увязывался уже с другой иллюзорной идеей – «общечеловеческие ценности» в их масонско-космополитической трактовке.

Мировой кризис конца 20-х годов XX века подпитывал идеи мировой революции и толкал планету к новой военной конфронтации. На западных и восточных границах СССР военная угроза стремительно нарастала. В этих условиях концепция подчинения ресурсов СССР мировой революции корректируется в сторону ориентации самой «мировой революции» на первое в мире социалистическое государство. Но и новые «государственники» к историческому опыту России относились отрицательно. Достаточно сказать, что проводимая сверху коллективизация не только не опиралась на традиции общины и общинного социализма,

но видела в них едва ли не главных врагов. Не устранили государственники и традиционный для России перекосяк: поддержка окраин и подавление центра. Жупел «великодержавного шовинизма» имел в виду лишь одного адресата: русское национальное самосознание. И репрессии середины тридцатых годов начались с преследования остатков старой русской интеллигенции и лишь затем коснулись и их организаторов – идеологов «мировой революции».

Война при всех упущениях тоталитарного режима способствовала его укреплению. На фоне дряблости буржуазных демократий и носителей расистских, нацистских идей сталинский режим выглядел и гуманным, и жизнеутверждающим. И если в 30-е годы Европа вынуждена была придать социальную ориентированность капитализму, дабы ослабить влияние лозунгов Октября, то разгром нацизма воспринимался как торжество социалистических идеалов. Почти повсеместно в Европе приходят к власти партии социалистической ориентации. Именно тогда появился тезис о том, что «в наш век все дороги ведут к коммунизму». Но Москва нравственно-психологическими результатами Победы воспользоваться не смогла в силу и объективных, и еще более субъективных причин: неспособности правящей группы пойти навстречу тем силам в стране, которые и обеспечили Победу. Роль трудовых и производственных коллективов, почувствовавших свою значимость в труднейшие годы, стала еще более умаляться. И хотя к середине 50-х годов традиционное экономическое отставание от Европы заметно сократилось, а в науке, образовании, культуре страна вышла на лидирующие позиции, сохранить их не удалось именно вследствие углубляющегося разрыва верхов и низов из-за неизбежного перерождения самовоспроизводящегося бюрократического аппарата, выстраивающегося только сверху вниз – по сути по принципу, противоположному социалистическому. Из механизма достижения цели бесконтрольная власть неизбежно превращается в самоцель: власть ради господства. По существу она выстраивается по масонскому принципу, а это уже само по себе укрепляло положение разного рода агентов влияния, ориентированных на «мировое правительство».

Сейчас часто повторяют слова А. Зиновьева «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию». В. Максимов присоединяется и к другим его словам: «Ничего не написал бы, если б знал, к че-

му это приведет». А иного результата и не могло быть. Во-первых, из-за расклада мировых сил – идеи миродержавия, нового мирового порядка ныне структурированы в иерархию с широчайшими разветвлениями, обеспечены сетью аналитических центров и разведподразделений, не говоря уже об огромном перевесе финансовых возможностей, полученных за счет ограбления народов и главного потенциального противника. В тотальной психологической войне адепты нового мирового порядка, естественно, опираются на самые антиобщественные, криминальные элементы, которые имеются в достатке в любой власти, особенно же во власти неконтролируемой и неосвежаемой «снизу».

А «целили» на Западе всегда именно в Россию. Осуществляемый ныне развал государства и геноцид предусматривался и век назад в рамках пангерманизма, причем нового ничего нет даже в деталях. Чего стоит «теория апельсина»: расчленив Россию по национальным долям и натравить окраины на собственно русский центр. А причины ненависти к России достаточно откровенно выразил некий аноним (из числа тех, кто представлял «третью силу» в дни «Черного октября») в письме к издателю И. Демину. Письмо является откликом на брошюру А. Феоктистова, убедительно вскрывшую научную несостоятельность и русофобскую направленность казахских националистов. Аноним опасается, что «быдло» осознает причины своего бедственного положения и выйдет из-под контроля, надеется, что «гамельнские крысоловы» уведут стадо в какой-нибудь очередной тупик, а попутно раскрывает причины ненависти к России устроителей нового мирового порядка. Одна причина – богатство России сырьевыми ресурсами, которых на всех уже не хватает. Другая – в связи с изменением климата на планете к нам, на территорию бывшей «Великой Хазарии» придется переселять «цивилизованные народы», прежде всего из Палестины. Главная же причина ненависти к России не названа, но пронизывает все письмо: идея равенства, противостоящая элитарно-иерархическому новому мировому порядку. А идея равенства всегда связывалась со славянской общиной и эту идею, несмотря на германские и прогерманские «верхи», Россия несла в мир уже в XIX веке. И, как отмечал в конце прошлого столетия Н. Миклухо-Маклай, расизма (полигенизма), господствовавшего во всех странах Европы, Россия не приняла «даже на полицейском уровне».

Идея равенства – единственная серьезная угроза новому мировому порядку и главное оружие, которым могут воспользоваться народы, предопределенные к уничтожению. И вопрос о том, есть ли ныне будущее у социализма совпадает с другим: есть ли будущее у человечества. Рабовладельческий новый мировой порядок, проявивший себя в Ираке, Югославии, расстреле «Белого дома» – вовсе не представляет интересы человечества, и он неизбежно приведет к гибели планеты. В конечном счете именно этим «врагам рода человеческого» помогли наши интеллигенты, целившие (и продолжающие целить) в коммунизм, вместо того, чтобы очистить его от агентуры Мирового правительства и чужеродных иерархических структур.

Последние выборы при всех ухищрениях властей показали, что несмотря на быстрый рост криминальных структур, социальная база «реформаторов» сужается. Нечто подобное наблюдается и в странах СНГ, и в государствах бывшего соцлагеря. В прекрасном анализе Института социально-политических исследований («Подмосковные известия», 19.08.93) убедительно доказано, что в капитализм XX века мы безнадежно опоздали, да и психологически он нам все равно бы не подошел. Но альтернатив россиянину пока не предложили: половина к избирательным урнам не пришла, а из остальных – большинство пошло за Жириновским. Явно от отчаяния: нет выбора. «Гамельнские крысоловы» опутали паутиной патриотические организации и издания. Упомянутый аноним, справедливо замечая, что свою историю у нас не знают, обещает дать нам «свой вариант» нашей истории. И дают. Пангерманизм, пантюркизм, оккультизм разных мастей и прочие идеологические наркотики. В две руки с правительственными СМИ патриоты крушат в давнем и недавнем прошлом то, на чем Россия держалась и могла держаться. А в итоге – русское население сокращается со скоростью, едва ли не превышающей годы Великой Отечественной войны. И повинны в этом не только те, кто сознательно расстреливал Россию, а в еще большей степени те, кто помогал разрушителям по наивности, невежеству и амбициозной претенциозности.

Раздел II

Ухабы на русском направлении

УХАБЫ НА «РУССКОМ НАПРАВЛЕНИИ»*

Весной 1991 года я предложил газете «День» заметку о размерах татарской дани. Это был отклик на публикацию В. Кожина в «Нашем современнике», где известная концепция Л. Гумилева о благотворности для Руси татаро-монгольского ига подкреплялась рассуждением о чисто символическом характере собираемой татарами дани. Газета заметку не опубликовала. Появление письма Л. Гумилева в первом «Дне» нового года в рубрике «На русском направлении» прояснило позицию редакции.

Наверное, все со школьной скамьи помнят строки из песни о Щелкане Дюдентевиче: «У кого денег нет, у того дитя возьмет, у кого дитя нет, у того жену возьмет, у кого жены нет – сам головой пойдет». Картина эта вполне подтверждается данными о размерах татарской дани (кстати, на среднеазиатском материале тоже): ее не смогли бы выплатить большинство крестьян и в начале нашего века. Не сказать об этом было бы просто непорочно. К тому же получалось, что я, как единственный профессиональный историк редколлегии «Нашего современника», разделяю ответственность за напраслину, легкомысленно пропагандируемую журналом. Статья в «Молодой гвардии» (№ 9 за 1991 год) и была ответом на выступление Л. Гумилева и В. Кожина в «Нашем современнике».

Публикацию в газете, несомненно, надо приветствовать: она поможет разобраться, что же происходит у нас на «русском направлении». К тому же обычно Л. Гумилев от спора с оппонентами уклоняется: он понимает, что паразитировать на невежестве публики нельзя бесконечно. Редкие его ответы обычно написаны по принципу «в огороде бузина...». Достаточно вспомнить его ответ Б.А. Рыбакову, блестяще разрушившему фантазии о «позднем» происхождении «Слова о полку Игореве»: он назывался «Нужна ли география гуманитарам», и даже не затрагивал существа спора.

Письмо в газете «День» выдержано в таком же ключе. Читатель, пожалуй, не догадается, что обсуждается материал Л. Гумилева в «Нашем современнике»: автор ни разу не упоминает об

* Опубликовано в журнале «Молодая Гвардия», 1992, № 3–4.

этой публикации и предлагает обсуждать его книги. Надо ли это понимать как отказ от самой публикации в журнале? Или автор просто не помнит, где что писал, что и отразилось в названии письма: «Что-то с памятью...»?

С памятью у автора действительно плохо. Он не помнит, когда привел татарскую конницу на Чудское озеро на помощь Александру Невскому, и даже приписал появление этого эпизода оппоненту. А ведь это «открытие века» было сделано Л. Гумилевым в журнале, который его всегда охотно печатал («Дружба народов», 1977, № 2), и до сих пор автор от него не отказывался. Очевидно, не помнит он и свой текст в «Нашем современнике», приписывая его сплошь и рядом оппоненту. В этом легко убедиться, положив рядом публикации из «НС» и «МГ». Именно Гумилев выявил «первых пассионариев, которые создали две великие державы – Литву и Россию: Александра Невского и князя Миндовга в Литве», именно он сочинил роман о походе Василия I на реку Ик. В газетной публикации на этом месте появилась Кондорча, и автор досадует, что оппонент не знает, что она впадает в Волгу, а не в Каму. Только при чем тут Василий I, и каким образом оппонент может угадать, на какую еще реку могут завести русского князя евразийские фантазии Л. Гумилева?

Перечислить все случаи забывчивости автора – значит повторить публикацию «Молодой гвардии» с весьма существенным расширением перечня фактических и логических ошибок и несоответствий. К тому же многие из этих фактов известны ученику 4-го класса (что Пекин взят монголами в 1215 году, что тысячи стенобитных орудий и прочая китайская техника использовались при осаде среднеазиатских городов, что кровавое восхождение Чингисхана начинается в последней трети XII века и открывается убийством собственного брата и т. д.). Здесь коснемся лишь нескольких относительно новых сюжетов.

Один из них касается гибели Михаила Черниговского. «А. Кузьмин, — пишет Л. Гумилев, — винит Батыя за убийство Михаила Черниговского в 1246 году. Но Михаил был уличен в государственной измене – он был на Лионском соборе, где планировалась антимонгольская война». В споре с Л. Гумилевым всегда надо начинать с уточнений. Так, в оспариваемой Л. Гумилевым статье речь идет вовсе не о «вине» Батыя: он повинен в гибели не отдельных лиц, а многих миллионов. Там просто констатировался факт.

Не был Михаил Черниговский и на Лионском соборе. Он побывал в Венгрии и Польше в поисках помощи против татар, но не получил ее. На Лионском соборе был Петр Акеревич – черниговский игумен, рассказавший католическим прелатам об ужасах татаро-монгольского разорения. Но Рим надеялся договориться с монголами за счет той же Руси и других завоеванных Батыем земель. Главное же в другом: в какой «государственной измене» обвиняет Л. Гумилев Михаила Черниговского? Ведь черниговский князь монографий Л. Гумилева явно не читал и не знал, что монголы опустошили Русь для ее же собственного блага. И что же все-таки: «симбиоз» или деспотически-террористическое государство? Михаил Черниговский, как известно, причислен к лику святых православной церкви. Его поведение в ставке Батыя воспринималось на Руси как подвиг, подвиг верности Отечеству и вере. У евразийцев вера, очевидно, другая.

Другой сюжет – русские летописи и археологические материалы. К летописям Л. Гумилев призывает относиться «критически» из-за их антимонгольской направленности. Очевидно, *все* летописцы тоже были «государственными изменниками». Напомним слова еще одного «изменника» – проповедника XIII века Серапиона Владимирского: «Наведе на ны язык немилостив, язык лют, язык не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости детей... Разрушены божественныя церкви; осквернены быша ссуди священнии; потоптана быша святая; ...плоти преподобных мних птицам на снесь повержени быша; кровь и отец и братия наша, аки вода многа, землю напои; ...множайша же братия и чада наша в плен ведени быша; села наши лядиною поростоша, и величество наше смерися; красота наша погыбе; богатство наше онем в користъ бысть; труд нашъ погании наследоваша; земля наша иноплеменникомъ в достояние бысть; ...В посмех быхом врагом нашим... Не бысть казни, кая бы преминула нас; и ныне беспрестани казнима есмы». По утверждению Л. Гумилева, оппонент «не может объяснить, почему церкви во Владимире, Киеве и даже Владимире Волынском и многих других городах не были разрушены и сохранились до нашего времени». О Владимире выше сказано словами Серапиона Владимирского. О Киеве надо сказать, поскольку именно на его руинах в первую очередь воздвигается химерическое здание евразийства.

В публикации «Молодой гвардии» проскользнула одна весьма существенная опечатка: Плано Карпини проехавший через

Южную Русь в 1246 году, насчитывал в Киеве не 2000, а менее 200 домов. «Бесчисленные головы и кости мертвых людей», которые видел Карпини шесть лет спустя после разорения на поле, оставались необрушенными даже на территории самого города. Раскопки М.К. Каргера и П.П. Толочко рисуют ужасающую картину уничтожения города и его населения – стариков, женщин, детей. Разрушенные жилища, дворцы, храмы и всюду насильственно умерщвленные люди до «сущих млеко». Когда Даниил Галицкий возвращался из Польши после отхода татар, они с братом «не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьеных, не бе бо на Володимере не остал живых: церкви святой Богородицы исполнены трупья, иныя церкви наполнены быша трупия и телес мертвых». Поистине правы современники, полагавшие, что от ужасов татарского погрома «мог бы прослезиться антихрист». Антихрист мог. Евразиец – нет. Л. Гумилев это продемонстрировал и в последнем письме отношением к факту уничтожения населения Москвы заботливым «другом» московского князя Тохтамышем: он настаивает, что приведенные в «Молодой гвардии» летописные сведения вполне согласуются с его точкой зрения.

В письме Л. Гумилева есть еще аргументы сугубо личностно-клеветнического свойства. Оппоненту предъявляется обвинение, будто он писал «доносы» на самого Л. Гумилева в застойные годы. А было все наоборот. И тогда на Старой площади преобладали «евразийцы», рупором которых были Оскоцкие и Суровцевы. Журнал же «Наш современник» после публикации статьи «Писатель и история» (1982, № 4), в которой критиковалось евразийство, в 1982–1984 годах рассыпал более чем наполовину каждый номер. Отказываться же от научного метода познания не собираюсь я и сейчас, сколько бы доносов ни поступало новым (а по существу, и старым) хозяевам остатков нашей страны. Естественно, не принимаю и исходный тезис Л. Гумилева, что «доносы» – врожденная национальная черта русских. Вообще полемические выпады такого рода у Л. Гумилева не случайны. При всех трудностях с памятью он, конечно, знает, что концепция его построена на домыслах и вымыслах, которые научного спора выдержать не могут. Отсюда и стремление свести спор к перебранке на кухонном уровне. Это своеобразная охранная зона, за которой скрывается вполне политическая и отнюдь не безобидная концепция, затрагивающая судьбы русского и не только русского народа. И в этой связи крупного разго-

вора никак не избежать, даже если бы личные отношения с евразийцами ничем не омрачались.

Наверное, и татарской темой в будущем стоит заняться основательней. Работ хотя и не мало (В.В. Бартольд, А.Ю. Якубовский, А.Н. Насонов, В.В. Каргалов и многие другие), но мало освещенные аспекты остаются, а все более нарастающий археологический материал нуждается в основательной обработке, в увязке со всем комплексом письменных и фольклорно-этнографических источников. Но и хрестоматийных данных достаточно, чтобы оценить это узловое звено евразийства. И неизбежно возникает вопрос: а какая же роль предназначена заведомо ложной концепции в наши дни?

Недавно знакомый сотрудник упраздненного сельскохозяйственного министерства заметил в сердцах: «Как же мы ругали вас, патриотов! Развалить такую страну, разорить хозяйство, разрушить все устои общества!». Разумеется, служащим тоже можно предъявить счет. Но и то верно: иные патриоты (или так себя называющие) пошли под лозунгами своих вроде бы оппонентов, соревнуясь с ними в разрушительном усердии. «Евразийству» в этой кампании разрушения отведено не последнее место. По меткому определению Карема Раша, это «наиболее подлая форма русофобии», опасная именно тем, что разместилась на «русском направлении». О евразийстве тоже надо будет еще писать. Пока отошлю к публикации в «Молодой гвардии», книгам В.В. Каргалова, а также к статье И.Н. Смирнова в «Нашем современнике» (№ 11 за 1991 г.). Последняя посвящена модной ныне русской религиозной философии начала века, через которую под прикрытием православия протаскивались идеи розенкрейцерства и теософии. Но оккультно-мистическая основа у них сходная.

Собственно, мистика в данном случае тоже играет отвлекающую роль: больше принимай на веру и не сопоставляй с фактами. И вот уже читающему вроде бы и все равно: уничтожили татары города или не уничтожили, убили нескольких «изменников» или вырезали большую часть населения, постоянно грабила 8 поколений покоренного населения или готовили их для воплощения особой миссии. В итоге же – полная атрофия чувства и сознания, этакий сомнамбулизм, в равной мере обращенный в прошлое и в будущее.

В том же номере, где помещено письмо Л. Гумилева, в рубрике «На “русском направлении”» опубликована очередная ста-

тья известного «евразийца»-гумилевца, выступающего в последнее время под очередным псевдонимом – «Балашов». Лейтмотив выступления – отвержение социального и приверженность мистически понимаемому «национальному». Автор сетует по поводу трудностей восприятия «русского» для неопита (у себя он отмечает эстонскую и цыганскую «кровь»), и из этого делается вывод о большей значимости «национального» перед классово-социальным. А между тем демонстрирует он как раз решительный перевес социального над национальным. В его рассуждениях столько ненависти к социализму – да и речь, по существу, лишь об этом, – что вполне можно было бы претендовать на премию, которую могли бы утвердить транснациональные корпорации: ведь никакого капитализма в России в наше время, помимо контролируемого транснациональными корпорациями, просто не может быть.

Историю XX века, конечно, надо переосмыслить заново, но не ретушировать и не затушевывать. Нас долго производили «родом из Октября», а теперь хотят загнать в прерии дикого капитализма. Три поколения ориентации на социальную справедливость, как высшее благо, не могли пройти бесследно при всех отклонениях от этого принципа и спекуляциях на вечной идее. После двух с половиной веков жесточайшего монгольского ига Россия никогда не выходила на европейский уровень, особенно в области потребления. Ближе всего к решению этой задачи, как ни парадоксально, мы подошли в 50-е годы, то есть вскоре после самой разрушительной войны последних столетий. И причины нашего позднейшего отставания в основном субъективные.

В публикации Д. Балашова, конечно, фигурирует и лозунг всех революций: «экспроприация экспроприаторов» («грабь награбленное»). В 1917 году этот лозунг воодушевлял миллионы рабочих и крестьян, к которым неизбежно примазывались и просто грабители. Осудить этот лозунг надо. Но тогда все-таки грабили (по крайней мере, на государственном уровне) сомнительно нажитое. Ныне просто грабят тружеников, и воспоминания о лозунгах вековой давности служат отвлечению внимания от нынешней трагедии.

Союз пятнадцати республик распался. В очередной раз Россия оказалась ограбленной теми, кто поднимался на ее дотациях. 25 миллионов русских и большие районы, издавна заселенные русскими людьми, оказались за рубежами России. Но вы-

боры на Украине и в Казахстане показали, что большинство русских и не хотят российской власти. То ли потому, что во всех пятнадцати республиках, включая Москву, правительства в равной мере антирусские, то ли все-таки потому, что на первый план сейчас выходит социальный фактор, лишь формой и проявлением которого является и национальный вопрос, и судьба армии, и некоторых других государственных структур.

НЕРАВНОЕ РАВЕНСТВО*

В 1993 году под эгидой «Российского международного фонда культуры» вышла книга «Тайны национальной политики ЦК РКП», воспроизводящая стенографический отчет «Четвертого совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.». Совещание посвящалось в значительной мере «делу» М.Х. Султан-Галиева, а публикация ставит целью окончательную реабилитацию его как «выдающегося политического деятеля, мужественного сына татарского народа». Именно так характеризует его в предисловии Б.Ф. Султанбеков, и логично: хотя книга издавалась в Москве, печаталась она в Казани.

Сейчас у нас разворачивается кампания своеобразной вторичной реабилитации. Если не так давно реабилитация означала признание за репрессированными марксистско-ленинской «чистоты», то ныне подчеркивается нечто противоположное, причем и то и другое обычно засчитывается в заслугу реабилитируемому. Не составляет исключения и данный случай. Двойная мораль сейчас никого особенно не удивляет. Но в межнациональных отношениях она неотвратимо ведет к тому, что мы уже имеем и что в перспективе будет еще нарастать.

Само название книги предполагает чуть ли не сенсационные разоблачения коварных планов Москвы против национальных меньшинств. А ничего необычного в этом совещании не было ни по форме, ни по содержанию. Партийные собрания, как известно, всегда делились на «открытые» и «закрытые», причем «персональные дела» рассматривались только на «закрытых». И

* Опубликовано в журнале «Молодая Гвардия» 1994 г. № 1.

если, скажем, сокрытие от народа механизма принятия важнейших решений заслуживает осуждения (и то не всегда), то утаивание «всех подробностей» интимной жизни провинившихся и понятно, и даже гуманно.

В данном случае главный вопрос – что и от кого скрывалось при рассмотрении межнациональных отношений? В предисловии нагнетается мысль, что развитию наций мешал Центр. А Центру подбрасывается и иное название: «великорусский шовинизм». А ведь это совершенно разные понятия.

Совещание проходило под флагом исполнения решений XII съезда по национальному вопросу. А что предполагали эти решения? Именно на съезде была заложена концепция борьбы с «великорусским шовинизмом» и подъема отсталых наций и народностей за счет русских. Нагнеталась формула о России как о «тюрьме народов», причем русский народ выступал как бы в качестве «тюремщика» и теперь должен был отдавать «долги». Между тем и до 1917 года наибольшей эксплуатации в России подвергался именно русский народ.

В 20-е годы XX века сформировалась и «теория», и практика «выравнивания», которая сохраняется и до сих пор и предполагает искусственное создание привилегий для всех народов, кроме русского, и, естественно, за счет русского. Показательно, что «разработкой» теории национального вопроса у нас занимались в то время, да и позднее, почти исключительно нерусские. Это одна из форм сокрытия действительного положения вещей от русского населения. И на упомянутом совещании русских практически не было, да и Центр в 20-е годы лишь в очень небольшой степени включал и русских.

Обвинения в адрес Султан-Галиева по тем временам были серьезными: связь с басмачеством, уклон в ислам, вплоть до связей с зарубежными исламскими странами и организациями. Установкам на «мировую революцию» (а вовсе не на «великодержавность») это решительно не соответствовало. Но вопреки утверждениям автора предисловия, В.В. Куйбышев, излагавший суть дела от имени ЦКК, предлагал освободить провинившегося из заключения. Характерны и неоднократно повторенные оговорки: «Для нас, конечно, совершенно очевидно, и XII съезд партии это ясно заявил, что националистические уклоны среди местных работников республик и областей в корне своем имеют причины в виде остатков и пережитков национального неравенства и про-

явления великодержавного российского шовинизма», и «задачей настоящего совещания... будет – еще и еще раз подтвердить постановление XII съезда о необходимости самой решительной борьбы с пережитками великодержавного шовинизма и за быстрое уничтожение следов всякого неравенства» (с. 21).

От кого все это надо было скрывать? Естественно, от тех, за счет кого «выравнивали». Если перечитать выступления с мест на этом совещании, то нетрудно обнаружить лейтмотив их: «Дай!». Вспоминается 1970 год, заседание редколлегии журнала «Вопросы истории» (где был я в то время зам. редактора), на котором обсуждалась статья известного историка И.М. Волкова «Колхозное крестьянство в первые послевоенные годы (1946–1950)». В статье приводились, в частности, факты: оплата труда в селах Смоленской и Рязанской областей в сотни (!) раз отставала от зарплаты в хозяйствах Средней Азии. На редколлегии резко столкнулись две линии, приводилось огромное количество подобных фактов, и незначительным перевесом голосов решено было данные эти опубликовать («против», естественно, голосовали «интернационалисты»). С удовлетворением подписал я номер в печать, но, когда получил вышедший номер (6-й), спорного абзаца там не обнаружил. Как он исчез – выяснить не удалось (в Главлите заверили, что они не вмешивались).

Насколько развращающе действовала такая политика на привилегированные национальные группы, не трудно представить, и проявляется она ныне не только в убежденности, что «большой» обязан помогать «меньшому». «Большого» при этом еще и в высшей степени презирают. В качестве председателя Московского городского общества русской культуры мне неоднократно приходилось «заседать» в Моссовете с руководителями других национальных культурных обществ. О чем обычно говорят? То же «дай». «Дай квартал для компактного заселения», «дай школы и преподавателей», «дай денег на содержание освобожденных работников и проведение мероприятий». А когда разъясняешь, что свое «коренное» общество не имеет ни копейки ни от кого – удивляются: «Так вам и не положено!». Примерно те же речи и та же картина и на научных конференциях по национальному вопросу. А что взамен? А взамен то, что мы имеем на окраинах бывшего Союза, да и в столицах тоже.

В предисловии Б.Ф. Султанбекова главные претензии предъявляются Наркомфину и Наркомзему, которые не всегда в со-

стоянии были учесть аппетиты «меньших». Показателен и приведенный им пример: «Так Наркомзем РСФСР весьма настороженно встретил решение правительства Татарии... о создании на берегах Волги и вокруг Казани татарских поселков, ликвидированных там после падения Казанского ханства в XVI веке. Этот акт восстановления исторической справедливости был расценен как «национал-уклонизм», и ему было организовано скрытое противодействие» (с. 5). Ну а если бы Наркомзем вместо «скрытого противодействия» в качестве «восстановления исторической справедливости» потребовал бы с Татарии репараций за уничтожение подавляющего большинства русских городов (более тысячи) и трехвековое ограбление России? Или бы предложил потомкам Батыя и Чингисхана (вместе с прославляющими их «евразийцами») вернуться на «историческую родину»? А для такого «встречного счета» оснований куда больше, не говоря уже о гигантах типа КамаЗа, который один поглотил, по крайней мере, месячную зарплату каждого россиянина.

Едва ли не главная слабость организаций и печати коммунистического направления заключается в том, что они издревле традиционное для России почитание «равенства» воспринимают все еще в духе партийных документов 20-х гг. Многие, в частности, привлекают публикуемые в «Правде» квалифицированные и честные анализы С. Кара-Мурзы. Один из очерков он посвятил как раз теме равенства как непреходящей ценности, ныне нами утерянной. Но когда рассуждения о «равенстве» опускаются на землю, оказывается, что кто-то – более «равный», чем остальные.

С. Кара-Мурза «равенство» понимает в трактовке «евразийцев» («Правда», 30.06 и 14–15.07) как некий умильный альянс православия и ислама. Приводя длинную цитату из П. Савицкого, автор полагает, что «дружба народов» уже сформировалась в прошлом (видимо, со времен татаро-монгольского ига). Только следовало бы учитывать, что «евразийцы» фактов либо не знают, либо совершенно их не ценят (как и современные «евразийцы»). По меткому замечанию И.А. Ильина (которого кое-кто тоже хотел бы зачислить по ведомству «евразийцев»), «для увлечения «евразийством» нужны два условия: склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности» (см. «Политика», № 5, 1993. С. 14). Идеологическую же направленность этих «вывертов» четко определил Карем Раш: «Наиболее подлая форма русофобии».

Коренная ошибка и старых, и новых «евразийцев» (если только можно говорить об «ошибках» в концепции, вообще не считающейся с фактами) заключается в непонимании различия между общинами славян и ряда восточных народов, включаемых в единую и неделимую Империю чингизидов. У славян изначально просматривается территориальная община с самоуправлением, выстраивающимся снизу вверх. На Востоке преобладала кровно-родственная община, клан, где иерархия соподчинения выстраивалась сверху вниз. Территориальная община была открыта для выходцев из других племен, клан, как правило, иноплеменника принимал лишь в качестве раба или прислуги.

Идею равенства несла именно славянская территориальная община. Принимали ее не все племена и не все сословия. Как правило, она достаточно убедительно побеждала среди социальных низов, а племенных вождей правящие круги России (в XV–XIX вв.) привлекали получением определенных привилегий. В результате русское дворянство составляло в социальных верхах относительное меньшинство. Но идея равенства в России и при этом жила, и ее не пытались оспаривать и те, кто фактически ее никогда не признавал. Показательно, что, когда Европу в прошлом столетии захватили расизм и социал-дарвинизм, формируя психологию изначального неравенства во всех слоях населения, в России, и в условиях реального неравенства, сознания этот вирус не задел. На это обстоятельство обратил внимание тогда же Н. Миклухо-Маклай: «Россия – единственная европейская страна, которая хотя и подчинила себе много разноплеменных народов, но все же не приняла полигенизм (т. е. учение о разном происхождении и, следовательно, неравенство рас) даже на полицейском уровне. В России полигенисты не могут найти себе союзников, так как их взгляды противны русскому духу».

Это глубоко верно и не только для XIX века. Психология территориальной общины проявляется и в крестьянском самоуправлении, и в казачьем круге, и в земских соборах XVII века, и в позднейшем земстве. А в XX веке идею равенства, противостоящую идеологии господства и подчинения, Россия бросила в мир. И защитникам, и противникам социализма следовало бы учитывать, что на выборах в Учредительное собрание осенью 1917 года почти 90% голосов было отдано социалистически ориентированным партиям и кандидатам. И произошло это не столько благодаря, сколько вопреки агитации партийных функционеров (боль-

шинство принимало «русский социализм», который так или иначе ассоциировался с общинно-артельной традицией, уходящей в глубину веков). Со времен славянофилов принято считать, что общинный дух привнесло в Россию православие. Зависимость здесь обратная: славянская территориальная община позволила сохранить пронизывающую христианство (именно Новый завет) идею равенства народов и людей вообще. Католические и некоторые другие течения в христианстве легли на иную почву и гораздо больше восприняли от Ветхого завета (раскол в середине XI века был связан как раз с принципиально разным отношением к «Закону» и «Благодати», как это, в частности, разъяснялось в знаменитом «Слове» Илариона). Православие, особенно русское, в принципе терпимо к иным религиям, здесь никогда не было военизированных орденов, как и религиозных войн. Но и альянса православия и ислама тоже никогда не было. Невозможно даже себе представить, чтобы православная церковь одобрила зверские расправы над женщинами и детьми, над десятками тысяч людей, учиненные исламскими фундаменталистами в Таджикистане (об этом прекрасно написал С. Кургинян в «Советской России» от 29.07). И если позиция «Независимой газеты», берущая под защиту изуверов, поскольку они – «демократы» и противники коммунистов, понятна, то аналогичная позиция современных «евразийцев», числящихся по разряду патриотов, и безразличие «Правды» к сути происходящей там трагедии вызывают просто недоумение.

Разумеется, «ислам» «исламу» – рознь. Но это обязательно надо оговаривать, и прежде всего сами исламисты должны отмежеваться от своих озверевших единоверцев. Это не тот случай, когда можно внимать елейным речам «демократов», призывающих начать «переговорный процесс» с волками, попавшими вместо овчарни на псарню и жаждущими перебраться по ранее намеченному адресу.

С. Кара-Мурза усматривает чуть ли не главный порок «президентской» конституции в том, что согласно проекту «главные субъекты права – граждане, а не этнические группы». Если бы речь шла о «суверенитете личности», недавно провозглашенном в программах демократов, о противопоставлении личности обществу и государству, – можно было бы согласиться: противопоставление личности обществу и государству – идея, по сути, мафиозная, ведущая к войне всех против всех. Но автор отвер-

гает территориальный принцип во имя этнического, который трактует в духе документов 20-х годов: иерархия национальностей с «большим народом» в качестве подстилки. Автор считает нормальным, что 50 % российской территории пытаются захватить 7 % ее жителей. Но ведь это и есть расизм, с которым автор вроде бы хотел вести борьбу? Ведь границы республик проведены в 20-е годы без опроса населения и везде за счет русских земель. Сама иерархия национальностей, все еще не осужденная и не отмененная, – едва ли не худшая форма расизма. Ныне русские области просто вынуждены провозглашать суверенитеты: у них нет другого выхода. Только так они могут уравнивать себя в правах с «меньшими», но высшими.

Во всей этой истории тревожно не то, что популярный публицист и разносторонне образованный ученый принял всерьез чью-то пустопорожнюю болтовню. В конце концов знания каждого ограничены определенными областями, а в других приходится полагаться на выкладки специалистов. Но и восприятие всерьез полущутейных «вывертов», и нежелание проникнуть в действительную природу разгорающихся межэтнических (а отчасти и внутриэтнических) конфликтов, беспечность и даже пренебрежение к глубинным интересам «большого народа» – отражение общего, крайне слабого осмысления национального вопроса в кругах, считающих себя «интернационалистскими». А потому явно не осознается и роль порочных решений в этой области в 20-е годы, и то, что «общины»-кланы возрождаются на наших глазах в качестве мафиозных структур. Если по-прежнему игнорировать этот процесс, то скоро вся «Евразия» уподобится Черемушкинскому и другим подобным рынкам Москвы.

ПИСЬМО АНОНИМА*

Письмо, которое помещено ниже, – реакция на брошюру А.Феоктистова «Русские, казахи и Алтай», изданную монархической организацией «Альфа и Омега», возглавляемой

* Под названием «Письмо русофоба» неоднократно публиковалось в малотиражных изданиях. Здесь воспроизводится текст (включая авторское предисловие), опубликованный в газете «Аль-Кодс», 1994, №9, №16.

И.Л. Деминым. Брошюра убедительно вскрывает фальсификации казахских историков, «укореняющих» казахов на территориях, где сменилось множество племен и народов. Письмо давно уже ходит по рукам, и первая реакция большинства прочитавших его – откуда такая ненависть к народу, главной психологической чертой которого давно признана «всесветская» отзывчивость? Между тем, письмо тем и ценно, что проявляет природу русофобии, вроде бы беспричинно нагнетаемую в мире в течение этого столетия.

Две причины названы автором прямо: это соблазняющие «цивилизованных» хищников сырьевые ресурсы и земли, облюбованные для переселения «избранных» из зон, превращающихся в пустыню (о таком плане у нас, действительно, не догадывались). Но главная причина не названа, хотя именно она пронизывает от начала до конца все письмо: это идея равенства всех народов, идея социальной справедливости. Именно этой идеей тысячелетиями держался крестьянский мир, а в XX веке она вышла и на всесветский уровень.

Достаточно ясно, что, лишь приняв эту идею, человечество способно выжить, избежав экологической или технологической катастрофы. Но ясно также и то, что транснациональные корпорации, организованные в структуры мафиозного типа, скорее согласятся уничтожить жизнь на земле, чем откажутся от возможности грабить и угнетать народы мира.

Письмо до сих пор публиковалось лишь в малотиражной брошюре И.Л. Демина «Русское дело сегодня» (1993 г.). Многие патристические издания оказались неготовыми к восприятию обнародованного в нем материала. Поэтому, кстати, и не сумели предусмотреть появления «третьей силы» у «Белого дома» в сентябре–октябре, снайперов, паливших и по журналистам, и по омоновцам, по «своим» и «чужим», провоцируя возможно более масштабное кровавое побоище. «Бейтаровцев» там многие видели. Но были там и какие-то иные, еще более конспиративные силы, в том числе, как отмечалось в прессе, прибывшие из-за кордона и туда же немедленно вернувшиеся.

Сам изложенный в письме план, год назад казавшийся невероятным нашим депутатам, последовательно реализуется на наших глазах. Даже отнюдь не прорусская «Независимая газета» (25.02.94) констатирует этот факт. Указав, что в Вашингтоне фокус внимания перемещается на Киев и Алма-Ату, газета напо-

минает о содержании «переговоров Леонида Кравчука в Литве, его встрече с Нурсултаном Назарбаевым», а также о «воинственных заявлениях последнего во время недавнего визита в Вашингтон». Верно отмечается, что «начался активный розыгрыш варианта создания по периметру границ России так называемого «Балтийско-Черноморского сообщества». Газета ошибается, полагая, что впервые эта идея была выдвинута Збигневом Бжезинским в начале 1992 года. Ей не менее сотни лет. Другое дело, что сын З. Бжезинского, десять лет назад призывавший к физическому уничтожению русского народа путем ядерных бомбардировок, ныне советник Кравчука.

Нетрудно увидеть, как осуществляются и другие изложенные в письме «задачи». Образование разрушается, высшая школа и наука уничтожаются. И даже идея восстановления монархии теперь открыто проповедуется «демократами». «Московские новости» (1994, № 8) опубликовали сообщение о письме Беллы Денисенко Борису Ельцину с предложением восстановления монархии. «При таком повороте событий, — соглашается газета, — демократы и национал-патриоты обретут наконец почву для единения».

И, конечно, ценно указание на «гамельнских крысоловов», уводящих просыпающееся национальное и социальное сознание все в новые и новые тупики. Выявление и обезвреживание этих идей — одна из неотложных задач, без решения которой разговоры о «возрождении России» будут по-прежнему сопровождаться все более неотвратимым ее развалом.

«Г-н Демин!

Мы внимательно прочитали книгу Феокистова «Русские, казахи и Алтай». И сделали по Феокистову определенные выводы.

Мы признаем, что эта книга — одна из крайне опасных книг, выпущенных до начала событий. Т. е. выпустили-то вы ее на удивление вовремя, что бывает у русских ленивых свиней крайне редко.

Только вы не обижайтесь. Просто — вы действительно должны принять это и проникнуться этим. Тогда эта страна избежит лишнего количества жертв, что предопределены вам. И вас останется не 45 млн. ед., а 65–70 млн. ед.

Мы боремся с красно-коричневыми (а все русские — красно-коричневые) своими специальными методами, хотя и некоторые

из нас состоят в ваших официальных организациях (т. е. осуществляется связь).

Вы обречены. И пока вы не поймете этой простой истины, пока будете дергаться, до тех пор вас будут бить сильнее, чем полагается.

Мы, наша организация, в силу своей замкнутости, не знаем всего комплекса Великих Тайн, но мы догадываемся, т. к. кое в чем помогаем.

Повторим, на 100 % мы не знаем, но, судя по всему, то, что мы изложим, является Тайным Знанием и промежуточной целью.

Так приятно объяснить приговоренным все, без недомолвок.

В этой стране есть две вещи – на одну обращают внимание, о другой никто не говорит.

1) 75–80 % неоткрытых запасов нефти и газа сосредоточено в Сибири и на шельфе Северного Ледовитого океана. А на 85 % шельф оказался у вас. (Дуракам всегда везет.)

Объяснение для особо тупых. Для установления четкого контроля над этими ресурсами, принадлежащими всему цивилизованному человечеству, будут проведены следующие мероприятия:

а) Создана конфедерация свободных народов «Итиль-Урал», отсекающая Урал и Сибирь от Центра и Юга (Коми, Коми-Пермяцкая республика, Удмуртия, Великий Татарстан, Башкортостан и создаваемая по договоренности с Колем Республика Немцев Поволжья, которая и соединит Башкортостан с Казахстаном. Затем она превратится в Великую Поволжскую Германию и длинным своим концом прорежет три области, объединившись с Калмыкией, Дагестаном и Турцией (Азербайджаном). Т. е. отсекающая конфедерация будет опираться на две ноги – Великий Татарстан и Поволжскую Германию. (Но это, конечно, в перспективе – 25–30 лет, а может, и раньше.) Роль Казахстана и лично Назарбаева неизмеримо высока. Он должен предотвратить опускание земель этой страны на юг от Полярного круга, контроль (жесткий) над производящим быдлом и всемерную интеграцию через Великий Туран в мировой интеграционный процесс.

Забудьте об Алтае. Он, как и Крым, больше вам никогда не достанется. Не обрекайте женщин и детей на нищету и смерть. Они, конечно, умрут, но когда будет нужно. И Назарбаев сделает все, т. к. гарантии ему даны. Именно потому, что своей книгой вы можете дать толчок структурированию славянского быдла в Казахстане – именно поэтому вы так опасны. Но вы одно-

временно жалки. Т. к.: 1) все у Назарбаева под контролем; 2) есть крысоловы, которые уведут русское быдло куда надо; 3) русское быдло все равно уже спилось и деградировало и на структурирование не способно. Главное удержать 2, максимум 2,5–3 года. А там у вас здесь мы организуем вам столько проблем, что вы навсегда забудете про свои 8 областей в Казахстане, 3 области в Белоруссии, 7 областей в Украине и + Крым. Затем все очень просто. Суверенные Саха, Чукотка и т. д. сами просят защитить их от кровавых русских колонизаторов.

2). Есть еще одна вещь, которую просто приятно сообщить вам: идет интенсивное потепление климата (Сомали, Эфиопия, Мексика, Юж. Европа и т. д.). Пустыня продвигается на север со скоростью 10 км в год, опустынивание – 25 км в год. Уже сейчас древние центры мира (Рим, Афины и, главное, Иерусалим) попадают в зону только искусственного орошения, т. е. через 20 лет надо будет думать о переселении громадных масс цивилизованных народов. Куда?

На Кубани и в Ростовской области будет через 20–25 лет изумительный субтропический климат. А если вспомнить историю, то нужно признать, что эти земли – исконные земли Хазарии, т. е. Израиля. Вы, русское быдло, временные гости на этих землях.

Да, здесь – пока – вы сильны. Но (!) уже сейчас на этих землях живет 1,5 млн. армян – великой нации, которая имеет тоже права на эти земли. Мы структурируем их, вооружим и бросим на пьяных бандитов-казаков. Они пьяны постоянно, любят власть и готовы резать друг друга на этой почве. ИХ МАЛО (!).

Если сумеем заменить у них элиту с красно-коричневой на нашу, то все будет нормально. А крысоловы гамельнские уже готовятся.

Казачья шваль крайне опасна, т. к. это (почти) единственная структурированная организация быдла.

Есть еще православный клир. Но он ленив, глуп и алчен. Мы его купим. А если нет, то уничтожим.

Больше структур в русском быdle нет. Предприниматели уже все под контролем. Армия руководится дебилом Грачевым. Что у вас еще??? Все. Вам КОНЕЦ!

Мы на первом этапе создадим Армянскую республику на Кубани и заставим выгнать из горских республик все русское быдло куда-нибудь посевнее, желательно в вонючие деревни (т. к. среди них много инженеров и рабочих).

На II этапе мы создадим Великую Хазарию. Тогда заберем очищенные равнинные территории у горских дебилов. Горцы при нас будут жить там, где им полагается жить – в горах. Но это, конечно, дело далекого будущего (а может и не очень). А чтобы вы не очень дергались, мы создадим Балто-Черноморскую конфедерацию (с опорой на Литву и Украину + Грузия). Она железным кольцом будет удерживать быдло от опрометчивых шагов (400 км от границы до Москвы). Шушкевича придется скинуть, т. к. он не хочет союза с Украиной.

Крым уже ушел навсегда. Командору Мальтийского ордена приказано поднимать этот вопрос как пропагандистский, а не как реальный, т. к. разрешено пошуметь. Один Руцкой что-то вякает, но мы ему уже организовали окружение, которое будет его контролировать. Немного импульсивный, но эта книга, я думаю, до Руцкого не дойдет.

Кстати, порадую вас, уже сейчас, за ваш счет, свозятся корейцы со всей Средней Азии (часть, правда, на Кубань) в район Хабаровска и Владивостока, чтобы затем создать суверенную республику корейцев, отрезающую вас от Тихого океана.

В Усть-Луге постараемся восстановить погранные вами права ингерманландцев. Т. е. отрежем Балтику.

А в районе Сочи будет греческая автономия и шапсутская, т. е.: 1) отрежем от Черного моря, 2) выход горского союза к морю. Немцы под нашим руководством уже проводят колоссальную работу, за что им будет возвращена Пруссия. Вы вернете все: остров Врангеля – США, Курилы – Японии, Бурятию – Монголии, Даурию – Китаю, Сев. Кавказ (горы) – Турции (Союз горских народов) и будет там Хазария. Часть украденных земель (Белгород, Воронеж, Курск...) вернете Украине, Кенигсберг – Германии, Выборг – Финляндии.

Вы всегда плохо управлялись из-за своих больших пространств. Теперь этому придет конец. Вы будете иметь маленькую северную территорию с компактным населением.

Мы дадим вам патриотизм балалайки и пьяных слез. Мы обязательно дадим вам монархию. Это очень важно. Кстати, нам очень нравится Николай II. Мы его сделаем, заставим сделать святым. Если бы не он, то все было бы очень, очень плохо. В перспективе только монархизм для этой страны. И побольше блеска, флагов, красивых названий. Монархизм хорош тем, что всю энергию направляет в свисток, отвлекает от тайной актив-

ной работы по структурированию населения и предотвращает неконтролируемый сценарий событий из-за подчиненности всех процессов центру – Царю-батюшке. Т.е., кто стоит за ним, тот и управляет.

Поэтому мы и добились введения поста Президента. Я имею в виду «мы» – это цивилизованные люди вне зависимости от национальности.

Главное, дурачки, – Деньги, Элита, Массовость, Информация. Деньги наши. У вас их нет и не будет, не дадим.

Элита – да, она у вас есть. Но как всякая элита, она грызется между собой и ваша элита не связана с народом. Она боится этого быдла. (Кстати, правильно делает.) Т.е., может руководить теоретически, гласно, без системы Тайных Знаний, без многоуровневой структурированности. Надо признать, элита у вас не все идиоты, но все – наивные. Они готовы перерезать друг друга по идейным соображениям. Это ценно.

Массовость. Молодежи у вас не будет. Тальковых больше не будет, а на остальных они не клюнут. Они – наши. С пассионарными людьми вы работать не умеете, да их и очень мало. Например, родители, у которых украли ребенка. Или идейный патриот – таких 0,05 %, т.е. достаточно 5–6 Жириновских, чтобы оттянуть половину пассионариев.

Здесь хорошо идут шайки с развитыми внешними формами – монархисты, фашисты.

Вы, тупой сброд, не понимаете, что самые страшные фашисты и монархисты – это те, которые никогда, нигде вслух об этом не заикнутся, те, кто организует все (якобы) по самым демократическим нормам. Но здесь надо иметь традиции, структурное мышление, глубокий опыт и постоянную, всепоглощающую ненависть. Только когда уходят от внешних форм оппозиции и переходят к эффективным высшим, многообразным формам оппозиции, т.е. практического воплощения ненависти и мести. Мы говорим это открыто, т.к. вы еще настолько неразвиты, и развиваться вам уже не дадут.

Да, вас многие поддерживают. Но все сидят по домам не зная своей истории и направлений. Мы дадим им свой вариант вашей истории. Очень важно сейчас предотвратить любыми способами нагнетание, обострение межнациональных отношений в областях чисто русских, т.к. это может резко снизить управляемость быдла. Ведь перед тем, как зарезать свинью, ее ведь гла-

дят. А вы, свиньи, фашистский народ, у которого хоть, правда, можно подобрать элиту более-менее.

Информация. Информация внешняя – у вас нет фондов, аналитиков такого класса, как Дм. Янов и т. д. Кроме Шафаревича, у вас нет вообще мозгов. А этот ублюдок обречен, как и Ю. Власов. Кстати, мы очень думаем о Солженицыне.

Информация внутренняя – сейчас облегчена, хотя МБ серьезно занимается вами, одновременно мы, где можно и нужно, тоже работаем. Говорю открыто. Опыт дело наживное.

Как любят здесь говорить – мы вас опустим. Сейчас будет проведена гуманизация образования, в результате чего предметы, структурирующие мышление правого и левого полушария мозга, будут уменьшены и деструктурированы – а) язык и литература, б) физика и математика. О истории – говорить нечего. Пусть учат экологию, монстров ВПК, танцы, приучаются к сфере обслуживания (и чем раньше, тем лучше).

НИКАКОЙ ВЫСОКОЙ ТЕХНОЛОГИИ. Через 5 лет мы закроем половину ваших институтов, а в другой половине будем учиться мы. Пустим туда цыган, армян, чечню...

Я очень разнервничался от вашей книжонки и после обсуждения решил показать вам, что все равно вы ничего не сделаете. Все, что будет – все известно, контролируемо и тайно управляемо. Пока, конечно, не все.

МЫ НЕНАВИДИМ ВАС БЕЗМЕРНО. Эта ненависть дает силы улыбаться вам, внедряться к вам в доверие и руководить вами, показывая «заботу» о вас и ваших детях и будущих внуках и правнуках. НЕНАВИЖУ Россию».

КАКОЙ ФАШИЗМ НАМ УГРОЖАЕТ?*

Слово «фашизм» в политическом лексиконе ныне едва ли не самое употребительное. Его склоняют на митингах, в средствах массовой информации, в бытовых перебранках в качестве самого крепкого «морского» ругательства. А наряду с этим реальная идеология нацизма разными путями внедряется в сознание и политическую практику чаще всего как раз теми, кто более всего

* Опубликовано в журнале «Молодая гвардия», 1993, № 8.

кричит об угрозе фашизма. На встрече у М.С. Горбачева 23.10. 1989 года Н.П. Шмелев открыл «фашистское движение» «внутри профсоюзов» («Россия», 1989, № 1). Звучало это непривычно: все-таки производители материальных благ. Советник экс-президента предложил более эластичную формулу: «красно-коричневые», которую с энтузиазмом подхватил и первый «всенародно избранный» президент с его экзотической командой. А тем временем борцы с «красно-коричневыми» усиленно пропагандировали роман Д. Гранина «Зубр», главный герой которого трудился в поте лица в самых мрачных заведениях ведомства Гимmlера, а общества «Мемориал» и «Апрель» сыпали очередями интервью, разжигая нацистские настроения в Прибалтике и продвигая к власти прямых наследников немецкого нацизма в Прибалтийских республиках.

В последнее время любование нацизмом проникло и в некоторые группки, называющие себя патриотическими, что дает повод говорить якобы о реальности «русского фашизма». Слабая и даже порой негативная реакция на тревожный голос С. Кургияна невольно усиливает опасения в связи с этим.

Чтобы понять все эти странные коловращения около фашизма, очевидно, необходимо разобраться в самом термине. Надо определить, как родившийся в Италии «фашизм» соотносится с национал-социализмом, сионизмом и оккультно-масонскими орденами. Попробуем также выяснить, возможен ли в принципе «русский фашизм», поскольку всякий иной в России может быть только оккупационным.

При огромной (более 50 тысяч наименований) литературе о фашизме, серьезных работ не так уж и много. И это естественно, потому что проблема слишком актуальна политически и многих затрагивает. Подавляющее большинство авторов – лица еврейского происхождения и подавляющее большинство работ сфокусировано на немецком национал-социализме. Это тоже понятно: именно немецкий нацизм подчеркивал антиеврейский характер своей идеологической доктрины, тогда как в других фашизмах – собственно «фашизмах» если и были некоторые элементы расизма или антииудаизма, то чаще всего как влияние немецкого нацизма. А в результате на идеологическом и политическом уровне часто все смешивается или одно подменяется другим. Скажем, обвинения в «антисемитизме», с которыми представители иудаистских общин могут без сколько-нибудь

серьезных оснований выступить по любому адресу, почти автоматически приравниваются к риторике о фашизме, шовинизме и тому подобном. А ортодоксальный (скажем, итальянский) фашизм в этом отношении ничего не добавил по сравнению с предшествующим временем. Скорее наоборот.

По своим лозунгам фашизм со стороны может выглядеть вполне приличным. Он признает принцип социальной справедливости, хотя и понимает его не с точки зрения интересов основной массы тружеников. Он отвергает классовую борьбу и стремится преодолеть ее созданием корпоративного общества – и в хозяйственной, и в политической сферах. Он обращается к истории и традициям с целью найти в них дополнительные опоры и стимулы в решении часто непростых современных проблем.

Само понятие «фашизм» имеет основным значением «объединение». Но его можно истолковать и от римских «фасциев» – пучков прутьев с топором, символизировавших власть. И для такого двойственного истолкования основания обычно были. «Порядок», строго иерархически выстроенная власть принимали, как правило, милитаристские формы.

Пороки фашистской организации общества обычны для всякой системы, строящейся сверху вниз: никем не контролируемая власть становится самоцелью, высшие звенья ее освежаются лишь в результате случающихся внутренних «разборок», и, в зависимости от обстоятельств, такая власть ограждает себя явными или неявными репрессиями, а также безудержной демагогией. Обычно в этом и усматриваются общие черты «фашизма» и «сталинизма». Но это вообще черты всякой бюрократии, о сущности которой Маркс написал по крайней мере почти за столетие до появления и фашизма, и государственного социализма. Она может сопутствовать любой системе, точнее, она сопутствует любой системе, где власть строится сверху вниз, а она ныне везде строится так: либо явно, как в открыто «тоталитарных режимах», либо тайно, через систему масонских структур, правящих в странах так называемой «демократии». И еще вопрос, какая из этих форм хуже.

Вообще противостояние «тоталитаризма» и «либерализма», так сказать, в идеальном варианте, не может оцениваться вне исторических условий. Либерализм обычно ведет к развалу общества, росту преступности, торжеству мафиозных структур, и тогда вполне естественной становится тяга хоть к какому-то по-

рядку. Тоталитаризм, в свою очередь, преодолев некоторые видимые пороки либерального правления, неотвратимо «загнивает», а провозглашаемые цели все более и более превращаются в демагогическое прикрытие господства более или менее ограниченной касты.

Фашистские режимы устанавливаются в Европе вскоре после Первой мировой войны, когда не только побежденные (Германия и Австро-Венгрия), но и некоторые победители испытывали большие экономические трудности, а коммунистические идеи «мировой революции» имели приверженцев во всех этих странах. Идеи фашизма, безусловно, нацелены были против интернационально-коммунистических идей. Но в условиях неприятия «либерального» капитализма весьма широкими слоями общества некоторые лозунги коммунистов надо было так или иначе перехватить. С этим связана антикапиталистическая риторика при одновременном отрицании неизбежности классовой борьбы. Аппелляция же к национальным традициям, естественно, находила отклик в самых различных слоях общества, включая и пролетарские.

В определениях фашизма, сложившихся у нас в условиях смертельной схватки с фашистскими государствами, обычно подчеркивается, что это «террористическая диктатура самых реакционных сил монополистического капитала». Сейчас многим антифашистам такое определение представляется вообще неверным. Но неверным в нем является не само определение, а его неполнота, скрывающая механизм связи с этим самым «капиталом», равно как механизм действия и самого этого капитала.

Нюрнбергский процесс дал большой материал для суждения о фашизме. Но, прояснив одно, он затемнил другое. Это касается как теневых структур, питавших «поджигателей войны», так и некоторых существенных нюансов, отличающих собственно фашизм от национал-социализма и сионизма. И в своеобразной политической системе ценностей необходимо сопоставить патриотизм, национализм с тремя последними, тем более, что пороки одного течения часто произвольно переносятся на другие.

Патриотизм – любовь к Отечеству – чувство столь же естественное, сколь и благотворное для здоровья общества. Но надо иметь в виду, что это именно чувство, желание принести пользу обществу. Но благими пожеланиями, как известно, может быть

выстлана дорога и в противоположном направлении. А потому без осознания болезней общества сами благие пожелания могут пройти бесполезно или даже навредить. В практике это часто случается: почти любой антинародный режим апеллирует к патристическим чувствам граждан.

Чаще всего патристические чувства эксплуатируют националисты. В отличие от патристизма национализм – это уже определенная политическая концепция и даже теория, в рамках которой предполагается соединить разные слои общества во имя какой-то реальной или мнимой национальной задачи. В зависимости от характера задачи национализм ориентируется на правые (в традиционном смысле понятия) или левые слои народа, на собственников или наемных работников. Так, национально-освободительное антиколониалистское движение до недавнего времени у нас рассматривалось как оправданное, правомерное, соответствующее принципам социальной справедливости, и в рамках национально-освободительного движения обычно широко представлены трудовые слои народа, поскольку обычно национальная буржуазия слаба и зависима от иностранного капитала. Абстрактный национализм, не предполагающий решения государственных или крупных социальных проблем, как правило, не имеет широкой социальной базы, замыкаясь в кругу части интеллигенции и так называемых маргинальных слоев (потерявших связь с прежним местом в обществе и не обретших новых). Национализм агрессивный, ставящий целью решить какие-то «геополитические» задачи, старается овладеть государственными структурами и направить их на решение предполагаемой задачи.

Иными словами, само понятие «национализм» не содержит ничего одиозного. Но наполнение его может быть самым различным – от вполне положительного или респектабельного до резко негативного, враждебного другим народам и нередко своему собственному. Национализм почти неизбежно стремится к тоталитарной форме правления, оценка чего также зависит от цели, во имя которой объединяется нация.

Патристизм обычно питается реальной историей своей страны, ее духовно-культурными традициями (естественно, в тех формах, которые доступны и преобладают в обществе). Национализм более склонен к мифам, преувеличениям, односторонности, самолюбованию. Вариантов опять-таки может быть много.

В освободительных движениях героика носит преимущественно духовный характер. В решении «геополитических» задач на первый план могут выйти начала биологические (даже зоологические), расовые, поскольку только в них отыскиваются «материальные» причины и признаки собственного превосходства.

Именно «геополитически» ориентированный национализм обычно оказывается так или иначе завязанным на транснациональные компании, на мировой финансовый капитал. Но общими словами здесь нельзя что-либо объяснить, а механизм этих связей всегда глубоко законспирирован. Не заглянув «за кулисы», нельзя сколько-нибудь верно оценить роль того или иного национализма. В бытовых перебранках могут обозвать «фашизмом» даже и патриотизм (этим обычно грешат приверженцы экстерриториального национализма – сионисты и их выученики). Между же фашизмом и национализмом действительно непреходимой грани нет, и, скажем, в итальянский фашизм наиболее одиозные черты привнесены итальянским же национализмом, а не наоборот.

В значительной части современной литературы о фашизме есть тенденция сблизить фашизм и сталинизм, приписать Сталину особое пристрастие к фашизму, как к чему-то родственному собственным его воззрениям. Эта тенденция просматривается и в основательной книге Дж. Стефана «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945» (М., 1992), о которой еще ниже будет речь, и особенно подчеркнуто – в предисловии к ней Л.П. Делюсина, и во многих других книгах, не говоря уже о газетных публикациях «антисталинистской» направленности. Но надо иметь в виду, что в 20-е годы о фашизме и в самой Италии имели смутное представление. Муссолини вышел из левого крыла социалистов и, меняя риторику, никогда не говорил о перемене своих взглядов. Постфактум фактически общепринята характеристика виднейшего биографа Муссолини Дорсо: «Обладая анархистской и вместе с тем деспотической натурой, Муссолини готов был проповедовать любые взгляды, стать на любую позицию, поддержать любой тезис, сколь бы они ни были непоследовательны и противоречивы, каждодневно и с поразительной беззастенчивостью опровергать самого себя, беспокоясь лишь о том, чтобы остаться на поверхности политической жизни и пробиваться все выше и выше, ко все большей и большей власти» (см.: Паоло Алатри. Происхождение фашизма. М., 1961, с. 416).

Цитированный текст, наверное, многим напомнит наши последние годы и наших политических деятелей, доведших страну до развала и народ до обнищания и даже вымирания. Но наши популисты сохраняют при этом совершенную невозмутимость и бодрость, а значительное число наших граждан, даже умирая от голода или кончая самоубийством из-за беспросветного будущего, не способны уяснить, кто же виновник их трагедии, и голосуют за. В Италии же 20-х годов популизм лидеров вращался около реальных социальных и национальных интересов, разрешал некоторые противоречия, а потому и среди социалистов отношение к фашизму было неоднозначным. Что же касается «простых итальянцев», они оказывали поддержку власти и в 30-е годы. Лишь внешнеполитические провалы (в годы Второй мировой войны) обнажили пороки новой системы. Но виновен в этом был не столько фашизм, сколько внедрившийся в него национализм.

Итальянский национализм вроде бы легко понять: Великая Римская империя, Рим, римское право и культ государственности, Ватикан, Священная Римская империя (правда, «германской нации»). И тем не менее он был в Италии весьма слабым. Достаточно напомнить, что знаменитое Возрождение культивировало Грецию, а не Рим. И итальянский национализм всегда носил прогерманские черты. В какой-то мере в этом направлении вели воспоминания о вождях V века – Аларихе, Одоакре, Теодорихе, сокрушавших Рим, а также память об «освободительной войне» за Италию Византии в VI столетии, после которой потомков римлян на полуострове вообще не осталось. Но главное, что привлекало всяких националистов, – воинственный дух германцев, их неистребимая жажда завоеваний.

Сам по себе национализм в Италии не мог иметь большого влияния и потому, что он искал питательный материал в другой нации, и потому, что для национализма нужен «образ врага». А такового, по существу, не было. В Италии не было пресловутого «еврейского вопроса», а обозначенный в качестве главного врага Коминтерн находился где-то далеко и непосредственно обывателя не затрагивал. И хотя националистам удалось подвинуть фашизм в сторону немецкого национал-социализма, в толщу населения эти чужие идеи не проникли. И если бы дуче последовал примеру своего испанского коллеги, отношение к нему историков было бы существенно иным. Франко сумел откупиться «Го-

лубой дивизией» и умер своей смертью. Муссолини вверг совершенно не подготовленную в военном отношении страну в мировую бойню и в итоге получил по заслугам.

Вопреки упорно распространяемому мнению вовсе не Сталин проявлял наибольший интерес к итальянскому фашизму в 20-е годы. Скорее таких заинтересованных надо искать среди его оппонентов. В раннем фашизме вообще было не столько национального, сколько иррационального. Этим-то он и привлекал в начале века, когда вроде бы все рушилось и перспектива не просматривалась.

Историки, похоже, недооценивают факты, хорошо известные литературоведам. Речь идет о «футуризме» и близких к нему течениях модернизма, пышно расцветших в России начала XX века и преобладавших в «левых» течениях и организациях 20-х годов. Дело в том, что родоначальником этого течения был Маринетти (1876–1944), с 1919 года близкий сподвижник и духовный наставник Муссолини. В России Маринетти пользовался большой популярностью. Русские его последователи устраивали ему пышные встречи и переводили едва ли не все его книги.

В сущности, все направление русского «махизма» с «Пролеткультом» и прочими организациями «неистовых ревнителей» шло в русле методологии и идеологии итальянского фашизма в области культуры. А к «махизму» склонялись у нас и большинство членов Политбюро, равно как ответственных деятелей культурного «фронта». Почти в тех же формах разрушительный настрой сохраняется и у современных «постмодернистов», хотя объект разрушения, естественно, изменился. И следует подчеркнуть, что нигилизм и зуд разрушения ни в коей мере не носил антиеврейского характера ни у итальянских, ни у российских футуристов. Напротив. В годы «военного коммунизма» Отделом изобразительного искусства Наркомпроса заведовал левый бундовец Давид Штеренберг, по аттестации Луначарского «решительный модернист», тесно связанный с футуристами Запада.

Естественно, что социально-политическая оценка фашизма политическими лидерами страны увязывалась с отношением к собственным «левым» движениям. А она тоже была непоследовательной и методологически не выверенной. Отсюда неустойчивость позиций и у Сталина, и у Зиновьева, и у Бухарина вплоть до конца 20-х годов, когда закрепляется представление о социал-демократах как о «социал-фашистах» (формула Зиновье-

ва 1924 г.): так оценивался отход социал-демократии от идеи «мировой революции».

Фашизм начинал с резкой критики «плутократии» и масонства, как главного инструмента политического влияния финансового капитала и транснациональных корпораций. В 1925 году масонство было запрещено и некоторые масоны подверглись репрессиям. А уже после войны выяснилось, что все лидеры фашизма оставались масонами высоких степеней розенкрейцерского, оккультно-мистического направления (Муссолини имел 30-ю степень посвящения), и через эту систему и отчасти католическую церковь (с которой и формально не порывали) и поддерживалась связь с высшими транснациональными центрами (см.: Лолий Замойский. За фасадом масонского храма. М., 1990, с. 206–207).

Немецкий национализм изначально разрастался на существенно иной социальной и национальной почве. Немецкий национализм и гегемонизм имел за плечами более чем тысячелетнюю историю борьбы за господство над иными народами, а унижение Версальского мира обостряло эти многовековые притязания до умопомрачения. В руководстве российских коммунистов не без оснований считали, что оскорбление унижением может бросить Германию на алтарь мировой революции. Более того, большинство партийных лидеров по традиции считали, что России предстояло лишь начать, а центром мировой революции должна стать Германия. Этими настроениями питалось и сотрудничество СССР с Германией после Раппальского соглашения (1922 г.) в военной области, так поразившее составителей сборника документов «Фашистский меч ковался в СССР» Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуеву (М., 1992). В 20-е годы вроде бы такому сотрудничеству ничто не мешало, и было оно взаимовыгодным (для СССР особенно в технологическом отношении). И авторы явно не по назначению использовали слова английского классика Честертона: «Где бы вы ни увидели людей, коими правит тайна, в этой тайне заключено зло». Честертон имел в виду тайны «дьявола», «сатанизм». Военные же и государственные тайны будут храниться до тех пор, пока в мире идут войны и существуют государства. Сожалеть можно лишь о том, что тайны эти у нас хранятся плохо, и в значительной степени именно поэтому мы из Великой превратились в третьестепенную державу, превзошедшую Колумбию по преступности, Сомали – по нищете и весь мир – по смертности.

В 20-е годы опасность немецкого национал-социализма рассмотреть было трудно, поскольку он находился на уровне «пивных». Но кризис 1929 года резко изменил обстановку. И в этой обстановке партийно-государственные вожди явно вовремя не сориентировались. Не увидели, в частности, что критика «плутократии» немецкими национал-фашистами опаснее для идей коммунизма, нежели соглашательство с капиталом социал-демократии. Лишь после прихода нацистов к власти идеи Народного фронта становятся практической политической задачей.

В национал-социализме изначально гнездились расизм и юдофобия, получившая с конца XIX века неточное обозначение «антисемитизм» (действительные «семиты» – арабы – рассматривались как возможный союзник в предстоящей войне за передел мира). Но расовые теории не слишком шокировали функционеров и специалистов, находившихся под влиянием махизма, поскольку в рамках этого мировоззрения биологической природе человека отводилось более чем почетное место.

В 20-е годы XX века в СССР процветала евгеника – наука об улучшении человеческой породы именно как биологического типа. И связаны наши специалисты в этой области были именно с немецкими центрами. Не случайно ведущий наш евгеник Н.К. Кольцов в 1925 году отправил упоминавшегося Н.В. Тимофеева-Ресовского «Зубра» и С.Р. Царапкина, исключенных из университета за евгенические опыты, именно в Берлин, где они занимались тем же.

Принципиальных изменений этот эпизод еще не внес. Сам Луначарский в 1924 году видел возможность «совершенствования рода, хотя бы ценою временных тяжелых жертв» (Против гуманизма. М., 1924. С. 152). А.С. Серебровский и в 1929 году предлагал способ такого «совершенствования», которое позволит «новым людям» выполнять пятилетку в два с половиной года. Но теперь уже поднялась волна критики евгеники (как всегда, с «перебором», захватывая и генетику), вызванная опять-таки наступлением ее в Германии, где она уже угрожала оплодотвориться в лоне национал-социализма.

Приход национал-социалистов к власти в Германии резко изменил все и вся. Надежды на мировую революцию уходили в далекую перспективу. А пока надо было срочно менять идеологический вектор. Борьба против расизма становится ведущей идеологической и политической проблемой. Как лозунг, выве-

шивается тезис: «Чистых рас не было и нет». От культа биологического совершается резкий поворот в сторону социального. Поскольку, помимо социал-дарвинизма, немецкий национализм питали также германоцентристские концепции сравнительного языкознания, официозную поддержку оказывают «новому учению о языке» Н.Я. Марра (умершего в 1934 году), в рамках которого язык одного и того же народа менялся от одной «стадии» развития к другой. В значительной степени для решения этой же задачи, а также для усиления воспитания чувства патриотизма было восстановлено преподавание в вузах и школе истории, упраздненной за ненадобностью национальными нигилистами и неистовыми ревнителями в 20-е годы.

В пропаганде 30-х годов обычно акцентировалось внимание на антиеврейской направленности немецкого нацизма (чаще теперь также называемого «фашизмом»). Значительно меньше уделялось места антиславянскому содержанию нацистского расизма. И даже борьба с норманизмом (привезенной в Россию немцами версией о норманском, германском происхождении Древнерусского государства) не была непосредственно увязана с этим звеном этно-генетической теории «истинных арийцев».

В рамках традиционного пангерманизма славяне и кельты считались «низшей расой». Это «открытие» XIX века было усвоено и нацистской расовой «наукой».

Но в отношении евреев чисто расовые параметры были отброшены. При большом разном в выражениях негативного отношения к евреям расовый принцип и не проходил ввиду отсутствия специфической «еврейской» расы (из-за многовекового смешения с народами стран проживания), и не определял главного – что антиеврейские настроения питало: евреи и цыгане зачислялись в «паразитарные» расы. Притязания сионистов считать евреев древнейшим и культурнейшим народом не оспаривались, но воспринимались евреи как некие антиподы «арийской расы», к которой возводили себя (безосновательно) теоретики немецкого национализма с XIX века.

В идеологическом повороте явно осталось много недосказанного. Загадочно уже то, что «библия нацизма» – гитлеровская «Майн Кампф», которая сразу могла бы мобилизовать по крайней мере славянскую часть общества на борьбу с немецким фашизмом, как раз от этой части населения и скрывалась. В 1934 году было напечатано всего 500 экземпляров «для служеб-

ного пользования», и если одна заинтересованная этническая группа – евреи – ознакомились с книгой практически поголовно, то другая, большая, и до сих пор о ней почти ничего не знает. И, естественно, возникает вопрос: кого боялся Сталин, скрывая правду от самого заинтересованного читателя, на которого вроде бы он и должен был рассчитывать? И кто, помимо Сталина, был заинтересован в том, чтобы главный народ страны оставить в неведении относительно приуготовляемой для него судьбы?

Обстановка в 1934 году была непростая. Видимо, в основном именно в этом году Сталин получил материалы о создании того самого «правотроцкистского блока», который будет фигурировать на процессах 1936–1938 годов. (Вопреки разным «яковлевским» комиссиям попытка создания такого блока – реальность. Об этом еще в 1986 году на основе документального материала писал американский исследователь Арч Гетти в статье «Троцкий в ссылке. Основание Четвертого интернационала» в журнале «Советские штудии», т. XXXVIII, № 1.)

В этой связи должен привлечь внимание и отмеченный Г. Климовым факт – восстановление наказания за гомосексуализм, отмененное революцией. Оставляет широкое поле для догадок и убийство Кирова, к которому Сталин явно не имел отношения. В процессах 30-х гг. многим обвиняемым инкриминировали связь с немецким фашизмом. О связи с тоже запретными организациями – сионизмом и масонством – не упоминалось вообще, хотя эти связи лежали у многих на поверхности. Вот здесь «тайна» как раз того облика, о котором говорил упомянутый выше Честертон. От основной массы народа СССР скрывались две в чем-то сходные книги: «Майн Кампф» и «Протоколы сионских мудрецов». Попробуем проникнуть в эту тайну через бреши, пробитые в последнее время в ограждениях, скрывавших главные секреты нацизма.

Как было сказано, фашизм, и именно немецкий, представлен в нашей литературе как ударный отряд наиболее реакционных сил империализма. Доказательств же не приводилось. И связано это было в основном с закрытостью масонской темы. Предполагалось, что у нас масонов не было, но писать о самой проблеме не разрешалось. Недавно узнали о тесной связи с масонством итальянских фашистов. Еще более представителен аналогичный материал, касающийся национал-социалистских лидеров.

О том, что и Гитлера вели к власти закулисные масонские кукловоды, на Западе давно уже писали. У нас на это обратил внимание сравнительно недавно опять-таки Л. Замойский. Сначала это были газетные публикации, теперь относящиеся к теме сведения собраны в упоминавшейся выше книге. В Германии в гораздо большей степени, чем в Италии, сохранялась связь с глубинными масонско-оккультистскими центрами и функционерами, а официальный антисемитизм направлялся людьми, связанными родственными узами с гонимыми. Г. Климов обратил внимание и еще на одну особенность: «раскапывали» эти факты обычно евреи, и они же стремились их снова «закопать» (см. его «Красную каббалу» и «Красные протоколы»).

Как показывают последние публикации, немецкий национал-социализм (опять-таки в отличие от итальянского) весьма пренебрежительно относился к христианству и как к религии, и как к набору нравственных норм. Но предупреждения об угрозе «воцарения в Германии сатанинской религии» были и до прихода нацистов к власти. Некоторые свидетельства на Нюрнбергском процессе показали, насколько серьезны были эти предупреждения. Здесь, как пишет Л. Замойский, «среди военных преступников фигурировал полковник СС Вольфрам фон Зиверс. Он возглавлял «Аненэрбе», оккультное бюро нацистов, над которым шефствовал Гиммлер, руководитель эсэсовцев. В недрах этого учреждения совершались неслыханные зверства – здесь мучили людей особенно садистскими способами, вырывали им внутренности, проводили зловещие обряды, похожие на шаманские. Для кадровых эсэсовцев бюро разработало особые обряды принесения клятв вроде «Ритуала удушающего воздуха». Отборных палачей из организации учили «мужеству» – выстоять минуту голым по пояс перед разъяренными овчарками, ...снять шкуру с живой кошки, не повредив ей глаза, и т. п., после чего тот или иной кандидат считался «приобщенным».

«Упоминались на процессе, — продолжает Л. Замойский, — малопонятные журналистам названия Агарты и Шамбалы, мистических центров буддизма. В зале они воспринимались скорее иронически, чем всерьез. Картина гитлеровских зверств не укладывалась в один ряд с такой терпимой и спокойной религией, как буддизм, и вообще с какой-либо верой. Фон Зиверс был казнен. Тому же, чем занималась «Аненэрбе», не было дано большой огласки. А ведь на Западе были люди, которые могли мно-

гое рассказать об использовании атрибутов масонской мистики. Легче было сослаться на параноический характер Гитлера и тем объяснить засилье медиумов, астрологов и гадалок при его ставке. Культивирование языческих культов Вотана – Одина объяснить как атрибуты, присущие группе шовинистов с неуравновешенной психикой.

На деле замалчивание использования нацистами оккультной стороны было вызвано прежде всего боязнью разоблачения ее роли в подготовке безумия нацизма» («За фасадом масонского храма», с. 180).

Автор приводит также замечание исследователя масонства Т. Равенскрофта по аналогичному поводу: «Те, кто знал, хранил молчание. Лидеры оккультных лож и секретных обществ, связанных с формированием мировой политики в Западном полушарии, понимали, что они отнюдь ничего не выиграют от разоблачения сатанинской природы нацистской партии».

Прорыв блокады замалчивания скрытого и едва ли не самого важного звена нацистской идеологии и практики закрепляет выход двух книг, написанных на Западе. Одна из них – «Утро магов. Власть магических культов в нацистской Германии» – написана французами Луи Повелем и Жаком Бержье еще три десятилетия назад. Книга «там» наделала много шума, главным образом по вопросу связи нацизма с сионизмом, но у нас ее знали лишь немногие специалисты. Теперь она доступна широкому кругу наших читателей (к сожалению, с некоторыми сокращениями). Другая книга – «Оккультный мессия и его Рейх» – включает три очерка американского автора Валентина Пруссакова и рассчитана непосредственно на российского читателя. Обе книги в конечном счете отталкиваются от показаний Зиверса, но осмысливают их в контексте информации о разных оккультно-масонских орденах, в которых кровожадные скандинавские предания сдобрены восточными – тибетскими и буддийскими тайными знаниями о возможностях человеческого организма и легендами о сверхлюдях и полубогах. Некоторые факты, видимо, из первой книги воспроизвел А. Никонов в статье «Тайная религия Гитлера» в газете «Московский комсомолец» (№ 63, 1993). Здесь остановимся лишь на том, что либо слабо выражено, либо недооценено.

Важное место в нацизме занимало общество масонов-розенкрейцеров «Золотая заря». Оно с конца XIX века объединяло анг-

лийскую и французскую аристократию. Другой источник – представление о «полой земле», внутри которой мы и живем. Где-то в центре земли обитают сверхлюди, а на Востоке имеется их центр. Эти люди представляют высший тип, к которому должно стремиться несовершенное человечество, дабы сравняться с богами. Берлинское общество «Сверкающей ложи» или «Общество Вриль» – это сконцентрированная энергия, достаточная для уподобления божеству. «Тот, кто становится хозяином Вриля, становится хозяином над самим собой, над другими и над всем миром. Кроме этого, нечего больше и желать... Властители выйдут из-под земли. Если у нас не будет с ними союза, если мы не будем тоже властителями, мы окажемся среди рабов, в навозе, который послужит удобрением для того, чтобы цвели новые города» («Утро магов», с. 14).

Высшие «посвященные» обеих лож составили группу Туле, названную по легендарному и вроде бы исчезнувшему острову, упоминаемому в средиземноморских источниках, рассказывающих о севере. «Все эти движения, — пишут французские авторы, — современные розенкрейцеры, «Золотая заря», германское «Общество Вриля», которые приведут нас к группе Туле (в переводе – «Фуле», что является вариантом прочтения древних авторов. – А.К.), где мы найдем Хаусхофера, Гесса, Гитлера, были в большей или меньшей степени связаны с могущественным и хорошо организованным теософическим обществом. Теософия добавила к новоязыческой магии восточный аппарат и индуистскую терминологию. Или, вернее, *она открыла люциферовской части Востока пути на Запад*» (с. 18).

Французские авторы обращают внимание на своеобразное предупреждение, сделанное философом Рене Геноном в 1922 году по поводу неоязыческих сект, связанных с сектой Блаватской. Оккультисты, спириты и теософы сеют смятение в умах, что само по себе несмертельно. Но философа беспокоило: «Нет ли за всеми этими движениями чего-то другого, более грозного, чего его руководители, может быть, и не знают и чьими простыми орудиями они тем не менее являются, в свою очередь?» (с. 19).

Отмечают авторы и реакцию нацистов на размышления видного философа-мистика, драматурга, скульптора и архитектора Рудольфа Штейнера, который в начале 20-х годов размышлял о «черной» и «белой» магии и относил теософию к первой: последователей Штейнера вынуждали покидать Германию. В 1924 го-

ду был сожжен и центр общества Штейнера в Швейцарии, после чего философ-мистик вскоре скончался (в 1925 году).

Не будем здесь останавливаться на фантазиях Горбергера – тоже (как Гитлер) австрийца, подпевать которому тянулись и серьезные ученые (как ныне у нас Гумилеву), оставим Эккарта, оказавшего огромное влияние на Гитлера, но умершего еще в 1923 году. О роли К. Хаусхофера писать уже приходилось (см.: «МГ», 1993, № 2), хотя далеко не все нужное сказано. Ограничимся общей убежденностью, что Хаусхофер – это маг, а Гитлер – медиум, озвучивавший какие-то мысли, часто непонятные и ему самому. «Во время восхождения к власти Гитлер, принявший учение Эккарта и Хаусхофера, как кажется, захотел использовать переданные в его распоряжение силы, или, вернее, силы, проходившие через него, в направлении политического и националистического честолюбия, в общем довольно ограниченного. Вначале это – маленький человек, движимый сильной патриотической и социальной страстью. Он пока еще на низком уровне – его мечта имеет границы. Чудесным образом он вынесся вперед, и все ему удастся. Но медиум, через которого проходит энергия, необязательно должен понимать ее масштабы и направление».

Самое интересное следует далее. «Он танцует под чужую музыку. До 1934 года он верит, что «па», исполняемые им, правильны. Но он не совсем в ритме. Он думает, что ему остается только пользоваться Силами. Но Силами не пользуются, им служат. Таково значение глубокой перемены, происшедшей во время и непосредственно после чистки в июне 1934 года. Движение, о котором сам Гитлер думал, что оно должно быть национальным и социалистическим, стало тем, чем оно должно было быть, более тесно связанным с тайной доктриной. Гитлер так и не осмелился потребовать отчет о самоубийстве Штрассера (один из основателей НС. – А.К.), и ему дали подписать приказ, возвышающий СС в ранг автономной организации, поставленной над партией» (с. 62).

Авторы приводят слова Иохима Гунте, который писал, что «жизненная идея, вдохновляющая СА, была побеждена 30 июня 1934 года чисто сатанинской идеей СС». Авторы отвергают распространенное мнение о том, что фюрер – главный виновник всего происшедшего. Он сам – в том числе как медиум – игрушка в чьих-то руках. «Организация СС, — говорится далее, — по-

ручена Гиммлеру не как полицейская организация, а как настоящий религиозный орден, с иерархией своего рода светских братьев-монахов во главе. В высших сферах находятся сознательные ответственные лица «Черного Ордена», чье существование, однако, никогда не признавалось официально национал-социалистским правительством... Кажется несомненным, что доктрина, никогда не изложенная полностью, была основана на абсолютной вере во власть, превосходящую обыкновенную человеческую власть» (с. 62–63).

По мнению авторов, в 1934 году национал-социализм совершенно изменил свой характер, направляясь в сторону вновь обнажившейся «тайной доктрины». Здесь, конечно, надо учитывать обычное изменение лозунгов после того, как власть завоевана: наша ситуация в этой связи потрясла даже, наверное, самих организаторов-демагогов. Но происшедшие изменения тоже не были однозначными. Авторы согласны с Гунте в том, что с этого времени существует два уровня пропаганды: для народа – по-прежнему обещание «жизненного пространства» и привилегий за счет «низших», для узкого круга – нечто иное. «Больше ничего не идет в счет, кроме неотступного преследования неслыханной цели. Теперь, если бы Гитлер имел в своем распоряжении народ, могущий служить осуществлению его мысли лучше, чем германский народ, он не поколебался бы пожертвовать и германским народом».

Через Гитлера действовал кто-то, и медиум, «не торгуясь, пожертвовал бы всем человечеством и его счастьем, счастьем своим и своего народа, если бы таинственный долг, которому он повинуются, приказал бы ему это» (с. 63).

История с СА – загадка. Ведь штурмовики Рэма, оказавшиеся жертвой ночи 30 июня, тоже состояли в оккультных орденах и являлись пациентами Г. Климова (см. его «Красную каббалу»). Гитлер и сам инкриминировал им и оккультизм, и гомосексуализм. Видимо, это все-таки была одна из «разборок» в борьбе за власть, и, похоже, как-то она повлияла на события того же года в Москве, усугубив взаимное неприятие.

Что-то в Москве, видимо, знали. И молчали. Только не из-за мнимой склонности к фашизму сталинистов, как хотелось бы видеть некоторым авторам. В качестве внутренней угрозы фашизм – и в итальянском, и тем более нацистском варианте – так-

же не мог приниматься всерьез: ни расизм, ни оккультизм не могли прижиться на русской почве, особенно в то время. Это достаточно ясно выявилось в провале попыток создать фашистское движение среди эмигрантов. В упомянутой книге «Русские фашисты» Дж. Стефан не прочь протянуть нить от Гитлера к Сталину. Но сам материал книги совершенно не работает на эту «сверхзадачу». Практически во всех «цивилизованных» странах, не говоря уже о Востоке, как показывает автор, эмиграция находилась в крайне приниженном и униженном положении. Редко кому удалось натурализоваться «там». Казалось бы, это унижение должно было толкать эмигрантов в экстремистские организации, в том числе фашистские. Но «русские фашисты» отвергались и самими эмигрантами, как далеко не-«русские», если не по происхождению, то по духу. Ими руководила лишь ненависть к отвергнувшей их стране, и могли они реализовать эту ненависть, лишь предложив свои услуги нацистской Германии и милитаристской Японии. Но Германия эти предложения отвергла. Выходец из прибалтийских немцев и один из ведущих идеологов нацизма, А. Розенберг объяснил это достаточно откровенно: славянин может быть фашистом (итальянского образца), но национал-социалистом может быть только немец. Однако и итальянские фашисты сочли, что русские – их подражатели – только порочат «истинный» фашизм.

Прибалтийские немцы играли видную роль в нацистском движении, привнося в него крайние антиславянские и особенно антирусские настроения. Уже поэтому истинно русские люди не могли принимать идей нацизма: им просто не было места в рамках этой идеологии. Попытки же отдельных эмигрантов «натурализоваться» в качестве слуг нацизма, придумывая себе «истинную арийскую» родословную, обычно вызывали пренебрежительное отношение у нацистских функционеров.

Некоторых результатов фашистское движение достигло лишь у противоположной границы СССР – в Харбине. Японская разведка, а после оккупации Маньчжурии и администрация подпитывали юнцов, выкрикивавших фашистские лозунги, используя их в качестве шпионов и боевиков. Но и здесь никакого теоретического обоснования это «движение» придумать не сумело. Лидеры не понимали даже, что скрывается за этим термином. Дж. Стефан цитирует «Азбуку фашизма» написанную главным «русским фашистом» Родзаевским: «Почему русские фаши-

сты называют себя фашистами?» — ставится вопрос. И дается объяснение: «Советская пропаганда объявила фашизм главным врагом коммунизма, и вследствие этого слово «фашизм» стало боевым кличем, объединяющим советских граждан, недовольных режимом» (с. 96).

К немецкому нацизму толкала некоторых русских эмигрантов-монархистов одна пикантная подробность. Царица Александра Федоровна входила в те же оккультные ордена, что и будущие нацисты. Она состояла в частности, в обществе «Балтикум» («Консул»), опознавательным знаком которого была свастика. Царица ставила этот знак и в переписке с членами ордена, и всюду, где останавливалась, в том числе на стенах Ипатьева дома (см.: Л. Замойский, с. 181–182; Л. Повель, Ж. Бержье, с. 57–58, и др.). Именно «Балтикум» пытался выкрасть царскую семью, и, похоже, с этой организацией связана серия убийств — сначала Кутепова, сфотографировавшего надпись царицы на стене Ипатьева дома, затем агента-осведомителя Тедди Леграна и, наконец, Отто Ботена, на корабле которого, носившего культовое имя «Асгард», был ранее убит Кутепов. Но цари с XVIII века «по крови» были немцами. Русским же вход в тайные немецкие ордена был плотно закрыт.

В наше время с нацизмом заигрывают и «демократы», и некоторые деятели, считающие себя патриотами. Именно о них с видимой тревогой писал С. Кургинян. Можно полностью разделить призыв автора к патриотам: определиться, отмежеваться от тех, кто по каким-то причинам привносит в движение коричневую краску. Но нетрудно заметить, что и у новых «русских фашистов» ничего русского нет.

С. Кургинян рассматривает публикации А. Дугина в газете «День» и в основанном им же оккультном журнале «Элементы», а также некоторые заявления А. Баркашова. Но Дугин прямо любит вождами «третьего рейха», «помирив» их с сионистами. Германский нацизм и сионизм и являются объектом почитания Дугина. И С. Кургинян справедливо заметил, что ничего «русского» в этой концепции нет. О том же говорит и процитированное им заявление А. Баркашова.

В позиции Баркашова, конечно, больше «русского». Он верно указывает на необходимость борьбы русских за равноправие в своей стране, приводит факты, свидетельствующие о их униженности. Но все это перечеркивается, когда за помощью об-

ращаются все к тому же немецкому нацизму, смертельно враждебному всему славянскому и особенно русскому.

Таким образом, оба упомянутых ответвления не могут определяться как «русский фашизм»: привнесенные в них элементы нацизма глубоко антирусские. И это не случайно. Российская история не воспитала у «старшего брата» даже нормального национального самосознания, и придется, видимо, пройти через крайние формы национального унижения, чтобы оно пробудилось.

Фашистские режимы сейчас складываются по окраинам бывшего Союза. Таковы, в частности, режимы в Прибалтике. Но и эти режимы просто копируют немецкий нацизм, к которому и генетически восходят. В сущности, настоящий «нацизм» и возможен только в двух вариантах: немецком и сионистском. Это по-своему почувствовал А. Дугин, соединив их в нечто целостное. Сам традиционный германский «антисемитизм» лишь отчасти увязывался с расовыми теориями (с истинными «сеμίтами» – арабами у немецких империалистов с конца XIX века складывались вполне дружественные отношения, и арабский мир, как было сказано, рассматривался как потенциальный союзник в борьбе против Англии и Франции). И если славян считали «низшей расой», то антиеврейские настроения имели иную природу: здесь предполагалось соперничество – прежде всего за обладание экономико-финансовыми рычагами.

В книге В. Пруссакова значительное место отводится именно «еврейскому вопросу». В свое время Л. Замойский цитировал одно заявление Гитлера (в 1942 г.) об антисемитизме как подачке массам. В. Пруссаков также отмечает, что Гитлер в глубине души никогда не был антисемитом. И не только потому, что у него, как и у большинства членов его «политбюро», отмечается «еврейская кровь» (сам Гитлер, возможно, до 1930 года и не знал об этой своей «крови»). Просто для него любой народ был лишь материалом, из которого должно лепить «сверхлюдей».

В. Пруссаков приводит слова, сказанные Гитлером лауреату Нобелевской премии Макс Планку: «Я ничего не имею против евреев как таковых. Но евреи же поголовно коммунисты, а эти господа – мои враги... Это зависит от самих евреев – провести различительную черту в своих рядах». И, видимо, в данном случае он был вполне искренен. В сущности, и сионисты используют «свой народ» как средство утверждения гегемонии в

той или иной жизненной сфере, не считаясь с любыми жертвами. Об этом не раз писали, цитируя видных сионистских деятелей. И не случайно, что именно еврейские авторы и смакуют наличие «еврейской крови» у лидеров нацизма, и стремятся опровергнуть это. Такое противоречие, пожалуй, характерно для психологии, в которой наставления Талмуда умеряются жизненными реалиями. Известный еврейский поэт Игорь Губерман выразил это в своих стихах:

Из двух несхожих половин
Мой дух слагается двояко:
В одной – лукавствует раввин,
В другой – витийствует гуляка...
Растит и мудрецов и палачей,
Не менее различен, чем разбросан,
Народ ростовщиков и скрипачей,
Закуренная Богом папираса,
Сомнения мне душу изранили
И печень до почек проели:
Как славно жилось бы в Израиле,
Когда б не жара и евреи...
Я еврея в себе убивал,
Дух еврейства себе запретил,
А когда сокрушил наповал,
То евреем себя ощутил.

И, конечно, в таких строках:

Еврейство – очень странный организм,
Питающийся духом ядовитым,
Еврею даже антисемитизм
Нужнее, чем еврей – антисемитам.

*(См.: Гарики на каждый день.
«Как Соломон о розе». М., 1992).*

Как было сказано, слова Честертона предполагают тайные организации. Именно таковы масонско-окультиные ордена, таковы нацизм и сионизм. И, пожалуй, ничто так не питает антиеврейские настроения, как наличие обширных запретных зон, прикосновение к которым вызывает прямо-таки зоологическую ярость. И самыми запретными надолго оказались «Протоколы Сионских мудрецов» и вроде бы их антипод – гитлеровская

«Майн Кампф». А ведь если «Протоколы» – фальшивка, то зачем же так нервничать?

Гневную статью В. Носенко и С. Рогова «Осторожно: провокация!» опубликовал несколько лет назад «Огонек» (№ 2, 1988 г.). Статья имеет подзаголовок «Кому нужны черносотенные мифы?» и призывает к репрессиям по отношению к тем, кто «Протоколы» читает. Но как выяснилось в последних публикациях, «Протоколы» (под другим названием) впервые были опубликованы еще в 1895 и затем в 1897 году, то есть до Первого всемирного сионистского конгресса (см.: Бегунов Ю.К. Был ли Нилус автором «Протоколов Сионских мудрецов»? // «Русский вестник», 1993, № 7). «Черносотенцев» в это время еще не было. Авторы «Огонька» напоминают о том, что «Протоколы» всего лишь «плагиат» (впрочем, тоже не указывают предшественников) в основном с сочинения Мориса Жоли «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или же Политика Макиавелли в XIX веке глазами современника», опубликованного в 1864 году в Бельгии и вызвавшего в свое время крупный скандал.

Только какой же смысл списывать с сочинения, хорошо известного заинтересованному читателю? А самое любопытное, пожалуй, заключается в том, что известен и еще один «плагиатор», буквально переписывавший Жоли, – это автор книги «Еврейское государство», один из главных лидеров и теоретиков сионизма – Теодор Герцль. Именно в «плагиате» обвинил Герцля Е. Евсеев, опубликовавший в 1979 году статью «Что скрыто за «Библией сионизма» («Советская культура», 25.IX). Автор показал, что «Герцль просто переписал работу француза Жоли». Вот только слово «плагиат» и здесь вряд ли подходит: ведь и в том, и в другом случае важно не то, кто автор, а какова идеологическая и политическая ориентация представляемой документом общественной группы. И идеолог нацизма Розенберг тоже буквально повторял и Жоли, и «Протоколы» (см.: Л. Замойский, с. 177–178). Ничуть не «мягче» всех их по расистской направленности сочинения другого лидера сионизма – Ахад Гаама (которому нередко приписывают «Протоколы», в частности, на том основании, что были известны списки их на иврите в Одессе в конце 80-х годов).

Иными словами, во всех названных документах одна и та же идеология, и расхождения касались лишь того, кто составит элиту «сверхлюдей», которые получают право господствовать над ми-

ром. И Л. Замойский резонно ставит вопрос о назначении самого сочинения Жоли. Автор «Диалога» – масон, член ордена розенкрейцеров, то есть наиболее мистического, оккультного направления в масонстве, породившего и гитлеровский «Черный Орден». А в сокрытии подобных документов заинтересованы все тайные или явные диктаторы, поскольку в них представлен механизм властвования. Он один и тот же со времен Шумера, меняется лишь техническое оснащение.

Как было сказано, автор предисловия к книге Дж. Стефана Л. Делюсин сосредоточивается на «идейно-политической близости гитлеризма и сталинизма». А заключает он предисловие характерным пассажем: «Знакомство с книгой... полезно и потому, что «шуты гороховые», выступающие под маской национал-патриотов, не перевелись еще на нашей земле. Как и русские фашисты, они видят источник бед и тягот русского народа в злых происках жидомасонов. Даже свою непопулярность в обществе, легко объяснимую их невежеством и бездарностью, эти национал-патриоты объясняют тоже происками и интригами жидомасонов, в чем проявляется их сходство с русскими фашистами». Это и есть настоящий, невыдуманный нацизм: высокомерное третирование «низших» либо в расовом, либо в социальном отношении. Несомненно также, что подобные пассажи более всего и подогревают ответную ненависть.

А «темные силы» около Сталина действительно были. И, видимо, не только те, о которых писал Г. Климов. Какой-то свет на эти силы проливает и «Красная симфония» Ландовского («МГ», 1992, № 3–4). Именно эти силы поднялись из глубин в последние годы, разрушив страну и превратив народ в воров и нищих. И в, казалось бы, атеистическом обществе вдруг пышным цветом расцвели оккультные ордена и верования восточно-языческого характера. «Мы так разрисуем несправедливости чужих правительств, создадим такую к ним неприязнь, что народы тысячу раз согласятся на рабство, которое гарантирует им мир и порядок». Кто это сказал? Это сказано в трех разных источниках: у Жоли, в «Протоколах» и в «Мифах двадцатого века» Розенберга. А как реализуется это, мы прекрасно видим на экранах нашего телевидения, совсем недавно обличавшего тоталитаризм и власть партократов, а ныне ратующего за полное отчуждение народа от власти путем ликвидации его выборных органов – Советов.

ОТКУДА ТЯНЕТ СМРАДОМ ФАШИЗМА? *

6 мая 1993 года войдет в историю: всемирно известный монархист и (по собственному определению) фашист, глава общества «Память» Д. Васильев провел в своей квартире (и штаб-квартире) пресс-конференцию, а Федеральный информационный центр, возглавляемый М. Полтораниным, помог и в организации конференции, и в самом широком ее освещении. А поведал «главный фашист», что «Память» активно ратовала за Б.Н. Ельцина и голосовала за доверие его политике и, как можно понять, его «тимуровской» команде.

А команда поистине экзотическая. В прошлом году общественность потрясли откровения журнала «Москоу Мэгэзин», в редколлегию которого входят М. Полторанин, а также Г. Бурбулис, О. Попцов, и Г. Явлинский. Оказывается, «...проблема российского правительства заключается в том, что, по крайней мере, семьдесят процентов мужчин в кабинете Б. Ельцина – гомосексуалисты» (1992, апрель–май, стр. 47). Кто-то решил, что соратники недосмотрели, кто-то – подставили. Но, видимо, прав В. Канашкин: ведь это мощный шаг по пути «европеизации» нашей жизни (см. «Кубань», № 1–2, 1993, стр. 2). И указ президента, освобождающий гомосексуалистов от наказания, – естественное решение «проблемы». Ну, а о том, что представляют собой гомосексуалисты в организационном отношении, достаточно сказано в ряде книг Г. Климова.

Весь мир давно и активно обсуждает и еще одну проблему: ворует президентская команда, ворует по существу открыто и в неограниченных размерах. Наконец-то и у нас об этом сказано вслух в выступлениях вице-президента и заместителя Генерального прокурора, а депутаты Верховного Совета внесли и существенные добавления, расширив и круг обвиняемых лиц, и масштабы разграбления.

Ну и что же дальше? «Демократические» наши комментаторы пытаются окружить «пострадавших» ореолом мученичества, нисколько не стесняясь вполне правомерного обвинения в соучастии. Возмутители спокойствия постоянно напоминают,

* Опубликовано в газете «Русский Собор», 09.11.1996.

что и они не без греха, а тех, кто выносит сор из избы, может настигнуть и иная кара. А народ по-прежнему безмолвствует, и смотрит на него высокопоставленное жулье как на быдло. На это обстоятельство обратила внимание и вполне лояльная к властям «Независимая газета» (26.06). Удивляясь реакции самого верха на разоблачения, газета резонно требует, чтобы Ельцин и Черномырдин «определились». «Таинственность и секретность кремлевской кухни, — пишет В. Марсов в передовой, — уже превосходит все разумные и даже неразумные пределы. Объяснимы они могут быть либо полной растерянностью перед проблемами, либо желанием застраховать себя от ответственности, либо монархически и коммунистически-средневековым отношением к народу как к быдлу. А скорее – сочетанием этих факторов... Николай II отдельно и Гапон отдельно – это я понимаю. Но в одном лице – это уже политическое самоубийство».

Газета удивляется полному пренебрежению власти к законам и ставит вопрос: кем принимаются все эти («правильные и неправильные») «важнейшие политические решения»? Верно оценено, что это не парламент, не правительство и даже не президент...

Один из парадоксов наших дней – запуганность русской интеллигенции возможностью обвинения ее в «фашизме». А она даже и не знает, что это такое. Ей не удалось даже познакомиться с комплексом материалов, представляющих механизмы господства «элиты» над «быдлом»: «диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или же политика Макиавелли в XIX веке глазами современника» Мориса Жоли (1864 г.), восходящие к этому сочинению «Протоколы сионских мудрецов» и «Еврейское государство» Герцля, близкие к ним сочинения Ахад Гаама, «Мифы XX века» А. Розенберга и «Майн Кампф» Гитлера. Именно в силу неосведомленности можно было удивляться повороту Д. Васильева вроде бы в противоположную сторону. А он пришел именно туда, где всегда и был, где находятся действительные, а не мнимые центры фашизма.

В интервью «НГ» (10.06) Юрий Скоков, покидая команду президента, выразил опасение, что «истинные демократы» могут привести государство к новому фашизму». Но ведь они изначально к нему и вели. Достаточно вспомнить, с каким напором «демократическая» пресса пропагандировала «Зубра» – Тимофеева-Ресовского, ставившего опыты на заключенных в самых мрач-

ных заведений Гиммлера. Именно «Апрель» и «Мемориал» подстрекали прибалтийских нацистов, создавая ту ситуацию, которая теперь проявилась почти на всех окраинах бывшего Союза. И окружение президента (может быть и лучше хозяина) понимает, что фашизм для него – единственная возможность избежать ответа за бесчисленные преступления перед народом. Именно поэтому патриоты более всего заинтересованы в открытом обсуждении угрозы фашизма, и не им опасаться обнажения тайных пружин, направляющих политику нынешних властей.

Ради освобождения от комплексов патриотической интеллигенции полезно было бы ознакомиться с книгой Дж. Стефана «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945» (М., 1992). Хотя автору книги и особенно автору предисловия хотелось бы перекинуть мосток в наше время, приписав, в частности, особые симпатии к фашизму Сталина, ничего у них не получилось. Как ничего не получилось и у так называемых «русских фашистов». Итальянские фашисты отвергли их с возмущением, а идеолог нацизма прибалтийский немец А. Розенберг, отказываясь от услуг новообращенных, пояснил достаточно цинично: славянин может быть фашистом (итальянского образца), но национал-социалистом может быть только немец.

В последнее время появился ряд работ, в которых немецкий национал-социализм предстал в существенно ином обличье, нежели считалось ранее. Главное в нем не расизм, а магические культы, предполагающие «выведение» новой породы «сверхлюдей», материалом для чего служила немецкая нация. Именно через тайные оккультные ордена нацизм связывался с транснациональными компаниями. Вдаваться здесь в подробности этой многоплановой темы нет возможности (отошлю хотя бы к своей публикации в ближайшем, восьмом, номере «Молодой гвардии»). Отметим лишь, что национал-социализм много потрудился над теорией механизма господства меньшинства над большинством, а розенкрейцеровский «Черный орден», у истоков которого стоял и упомянутый выше Морис Жоли, являлсяместилищем тех идей, которые ныне ассоциируются с фашизмом и которыми пропитаны изначально немецкий национал-социализм и сионизм.

«Русские фашисты» нигде и никогда не имели самостоятельного значения: в них не было ничего русского. В Европе им не удалось пристроиться даже в качестве слуг державы, традицион-

по враждебной России. Лишь в Харбине некоторые из них имели ребяташки под флагом «русского фашизма». Но и там он имел германо-нацистскую символику и состоял на службе у японской администрации и разведки.

В русском национальном характере вообще нет тех качеств, из которых может вырасти та или иная разновидность фашизма. В нашей истории трудно найти период, когда население «метрополии» хотя бы приблизилось в правах к жителям «колоний». Сама традиционная для России психология общинности, соборности (не клановости – это нечто противоположное!) предполагает не приоритеты, а равенство. Сформированная в 20-е годы теория национальных приоритетов не встретила заметного противодействия со стороны оказавшегося в самом низу иерархической лестницы русского населения именно потому, что психология его просто не воспринимала таких приоритетов. И ныне многие недоумевают, почему «всесветность русской души» порождает ненависть тех, кто этим пользуется.

Русофобия обычно исходит от тех, кто не принимает самой идеи равенства как основополагающей ценности. Кстати, это едва ли не единственная идея, которая позволит человечеству выжить. Но эта ценность не защищает от мафиозных структур, которые ныне правят миром. Ведь структурам необходимо противопоставлять структуры: война идет на уничтожение.

Именно поиски структур толкают часть обеспокоенной молодежи в лоно немецкого нацизма. И заблудшим следует знать, что идеи нынешней «перестройки» родились почти столетие назад как раз в Германии. Пангерманистская «геополитика», в основе которой лежала хищная установка на захват «жизненного пространства», изначально предусматривала «очищение» присоединяемых территорий от их населения. В 1908 году Пауль Рербих сформулировал «теорию апельсина», по которой Россию следовало расчленить по национальностям, как апельсин по долькам. «Расщепленными» малыми государствами Германия должна была управлять, освободив для немцев нужные им территории (Онути Р. Фашизм и неонацизм. М., 1988. С. 158).

Нацизм «обогастил» разработки пангерманистов и в 1941 году приступил к их практическому осуществлению. Уже 15 мая 1940 года (т. е. вскоре после заключения знаменитого «пакта») Гиммлер составил «Памятную записку» «Об обращении с чужеродными народами на Востоке», где цели формулировались чет-

мат на Востоке позволит немцу сохранить свои качества крепкого и жизнеспособного человека, а резкие контрасты, которые он найдет там, помогут сохранить любовь и тоску по родине. Переселите немца в Киев, и он останется отличным немцем. Но переселите его в Майами, и вы сделаете его дегенератом, иными словами, американцем» (Завещание Гитлера // Сб. «Книга исторических сенсаций». М., 1993, стр. 109).

Нетрудно заметить, что ныне планы пангерманистов и нацистов осуществляют «лучшие немцы года» и их «команды». И, к сожалению, глубоко права Татьяна Глушкова: не глупость и легкомыслие, а структуры стоят за некоторыми изданиями, прославляющими нацизм (см. «Русский Собор», № 5). И надо бы разобраться в этих структурах.

Возможно, что некоторый свет на эти структуры проливает одно письмо, достаточно широко цитируемое в интеллигентских кругах. Анонимный автор, раздраженный брошюрой «Русские, казахи, Алтай» (М., 1992), убедительно разоблачающей отнюдь не невинные фантазии казахских историков, направил письмо редактору, чей адрес указан в брошюре. Он опасается, что материал брошюры может как-то вооружить казачество и другое русское население – как и всюду, брошенное на произвол судьбы нынешними правителями. Письмо многоплановое, по стилю и идеям близкое «Катехизису еврея в СССР» и другим изданиям, отражающим идеологию «Черного ордена». Явно не все в нем «на месте». Автор как будто не силен в русском языке и не только в этом. К тому же, он предупреждает, что, принадлежа к тайным структурам, лишь догадывается об их предстоящих действиях. Но некоторые его наблюдения любопытны и прямо соотносятся с рассматриваемыми сюжетами.

Интересно само объяснение русофобии. Автор называет две причины: богатые сырьевые ресурсы России и наличие обширных территорий, куда (как и в прошлом, пангерманистами и нацистами) предполагается в будущем переселить «цивилизованные народы». А третья причина хотя и не названа, но пронизывает все письмо: бешеную злобу вызывает именно идея *равенства народов*, с которой Россия вошла в XX век.

В ненависти автор проговаривается, что фашистские идеи псевдопатриотическим организациям подброшены извне. Называя русских как бы от природы «красно-коричневыми», автор,

однако же, признает абсурдность этого ярлыка «Вы, тупой сброд, не понимаете, что самые страшные фашисты и монархисты – это те, которые никогда, нигде вслух об этом не заикнутся, те, кто организует все (якобы), напротив, по самым демократическим нормам. Но здесь надо иметь традиции, структурированное мышление, глубокий опыт и постоянную, всепоглощающую ненависть. Только тогда уходят от внешних форм оппозиции и переходят к эффективным высшим, многообразным формам оппозиции, т. е. практического воплощения ненависти и мести, – мы говорим это открыто, т. к. вы еще настолько неразвиты, и развиваться вам уже не дадут».

Письмо заканчивается расшифровкой тезиса «Развиваться вам уже не дадут». «Сейчас, — предсказывает автор — будет проведена гуманизация образования, в результате чего предметы, структурирующие мышление правого и левого полушария мозга, будут уменьшены и деструктурированы – а) язык и литература, б) физика и математика. Об истории и говорить нечего. Пусть учат экологию, монстров ВПК, танцы, приучаются к сфере обслуживания (и чем раньше, тем лучше).

Никакой высокой технологии. Через 5 лет мы закроем половину ваших институтов, а в другой половине будем учиться мы. Пустим туда цыган, армян, чечню...».

Совсем недавно все это можно было бы воспринять как дикий бред сумасшедшего. А может так и есть? Но открываю утвержденные Министерством просвещения программы общеобразовательных школ на новый учебный год. Появилась «экология». А истории нет. Прорицание – почище Глобы. Знакомые учителя успокаивают: теперь у каждой школы суверенитет, сами решаем, чему учить. Но вот еще одно тревожное сообщение: Совет ректоров вузов угрожает забастовкой, если не будет отменен президентский Указ от 3 июня, лишаящий науку и образование уже выделенных средств. Как всегда, популистские заявления и указы преподносятся с барабанным боем, а откровенно антинародные – протаскиваются тихой сапой.

Ректоры и директора угрозы не осуществили, бросившись каждый сам по себе выклянчивать ранее отпущенные средства. А зря. Нынешняя власть боится только *совместных* выступлений.

«Независимые» (от народа) телекомментаторы сетуют: если отменить Указ от 3 июня, снова начнется инфляция. Как будто

учителя и ученые съедают бюджет. А на слушаниях в Совете указывалось, что только за прошлый год украдено и вывезено за рубеж ценностей на 80 млрд. долларов. Это (по оценке американской «Тайм») примерно в сто раз больше, чем стоимость всех ваучеров, с помощью которых мафия овладевает недвижимостью. «НГ» (09.07) опубликовала документы, подтверждающие обвинения, ранее предъявленные М. Полторанину: 1 млрд. марок – это более полутриллиона рублей по нынешнему курсу. Вот чьи карманы надо бы выворачивать! И символично, что украл Полторанин у государства «Российский дом науки и культуры» в Берлине. Ну а что «всенародно избранный»? А ничего. Ученых много, а Полторанин один.

Совсем недавно любой неграмотный крестьянин знал, что если Бог кого-то хотел наказать, то лишал его разума. Нынешняя власть стремиться лишить Разума целый народ. Лишенный же Памяти (истории) и Разума (науки и образования) народ – уже и не народ. Это именно «быдло», в которое стремились и стремятся превратить его прошлые и современные Гиммлеры.

«КАВКАЗСКИЕ БРАТЯ»

И ИХ МОСКОВСКИЕ ДЯТИ И ТЕТИ*

У нас теперь все по-европейски: демократические СМИ, посоветовавшись с народом, указывают, как ему дальше жить (или умирать). Скажем, опрос: «Одобряете ли вы «Движение солдатских матерей» в Бангладеш?». 82 процента ответили положительно, 7 – отрицательно, остальные затруднились с ответом: «Бангладеш? А это где ж?». Более половины политически активных граждан поддержали вето президента, когда Дума надумала поднять минимум зарплаты с 20 тысяч до 50-ти. И в самом деле: все равно же помрут с голоду! Ну, а затронуть мафиозные структуры... Кто же позволит? Те же СМИ сразу поднимут вселенский вой об угрозе «русского фашизма».

Более трех месяцев настоящее, прошлое и будущее России увязано с Чечней. После тура «думских слушаний» председатель

* Опубликовано в газете «Литературная Россия», 7.04.1995, № 4.

Комиссии С. Говорухин высказал озабоченность: как выбрать «капли истины из моря лжи»? Трудно. «Первая власть» упорно молчит, проводя бездарную в военном и непонятную в политическом отношении акцию, а «четвертая власть», понося «русских фашистов», лепит светлый образ вождя народа и страдальца за народ Джохара Дудаева.

О подкупленных журналистах в кругах «первой власти» говорили сразу же после первых неудач. Да и Дудаев хвастался, что он предупрежден о каждом выстреле с российской стороны, и грозил кому-то разоблачениями, если вдруг струсят и отступятся от благодетеля. На намеки последовала буря негодования со стороны независимых СМИ. А. Венгеров, председатель Судебной палаты при президенте (у нас теперь при каждой власти по палате), успокоил «независимых»: Дудаев «человек талантливый», «великолепный идеолог и демагог», ему не стоит труда провести наших туповатых журналистов и телекорреспондентов («Общая газета», 1995, № 7). В том же ключе делится впечатлениями, видимо, самый осведомленный человек в Кремле С. Степашин: «Да, информационная война российской властью проиграна. Как блистательно работает министр информации Чечни Мовлади Удугов, как искусно и ловко запускает в прессу всякую ложь, искажения и передержки!» («Известия», 2.03). Он показал и документ о подкупах журналистов дудаевскими службами. Но В. Выжutowич отверг его с негодованием: «Фальшивка!». Так же считает и газета «Сегодня» (4.03). Намек на ФСК. Предполагается, что переждать ураган «реформ» под «Мостом» или взобраться вместе с Леней Голубковым на «пирамиду» – дело куда более достойное для независимого журналиста. Ну, а сомневаться в высокой нравственности такой позиции могут только «русские фашисты».

Уже не раз говорили и писали, что безнравственно делать политический (и не только) капитал на трагической гибели В. Листьева. Но ведь не прошло ни одной телепередачи, где, вспоминая Листьева, не повторили вслед за Дибровым об угрозе «русского фашизма». И, конечно, упоминали о сенсационной телепередаче за неделю до трагедии (22.02.1995): саморазоблачение «русского фашиста» А. Веденкина.

О близости А. Веденкина к А. Баркашову, В. Жириновскому и В. Ачалову писали еще в сентябре прошлого года «Московские новости» (1994, № 37). Там же говорилось и о широкой финан-

совой деятельности «фашиста», удостоенного и «почетного» звания генерала СС. И теперь – небрежное признание: все верно. Более того. Телегерой взял себе в единомышленники и 90 процентов спецслужб. И вроде бы «покровитель Веденкина из президентской команды» («Правда», 4.03.95, «Известия», 4.03.95). Прямо-таки второй «генерал Дима», которому платиновые часы, подаренные Ельциным помогают планировать время пребывания в «Крестах» («Комсомольская правда», 11.03.95). Но страсти немного поутихли, когда выяснилось, что еще ближе названных Веденкину А. Вольский и Г. Попов («Вечерняя Москва», 7.03.95, «Общая газета», 1995, № 10). О том, что представляет собой комплекс дач, которые охранял и на которых устраивал приемы А. Веденкин, можно прочесть в статье «Как Гавриил Попов преемником Брежнева стал» с подзаголовком «На особой территории живут особые люди – чужие нам» в «Российской газете» (11.03.05), одной из немногих, дающих правдивую информацию и о Чечне.

Да, «чеченская проблема» и «угроза фашизма» в СМИ – постоянно пересекающиеся параллельные прямые. И в море лжи алмазом сверкает огромная капля правды: президент явно не контролирует «независимые СМИ». Что бы это значило? Вроде бы ни один монарх в истории такой власти не имел. Ничего не стоит издать Указ об отмене утреннего Указа и обязать исполнять Указы, в которых указывается, что разъяснения последуют в будущих Указах. СМИ же – не его сфера. А чья? «Секрет», — ехидно выдает радио «Свобода», а «Российская газета» (4.03) вроде бы с недоумением комментирует: «Уоррен Кристофер на встрече с итальянской делегацией в Вашингтоне заявил, что Ельцину «уже стоит поискать альтернативу». Гайдар явно замешкался, отрекшись от президента лишь после этого заявления, тогда как С. Ковалев давно заявлял, что он «правозащитник» не при президенте (и не при Думе).

Естественно, что пока нам ищут «заменителя», никто во властных структурах не может чувствовать уверенности и всякий раз должен оглядываться на тех, «кто будет нам назначать президента» (название статьи в «РГ»). Г-н Черномырдин заявил было о снятии г-на Грызунова, но некоторые авторитеты (слово, имеющее у нас криминальный оттенок) вышли на президента, и СМИ бурно праздновали победу независимости. А некий высокий сотрудник ФБР («Время», 8.03) прямо говорит о «своих

людях» в наших высших сферах. Не удивительно, что люди С. Степашина «не выявили московские связи Дудаева, не пресекли деятельность осведомителей и информаторов, близких к российским верхам» (упомянутое интервью). Да и как «пресечь», если мановения МВФ оказалось достаточным для отмены 34 президентских Указов, направленных на защиту экономики страны от полного закабаления и разграбления транснациональными корпорациями?..

А методика современной «независимой» дезинформации проста: душещипательные сцены, месяцами глядящий с телеэкрана домик с поврежденным крыльцом – и вывод: переговоры надо вести *только* с Дудаевым. Лишенные крова чеченские женщины и дети и громилы, мародеры русские. Типичный пример. Г-жа Миткова (НТВ, 7.03) сообщает о минировании российскими самолетами трассы, по которой боевики получают подкрепления. В результате на mine подорвался автобус с беженцами. И тут же (!) сообщение корреспондентов с места трагедии: мина подложена боевиками, а российские воины самоотверженно спасали пострадавших. А на другой день М. Пономарев («Вести») вновь увязывает аэроминирование с трагедией автобуса. И как должны российские воины оценить эту циничную ложь? А ведь такое каждый день и обо всем. И не только на уровне стрелочников. Потому-то гражданский долг требует от патриотов, не сверяясь с президентскими Указами, вступить за действительно униженных и оскорбленных.

К истине, как известно, ведет только истинный метод. «Плюрализм» внедряется «независимыми» СМИ именно как способ сокрытия истины. И начать следует с иерархии проблем по их значимости и причинно-следственным связям. Поскольку о Чечне у нас почти ничего не сообщалось, следует оценить результат трехлетнего правления Дудаева.

Жаль, что статья Жанны Касьяненко появилась лишь спустя три месяца после начала военных действий («Советская Россия», 10.03.95). Возможно, связи Дудаева через прибалтийских националистов с ЦРУ еще до «назначения» в Чечню кое у кого сорвали бы пелену с глаз и побудили бы воздерживаться от фраз вроде «чеченцы гибнут за свою Родину – это понятно и вызывает уважение» («Завтра», № 10). Подобные фразы игнорируют факт хотя и известный, но нарочито замалчиваемый: за три года дудаевского режима более 200 тысяч русских (главным обра-

зом) было изгнано из Чечни, имущество их разграблено. Несколько десятков тысяч, тоже в основном русских, было убито легальными и полунелегальными бандитами. Разграблены колхозы и совхозы, учреждения, закрыты школы. И т. д. И молчать обо всем этом – значит быть соучастником преступлений.

А от более чем мрачной картины террористического правления Дудаева возникают и два других вопроса: кто отправил Дудаева в Чечню и помог осуществить государственный переворот и кто его вооружил и продолжает вооружать? И наконец, та самая «идеология», в которой чеченский вождь превзошел наших журналистов. Может быть, «идеология» и важнее: она помогает понять воззрения и дудаевских «советников», и тех, кого никак не может вычислить ФСБ.

Восхитивший г-на Венгерова талант Дудаева проявляется, очевидно, в способности самозабвенно лгать, обманывая и чужих, и своих. Но иногда он говорит и правду, в том числе как раз в вопросах идеологии. Он не скрывает, что его опорой являются «кавказские братья», снабжающие его и оружием («Московские новости», № 13).

Надо думать, что эту информацию Дудаев выдал, не посоветовавшись со своими наставниками, в числе коих всемирно известные С. Ковалев, А. Шейнис, А. Шабад (последний главным образом дебошами в прежнем парламенте; их каждодневно прокручивали на телеэкранах, приучая к мысли, что все депутаты – хулиганы). Явно недосмотрели и за океаном, где постоянно «стажируются» наставники Дудаева.

Итак, кто же эти «кавказские братья», ради которых Гайдар и Ковалев зовут на помощь устроителей «нового мирового порядка», а СМИ захлебываются в истерике от угрозы «русского фашизма»? Поскольку сведений об этом не найдешь и в газетах, действительно болеющих за Россию, москвичам и гостям столицы, а также с недоумением взирающим на Москву жителям регионов стоит обратиться к роману Евгения Чебалина «Гарем ефрейтора» (несколько изданий 1992–1994 гг.). В романе о борьбе разведок и контрразведок в годы Отечественной войны приведено несколько десятков подлинных документов, в значительной части как раз о Чечне.

Один из главных героев романа Хасан Исраилов представлен в полном соответствии с документами. Внук одного из набов Шамиля, сын крупного скотовладельца, убитого при грабеже

Кизлярского казначейского банка. Учился в арабской и духовной школах, поддерживал связи с англо-турецкой агентурой. Четырежды арестовывался, приговаривался к смертной казни (за убийства и грабежи) в 20–30-е годы, публично каялся, обещая работать на Советскую власть. Его исключали и восстанавливали в партии. Учился в Москве в Университете Красной профессуры, осуществляя дерзкие грабежи и убийства уже в Москве. А по возвращении в Грозный той же деятельности придает политическое прикрытие. В общем, как и Дудаев, и нынешние демократы, из тех, кто готов встать у любого кормила, лишь бы хорошо кормило. В чем-то и честнее нынешних: открыто стал на сторону нацистской Германии в 30-е годы, когда исход предстоящей схватки с нацизмом предсказать было трудно.

Уйдя в подполье, Хасан Исраилов устанавливает связи с криминальными группами, коих немало было на Кавказе с дореволюционных времен, и создает «Особую партию кавказских братьев». В программе без обиняков объявлялось, что партия «является неотъемлемой частью национал-социалистской партии Гитлера». Исраилов звал «грабить, разорять колхозы и совхозы..., поддерживать всеми способами на председательских должностях и постах бездельников, взяточников, расхитителей». Прямо-таки гениальны лозунги: «Днем ударник – ночью вор», «Языком стахановец – руками вредитель», «По форме чекист, душой брат ОПКБ». И едва ли не главный: «ОПКБ ненавидит всех русских».

Как обычно, террор «кавказских братьев» обрушивался не только на русское население края, но и на единоплеменников, не принимавших предлагаемых им идеалов ни в социальном, ни в политическом плане. Но призыв «грабь!» всегда находил отклик не только в слоях масс, выброшенных за «черту бедности». По мере приближения к Кавказу немецких войск ширилось и движение «кавказских братьев». И хотя Исраилов, как и ныне Дудаев, во многом блефовал, за его обращением к руководству нацистской Германии стояли и определенные силы «братьев».

Обращение, в котором излагались цели движения и ожидания «кавказских братьев», было направлено на имя Гитлера, а копии предназначались Геббельсу, Гиммлеру и Герингу. «Черкесы, дагестанцы, чеченцы, кабардинцы, балкарцы, ингуши, азербайджанцы, — извещалось в послании, — являются по нравственности и быту, по обычаям и общим законам (адат), по фи-

зиологическому строению (вид лица, цвет волос и глаз) членами одной семьи, носителями индоевропейской, а значит, чисто арийской крови. ОПКБ торжественно объявляет, что высшей и передовой расой нашей планеты всегда были народы арийской крови, носителем которой являлись и кавказские народы».

Обещая создать на Кавказе «вспомогательный фронт» и испрашивая у немцев для этого оружие, Исраилов желает для себя вроде бы немногого: «Мы преследуем цель: создание на Кавказе новой свободной федеративной республики с включением ее в состав Германской империи в число ее передовых штатов». Вряд ли в Берлине удивились и появлению на Кавказе целого сонма «арийских братьев». Еще младотурки начала века, под влиянием немецких расовых теорий, выстраивали в «Великом Туране» иерархию рас с «турками-арийцами» во главе. А страны ислама всегда рассматривались нацистами в качестве стратегических союзников (почему, кстати, Гитлер и не желал вступления в войну Италии, увязшей в противостоянии с исламскими народами в Африке). Но к кавказским «арийцам» здесь все-таки отнеслись не по-братски. В записке, подписанной Гиммлером и Гальдером (в то время начальником Генерального штаба нацистских войск, непосредственно разрабатывавшим операцию на Северном Кавказе), со свойственным главарям «Третьего рейха» цинизмом рекомендовалось: «Нам нужно хорошо вооружить местных бандитов, чтобы они до подхода германских войск захватили важнейшие объекты, которые сохраняют для нас. Когда Грозный, Малгобек и другие объекты будут в наших руках, мы сможем захватить Баку и установить на Кавказе оккупационный режим. Когда в горах наступит относительное спокойствие, всех горцев необходимо уничтожить... Для этого в Чечено-Ингушетии много прекрасных условий – ущелий, и не будет необходимости сооружать лагеря».

Можно пожалеть, что ни старые, ни нынешние «кавказские братья» не знали этого документа. Он мог бы в какой-то мере остудить горячую кавказскую кровь (в Адыгее и Осетии действительно «арийскую!», только родственную не германцам, а причерноморским русам). Но кое о чем и без того горцы стали догадываться: выйдя к Тереку и установив контакты с «братьями», немецкие солдаты и офицеры не скрывали своего презрения к попутчикам-«союзникам». (Об этом также можно прочитать в упомянутой книге Чебалина.) «Вспомогательный фронт» начал

распадаться еще до решающих побед советских войск в Предкавказье и под Сталинградом. Правда, Исраилова долго укрывали соплеменники, и он, переходя с места на место, ускользал от «органов» до зимы 1944 года. Это явилось одной из причин депортации чеченцев. Ради его поимки и выселяли и «братьев» и им сочувствующих, и тех, кто их может быть, и ненавидел, но боялся.

Солдаты и офицеры, оказавшиеся лицом к лицу с коварным и на все готовым врагом, этой предыстории не знают: им всему пришлось учиться на ходу. Но они хорошо сознают, что воюют именно с нацистским режимом. Так его характеризуют и чеченские антифашисты, действительно озабоченные будущим народа. А вот в Москве борются явно с каким-то иным «фашизмом».

И это при том, что понятие «фашизм» нарочито не определяется. Инициаторы «борьбы» чаще всего сводят фашизм к «антисемитизму», а на родине фашизма, в Италии, такового не было, как не было и юдофобии (многие учредители движения – евреи). Речь, следовательно, надо вести о немецком нацизме, пронизанном социал-дарвинистскими и расистскими идеями.

Если под «фашизмом» иметь в виду именно нацизм, то угроза такая есть и идет она извне (об этом на упомянутых слушаниях говорил С.Н. Бабурин). Примечательна и цепь вроде бы разнородных выступлений с пропагандой самой идеи. Сейчас, наверное, большинство уже забыло о повести Д. Гранина «Зубр», где прославлялся евгеник Тимофеев-Ресовский, много лет работавший в самых мрачных заведениях гестапо и осуществлявший смертельные опыты на людях для немецкой военной машины. А надо бы вспомнить и о поистине истерической рекламе повести и ее героя. И кампания по его «реабилитации» захлебнулась лишь тогда, когда в КГБ вместо одного тома «дела» набралось одиннадцать. А кому и зачем понадобилось реанимировать нацизм – так и не выяснили.

А затем вдруг появился жупел «красно-коричневые». Бессмысленный, чисто ругательный характер этой «новинки» был очевиден. И потому заслуживает внимания откровенность «крутой антифашистки» Аллы Гербер: «У всего населения войной выработан колоссальный иммунитет против фашизма. Поэтому по телевидению, во всех средствах информации надо объяснять, что наши оппоненты – фашисты» («Гласность», 6.02.1992, выступление на заседании клуба «Московская три-

буна»). В этом и вся суть: использовать как ругательство. Разумеется, понадобились теперь для вящей убедительности и разные Веденкины. А за ширмой протаскивался действительный, оголтело русофобский нацизм.

Чечне в этом сценарии отводилась не последняя роль именно потому, что пронацистские настроения здесь легко было подогреть постоянными напоминаниями и о героях борьбы с «советами» в 20–40-е годы, и о жертвах выселений 44-го. И России следует знать всех сознательно разрушавших ее и продолжающих разрушать «героев».

Разрушение мощнейшего государства началось, как известно, с Прибалтики, входившей в состав Руси еще в IX веке. Здесь земляки А. Розенберга начали раскачивать маятник: Гитлер – Сталин. Из Москвы устремились тогдашние «демократы» из «Апреля» и «Мемориала» (В. Коротич, Ю. Афанасьев и др.), убеждая, что Гитлер лучше. А затем уже Прибалтика экспортировала нацистские идеи на окраины бывшего Союза. Д. Дудаев был доставлен в Чечню из Эстонии. «Его брат-офицер, — как сообщил бывший начальник КГБ Чувашии генерал В. Тихонов, — возглавлял мафиозно-бандитские структуры в Прибалтике» («Правда», 25.02).

В СМИ, отчасти благодаря полемике ряда лиц и изданий, уже дан значительный список тех, кто привел к власти Дудаева. Это прежде всего Бурбулис и Полторанин, непосредственно «перебрасывавшие» генерала из Эстонии в Чечню. Напомним, что Бурбулис в начале событий, связанных с Чечней, оставался защитником «кавказских братьев», но, похоже, благоразумно сошел с дистанции.

Неоднократно назывался и Гайдар. По данным того же В. Тихонова, криминальные структуры и правительство Гайдара не пожалело для вооружения Дудаева 9 триллионов рублей. Можно вспомнить и аферу с миллиардами российских рублей, осуществленную в Эстонии, на что российское правительство почему-то закрыло глаза. А Эстония снабжала Дудаева и деньгами, и получаемым из Израиля оружием.

Разумеется, фигурируют и министры: и Шапошников, и Грачев. Упомянуты и другие генералы, в том числе из Забайкалья, где не так давно прогремели подозрительные взрывы боеприпасов («МК», 12 и 13 января, «Известия», 14 января и др.). В списке оказались даже И. Кобзон и Г. Старовойтова («КП», 21.01).

Большинство «причастных» и ныне требуют «переговоров» только с Дудаевым, демонстрируя полное пренебрежение к подвизнической деятельности истинных радетелей за будущее чеченского народа – правительства С. Хаджиева. И вряд ли случайно, что слет представителей шести республик в Чебоксарах в поддержку Дудаева проходил на фоне расширяющейся нацистской пропаганды. Чего стоит одна книжонка Г. Егорова «Воскресение шумеров», неоднократно изданная в Чебоксарах массовым тиражом. Ведь основной смысл ее – единство чувашских и немецких нацистов под общим знаком свастики. (О ней см. «ЛГ», 1994, № 33.) На немецкий нацизм ориентирован и пантюркизм, пропагандировать который взялись многие московские издания.

Потому и борются за Дудаева наши «правозащитники». Упомянутый Шабад, представляющий ныне «Выбор России», отправляется в вояж по Америкам, агитируя за «санкции» против «этой страны», справедливо полагая, что ни за измену Родине, ни за поддержку нацизма действием он не получит не то что «пули в затылок», а и самого робкого осуждения властей. Главный «правозащитник» С. Ковалев за то же самое надеется получить Нобелевскую премию.

С. Ковалев, пожалуй, наиболее типичный «герой» нашего времени. Кое-кто удивляется, почему «уполномоченный по правам» так избирательно подходит к оценке, кто «человек», а кто «не человек»? А удивительного ничего нет. Он был в числе тех, кто планировал расстрел «Белого дома» и его безоружных защитников в качестве члена «президентской команды» (см. *Макс Ройз*. Кровавый пасьянс. М., 1994, с. 39, 53, 87, 137). «Подключение «Мемориала» и «Комиссии по правам человека» прямо предполагалось для «дезавуирования» информации, шедшей со стороны «Белого дома» (с. 88).

Фигура С. Ковалева – своеобразный тест: как ты относишься к его деятельности, так и к происходящему в стране. На прямой вопрос корреспондентки, не собирается ли Ковалев переехать к сыну, преуспевающему американскому бизнесмену, «правозащитник» ответил хоть и нервно, но верно: «Я нужен тут, в России. Мне здесь нужно работать» («Советская Россия», 28.02). А определять, до каких пор ему «работать» в России, конечно, не Ельцину и Черномырдину... Журналисты-правозащитники обижаются, когда их подозревают в поддержке «кавказских братьев» из корыстных побуж-

дений. Лишь самые смелые соглашаются: кто дает, у того и берем, хотя бы и у Чечни (репортаж с заседания 10.03). А Дудаев не всех и допускает в свои бункеры. Ведущий программы «Ситуация» С. Кешишев вынужден был отказаться от намерения встретиться с генералом: «Дудаев по чеченскому радио объявил, что все корреспонденты, находящиеся в зоне военных действий, потенциальные шпионы, подлежащие немедленному уничтожению». А «по ту линию фронта» лишь те корреспонденты, «которые уже успели зарекомендовать себя как правильно освещающие события с чеченской стороны» («НГ», 25.02).

Кешишев в список доверенных не вошел. А Боровой свободно проехал через все заслоны и погулял с Дудаевым по Грозному. И рассказал об этом и по телевидению, и в «АиФ» (№ 6), выразив уверенность, что российские войска будут разгромлены. Денег он от Дудаева явно не получал. Возможно, и не передавал. Может быть, это и есть то самое: журналисты служат чеченскому фюреру потому, что это зачем-то надо тем, кто стоит над московским наместничеством?

Как осуществляется дрессировка и журналистов, и вождей «кавказских братьев», прекрасно иллюстрирует материал, опубликованный «Правдой» (25.02). Речь идет о беседе корреспондента агентства «Интерфакс» Анатолия Журавлева с Дудаевым и упомянутым выше Удуговым. Особенно интересны наставления последнего:

«Толик, одно уточнение: что касается весенних событий, которые возможны, о которых говорил президент, эта информация поступает. Президент очень встревожен этим, потому что это может произойти помимо нашей воли. Отметь это обязательно, Толик...»;

«Мы подготовили реакцию правительства Чечни, нужно откомментировать от правительства Чеченской республики эмоциональные высказывания Юсефа в Америке. Правительство Чеченской республики отмечает, что некоторые эмоциональные высказывания министра иностранных дел Чеченской республики Юсефа, высказанные им на пресс-конференции в Соединенных Штатах Америки, не меняют принципиальную позицию Чеченской республики, которая строго придерживается принципов ненасилия в политике. Правительство Чеченской республики еще раз официально заявляет, что придерживается и будет придерживаться принципов строжайшего исполнения всех норм

международного права и ни в коей мере, ни при каких условиях не допустит никаких акций насилия...»;

«Это надо срочно дать, потому что сейчас звонила Елена Георгиевна Боннэр, она была крайне обеспокоена этим вопросом. Сказала, что было бы желательно через Интерфакс».

Такая вот независимая журналистика. И глубоко правы солдаты и офицеры, говоря, что ведут войну на два фронта: против режима Дудаева и его московских и заокеанских покровителей. И потому, когда в хоре призывов – «переговоры только с Дудаевым», «политическое урегулирование» и т. п. – слышишь и голоса патриотов, хочется спросить: о чем переговоры, какое политическое урегулирование? Чтобы русских грабили и убивали не подряд, а через одного? Чтобы русские окончательно оставили территории, на которых они жили, по крайней мере, полторы тысячи лет? Чтобы русские снабжали бы бандитов всем необходимым, а сами бы вымирали с возможно большим ускорением? А ведь иных-то тем для переговоров и не может быть.

ЧЕМ «ЧЕРНЫЙ ОКТЯБРЬ» ОТЗОВЕТСЯ?*

Слова Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем», многих потрясли. А удивляться, собственно, было нечему: как раз истек двадцатилетний срок, определенный Хрущевым для строительства коммунизма, глупейший «прогноз», критиковать который дозволялось разве что на кухне. «Самая передовая в мире» социальная наука превратилась в объект насмешек, хотя сама-то по себе она вряд ли виновата: за 70 лет ее так и не востребовали: то «культ личности», то «волюнтаризм», то «субъективизм».

«Плюрализм» вроде бы породил разные «независимые» социологические службы. Но эти службы как бы взялись подтвердить актуальность старой шутки статистиков, когда одна половина граждан спрашивает у другой, что они думают по вопросу, о котором никто ничего не думает. Примерно так ставила вопросы и служба Грушина: в 1990–91-м годах мне тоже приходилось отвечать на вопросы вроде того, почему «улучшение» наступает не так быстро, как хотелось бы. А поскольку прорисо-

* Опубликовано в журнале «Молодая Гвардия», 1994, №7.

вывавшуюся катастрофу я никак не хотел признавать «улучшением», интервьюеры «отстали».

А масштабов катастрофы, похоже, не предвидел никто, в том числе и те, кто ее долго готовил и организовывал. Депутаты, союзные и российские, плелись в хвосте событий, даже не сознавая, соучастниками какой народной трагедии они стали. Покорно и даже с энтузиазмом утверждали разрушительные «суверенитеты», награждали разрушителей «дополнительными полномочиями», и когда вроде бы начали просыпаться, оценить ситуацию оказались неспособными. Избиратель по-своему отреагировал на поведение депутатов: митинговый энтузиазм сменился апатией, неверием большинства, что все эти «команды» захотят и смогут сделать хоть что-то позитивное.

Самое удивительное то, что и властные структуры оказались неспособными разобраться в информации, получить объективные данные о процессах и настроениях. «Политический Новый год» – великолепный монумент головотяпству самодовольных властей, а президент публично пожаловался, что советники его подвели. Кто же эти советники и что они советовали? Завесу таинственности приоткрыл новый журнал «Элита», в редсовет которого наряду с Р. Казаковой, Б. Окуджавой, Ю. Нагибиным, И. Смоктуновским входит и Егор Гайдар. Оказывается, что американская фирма «Годдард и Клаусен/Ферст тьюздей», обеспечившая избрание последнего и некоторых предшествующих американских президентов и заработавшая на этом миллиарды долларов, «подписала контракт о проведении политической кампании в поддержку Бориса Ельцина накануне референдума». А «недавно... вновь взялась проводить президента по скользким склонам власти». С российской стороны контракт подписал Г. Бурбулис. Сообщая об этом, автор статьи А. Чесноков оговаривается: «Какие средства массовой информации участвуют в этой программе и во сколько она обойдется российским налогоплательщикам, Годдард, естественно, сообщить отказался: «Наши отношения с центром Бурбулиса засекречены».

Годдард зато не стал скрывать содержания своих рекомендаций: «Любовь и голод, как известно, правят миром. Можно было бы добавить: и страх». Голод у всех на глазах организуется последовательно и целенаправленно, секс, которому американская фирма уделяет особое внимание, до краев заполнил и СМИ, и подмостки эстрады, и подворотни. Некоторое время назад в нашей

печати с недоумением обсуждали вышедшую из правительственных сфер информацию, по которой не менее 70% членов правительства – гомосексуалисты. Оказывается, что и личность Бурбулиса привлекла американскую фирму потому, что «Бурбулис обладает чертами анального характера и, по всей видимости, является латентным гомосексуалистом» (цитата из справки, представленной в Конгресс США). По разъяснению Годдарда, «секс непосредственно воздействует на подкорку мозга человека, и потому это самый верный способ придать людям нужное направление движения».

Годдард явно лукавил, когда уверял, что «страх» их фирма старается обходить. «Страх» нагнетают американские киноеввики. Ничего иного, кроме возбуждения страха, не мог предполагать и бессмысленный расстрел безоружных граждан, женщин и детей, корреспондентов (в том числе иностранных). И не случайна более чем повышенная активность американского посольства в трагические дни, включая и демонстрацию по телевидению расстрела «Белого дома», и участие «третьей силы», имитировавшей перестрелку нападавших и защитников, и подсказка провести на волне страха новые «выборы», выборы без выбора, исходила, конечно, от заокеанских советников. И несмотря на многодневные более чем подозрительные усилия рябовской команды, президентская команда шлепнулась в грязную лужу.

Конечно, из почти половины (если не более) не пришедших к урнам избирателей было много идейных сторонников бойкота. Но были и запуганные такой властью. Сторонники бойкота ошиблись. Бойкот может дать результат при согласованности действий оппозиции, и он обязательно должен быть активным. А для активности нет самого элементарного: средств информации и возможности вести агитацию. Тем не менее не пришедшие к урнам, конечно, проголосовали против. Правда, выборы дали материал, лишь против чего (а не за что) выступают граждане. Но избирателю и предложили на выбор лишь согласие или несогласие с проводимым ныне способом разграбления страны. А для «одобрям» «демократы» установили и довольно оригинальную норму: 25% достаточно.

Празднование «Политического Нового года», видимо, могло бы обернуться продолжением «Черного октября». Но из-за океана посоветовали убавить «шока» и прибавить «терапии» («Известия», 26.12.93). Кремль сказал: «Есть!». «Там», хотя и одобрили

кровавый расстрел (даже собственных корреспондентов), опасаясь, что на российской почве колумбийский вариант может не пройти, а потенциал России еще не настолько разрушен, чтобы можно было не думать о последствиях. И хотя никто не сомневается, что новый парламент, при всей его бесправности, «не доходит до года», как говорили предки («год» – значит «срок»), но не сомневаются и в другом: новое кровопускание нынешний режим вряд ли выдержит.

Как нам разъяснил журнал «Элита», американские советники за счет российских налогоплательщиков утверждают над все еще покорным «быдлом» господство новых диктаторов. Не хотелось бы вслед за С. Говорухиным и некоторыми другими авторами называть их фашистами: это гораздо хуже хотя бы потому, что интересы своей страны и народа приносятся в жертву устроителям «нового мирового порядка». России не привыкать иметь над собой чужеземных господ. Но и три революции за 12 лет – это тоже Россия.

Даже «демократические», по средневековым меркам, выборы показали, что национальное пробуждение началось, и танки и БТРы его стремительно ускоряют. Но готова ли к этому повороту оппозиция? Успех Жириновского показывает: не вполне. Жириновский вряд ли блефует, когда представляет себя другом и единомышленником Ельцина. Правы те журналисты и аналитики, которые господство на телеэкране в канун выборов еще одной «харизматической личности» связывали с расчетами президентской команды (и, может быть, рекомендациями все той же американской фирмы). Конституцию тоталитарного режима двойники-фюреры протащили (вопреки настроению подавляющего большинства граждан). Но оказалось, что и те, кто голосовал за тоталитарный режим, хотели бы изменить его направление на 180 градусов. И если для нынешней власти задача ясна: удержаться любой ценой наверху, то оппозиция должна предложить и нечто конструктивное, идущее навстречу чаяниям – даже и не осозанным еще – тех, кто производит и без кого никакие «царства» не стоят.

Вспомним: как летом 1993 года подавалось возвращение Гайдара. Телевидение устами радостного Е. Киселева сообщило об этой сенсации, показало злорадно и многообещающе улыбавшегося президента, а затем воспроизвело интервью с довольным (и самодовольным) возвращенцем. На радостях он разоткровен-

ничался и дал марксистский анализ нынешнего социального расклада (не зря изучал «Капитал»!). Оказывается, у «правительства реформ» год назад не было социальной базы. «Англоязычная команда» держалась лишь обещаниями Международного валютного фонда и подпорками транснациональных корпораций, контролирующих СМИ в «этой стране». Теперь и здесь появился мощный слой, на который можно положиться и который своего не упустит. Указан факт огромной важности, который и оппозиции следует оценить по достоинству.

Возвещая о возвращении Гайдара, президент не скрывал, что в связке с этим назначением на сентябрь запланированы и некие решительные акции. Но похоже, предупреждение никого не беспокоило: за годы «застоя» отвыкли думать, что у власти могут быть и «враги народа». Вакуумные и кумулятивные снаряды, загадочные «снайперы» потрясли мир куда больше, чем Кровавое воскресенье начала века, приведшее к трем революциям. В шоке оказались даже близкие «шоковым терапевтам» средства информации («Независимая газета», «Московские новости», «Комсомольская правда» и др.). А реальной оппозиции надо думать и о том, чтобы замена скомпрометированных лиц не привела к упрочению порочного порядка.

Кто бы ни нес ответственность за искусственно созданный кризис, преодолеть его можно, лишь имея политическую волю и систему глубоко продуманных социально-экономических мер. И начинать придется с учета и сопоставления имеющихся анализов ситуации.

Как было сказано, большинство анализов выполняют социальный заказ. Государственно мыслящих людей всегда было мало, а ныне их найдешь разве что на периферии (не обязательно географической). Но и в частных, своекорыстных анализах могут быть ценные наблюдения и аргументы, на которые надо реагировать. Примером такого рода могут служить разработки Владимира Лепехина (Коалиция «Предпринимательская политическая инициатива». Институт политических технологий) «Предприниматели и власть в современной России (1992–1993 гг.)». (Четыре выпуска с оценкой ситуации с июня по сентябрь 1993 года.) Заказчик здесь очевиден: «деловой мир». Ракурс тоже – отношение с аппаратом власти. Элемент лоббизма предопределен заданностью. Но очевидно и соперничество двух ветвей «предпринимателей», которое политикам надо учитывать.

Неудивительно, что в центре внимания – концерн «Газпром», за которым стоит фигура премьера В. Черномырдина. Автор напоминает, как государственный концерн стал «частно-государственным», когда открываются огромные возможности для перекачки государственных средств в личные карманы. Обслуживающий монополию банк «Империал» стал владельцем пакета акций бывшего совзагранбанка в Люксембурге, что «позволяет его клиентам на законных основаниях хранить валюту за границей». И т. д. (ч. II, с. 7–12). Автор заключает, что «именно эта группировка, а не правительство, президент или парламент, является сегодня основным субъектом экономических реформ. Если, конечно, процесс коммерциализации и приватизации ведущих отраслей российской экономики можно назвать реформой...».

Интересны и соображения о том, почему энергетический комплекс при огромных государственных дотациях и валютной выручке продолжает деградировать: доход идет не тем, кто создает, а чиновникам и перекупщикам. Заслуживают внимания и некоторые другие факты и соображения (в частности, механизм обмена старых купюр, позволивший ряду банков «заработать» миллиарды). Но у автора получается, что «деловые мошенники» только в «частно-государственных» концернах, а в чисто «частных» их вроде бы и нет. Да и вся социальная сфера и смысл «шоковой терапии» остаются как бы за кадром. В этом смысле анализ, подготовленный коллективом Института социально-политических исследований (руководитель акад. Г. Осипов), представляется более взвешенным и обстоятельным.

По времени материал готовился чуть раньше и был опубликован в приложении к газете «Подмосковные известия» от 19.08.93 г. («Старая площадь, 6», № 28). События 3–4 октября его не перечеркнули. Более того, он помогает их понять, хотя, конечно, на прогнозирующую часть они не повлиять не могли. Видимо, чтобы подчеркнуть объективность анализа в духе прежних партийных документов, авторы говорят и о «достижениях» (вроде пресловутого «процесс пошел» – в данном случае «приватизации»). Но фактические статистические данные говорят сами за себя и позволяют видеть, как «пошли» и иные «процессы». Материал начинается оценкой как бы внешнего проявления ситуации: «Радикализация политических отношений». Хотя государственный переворот 20 марта и не удался, направление президентского курса проявилось отчетливо, а оппозиция вновь

оказалась не на высоте, по существу, подыграв президенту с «референдумом», ни в коей мере не подготовленным. «Референдум» выявил раскол общества на три равные части: «за», «против», «безразличные». Телекомментаторы пытались представить последних как «аполитичных». Но это не так. «Страх» в апреле еще не проник «под корку» россиян. «Застойные» годы приучили считать власть глуповой и вороватой, но все-таки такой, что сама живет и другим дает жить. Бойкотировали референдум прежде всего те, кто активно включился в «демократический процесс» и теперь устыдился этого.

Авторы анализа тревожатся, что ныне нет уважаемых центров власти, а также уважения к законам. Удивляться и тогда было нечему: СМИ прославляли беззакония, творимые президентской командой, а интеллигенция типа Новодворской и авторов «письма 42-х» («Известия», 6.10.93) требовали от президента ритуальной крови похлеще средневековых хасидов. Лепехин явно ошибался, полагая, что «партии центра» держат ситуацию. Аналитики ИСПИ уловили, что как раз центр стремительно размывается, что ведет к грани уничтожения в гражданской войне.

Аналитики предупреждали, что в «атмосфере криминализованных общественных отношений высока вероятность денежных злоупотреблений в ходе предвыборной кампании и дальнейшая деградация политического процесса. Было бы непростительной небрежностью, влекущей к трагическим последствиям, начинать выборы без законодательно закрепленных механизмов их проведения». Октябрь и декабрь подтвердили правильность и этих выводов. Можно лишь уточнить, что, несмотря на мобилизацию всей бюрократическо-репрессивной и пропагандистской машины (не говоря уже о «денежных злоупотреблениях»), «Выбор России» пролетел с треском. Ну, а облик этого «выбора» достаточно просвечен фигурами типа А. Макарова и других организаторов фальшивки по «делу Руцкого». Пока уголовные преступники не привлечены к ответственности. Но, может быть, это даже и лучше: для будущих избирателей яснее, кого отбирал «Выбор».

Второй раздел – «Конституционный процесс: выбор будущего». Уже тогда стало ясно, что «будущая конституция превращается из источника стабилизации в объект ожесточенной политической борьбы, жертвами которой могут стать остатки хрупкого социально-политического равновесия». Авторы выделили

три взаимоисключающие позиции, которые в основном сохранились и ныне. Особую тревогу у них вызвало отношение к земельному вопросу: отсутствие «запрета на продажу земли иностранцам, возврата земли прежним владельцам, десятилетнего моратория на куплю-продажу земли», причем «провозглашалась частная собственность не только на землю, но и на недра, воды, растительный и животный мир». (Лишь 15 % земель России предполагалось оставить в федеральной собственности.) Между тем село всюду отвергает эти притязания. На съезде Аграрной партии в феврале 1993 года за частную собственность на землю высказалось лишь 19 % делегатов, и только 7 % мирятся с продажей ее иностранцам.

Президентская команда придумала для себя конституцию, соединившую все худшее из прежних проектов. Но даже С. Шахрай вынужден заметить, что «никто конституцию не читал и читать не собирается. Во всяком случае, пока все ветви власти ее дружно нарушают – и депутаты, и министры, и президентская администрация» («МН», 1994, № 6). И ничего удивительного в этом нет. Не может быть авторитетной «конституция», принятая неконституционным путем, причем, несмотря на все махинации рябовской команды (даже к первоначально объявленным приписали 6 млн.!), не смогли наскрести и трети избирателей (как было сказано, на двоих: Ельцина и Жириновского). Беззаконная конституция лишь беззакония и может плодить.

Следующий раздел – «Армия и общество». Разложение армии и падение ее авторитета у всех на глазах. Отмечается, что 80 % призывников не хотят служить в армии и почти все нежелающие не идут на службу. (В Москве в 1992 г. становились в строй лишь 10 из 100.) И очень интересный факт: три четверти готовых служить – рабочие. Вот он где, самый государственный социальный слой, пока не проявивший себя и никем не востребованный!

Неуверенность в завтрашнем дне испытывали 92 % офицеров, «уверенных» – 8 %. «Подкормка» части (в том числе криминальной) высшего офицерства в канун «Октября» даже афишировалась. А как следствие: «Из 34 случаев нападения на часовых в 1992 году только в трех ими было оказано сопротивление. Из 74 нападений на караул лишь в двенадцати случаях нападавшие получили решительный отпор. Караул 2594-го склада артиллерийских боеприпасов в Ахалцихе позволил грузинским

боевикам разоружить себя и беспрепятственно захватить 650 вагонов боеприпасов».

По данным авторов, большинство из трех миллионов офицеров и прапорщиков, уволенных из армии, брошены на произвол судьбы. Аналитиков беспокоит, что уволенные «являются той социальной группой, которая может при соответствующих условиях повлиять на социально-политическую ситуацию в стране». Отмечают они и «рост политизации» офицерства. Но это неизбежно, когда «обогащение одной категории офицеров» происходит за счет «обнищания другой».

А власть именно к этому и стремится, памятуя древний принцип всякой антинародной власти: разделяй и властвуй. И неизбежно, что такая политика ведет к резкому взлету преступности в армии, причем особенно опасен рост хищений оружия и боеприпасов, которые в большинстве идут уголовным элементам и антироссийским боевикам.

В разделе «Падение производства и рост безработицы» даны в целом известные факты. «По среднесуточному производству многих видов продукции российская промышленность уже опустилась до уровня 50–70-х годов и продолжает движение назад». Вопреки утверждениям президентской команды весной прошлого года никаких признаков «стабилизации» не было. «Среднесуточное производство шерстяных и шелковых тканей снизилось в мае (по сравнению с маем 1992 г.) на 28–43 %, обуви – на 19–26 %, детских чулочно-носочных, трикотажных изделий, обуви – на 30–53 %». И т. д. И это в сравнении с отнюдь не благоприятным 1992 годом. А как следствие – стремительный рост цен. С декабря 1992 года по май 1993-го они выросли в три раза, а к концу года предполагалось 12-кратное повышение. Примерно такое повышение и обозначилось в январе, а сдерживание роста цен в октябре–декабре достигалось лишь «гайдаровскими» методами: людям либо не доплачивали, либо вообще не платили зарплату. Кстати, «демократическая» пресса и телевидение подняли истошный крик по поводу отставки Гайдара, причем и сам вице-премьер хвастался своими «заслугами» в осенней стабилизации рубля. И полезно в данном случае разъяснение академика Н. Петракова: «Во-первых, сам факт этого снижения требует доказательств... Во-вторых, некоторое снижение достигнуто усилиями не первого вице-премьера, а министра финансов Бориса Федорова. В-третьих, наконец давайте задумаемся, какой ценой

достигнут этот якобы успех. Людям фактически перестали платить зарплату. Все декабрьские платежи были перенесены на январь... Речь идет о фактическом замораживании зарплаты, против которого на словах так активно выступали наши реформаторы» («НГ», 19.01.94).

Иными словами, прогноз и в данном случае абсолютно точен. Аналитики не предусмотрели лишь степени коварства и цинизма «реформаторов». И удивляет в данном случае лишь то, что кто-то еще глотает неприкрытую ложь «демократических» СМИ.

Разрыв хозяйственных связей и явно деструктивное повышение цен на энергоносители привели к тому, что уже в 1 квартале 1993 года, по подсчетам аналитиков, «более половины предприятий промышленности и строительства имели просроченные долги, а в некоторых регионах их доля доходила до 90%». Надо иметь в виду и то, что этот процесс тоже идет с ускорением, и то, что в рамках «шоковой терапии» предполагается «убыточные» предприятия продать с молотка (форма ограбления народа в интересах нуворишей) или закрыть.

«Реализация экономического блицкрига, — констатируют аналитики, — неуклонно увеличивает безработицу». По официальным данным, в мае 1993 года безработных было вроде бы немного: 1,1 млн. Но в эти данные не включались «отпускники» поневоле. К тому же 38% безработных — это молодежь до 30 лет. «Основная волна безработицы впереди», — предупреждают авторы и напоминают, что «проведение жесткой финансовой политики в Польше увеличило число безработных в 1992 году до 2 млн. человек. В 10-миллионной Венгрии, идущей сходным путем, к концу года ожидается 1 млн. безработных».

Вывод авторы делают аккуратный: «Результаты проведения экономических реформ, вероятно, и в этом году не помогут обществу обрести долгожданную стабильность». Из материала же вытекает и гораздо более определенное: *такие* реформы вообще не могут вести к стабилизации. Ничего, кроме разрухи, дальнейшего падения жизненного уровня, ускорения «процесса» вымирания населения (прежде всего коренных российских областей, где средняя продолжительность жизни уже снизилась с 71 года до 44 лет), такая «терапия» не принесет. Периодические же повышения цен на энергоносители и транспорт — ближайший путь к разрушению экономики в «этой стране»; практически закрывается сама возможность восстановления хозяйственных свя-

зей. При таких расстояниях (это вам не Япония или Германия!) кооперация становится невозможной, и возврат к натуральному хозяйству первобытных эпох практически неотвратим.

Следующий раздел – «Аграрный сектор экономики: последствия реформы». В этой сфере, как известно, падение началось в 1991 году и стало обвальным в 1992-м в связи со стремительным наступлением властей на колхозы и совхозы. Тенденция эта сохранилась и в 1993 году. «Так, к июню стадо коров уменьшилось на 4,3 млн. голов, свиней – на 3,6 млн. В целом животноводство России отброшено к уровню 60-х годов». Забой скота интенсивно шел и зимой этого года по тем же причинам: бескормица, отсутствие средств (государство не рассчитывается с селом за сданную продукцию), неуверенность в завтрашнем дне. И «главная причина» всего этого – та же: «Аграрная реформа, и особенно ее составная часть – земельная реформа, изначально преследует не столько прагматическую цель повышения производительности аграрного труда и повышения экономической эффективности аграрного сектора, сколько идеологическую цель разрушения коллективного, ошибочно идентифицируемого с коммунистическим, общественного производства, создания массовой социальной опоры радикальному курсу реформ в лице класса частных собственников и удовлетворения запросов спекулятивно-криминальных слоев российского населения».

Именно этот слой подразумевал в упомянутом интервью Гайдар, и именно на этот слой ориентированы многочисленные журналисты, поднявшие кампанию против Заверюхи, пообещавшего вернуть селу часть долгов (и за такую позицию им хорошо платят!). Аналитики отмечают, что в пользу частного сектора прямо передается собственность колхозов и совхозов, распределяются материально-технические средства, и даже платят частнику за продукцию больше, чем общественному хозяйству. Выявляется и «установка» «на удовлетворение запросов спекулятивно-криминальных слоев российского населения... а в конечном счете на привязку России к интересам западных инвесторов и американо-европейского аграрного рынка. На это направлена финансовая политика, политика материально-технического снабжения, политика цен, социальная политика и, главное, земельная реформа, сводящаяся в конечном счете к тому, чтобы открыть шлюзы для свободной спекуляции землей, в том числе

с участием зарубежного капитала, чему на всем протяжении послевоенных десятилетий упорно и безуспешно сопротивляются в развитых капиталистических странах».

«Белый дом» в сентябре–октябре явно не на том акцентировал внимание. Конституцию и закон у нас долго еще будут обходить: многовековая привычка. Было бы полезней просто воспроизвести данные анализа. Скажем: «В 1992 году собственные закупки зерна в России составили 26 млн. тонн, а импорт – 29,5 млн. ...А ведь до сих пор в закромах российского земледельца лежит несколько миллионов незакупленного зерна, продавать которое ему невыгодно, ибо продажная цена не окупает издержки или превосходит цену комбикормов, которые ему приходится затем покупать... Не далее как в конце 1980-х годов мы производили на душу населения 787 кг зерна, а страны ЕЭС – только 521 кг. Сегодня соотношение изменилось ненамного. Отдавая сотни миллионов долларов западным фермерам, государство не направило эти деньги на стимулирование российского хлебороба. А если учесть разницу в ценах на закупочное импортное и отечественное зерно, достигающую 6–7 раз, то становится очевидным, какой – европейский или российский – аграрный сектор стимулируется». То же «с картофелем, молоком, мясом». Их также на душу населения производили больше, чем страны ЕЭС. Нехватка же объяснялась плохим хранением и переработкой. Сюда и должны были направляться средства. А они «тратятся на закупку польской картошки, западногерманского сухого молока, тушенки по линии «гуманитарной помощи», которая на деле оказывается весьма дорогостоящей». Факты показывают, что, в сущности, и фермеры оказались жертвой антинародной политики правительства. «На Западе создание одного высокоэффективного фермерского хозяйства обходится в 1–1,5 млн. долларов. У России таких средств нет, даже если все нажитое общественным производством перераспределить в единоличный сектор, пустив по миру миллионы прочих аграриев». В итоге же, имея 3% сельхозугодий, фермеры не дают и 1% продукции, а около 7 тысяч фермерских хозяйств в 1992 году самоликвидировались.

Существенно и то, что «анализ ценовой политики на сельхозпродукцию соответствует запросам спекулятивно-криминальных слоев российского населения и обеспечивает неизбежное банкротство российского аграрного сектора». В розничной торговле цена на мясо и молоко выше закупочной в 3–4 раза, на

хлеб – в 6–7 раз. Вот, оказывается, откуда берутся эти дикие цены, недоступные не только пенсионерам!

Авторы указывают на неодинаковое отношение правительства к промышленному и аграрному секторам. Первые произвольно назначают «свободную» цену, вторым цена жестко определена. Но это не все. Ведь наши предприятия по бросовым ценам гонят продукцию за рубеж, отнюдь не считаясь с интересами государства, области, а подчас и собственного трудового коллектива. Аграрный сектор такой возможности лишен. Без восстановления монополии на внешнюю торговлю диспропорции просто не удастся ликвидировать, а аграрии вынуждены будут пойти по пути шахтеров, хотя, как выяснилось, путь этот самоубийствен.

Раздел «Процесс приватизации: темпы и масштабы» во многом сухо фактографичен. Здесь в духе начала 30-х годов, когда центр заваливали процентами «выполнения и перевыполнения» планов коллективизации, бесстрастно сообщается, что «процесс пошел», и даны цифры по отраслям и регионам. В торговле и бытовом обслуживании рентабельность частных явно выше, чем у государственных заведений. И главная причина отмечена: цены у частных выше примерно в полтора раза.

Стоило бы еще напомнить и о том, что часто товары частных попросту перекуплены у «государственников». Слишком благодушно воспринимается эпопея всероссийской ваучеризации. Правда, робко замечено, что скупка ваучеров «создает реальную основу для формирования класса крупных собственников», но надо было бы провести пересчет, на сколько обманули граждан, попросту ограбили их, оценив ваучер в тысячи раз меньше реальной его стоимости.

Несомненно, ценно в этом разделе указание на отношение к приватизации населения. Свыше 90% считают, что «приватизация носит элитарно-криминальный характер». К марту 1993 года (по сравнению с августом 1992 года) доля людей, уверенных, что приватизация пойдет на пользу всему обществу, снизилась с 9% до 4%, а число тех, кто считает теневых дельцов «победителями» приватизации, наоборот, увеличилось с 35% до 42%. Но вывод из этих данных как бы предупредительный: «Обвальная приватизация может привести к банкротству недопустимо большого числа предприятий. В Чили таким образом обанкротилось 80% предприятий, и часть из них пришлось ренационализировать. Не меньшую опасность представляет создание вместо ши-

рокого слоя частных собственников узкого круга владельцев крупных состояний. Осознав себя обманутыми, большинство россиян рано или поздно захотят заняться еще одним перераспределением собственности. Порочная практика социальной конфронтации может свести на нет все реформаторские замыслы об эффективной смешанной экономике России».

Последняя фраза звучит странно. Кому она адресована? Будущим «перераспределителям»? А что им остается делать, если их действительно ограбили? Правительству? Но тогда надо прямо об этом и сказать, тем более что это соответствует реальности. И для предотвращения худшего надо скорее довести до сознания народа, что его обманули самым беззастенчивым образом.

Следующий раздел – «Снижение уровня и качества жизни: имущественное расслоение» – едва ли не самый убийственный приговор «реформаторам» в этом убийственном материале. «Обнищание россиян не остановлено». «Большинство из 35 млн. пенсионеров не в состоянии прожить на свою пенсию». «На грани или за чертой бедности... в 1 квартале 1993 года проживало более 30% населения, 42% семей, имеющих детей до 16 лет». По сравнению с концом 1990 года реальная зарплата упала в среднем в 6–7 раз. «Средняя калорийность питания взрослого россиянина приближается к 2100 калорий, что недостаточно даже для 11-летнего ребенка. По данным Минздрава РФ, дефицит белков в рационе жителя России составляет сейчас 25%, витамина А – 30%, витаминов группы В – 20–30%, витамина С – 50%. Контроль за качеством выпускаемых, а главное, поступающих в государственную и коммерческую продажу продуктов питания практически отсутствует. В рационе женщин детородного возраста и беременных не хватает витаминов, белковых продуктов, необходимых для нормального течения беременности. Недостаточное и нерациональное вскармливание новорожденных снижает иммунную защиту ребенка. Более 60% детей рождаются с различными патологическими заболеваниями».

Одной последней цифры достаточно, чтобы любой реформатор, будь у него хоть капля чести и совести, пустил бы себе пулю в лоб или хотя бы отправился на покаяние босиком и в рубище к Святым местам. Но это «если бы»... Естественно, что «резкое падение уровня жизни, разрушение системы бесплатного здравоохранения и обеспечения лекарствами привели к устойчивому росту заболеваемости населения». «Для большинст-

ва горожан, например для 67% москвичей, организованный летний отдых теперь стал недоступен».

«По данным НИИ детства, за последние 3 года в России было закрыто 13 тысяч пионерских лагерей, свыше половины детей (55%), которые раньше ежегодно выезжали на отдых, фактически лишены такой возможности. В период летних каникул 1993 года 3,5 млн. подростков оказались, по сути, без присмотра... Закономерно, что в этих условиях растет подростковая преступность».

Весьма существенна оговорка: что за «средними» цифрами следует видеть и сверхбогатый слой, и нищих. «Сверхбогатый» слой составляет около 3 миллионов человек (в том числе в Москве 300 тысяч и в Петербурге 150 тысяч). Это те, кто по состоянию на ноябрь 1992 года имел более 100 тысяч рублей в месяц. «Это прежде всего руководители перекупочных фирм, коммерческих банков, бирж. Если к ним добавить категорию лиц с криминальными доходами, включая высшее коррумпированное чиновничество, главарей мафиозных структур, то доля супербогачей составит около 4% россиян. Их месячные доходы примерно в 300 раз превышают доход «низов».

Около 10–15% населения составляли некий эрзац среднего класса с доходом порядка 50 тысяч рублей в месяц (на ноябрь 1992 г.). Он состоит в основном из торговцев-лавочников, obsługi «высшего класса», высшей администрации предприятий, части чиновничества, небольшой части рабочих, интеллигенции. Остальное население России составляли «просто бедные» (30–35%) или «самые бедные» (45–50%).

Обострению взаимоотношений между «городом и селом» способствует увеличение разницы доходов горожан и селян. Супербогачей на селе менее сотой процента. И замечено, что это, «вероятно, нелегальные спекулянты землей». Народная пословица – «от трудов праведных не наживешь палат каменных» – как никогда подходит к нашему времени. В материале отмечается, что в 1992 году «Роскомзем обнаружил 630 случаев незаконного выделения земли». Если бы этим вопросом занялись всерьез, то по одной Московской области обнаружили бы во много раз больше. Но и это сельскому (да и городскому) населению еще предстоит осознать.

Весьма существенна одна оговорка: более точные сведения можно было бы получить, если бы у нас работала декларация о

доходах. Для современного капиталистического государства это краеугольный принцип. Но мы строим особый «капитализм», причем за сокрытие доходов ратуют все ветви власти, с чем в значительной мере и была связана инертность большинства в трагические события «Черного октября».

Вывод по разделу – нарастание расслоения ведет к возникновению антагонистических интересов. Авторы тревожат, что основу расслоения «определяет не рост материального или духовного богатства общества, а, наоборот, его разворовывание и криминализация». И конечно, нет ничего удивительного в том, что «такая ситуация способствует росту популярности крайних течений, как правых, так и левых». Беспокоит как раз то, что сами «течения» слабо откликаются на общественно-государственные потребности.

Следующий раздел посвящен последствиям развала Союза. «Беженцы и социальная напряженность: толерантность и ксенофобия россиян». Он важен для уяснения характера межнациональных отношений в собственно российских, русских областях. Наши средства массовой информации любят раздувать факты, из которых можно выжать что-то вроде «угрозы русского шовинизма». «Комсомольская правда» (18.09.93), скажем, печатает подборку «Письма о великорусском шовинизме...». О телевидении и говорить нечего: русофобия там носит до того оголтелый характер, что нередко пробуждает и у части русских национальное самосознание.

Наплыв нерусских беженцев в русские области – факт широко известный: национализм на окраинах носит более чем шовинистический характер, и бежать, кроме как к инертным в этом отношении россиянам, некуда. Но пришельцы, несомненно, лишних забот старожилам добавляют, и удивительно не то, что где-то россияне на это реагируют, а то, что реагируют слабо.

В разделе приведена интересная таблица: отношение москвичей к лицам разных национальностей. Большинство национальностей вообще никаких эмоций не вызывает. К украинцам отрицательно относятся 3%, и почти наверняка в большинстве случаев это реакция на нынешнюю политику команды Кравчука. К евреям (наверняка к великому сожалению сионистов) лишь 8% (и не обязательно русские: Москва город многонациональный, тех же евреев около 8%). Удивительно спокойное отношение к латышам и молдаванам – 7% – свидетельствует и о

некотором безразличии москвичей к судьбам своих соплеменников в республиках Молдавии и Латвии, где они низведены до положения людей третьего сорта. И только Кавказ вызывает заметную неприязнь: 34% – армяне, 33% – грузины, 40% – чеченцы, 46% – азербайджанцы. Понять это нетрудно: достаточно пройти по рынкам и станциям метро, за которые ведется борьба между разными мафиозными кланами кавказцев. Да и сведений о деятельности этих кланов в печать попадает немало (конечно, далеко не все).

А вот положение на юге России (Кубань, Ставропольский край, Ростовская область) чревато серьезным взрывом из-за наплыва беженцев с большими деньгами. Так, в Краснодарском крае в 1992 году 50% переселившихся сюда армян купили дома. Это закономерно создает у местного населения (часто значительно более бедного) впечатление, что это не беженцы, а захватчики. Такое впечатление подкрепляется видом собственно русских беженцев из тех же районов: они в большинстве случаев голь перекатная.

Раздел «Права человека в России» не стоит и комментировать – трудно найти период, когда с «правами» дело бы обстояло настолько плохо. Власть не гарантирует гражданам даже права на жизнь. В разделе упоминается об «инфляционной конфискации сбережений граждан», резкие оценки правопорядка «правозащитников», предпринимателей (80%).

И даже на этом фоне произвола властей картина в республиках Прибалтики и других республиках бывшего Союза еще более ужасна, и прежде всего для русского населения. Авторы признают, что оппозиция «не без оснований обвиняет нынешние российские власти в забвении интересов миллионов соотечественников, оказавшихся вне России».

Следующий раздел – «Девиантное поведение: суицид, алкоголизм, самоубийства, рост алкоголизма и наркомании». Рост этот очевиден, о нем много пишут. Здесь отмечается, что потребление водки за пять лет, с 1987 года, выросло в два раза (10,5 л на человека). За те же годы количество самоубийств выросло на треть, а в этом году еще на треть по сравнению с прошлым. Резко возрастает количество несчастных случаев и преступлений в связи с ростом алкоголизма. О росте потребления наркотиков, в том числе в детском возрасте, писалось немало (и мне уже приходилось приводить эти данные). Здесь отметим, что глав-

ными поставщиками наркотиков остаются азербайджанцы. В последнее время, как отмечалось в печати, осваивается также «таджикский канал».

Раздел «Состояние преступности в Российской Федерации» тоже в особых комментариях не нуждается: она растет на наших глазах, и никто в России не испытывает уверенности в том, что положение может улучшиться. Всюду воздвигаются металлические решетки и двери, граждане, кому удастся, стараются обзавестись оружием. Общий мотив раздела – преступность растет, а раскрываемость снижается. Да и как может быть иначе, когда следственно-милиейские кадры отвлекаются то на разгоны демонстраций, то на охрану новых «вождей» и коммерсантов. Да и статистика в данном случае мало что отражает: огромные области деятельности преступного мира (как было уже сказано в примере со спекулянтами земель) вообще не рассматриваются. А по данным ЦРУ (приведенным в рассматриваемом документе), в нелегальную (и незаконную деятельность) так или иначе втянуто свыше 80% населения.

Раздел «Тенденции и перспективы развития социальной и социально-политической ситуации» – своеобразное обобщение изложенного. Из некоторых новых данных примечательно указание на то, что «доля расходов на фундаментально-технические исследования и государственные научно-технические программы составляет примерно 3% бюджета, что обрекает науку на деградацию». «Из-за неэффективности переработки и хранения страна теряет 25–30% добытой нефти, около 40% произведенной сельскохозяйственной продукции, металла. Структурная реорганизация экономики практически не ведется».

Авторы отмечают, что в стране осуществляется такой вариант «приватизации», от которого предостерегали в 1990 году даже МВФ и другие подобные организации: государственная собственность за бесценок переходит в руки немногих лиц с деньгами и связями. И предостерегают: «Социальные последствия подобного перераспределения собственности в виде усиления социальной напряженности, несомненно, впереди». Отмечается, что «уровень и качество жизни России снижается до нищенских «стандартов»... формируется конфликтогенная социальная структура российского общества», что является следствием «импровизационной поспешности проведения реформ и лоббистского давления криминальных структур».

Отметив, что «эскалация преступности, накопление в обществе стрессовых перегрузок, неуверенность в завтрашнем дне служат общим социально-психологическим фоном проведения радикальных реформ», авторы дают официальную информацию МИДа: в 1992 году «20 млн. россиян подали заявления на загранпаспорт с целью эмигрировать в страны с большими социально-экономическими возможностями». И это при том, что нигде этих мигрантов (за исключением, может быть, сионистов) не ждут и равных возможностей им не представляют! До того дореформировались, что в своей стране народу стало тошно жить...

По мнению аналитиков, «современную политическую стратегию должны определять такие задачи, как сохранение целостности государства, упрочение его правовой основы и безопасности, а не политические амбиции и идеологические схемы». Авторы признают, что нынешние российские правители такой стратегии придерживаться не будут, и надеются на региональные политические элиты, «которые, по всей вероятности, провозгласят приоритет государственных интересов и независимость от «московских» политических партий». Действительно, в трудные времена Россию обычно спасала провинция. Провинция, видимо, смогла бы предотвратить и «Черный октябрь», если бы «сидельцы» «Белого дома» были пограмотнее как политики. Но «Черный октябрь» показал и другое: добровольно виновники развала не уйдут.

Рекомендации в целом исходят из общей принципиальной посылки: «Мы опоздали навсегда в капитализм XX века. Копируя методы регулирования экономических процессов, разработанные для стран с рыночной экономикой, Россия неизбежно уходит на периферию мирового развития. Нашему обществу нужно искать другие цели, выводящие страну в XXI век из порочного круга капиталистических и социалистических догм». «Глобальные тенденции развития мира – катастрофическая деградация природной среды и быстрый рост населения планеты – приводят мировое сообщество к осознанию того, что погоня за прибылью и потреблением не могут более из-за ограниченных ресурсов планеты рассматриваться как движущие силы развития цивилизации». Это все бесспорно. Но бесспорно и то, что «перестройку», которую Запад вынужден будет проводить, он постарается в максимальной степени провести за наш счет. Ведь упоминаемая авторами концепция «золотого миллиарда» и установ-

ление «нового мирового порядка» и есть реальная политика Запада в отношении России и СССР. И суть, и механизм проведения этой «концепции» несколько лет назад вскрыл в серии блестящих статей А. Кузьмич (Цикунов).

Конкретные предложения аналитиков в большинстве и очевидны, и бесспорны. В основе – «опора... на концепцию смешанной социально ориентированной экономики», усиление государственного регулирования на уровне макроэкономики и в наиболее важных жизненных сферах, поддержка науки и передовых технологий, контроль за ценами на товары повседневного спроса, «принятие мер по защите населения и государственного производства от спекуляции в условиях острейшего товарного дефицита», «создание системы регулирования внешнеторговыми и валютными операциями», «восстановление государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков, табака и т. п.», восстановление социальных гарантий в самых разных сферах. Но вопрос в том, какие политические структуры могут предложить народу такую программу и сумеют повести его за собой? Весь материал подводит к тому, что нынешняя власть ничего этого делать не будет. Скажем, предлагается «вытеснение государственной бюрократии из сферы распоряжения собственностью». Очевидно и то, что «необходимо внести строгую уголовную персональную ответственность для всех лиц, занятых в системе управления и властных структурах, за нарушение законности, за ущерб, наносимый их деятельностью государству и народному хозяйству». В самом деле необходимо. А далее следует: «Мафиозные структуры, коррупция и рэкет должны быть поставлены вне закона».

Вот мы и подошли к самому главному! Ведь все благие пожелания – верные сами по себе – могут быть проведены в жизнь лишь при условии, что общепризнанные в мире с древнейших времен пороки у нас стали нормой жизни, и «Черный октябрь» продемонстрировал прежде всего то, *как* эти «нормы» будут поддерживаться.

Аналитический материал ИСПИ, по существу, подтвержден и в докладе отделения экономики РАН и международного фонда «Реформа» («НГ», 3.02.94). Здесь также отмечено, что «растет и нагнет преступность, плодятся мафиозные группировки. Массовыми, уже не вызывающими протеста и правительственного осуждения становятся взяточничество, вымогательство и казно-

крадство». Но все это увязывается лишь с очевидным непрофессионализмом авторов и проводников курса «шоковой терапии», а также их «амбициозностью». Но показательна реакция Чубайса на заявление академиков Абалкина, Петракова и Шаталина: «Правительство им не поручало...» (программа «Воскресенье» от 13.02.94). И ухмылка – мягко сказать, нагловатая.

Как и всегда, актуальны и справедливы слова Радищева: «Свобода придет от тяжести порабощения». Но и на Западе появляется союзник, помощью которого необходимо обязательно воспользоваться. В канун Нового года достаточно известная у нас лондонская «Файнэншл таймс» в телевизионном репортаже (25.12.93) анализировала «социальную структуру» нашего общества. По их оценке, ныне у нас примерно 4 тысячи организованных преступных структур, четверть которых замыкается на чиновниках высокого ранга. Самая жестокая и самая разветвленная в мире мафия, с которой наша власть почему-то не борется. Лондонские аналитики предупреждают, что вкладывать капиталы в страну, находящуюся во власти мафии, опасно. Опасаются в Европе и выхода российской мафии на международную арену. И тревога в этой связи быстро нарастает: такого побочного результата сокрушения России «там» явно не ожидали. Затревожилось и ЦРУ: у российского правительства хотя и нет секретов от заокеанского друга, но оно не умеет правильно оценивать ситуацию и толкает к таким взрывам, которые могут отозваться на всей планете. «Файнэншл таймс» вроде бы удивляется, что русское правительство не понимает: с мафией нельзя договариваться, с ней надо бороться всеми доступными средствами (как это делается – показывает пример Китая). ЦРУ беспокоит, кажется, другое: кто-то может завладеть инициативой такой борьбы, направив ее и против сросшегося с мафией правительства. Подобные опасения, кажется, проникли и в президентскую команду («Известия», 26.01.94: «Российская мафия собирает досье на крупных чиновников и политиков»).

Иными словами, общественный настрой ныне для всех очевиден. Настрой этот неизбежно будет нарастать. Но необходима политическая структура, которая в ряду конструктивных предложений выдвинет эту проблему на первое место.

Исторические фальшивки

АРИЙСКИЕ РУНЫ НА ВЛЕСОВЫХ СТРУНАХ*

В последние годы широким потоком хлынула «ведическая» литература, главным звеном которой является так называемая «Влесова книга». Рассказать о ней постоянно просят институты и школы, студенты и преподаватели. И обычно глубоко переживают разочарование, убеждаясь в том, что это – подделка отнюдь не высокого качества.

О том, что «Влесова книга» фальшивка, писали неоднократно специалисты самого высокого уровня. «Механизм» ее создания в ряде публикаций убедительно представил О.В. Творогов. Он, в частности, проанализировал брошюры Ю.П. Миролюбова, изданные после его смерти в Мюнхене, и установил, что до 1952 года «Влесовой книги» еще не было. Источниками для «восстановления» древней славянской религии служили ему «Прабабка Варвара» и «старуха Захариха». Эти «источники» упоминаются в сочинении Миролюбова, воспроизведенном в «Молодой гвардии» (№ 7, 1993). О.В. Творогов отметил, между прочим, как Миролюбов, видимо, забывая, где и как он фантазировал, «перемещал» деревни, в которых проживали его «бабки». Главный «источник» преданий – село Юрьевка – то в ста верстах от железной дороги и более пятидесяти от Днепра («застыли на тысячу лет»), то уже на Днепре и в десятке километров от железной дороги.

В 1952 году в сочинении «Ригведа и язычество» Миролюбов еще сожалел, что нет источников, но пообещал вернуться к теме, если источники появятся. Здесь же он высказал убеждение, что докириллическая письменность у славян была и, может быть, будет «однажды найдена», после чего крики критиков окажутся совершенно лишними». На ускорение «процесса обретения», видимо, повлияло знакомство с А. Куренковым (А. Кур), концепция которого также изложена в «Молодой гвардии» (1994, № 1). В 1953 году Миролюбов упомянет о лекции Куренкова и сообщит о великой находке. Сюжет о 15-летнем «переписывании дощечек» в жилище художника Изенбека, которым ныне открываются все издания «Влесовой книги», будет сочинен позднее.

* Опубликовано в «Литературной России», 1995, № 32-33.

В 1953 году А. Кур опубликовал «сенсацию» в издававшемся им в Сан-Франциско журнале «Жар-птица» и сообщил о фотографических снимках «с некоторых дощечек», якобы имевшихся в журнале. А в следующем году журнал напечатает письмо Миролюбова, в котором сказано, что «фотостатов мы не могли с них сделать, хотя где-то среди моих бумаг находится один или несколько снимков». Очевидно, Миролюбов справедливо опасался, что «фотостаты» быстро выявят подделку. «Пробный шар» это подтвердил. «Фотостат», якобы с 16-й дощечки, обошедший многие издания, сразу был разоблачен как подделка и с точки зрения палеографии, и с точки зрения языка известным палеографом и лингвистом, недавно ушедшей от нас Л.П. Жуковской. Больше ни Миролюбов, ни Куренков связываться с фотографиями не решались. (Тонкий палеограф Л.П. Жуковская указала и на то, что фотография копировала не дощечку, а прориси на бумаге.)

Нынешние издатели и пропагандисты «Влесовой книги» спорят в основном именно с Л.П. Жуковской, стараясь «обезвредить» ее лингвистические аргументы. При этом обнаруживается такой разноречивый набор мнений, как если бы речь шла о совершенно разных произведениях. А.И. Асов, имеющий, по его словам, «тело и душу Буса Кресеня, жившего задолго до нашей эры» («Русские веды», М., 1992), считает «книгу» произведением новгородских волхвов IX века. В.В. Грицков, напротив, считает, что «только с воспаленным воображением можно предположить, что тонкие деревянные дощечки могли сохраниться в течение тысячи лет без какой-либо переписки на новую основу» («Сказания русов». Часть I, М., 1992). Ю.К. Бегунов – единственный серьезный ученый-филолог, доверяющий «книге», – отмечает, что «орфография, графика и сам язык текстов «Влесовой книги» уникален и не принадлежит какому-то одному народу. Он имеет сходство не только с древнеславянским, но и польским, русским, украинским и даже чешским. Такое смешение лексических примет многих славянских языков говорит, впрочем, отнюдь не о великой древности памятника» («Мифы древних славян», Саратов, 1993).

В частном разговоре Ю.К. Бегунов допускал, что «книга» создана в XVII веке, когда, кстати, и в Европе, и в России появляются фантастические «исторические» сочинения. Можно к этим соображениям добавить и еще одно «географическое» наблюдение: вплоть до XVII века на «дощечках» писали венгры. Все ведет к Прикарпатыю. А на время создания указали сами соавторы.

Нашим «влесоведам» кажется важным, что Миролюбов сам «не понимал текста». Но «непонимание» – обязательный прием фальсификаторов. Наиболее известный из них – А. Сулакадзев – тоже постоянно повторял, что «не понимает» сочиненных им текстов. Да и как понять, если, например, «немец Фурвин» превращается в «нерехтца», «надувшего Фурвин дымом вонючим и поганым» (рукопись о «воздухолетании»). А ведь это «надувание» смутило целое поколение специалистов по истории техники.

Кстати, Л.П. Жуковская допускала, что Миролюбов мог воспользоваться фальшивками Сулакадзева, за что охотно ухватились и пропагандисты «книги». Но деликатная женщина просто оставляла мостик для отступления фальсификаторам: в наш просвещенный век каждый школьник знает то, чего не знали академики во времена Сулакадзева. Только Миролюбов и Куренков доступа к рукописному наследию Сулакадзева явно не имели. Зато, как показал О.Н. Творогов, легко могли придумать, передумать и заменить любого немца на мешок с чем-то дурно пахнущим.

«Книга» привлекла внимание и Г.С. Гриневича, нашедшего «праславянскую письменность» аж в V тысячелетии до н. э. Но автору представляется, что «знаки дощечек озвучены неверно». И это понятно. Хотя его «праславяне-рысичи» (так он именует русов) побывали и на Крите, и в Индостане, на Балканах они (и это верно) жили задолго до того, как великий Влес направил их из Семиречья к Карпатам.

«Рысичей» Г.С. Гриневич обнаружил в знаменитом «Фестском диске». Педантичный немец Гюнтер Нойман, знакомый со всем, что накручено около диска, с немецкой деловитостью уговаривал «ученых и не специалистов» не крутить без толку маленькое глиняное колесо: «Тот, кто выберет этот памятник в качестве объекта своего исследования, должен трезво установить границы своих возможностей, если он желает, чтобы кто-нибудь, кроме него самого, верил в правильность его положений» («Тайны древних письмен», М., 1976). Но он явно не учитывал широту нашего революционного размаха: надпись одновременно прочитали двое. Газета «Начало» в рубрике «Сенсация» воспроизвела беседу с автором открытия Дмитрием Герстле под названием «Русские – 37 веков назад». «Рысичей» здесь, правда, не оказалось. И вообще ни одного звука не совпало. Зато текст красивый. Трудно не согласиться с автором: «Чего стоит только одна мысль: «Разум мой – обрету с тобой беду». Ведь это основная

идея поэмы «Горе от ума», высказанная за 36 веков до Грибоедова!». Да и предупреждение героя Гоголя тоже забывать не стоит: «Иной раз много ума хуже, чем если бы его совсем не было». Может быть, это и записано на диске в назидание потомкам?

Все это очень интересно, но тема все-таки особая. Вернуться к ней стоит специально, может быть, после нового перевода «Влесовой книги». Здесь ограничимся лишь размышлением: были ль когда-то и мы «рысаками»? Среди многих сотен написаний имени «русь» в латинском, греческом, кельтском, германских, романских и прочих языках «рысичи» не обретаются, а сами разночтения (коих более двух десятков) в конечном счете сводятся к одному индоевропейскому корню (по моему мнению – обозначению красного цвета, по мнению О.Н. Трубачева – белого; и в том, и в другом случае имеется в виду и внешний вид, и социальное положение). Но это, разумеется, тоже особая тема.

Весной прошлого года в редакции «Молодой гвардии» передали мне письмо Петра Созонтовича Выходцева, ответить на которое мне уже не пришлось: очередной приступ уже не позволил ему осуществить интересные творческие планы. А просил он, между прочим, поговорить: зачем в патриотическом журнале печатать злобный антиславянский бред Куренкова? Ответили: «А другим нравится». Аргумент, так сказать, от коммерции: в условиях первобытного рынка живем. О «других» – позже. Да и публикация весьма полезна. Стоило лишь указать: кто, что, зачем.

Издатели обычно делят тексты «книги» на три категории: публикации Лесного, Куренкова и Скрипника (из архива Мирослюбова посмертно). Версии в них весьма различны, поэтому предполагается «народная академия» из трех волхвов. Но народных академиков с душой и телом волхвов IX века было все-таки лишь двое (С. Лесной, возможно, лишь интерпретировал тексты, которые Мирослюбов «не понимал»). Историю же славян и русов спарринг-партнеры представляли различно. Мирослюбов в целом исходил из взглядов, преобладавших у нас в 50-е годы. Русы у него славяне. Погулять же их от Семиречья до Карпат по необозримым степным просторам побуждало настойчивое желание ряда авторов заставить и скифов изъясняться по-славянски. Куренков же полагал, что русы вышли из Месопотамии, а славяне как этнос вообще до XII века не упоминаются: их придумал летописец-фальсификатор Сильвестр по заданию Владимира Мономаха, незаконно занявшего киевский стол.

Семиречье явилось нейтральной полосой, на которой соединились две разные концепции. Славяне-русы Миролюбова пошли севернее Каспия, а русы Куренкова устремились в Двуречье.

Родоначальником славян-русов у Миролюбова являлся Богумир. Имя двусоставное, на манер имен-титолов славянских князей VIII–XII веков. Восходят они к давней кельтской традиции, отразившейся также в иллиро-венетских языках. Так, Вальдемар в кельтском будет «великий владетель». Примерно тоже и в форме Володимер, сохраняющейся в летописях наряду со вполне славянизированным «Владимиром». Но последнего немецкий автор в начале XI века объяснял как «владеющего вселенной».

Любящий мир Миролюбов дал своему первопроходцу имя, навеянное болгарским «Богомиром», которое означает «мир от Бога». Он, очевидно, не знал, что имя это новое, а главное, что «мир» в значении «покой» пишется через «и восьмеричное» (нынешнее), а «мир» в значении «вселенная» – через «десятиричное» (они и произношение имели разное). Он записал имя через «десятиричное», чем кощунственно поставил его над всеми богами.

Богумир привел «скифов» в приднестровские степи. Жену его звали Славуней, а дочерей – Древа, Скрева и Полева. Как и во времена Адама и Евы, оказалось трудным найти мужей для дочерей. Но Богумиру удалось подцепить в степи трех мужей. Они хорошо поговорили на чистом украинско-русском языке, поскольку иных в природе просто не существовало. Да и имена их – «Утрие, Ополудне, Вщерне» иначе как из карпато-украинской мови не объяснить.

В семье пастуха Богумира был, похоже, матриархат. От Славуни пошли славяне, от Древы, как все сразу догадались, – древляне, от Скревы – кривичи, от Полевы – поляне. Правда, северяне и русы произошли от мужчин: сыновей Богумира – Сева и Руса. Хотя жен им подыскать Миролюбов, видимо, не успел.

В общем, определились, и можно было бы спокойно жить-поживать и добра наживать, отражая набеги разных врагов. Оставалось только размежевать территории «полян» и «руси», которые в летописях (да и археологически) отождествляются. Но генерал-ассиролог (как обычно влессоведы раскрывают профессию генерала Куренкова) не смог примириться с тем, что и скифы, и русы оказались ненавистными славянами.

Повод, видимо, дал сам Миролюбов. Он ввел еще одного героя с именем в одних случаях Ирэй, в других – Орей с не-

ясными функциями и задачами. Чтобы избежать путаницы, А. Асов читает имя как «Арий», не без основания полагая, что имеется в виду, конечно, родоначальник высокочтимых ариев. И в редакции Куренкова Арий определенно выступает как конкурирующая фирма. Именно Арий оказывается преемником Богумира. В переводе А. Асова куренковская редакция звучит как поэма: «Принеся в жертву белых коней, ушли мы из Семиречья с гор Арийских из Загорья и шли век. И так как пришли в Двуречье, мы разбили там всех своей конницей, и пошли в землю Сирии. И там остановились, а после шли горами великими, и снегами, и льдами, и притекли в степи и были там со своими стадами. И там скифами перво-наперво были наречены наши пращурь... И вот после этих битв мы пришли к Карпатским горам, и там поставили над собой пять князей... И тот Арий старый отец (еще бы! только до Двуречья шли века! – А.К.) сказал: «Идем из земли той, где гунны наших братьев убивают»... Как только старый отец это изрек, мы ушли в иные земли, в которых течет мед и молоко. И в эти земли притекли все три сына Ария. И были это – Кий, Пащек и Горовато, от коих истекли три славных племени».

Далее в переводе А. Асова вся компания именуется «славянами». В оригинале никаких «славян» нет. Там «русищи». Куренков, видимо, не придумал, как ему свою версию согласовать с миролюбивской, и оставил пропуски и «темные места». А Кий, конечно, построил Киев и сделал его городом русским. Богумировскому Русу и его сестрице Полеве пришлось потесниться.

ВАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ*

Знаете ли вы, что «выходцы из чувашей – А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский, П.А. Катенин, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин – основатели русской классической литературы», а фамилии еще двух основателей легко объясняются из чувашского: Карамзин – значит «человек уехавший», а Лермонтов – чуть-чуть искаженное чувашское имя Лармантей? Во всяком случае, в Чувашии об этом знают, наверное, все поголов-

* Опубликовано в газете «Литературная Россия», 1994, № 33.

но: книга Г.П. Егорова «Воскресение шумеров» вышла в Чебоксарах в прошлом (1993) году аж двумя тиражами.

Можно смело сказать, что книга, начиненная с первой до последней страницы подобными сенсациями, читается на одном дыхании. Уже в предисловии автор обрушивает на читателей каскад открытий, на которые до сих пор не хватало ума у всех академий мира. Г.П. Егоров нашел легендарных шумеров на Волге. Оказывается, «шумерский (чуваший) язык из глубин тысячелетий дошел до нас без изменений». Правда, по источникам, шумеров называли «черноголовыми» (и это на фоне отнюдь не блондинов). На Средней Волге они заметно подросли и посветлели. Пообещал автор в ближайшем будущем подготовить и новое прочтение шумерской клинописи. Дело в том, что все шумерологи читали глиняные таблицы, не зная их истинного, т.е. чувашского языка. Теперь они, надо думать, с нетерпением ожидают нового прочтения хотя и расшифрованных, но не до конца проясненных текстов.

В печати как-то промелькнула информация о том, что Иисус Христос – уроженец Чувашии. Но она, похоже, осталась почти незамеченной, поскольку не была воспроизведена вся аргументация чувашского историка, филолога, философа и богослова (и все в одном лице). А начинать надо с того, что «чуваши являются основателями веры в Единого Бога». Это «Атте Тура» – Отец Бог. Богиня-мать – Пулехсе – преобразовалась в Деву Марию, а «Киремета заменил Иисуса (так это имя звучит в чувашском. – А.К.) Христос». И, как читатель, наверное, уже догадался, «имя Христос состоит из двух чувашских слов – Херес Тые», что означает «Друг Креста». Читатель теперь уже не усомнится и в том, что «имя Богоматери Марии также чувашское (Мари – шумерийский город на севере Месопотамии).

Как рефрен торжественной оды с первой до последней страницы звучит на разные лады призыв: «Саварам (т.е. шумерам-чувавам. – А.К.) сам Бог велел быть первыми во всем»; «Была ли на земном шаре религия, правдивее чувашской религии»; «Бог благословил шумеров (чувашей) быть первыми во всем. Это высокое доверие род Адамова (еще одно обозначение чувашей. – А.К.) должен оправдать».

Естественно, что «все народы, населявшие Среднее Поволжье – русские, татары, башкиры, марийцы, мордва, удмурты, попали под влияние культуры и языка чувашей». И не только они.

Скажем, «египетские пирамиды – в сущности, это шумерские курганы, возведенные в камне», а «лица скульптур египетского (так в книге. – А.К.) региона чувашские». Чувашский язык слышится в именах Артаньян, Атос, Портос и Арамис. И вообще «Богом благословенный чувашский язык – отец многим языкам». Так, «в иврите много чувашских слов», включая само слово «иврит» (от «Саврат» – почитаемый народ). Само название Вавилонской башни – «Этеменанки» – чувашское слово, означающее «идиотизм человека». Скандинавский бог Тор (у автора Тора) – тоже чуваш.

Надо сказать, что до сих пор чувашский язык относили к числу тюркских, хотя обычно отмечается и значительное его своеобразие. Г.П. Егоров решительно возражает против такого обезличивания. И если словарный фонд чувашского языка во многом совпадает с тюркским, то это потому, что тюрки «заимствовали от чувашей все». А ведущая тема книги, как это можно понять из воспроизведенных в начале строк, – взаимодействие шумеров-чувашей с Русью. Поскольку автор утверждает, что с чувашским языком связаны названия практически всех народов, задача заключается лишь в расшифровке чувашского обозначения одного из соседних народов. Все оказывается до удивительного просто. Чуваши называли русских «вырас». Из «рас» получилось «рус, русский, русич, русый».

Вообще до знакомства с чувашами-шумерами русские, похоже, не знали еще членораздельной речи. Поволжские шумеры подарили им коренные слова – отец, мать, царь, село, раб, род, народ, родина, местоимения он, она, они, и т. д. В ясных случаях (отец, мать, местоимения) автор не мучит читателя аргументацией. К тому же пришлось бы полемизировать с многими тысячами работ по сравнительному языкознанию. Но иногда все-таки отступает от этого принципа. Так, им решительно отмечается этимология, согласно которой титул «царь» восходит к античному «цесарь» (как, кстати, по безграмотности и писали древние русские летописцы). Да и зачем ходить далеко, если у чувашей есть подходящее слово – «шар». Ну, а народ и родина легко выводятся от чувашского «аратла», «рат».

Изящно объяснено происхождение русского глагола «рожать». Истоком его является чувашское «сурать». Достаточно было поменять местами «р» и «с» и тощий словарный фонд русских аборигенов пополнился еще одним жизненно необходимым понятием. Столь же убедительно и объяснение русского «дитя».

Малое и неразумное, оно произошло от соединения чувашских «чече ача» (грудь и ребенок).

Подобные вдохновенные этимологические открытия занимают более 20 страниц книги. И вывод напрашивается сам собой: «Русский язык – это детище чувашского языка». Казалось бы, что после такого вывода надо было бы поднять бокалы и провозгласить, что русский и шумер – братья навек. Ан нет. Цель у автора иная. Прямо противоположная. И выявляется она, прежде всего, в очерке истории чувашско-русских отношений.

Прежде всего, читатель должен уразуметь, что чувашаи еще в Месопотамии назывались «народом почитаемых рыцарей». На просторах Евразии они разгулялись, дав имена практически всем рекам, горам и долам от Дуная до Средней Азии и Китая. Помимо Волги (чувашское Атал) шумерских цивилизаторов особенно привлекал Дон. Наивные лингвисты до сих пор объясняли это название из иранского – «река, вода». А надо от чувашского «Танай» – основа мироздания. Автору известны и какие-то «летописи», где Дон назывался Танаисом. Ранее такое написание встречали в греческих источниках. Русские летописцы греков знали плохо и называли Дон просто Доном. А потребовался Дон потому, что где-то здесь, по скандинавским преданиям, находилась благодатная страна асов.

Кстати, в преданиях северо-французских «норманнов» прямо говорилось, что вышли они с Дона (Танаиса) во II веке во главе с неким Ролло. И историческая основа под этим преданием есть: в первые века нашей эры на северо-запад Европы переселились довольно многочисленные группы алан, которых и называли асами. Г.П. Егоров вместе со скандинавским Тором решил приватизировать и легендарный Асгард (город, сад асов), а также самих алан-асов. «Асы – это шумеры», — не вступая в полемику, заключил потомок шумерийцев.

Очень интересно проанализирована летописная статья о разгроме Святославом Хазарии. По летописи Святослав на Дону победил также асов и касогов. Автор сумел обнаружить и скрытый между строк смысл: «Против хазар воевали казаки и асы. Выходит, что асы были отдельным родом войск в Волжском государстве шумеров, так же, как и казаки». «Казаки и асы в итоге вынудили Святослава уйти из покоренных земель». И разумеется, что «основная заслуга в победе над хазарами принадлежит рыцарям Чувашского государства, а не Киеву».

Как известно, в 1236 году Волжская Болгария была разгромлена и опустошена татаро-монголами. Г.П. Егоров, однако, убежден, что болгар, Болгарии в природе вообще не было, равно как и в том, что на Средней Волге шумерами были только чувашаи. Впрочем, описание погрома, как и заключение, что осталась едва пятая часть от прежней численности населения, вполне соответствуют имеющимся данным. Но трагедию эту автор изловчился повернуть опять-таки против Руси. У татарского историка (горячего поклонника Л.Н. Гумилева) И. Мустафина он вычитал о «союзе» Александра Невского с Ордой, обеспечившего Руси чуть ли не помощь тогдашнего международного валютного фонта, находившегося в то время где-то в бескрайних евразийских степях. Эта дружба позднее переросла в любовь между Москвой и Казанью. Именно поэтому часть чувашей-казаков уходит на Дон, где возникает поселение «Черкассы». Это наименование производится автором от чувашского «черрасен кассы», что означает «оставшиеся в живых». И логическое заключение: зачем им было бы уходить из благоденствующей при татарской помощи Руси, если они были рода славянского?

К сожалению, Русь была разгромлена ничуть не меньше, чем Волжская Болгария. Ее разоряли четыре года, не считая позднейших разрушительных набегов. Население ее также сократилось многократно, а размеры дани были таковы, что и крестьянский двор начала нашего столетия ее не смог бы выплатить. Обширные области (в том числе Киевщина) практически полностью запустели. Потери же в культуре и, как теперь принято говорить, менталитете и вовсе неисчислимы. Так что ясно не по адресу распаляются чебоксарские шумеры.

Когда года два назад по рукам пошло письмо некоего анонима, высказывавшего предположения, каким путем потомки древних цивилизаций будут добивать Россию и уничтожать русский народ (теперь это письмо опубликовано рядом изданий), казалось сомнительным, что все нации и народности России, чьи взаимные претензии умерялись именно сосуществованием в едином государстве, удастся натравить на русских, и только на них. В письме ставка делалась на татар, башкир, немцев, горские народы, равно как на Грузию и Армению. События на Кавказе, да и не только там, показывают, что все действительно не так однолинейно. Но очевидно и другое. Всюду на окраинах бывшего Союза, а теперь и его обрубка,

называемого Россией, национализм и русофобия разжигаются по одному сценарию.

Примечательно, как спекулируют на «коренных» и «некоренных». Ну, казалось бы, объявили себя потомками древнейшего богоизбранно народа шумеров, даешь еще одну «бурю в пустыне» и – к родному очагу. Так нет. «Борьба сынов и дочерей Чувашии за возврат исторических земель была обоснована». Думаете, это о Месопотамии? Много скромнее: имеются в виду Ульяновская, Самарская и Пензенская области и «часть» Татарии. Примечателен и другой мотив. Г.П. Егоров с восторгом напоминает о том, что «проживание чувашей (шумеров) в Средней Азии доказал казахский историк-археолог, поэт и писатель О. Сулейменов, что «исследование казахского ученого пролило свет в науку». А ведь Сулейменов никаких чувашей в Среднюю Азию не приводил. Он доказал, что шумеры – это турки, а «Главный народ» в этой версии – вообще иного антропологического облика, нежели чуваша. Тем не менее, союз по принципу: враг моего врага – мой друг. В данном случае, на первый план и на ближайшую перспективу выходит языковая «реформа»: почему «чуваша» должны ставить русский заимствованный выше родного? Почему благоволение Бога должно ставиться ниже «человеческих» дел... Почему искусственный сборный язык ставится выше идущего от Бога Адамова языка?» К тому же «русский народ самый аполитичный, никогда не умевший устраивать свою землю» (ссылка на Кавторина, который сослался на Бердяева). Теперь, наконец, явились Богом избранные устроители.

Устроителем предусмотрены и вероятные помощники. Как и у всех национализмов Евразии, это – немецкий нацизм. Егоров напоминает, что «символ-свастика изображена на керамической посуде шумеров». И, конечно, находится она и в Чувашии. А родственные души автор чувствует на расстоянии. «Чем объяснить благосклонность немецких ученых к чувашскому языку», — интригует автор читателя. И подсказывает ответ: «Может быть, у них была интуитивная тяга, подсказывала европейская шумерийская кровь?». В качестве приготовления к новому цивилизованному «устроению» автор подает россиянам совет: поскольку все эти князья и графы в большинстве «не имели русской крови», «пока не поздно, их также (как и земли. – А.К.) надо отдать тем народам, представителями которых они являлись». «Пока не поздно» – это звучит. Стоит задуматься. Ну, а «род Ада-

мова – чувашский народ и казаки обязаны вернуться к благословию Отца Бога – к родным именам и фамилиям».

Можно догадаться, какое имя возьмет себе автор вместо русифицированного «Егора». Конечно же, Хаммурапи. Это имя, вызывающее восторженный трепет у потомков цивилизованных шумеров, легко объясняется из чувашского «хамар апи», что значит «наш дядя». Именно «наш дядя» создал прославивший его и чувашей самый справедливый кодекс законов. Чего стоит простое правило: убил чужого раба – отдай своего. И все довольны. Особенно рабы. Выбил кому-то глаз – тебе выбьют, сломал ребро – тебе сломают. Это, правда, в рамках многоступенчатой шумерской иерархии для стоящих на одной ступени. С вышестоящими ребром не отделаешься.

Автор неоднократно напоминает об особом уважении шумеров-чувашей к женщине. Скажем, по закону «если против жены человека будет протянут палец из-за другого мужчины, хотя она и не была захвачена лежащей с другим мужчиной, то ради своего мужа она должна броситься в реку». Просто, цивилизованно и рыбам корм.

А одну статью стоит восстановить, не откладывая до всеобщего устройства: «Если строитель построит человеку дом и делает это непрочным, так что построенный им дом обвалится и причинит смерть домохозяину, – этого строителя должно убить». Вот был бы стимул для наших строителей (неважно: свинарника, социализма или демократии)! Будем надеяться, что, как только достроят Вавилонскую башню на Волге, цивилизованный порядок восторжествует и в ближнем, и в дальнем зарубежье.

И «пока не поздно», где будут выдавать справки истинным шумерийцам? В моих родных местах на Оке тоже есть «Чебоксары». Может, и сюда занесло бригаду шумерийских строителей? На «наш дядя» мы, естественно, не претендуем (тем более, что «апи» это еще и «наша мать», и «моя теща»). Достаточно скромных Атоса, Портоса и Арамиса.

В предисловии автор разъясняет, что знаменитые разыскания Сталина о языке появились с целью скрыть сенсационное открытие. «Признать чувашей шумерами – означало повернуть все мировое сообщество на защиту чувашского народа и древнего его языка». Теперь преграды сметены. И если не мировое сообщество, то мировое правительство не упустит шанса восстановить на планете самую справедливую в истории рабовладельческую цивилизацию.

МАРОДЕРЫ НА ДОРОГАХ ИСТОРИИ*

«История – это политика, опрокинутая в прошлое». Афоризм М.Н. Покровского многократно подвергался осуждению и остракизму. Конечно же, возможна и наука история, изучающая закономерности общественных процессов, способная объяснить настоящее и во многом предсказать будущее. Но практически историческая наука таковой не стала в силу множества методологических трудностей и того факта, что в качестве социальной науки она неизбежно идеологична, хотя бы потому, что вся человеческая деятельность протекает в измерениях добра и зла (к тому же понимаемых весьма различно). Достаточно примера нынешней социальной статистики: многочисленные группы и центры лгут направо и налево. Шутовской «Новый политический год» в Кремлевском дворце, выставивший в глупейшем виде президентскую команду – один из многих примеров. А ведь ложь в подобных случаях опровергается в кратчайшее время. Ложь историческая может держаться столетиями, становясь чем-то вроде бы само собой разумеющимся. Да и что означают слова Бисмарка: «Войну с Францией выиграл немецкий учитель истории»? Именно то, что немецкая наука сумела создать мощную идеологическую систему пангерманизма, заквашенную на старых и новых мифах и подтасовках, а соперники не смогли ни развенчать ее, ни выдвинуть альтернативную схему, способную объединить народ и пробудить в нем энтузиазм.

Так что, Покровский не так уж и не прав. На историка прямо или косвенно давят силы, представляющие государственный, национальный, классовый и узкогрупповой интерес. При этом большинство понимают интерес как сиюминутный. Перед нашими глазами проходит парад политиков, постоянно меняющих свои взгляды в зависимости от конъюнктуры. И Волкогоновым или Афанасьевым среди них несть числа. Лет тридцать назад у студентов была модной «одесская» песенка о раввине из Каховки, дочь которого стала «гражданкой Ивановой», а сам он, «дочь отправив прямо к бесу», «от горя укатил в Одессу». «Там сбрил он бороду и стал одесским франтом, интересуется валютой и

* Опубликовано в газете «Литературная Россия», 1994, № 10.

брильянтами, и, наконец, в припадке пароксизма, он стал преподавателем марксизма». В 1920-е годы шел примерно такой «процесс». Теперь обратный. Знакомый преподаватель «научного коммунизма» переквалифицировался в политолога, прославлял парламентскую демократию, а в последнее время с неменьшим энтузиазмом славит «харизматические личности», которые приструнили этих болтунов.

Все это на виду у всех, все это на глазах. И не удивительно, что историки стали таким непочитаемым слоем интеллигенции, что Министерство образования РФ уже подготовило проект «Базисного учебного плана средней общеобразовательной школы», в котором вообще нет предмета «история». В 1920-е годы «история» изгонялась из школы, дабы превратить население страны в манкуртов во имя «мировой революции», ныне, очевидно, во имя «нового мирового порядка».

У «советской исторической науки», несомненно, было много изъянов. Она слишком заиклилась на «производительных силах», скатываясь к вульгарному материализму. Она явно недооценивала самостоятельность духовной сферы в жизни общества. Явно недооценивалась и диалектика как в качестве взаимодействия разных сторон общественного организма, так и сложности взаимозависимости общественного бытия и общественного сознания. Она, наконец, не смогла предотвратить появления в своих рядах перевертышей, типа упомянутых. Но последних все-таки значительно больше в других сферах общественного знания. И в данном случае, традиционный недостаток историков – культ факта и недооценка системы, в которую эти факты включаются, оказывается определенным достоинством. С точки зрения профессионализма, знание источников и фактов хотя и недостаточное, но совершенно обязательное требование. Между тем, воспользовавшись общим развалом страны, ее экономики и идеологии, бросившим и историческую науку в нокдаун, на страницы массовой печати хлынул поток дилетантских фантазий, чаще весьма ядовитого содержания. Практически все национализмы на окраинах бывшего Союза питаются такими фантазиями, и эти фантазии уже обходятся в сотни тысяч убитых и грозят многомиллионными жертвами. Гражданская война всегда сначала начинается в умах, а затем уже перекидывается на улицы. И историки обязаны остановить потоки лжи, по крайней мере, на уровне фактов.

В числе изданий, проявляющих большой интерес к исторической тематике, неизменно находится «Независимая газета». В последнее время эта газета заметно подняла свой авторитет, осудив кровавый переворот, «Черный октябрь». Однако целенаправленное разрушение экономики адептами Международного валютного фонда газета обходит. Не беспокоит ее и фактический геноцид в собственно российских областях, да и не российских тоже, если таковой способствует ослаблению России (показательно оправдание таджикских «демократов», уничтоживших едва ли не сотни тысяч своих единоплеменников). И исторические материалы, даваемые в рубрике «Полемика», подбрасывают в костер междоусобиц горючие ядовитые вещества, разжигающие антагонизм между Россией и Украиной, Лесом и Степью. И истина явно совершенно не интересуется газету.

В условиях этнических противостояний притязаниям одной стороны обязательно противостоят встречные, и чем нелепее притязания, тем больше ответное раздражение они вызывают. Вышедший в Киеве «Словарь древнеукраинской мифологии» С. Плачинды, где украинцы предстали основателями Трои, Рима, породили Иисуса Христа, вызвал резкую реакцию А. Королева («НГ», 12.10.93). В свою очередь, резкость А. Королева побудила А. Ефимова («НГ», 6.11.95) бросить упрек уже русским, якобы многие годы оскорблявших украинцев. И можно было бы согласиться с В. Коваленко («НГ», 27.11.93), что над «мифами» достаточно было поиронизировать, тем более, что на Иисуса Христа теперь сделана заявка совсем в другом районе: в Чебоксарах. Убедителен и ответный выпад В. Коваленко по поводу статьи Д. Герстле в газете «Начало» (№ 36, май 1993) «Русские – 37 веков назад...». Надо только иметь в виду, что Герстле и его собеседник М. Дмитрук не разделяли русских и украинцев, а последний в заключение напомнил, что «духовное братство стало для русских важнее кровного. Поэтому они смогли принять христианство, а через тысячу лет – спасти евреев от истребления во Второй мировой войне». По существу же «сенсации» можно было бы напомнить и о том, что на два года раньше в журнале «Русская мысль», изданном в Реутове, Фестский диск прочитал Г.С. Гриневич. И поиронизировать можно было бы в связи с тем, что у обоих расшифровщиков не совпало ни одного звука.

Если говорить по существу самой проблемы, то язык пеласгов, занимавших во II тысячелетии до н.э. обширные области на

Балканах, в Северной Италии (лигуры) и частично Южной Галлии, может оказаться ближе всего к славянскому (достаточно сказать, что реки у них назывались «Вада»). На эту близость обращали внимание еще в прошлом столетии. Но вытекает из этого лишь то, что они, видимо, были соседями.

Мог бы А. Коваленко поиронизировать и по поводу чуть ли не массового увлечение т. н. «Влесовой книгой», не очень грамотной подделкой эмигрантов второй волны и поздних «евразийцев». Но и здесь «русские» – это общий корень и великороссов, и украинцев. Можно согласиться с В. Коваленко, что в тексте договора руси с греками (в «Повести временных лет») обозначение «русин» не нуждается в переводе. Но уточнение, что так себя называли и киевляне, и что «так еще в 20–30-е гг. нашего века именовали себя западные украинцы» – неверно. Так себя именовали и продолжают именовать именно карпатские русины, которые никогда не считали себя «украинцами». Эпитет «русский» в летописи впервые употребляется под 860 (6360) годом: «Руска земля». Затем под 862 годом утверждается, что от «призванных» варягов «прозвася Русская земля». В 882 году пришедший из Новгорода в Киев Олег объявил, что «се буди мати градом русским». Под 894 (6406) годом поясняется, что «словенский язык и русский одно есть».

Нет нужды здесь разбирать все упоминания разных Русий (в кн. «Откуда есть пошла земля Русская», т. 1, М., 1986 их собрано около двухсот). Это огромная исследовательская проблема. Но нельзя делать какие-либо выводы, игнорируя эти данные. Что же касается границ Древней Руси, то они обозначались в основном во времена Владимира, когда Русь Южная и Северная достаточно прочно объединились в единое государство, причем в состав его входила вся Восточная Прибалтика, угро-финские племена вплоть до Зауралья и ряд степных народов (в основном ирано- и тюркоязычных). Митрополит Максим, перебираясь в конце XIII века из Киева во Владимир, никак не считал, что переезжает в другое государство. Митрополит Киприан, претендовавший в конце XIV века на объединение «всей Руси», к «москалям» относился скорее отрицательно, нежели положительно. Он был болгарин, преданным Константинополю и предпочитавшим Вильну Москве. Но его «Список русских городов дальних и ближних» дает ясное представление о том, что понималось под «всею Русью» в то время. Оказывается, что в нее входили ниж-

недунайские болгарские города, включая Тырново (в церковном отношении подчиненные непосредственно Константинополю), «волошские» города (города нынешней Молдавии, в том числе румынской), где митрополит пытался утвердить своего епископа, и верхнее Понеанье – Черная Русь – с городами Вильно, Ковно, Трокай. Кстати, ни в «Черной», ни в «Червоной» (на Волыни) Руси эпитета «русский» не стыдились. Понятие «Украина» (окраина) никогда не имело этнического значения. Так в XIII веке называли окраину Галицко-Волынской земли, а позднее также южные окраины России.

Оговорившись, что он не «расист», В. Коваленко далее выстраивает «антропологическую» преемственность украинцев от антов, отождествляя с полянами (ссылка на мнение Брайчевского, которого поддержал сам Л.Н. Гумилев). Со ссылкой на В. Алексеева утверждается, что «славяне из приднестровских могильников VIII–XII вв. ничем не отличаются от современных украинцев, а вот с современными русскими не имеют ничего общего». «Нет ничего смешнее, когда от полян и антов начинают вести свой род москвичи», — распаляется «не-расист». Только ведь никто и не ведет (кроме, разумеется, расистов) свой облик от племен тысячелетней давности. И в «сенсации» Герстле имеется в виду язык и традиции «соборности».

К сожалению, газета не дала антропологических показателей автора статьи или хотя бы его фотографии, дабы можно было поискать для него исторических предков. А надо бы учесть несколько обстоятельств. Во-первых, надо помнить, что у славян примерно с XIII в. до н.э. и до крещения (т.е. для восточных славян X в.) было трупосожжение и, следовательно, от этого периода антропологических материалов нет. Поэтому мы не знаем, как выглядели анты: были ли они славянами (кстати, изначально смешанными из двух групп индоевропейцев), или же местным ославяненным населением. Зато о полянах можно говорить достаточно уверенно как о таковом. Вопреки В. Коваленку В.П. Алексеев отметил, что «полянские черепа отличаются от украинских заметно более узким лицом и малой величиной черепного указателя... Можно предполагать, что морфологический тип древлян сыграл очень значительную, если не преобладающую роль в сложении антропологического типа украинского народа» («Происхождение народов Восточной Европы». М., 1969, с. 194–195). Согласно с этим выводом и Т.И. Алексеева, исследовавшая

этногенез восточных славян. Она отмечает, что «поляне обнаруживают поразительное сходство с населением черняховской культуры. В свою очередь, черняховцы антропологически близки скифам лесостепной полосы». Отмечает она и то, что «в облике древних киевлян явно прослеживаются черты степного кочевнического населения, характеризующегося ослаблено монголоидными чертами» («Вопросы истории», 1974, № 3, с. 62 и 67).

Помимо Алексеева (как видим, крайне неудачно) и Гумилева, В. Коваленко берет в союзники Мурада Аджиева, который «остроумно и абсолютно точно заметил в «НГ» от 18.09.93, что «среди самых громких русских патриотов едва ли не все по внешности тюрки-кипчаки». От себя не-расист добавляет: «Да, когда я вижу, как потомок какого-то Бабура, трясая реденькой монгольской бородкой, важно рассуждает о «нашем тысячелетнем государстве» (да и фамилия «Кутепов» отнюдь не славянского происхождения), то думаю: вот где объект для наблюдения психиатра или, по меньшей мере, психоаналитика!».

Так и хочется воскликнуть: «Браво!». Нацистские расисты посрамлены. Они-то «нордическую» немецкую расу стремились дополнить тибето-гималайской: лишь такая добавка порождала «сверхчеловеков». Можно было бы посоветовать В. Коваленко взять книгу известного тюрколога Н.А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения» (М., 1979). Там можно найти сотни фамилий, среди которых и Гоголь, и Кочубей, и масса других со всей Восточной Европы. Свидетельствует же это о том, что расизма в России (в том числе и на Украине) не было. Более того. Скажем, фамилия «Аксаковых» происходит от Темир-Аксака: боярин Вельяминов, восхищенный громкими победами завоевателя, дал это имя одному из сыновей. Таково же происхождение имени Шеремет (род Шереметьевых): оно в честь турецкого полководца Шеремета. Да и Борис Годунов сумел обмануть не только современников: «потомок» знатного татарского рода на самом деле был довольно скромным костромским дворянином. Для «психоанализа» интересно как раз то, что претенденты на знатность в XVI–XVII века «занимали» себе родословные где-нибудь на стороне, по возможности там, где проверить было уже невозможно. Так появилась масса «выезжих» из печенегов, половцев, татар. Только так и можно было «сравняться» со своими рюриковичами и гедиминовичами. Ну, а имя «Бабура» не какое-то, а очень даже знаменитое. Славы одного Бабура Захиреддина,

потомка Тимура, уроженца Ферганы, блестящего полководца и поэта, писавшего на тюркском и персидском, автора бессмертных «Бабур-намэ», вполне достаточно, чтобы появились сотни «Бабуров» у самых разных народов.

И еще одна маленькая деталь. Возмущаясь развязностью Никиты Михалкова, В. Коваленко доносит властям, что и сын, и папа подписали «путчистскую листовку». По Коваленко защита конституции и демократии – это «путч», а вот расстрел женщин и детей вакуумными и коммулятивными снарядами – это то, что надо. Вполне логично для нациста. Надо только иметь в виду, что палач и наемник куда меньше виновны в гибели ни в чем не повинных людей, нежели те, кто их направляет. 42 «подписанта», сначала толкавшие власти к кровавой бойне, а затем упивавшиеся пролитой кровью, подписали себе приговор на вечное проклятие. И прав С. Говорухин: они-то и есть идеологи истинного, невыдуманного фашизма. И прав В. Максимов («Книжное обозрение», 21.01.94), решительно отмежевывавшийся от своих бывших вроде бы единомышленников. В одном только хотелось внести уточнение. Говоря об одном из «подписантов» Д. Лихачеве, раздутом теми же подписантами как «совесть нации», В. Максимов слишком пессимистически заключает: «Какая нация, такая и совесть!». Но ведь «нация» здесь не при чем. Упрек можно сделать власти, средствам массовой дезинформации, интеллигенции, наконец, которая держит нацию в неведении. Народ в принципе не может быть виновным. Он работает, создает, а в наше время думает и о том, как физически выжить. Подвижники-просветители должны прийти из нашей среды. Пока их нет.

В. Коваленко привлек в союзники, как упомянуто, Мурада Аджиева. «Этноисторик» Мурад Аджиев едва ли не самый плодовитый и печатаемый в «НГ» автор, во многом определяющий ее «историософию». Правда, 15.01.94 газета напечатала и отклик на одну статью В. Каждая, где в послесловии затронута и последняя публикация этноисторика «О «москальских вотчинах» в России» («НГ», 11.01.94). Каждой «предварительно» оценил статью как «галиматью, насквозь пропитанную какой-то патологической ненавистью к русской истории и вообще ко всему русскому» и пообещал к ней еще вернуться. А уже 21.01 редакция опубликовала гневное в духе Новодворской письмо О. Беляевской, которая возмущена непоследовательностью редактора В. Третьякова, позволившего опубликовать какую-то критику на великого

ученого, участника международных конференций и создателя новой неопровержимой концепции русской истории. О. Беляевская обвинила Каждую в полном невежестве, незнании работ каких-то археологов, доказавших, что кипчаки уже в IV веке заняли Причерноморье и т. п. Одна неточность у Каждой действительно есть: в 1036 году Ярослав разбил под Киевом печенегов. Половцы же появятся у границ Руси в 50-е годы, и борьба с ними займет вторую половину XI-го и весь XII век. И хотя многие русские князья женились на половчанках, набеги это не предотвращало до тех пор, пока – уже в XIII веке – половцы, как ранее торки, берендеи и часть печенегов, не начали тяготеть к Руси, отдаляясь от своих восточных родичей-кочевников.

С М. Аджиевым можно согласиться в том, что историю многократно переписывали и нынешнее ее переписывание, может быть, самое беспринципное. Но автор утверждает, что так на Руси было всегда, причем только в России. И Карамзин, и Соловьев, «и все другие российские историографы были государственными мужами, такими же зависимыми, как советские академики-поденщики. Они все одинаково писали историю государства российского – под неусыпным оком цензуры». В любом курсе историографии автор мог бы найти указания на зависимость историка от определенной социальной среды (иногда в вульгаризированной форме). Социальный заказ в той или иной степени давил на многих историков. Тот же Карамзин в душе был республиканцем (и в литературных произведениях тоже), а историю писал в жестко монархическом ключе. Только делалось это не по заданию правившего монарха, а в поучение ему (разумеется, в более достойном виде, чем наши «интеллигенты», призывавшие президента не бояться лить кровь какого-то «быдла»). Летописи автору лучше бы было не трогать. Ему представляется, что на всю Русь была одна-единственная летопись, составленная по заданию властей, которую по заданию властей же из века в век переделывали. Борьба идей, борьба разных земель, племен, княжеских династий была всегда, летописи (разных городов, монастырей, епархий, княжеских домов) в той или иной мере отражали эту борьбу, и задача исследователей и заключается в том, чтобы понять, вокруг каких идей и почему шла эта борьба.

Оставим в стороне и вопрос о гуннах IV столетия. Это большая и далеко (вопреки страстному монологу О. Беляевской) не решенная проблема. Гунны в Причерноморье известны источни-

ком со II века. Около 160 года их упоминает здесь Дионисий Периегет. Чуть позже Кл. Птоломей помещает их между бастарнами и роксаланами у берегов Борисфена (Днепра). А означает это, что гунны изначально были в числе главных создателей черняховской культуры (II–IV вв.): они здесь ранее готов. Археологи обратили внимание на близость «больших домов» черняховской культуры с более ранними у Северного моря. Но, видимо, вне поля зрения их остались источники, свидетельствующие о том, что одно из главных фризских племен (побережье Северного моря) называлось «гуннами». Его хорошо знают северные сказания, в частности, сага о Тидреке Бернском. Этноним «гунн» в уральских языках просто «муж, человек». Имена с этим корнем широко распространялись по северу (Гуннар, Гундобад, Гунильда и т. д.). У Иордана (VI в.) Днепр носит название Гунновар – река гунов. «Вар» – одно из коренных индоевропейских обозначений воды (отсюда варины, варанги, варяги в значении поморян). «Аттила» также имя индоевропейское (в значении «отец, батюшка»). Оно и до сих пор живо не только в Венгрии, но и, скажем, в Шотландии. Да и другие имена гуннов дают некую смесь индоевропейского и уральского, причем, Иордан и имена готов считает «гуннскими».

На территории «Московии», как и в степи, также сменилось за века много народов. В эпоху неолита и бронзы сюда распространяются с юга индоевропейские племена (ветвь индоариев), индоевропейской была и фатьяновская культура. А севером из-за Урала проходят сначала уральские, и затем угро-финские племена. Славяне сюда проникают с IX века тремя потоками: по Волго-Балтийскому пути (славяне с южного берега Балтики), с верховьев Днепра (кривичи) и из Среднего Поднепровья. Вторжение половцев приведет к отливу больших масс населения на северо-восток. Здесь появятся Переяславль Рязанский, Переяславль Залесский. Переселенцы захватывали с собой и привычные названия рек: оба Переяславля стоят на Трубеже, а в рязанских могильниках появляются височные привески, характерные для Киевщины и древлян. И, видимо, только ради желания «переписать» М. Аджиев ничтоже сумняшеся утверждает, что славян здесь не было «вплоть до XIII века». Специалистов должно заинтересовать лингвистическое открытие М. Аджиева: русское имя «Иван» на тюркском означает «дурак». Как говорится, спасибо за откровенность, тем более что компания «дураков» не

так уж плохо. Здесь и еврейские и греческие Иоанны, и французские Жаны, и английские Джоны, и немецкие Иоханны, и болгарские Иваны – все представители правящих династий и святые. В русских семьях потому и было так много «Иванов», что много святых было с этим именем. А балтийским славянам, которых крестили в XIII веке, архиепископ магдебургский даже запрещал принимать целыми селами одно и то же имя «Ивана».

Не менее потрясает и другое открытие. Оказывается «Кирилл (Константин) и Мефодий имели очень далекое отношение к русской культуре. Они – тюрки-кипчаки и в русском языке разбирались также плохо, как в китайском или зулусском». И глаголица – одна из русских письменностей, распространенная на Балканах, у дунайских славян (как тайнопись ее использовали многие еретики и югославские партизаны в годы Второй мировой войны) – тоже тюркская письменность! Очевидно, византийцы (а может быть и древние греки?) были тюрками задолго до турецкого завоевания.

Празднование тысячелетия крещения Руси оказывается «в высшей степени безнравственным», «выглядит конфузом». «Ни один (!) из мировых специалистов по Византии не знает об этом факте, хотя бы потому, что в документах византийской церкви этот факт не зарегистрирован». Верно. Крещение Руси при Фотии (около 867 года) явно предполагает русов приазовских. Крещение около 886 года, возможно, каких-то балканских русов. Христиане, известные по договору Руси с греками при Игоре, пришли из Моравии как раз во II четверти X века (это убедительно доказано археологически и пока недостаточно осмысленно исторически). Ольга в 959 году приняла крещение от греков. Попадали на Русь также варяги-христиане, уходившие от преследований с южного берега Балтики, болгары, особенно после разгрома ее Византией в 972 году. В литературе существуют и моравская, и болгарская, и варяжская, и греческая версии. И летописец, настаивая на корсунской, называет несколько других. И говорит это потому, что на Руси (как и всюду) было несколько христианских общин, соперничавших друг с другом, особенно после того, как христианство стало государственной религией и давало определенные преимущества. Все это в литературе есть, и все это не умаляет факты крещения Руси при Владимире (точная дата – 986 или 988 год – никакого значения не имеет; разногласия в данном случае как следствие борьбы разных общин за право «наследства»).

Собственное «открытие» М. Аджиева – «христианская церковь, как следует из документов Вселенского собора, сложилась на нынешней территории России к 381 году. Тогда степняки-тюрки стали называться христианами». Вполне возможно, что на стыке с греческими колониями христианство проникало и к племенам черняховской культуры. У готов и ругов-русов, входивших в состав черняховской культуры, христианство в форме арианства распространяется уже с середины IV века (правда, в Полунавье). Но к 381 году племена черняховской культуры – самой высокой на этой территории вплоть до эпохи Киевской Руси – покинули свои поселения и ушли (и готы, и гунны, и руги, и аланы, и сарматы, и многие другие племена) на Средний Дунай, где соединились с варварами, шедшими с побережья Северного и Балтийского морей, и где возникла держава с племенем гуннов во главе.

Тему начала Руси, именно этнической природы Руси обсуждать здесь не имеет смысла: надо привлекать тысячи работ и многие тысячи источников. Славяне и Русь изначально, несомненно, разнотничны и слияние их занимает ряд столетий, завершаясь в основном в IX веке. М. Аджиев мог бы и их записать в «кипчаки». Персидский аноним, писавший в 1126 году, называет Руса и Хазара братьями. У другого автора начала XVI века это «большой народ из турок». Речь в обоих случаях идет о причерноморских русах. Но и у автора приписок к хронике Адама Бременского (ок. 1075 г.) русы, жившие на восточном побережье Балтики, названы «тюрками». Да и титул «кагана» был у каких-то русов. И, вопреки мнению М. Аджиева, свидетельствует это о том, что русы не были скандинавами (такого титула там не знали). И с Бертинскими анналами – автор слышал звон, да не знает, где он. Не назывались послы русского кагана шведами: «свеонами» (у Тацита, кстати, «свевы» и «свеоны» – разные племена; первые жили на континенте, откуда часть их попала в Скандинавию уже после смуты Великого переселения, а вторые в пучине моря). Это результат специального розыска Людовика Благочестивого.

Имя Владимира М. Аджиев выговорить не может: ему больше нравится Вальдемар. «Именно Вальдемар! Ведь Киевская Русь не была славянской» – и в доказательство приводит имена из договора (непонятно, впрочем, из какого: они воспроизведены неверно). А как бы перевел М. Аджиев так бодро воспроиз-

веденное имя? Байер его переводил как «лесной надзиратель». Зато Титмар Мерзебургский, современник Владимира и потому не знакомый со словотворчеством родоначальника норманской интерпретации русской истории, разъяснял немецкому читателю, что по-славянски имя это означает «обладание миром». Впрочем, имя Вальдемар тоже известно. Только восходит оно не к германскому, а кельтскому и означает «великий властитель». Другие имена – Гуннар, Веремунд (у автора Вермунд), Фарлаф (у автора Фаулф), Инегелд и Игелд (у автора Ингалд), пожалуй, легче объяснять из тюркского, чем из германского. Это как раз имена гуннов-фризов и некоторых других балтийских областей, где долго сохранялись остатки некогда переселившихся сюда уральских племен. Еще и в XVI веке Курбский знал на территории нынешней Эстонии «иговский язык» и это, видимо, тот язык, который дал название области «Ингрия» или «Ижора», и имя «Ингер» или «Игорь». Многим же «русским» именам параллели находятся в Подунавье в венето-иллирийской и кельтской этнической среде с эпохи Великого переселения.

К «открытиям» надо отнести и точную дату основания Киева – 854 год. Автор сослался на «некоторые летописцы» – хотелось бы знать: какие же? И целая проблема (псевдопроблема): археологи дают V–VI век, триста лет выкинули из летописей древние фальсификаторы. «Выход найден блестящий, возможный только в России, где каждая новая ложь, не горше, слаще предыдущей. Славяне в XI–XII веках сделали русскими. Простота необыкновенная: исправили имена варяжских правителей. И все. Хельга стала Ольгой, Ингвар – Игорем, Вальдемар – Владимиром. За пять минут появился новый народ?!». Об именах выше сказано. Можно было бы посоветовать автору приватизировать заодно и Олега: по-тюркски «улуг» – великий. Правда происходит этот эпитет от иранского Халег, что уже совсем близко к русскому Олегу. Гедеонов же в свое время заметил, что имя это известно и чехам, куда скандинавы не добирались. Имена же Игорь (в греческой транскрипции Ингар) и Ингвар на Руси существовали и различались.

В. Коваленко стоит повнимательнее присмотреться к рассматриваемой статье М. Аджиева, устроившего тотальную порку москалям. Так, есть возможность на столетие удревить основание Киева. А логика очень убедительная: по-тюркски «Киев» значит «город зятя», с V века он стал столицей «каганата

Украины» (тоже, наверное, тюркское слово), ну а появилась «Степная страна» в IV веке (видимо, сразу после ухода на запад черняховцев и до возвращения сюда, о чем сообщает Иордан, части гуннов и ругов в конце V–VI вв.).

Пожалуй, венцом творческих достижений М. Аджиева является возбужденный пассаж о том, как «великий кипчакский народ» спас Русь от нашествия татаро-монголов. Разоблачая «низкопробные приемы» русских летописцев (Ипатьевскую летопись написал не иначе, какой-нибудь заезжий москаль, дабы помешать объединению против них всех «евразийцев»), М. Аджиев берет «к примеру» Калкскую битву. Как она описана в летописях – известно по учебникам. А надо по другому. «Не степняки дрогнули, утверждает, например, арабский историк Ибн-аль-Асир, а их союзники... И уж о чем совсем умалчивают российские историки, так это о нешуточном продолжении битвы на Калке, которое случилось вскоре после поражения и уже без русских. Спасибо Ибн-аль-Асиру, да воздаст ему Аллах!

Степняки наголову разбили татаро-монгольское войско! Выходит, что никакого вторжения-то на Русь и не было. А было что-то другое, названное «игом». Иго придумано москалями, чтобы оправдать захват московскими князьями сперва земель финских и литовских народов, а потом тюркских (кипчакских) территорий».

Вопреки сетованиям автора, русские летописцы не слишком жаловали и русских князей (трех Мстиславов), проигравших битву на Калке. И текст Ибн-аль-Асира имеется во всех хрестоматиях и постоянно цитируется в исследованиях. После вторжения татар через Ширванское ущелье аланы, убедив половцев выступить с ними вместе, остановили продвижение татар. Но татары сумели подкупить половцев, и те покинули алан. Аланы были разбиты, и теперь татары устремились на половцев «и отобрали у них вдвое против того, что сами принесли». Половцы разбежались кто куда, «а иные ушли в страну русских». Битва описана не так, как в летописи, но близко к ней. 12 дней русские и половцы преследовали татар, которые якобы отступали. Когда же татары внезапно напали на преследователей, те «не успели собраться к бою». Тем не менее, бой длился несколько дней. Наконец татары одолели, а кипчаки и русские обратились в сильнейшее бегство. Татары убивали, грабили и опустошали страну, «так что большая часть ее опустела».

И это все о Калкской битве. А отпор татары получили в землях Волжской Болгарии. Что же касается татаро-монгольского нашествия на Русь, то Ибн-аль-Асир, к сожалению, описать его уже не мог: он умер в 1233 году, тогда как завоевание Руси, уничтожение большинства ее городов и опустошение целых областей (в том числе киевщины) совершено в 1237–1240 гг. (не считая ряда позднейших набегов). Многие, многие народы, в том числе и тюркские, были уничтожены в результате монгольского завоевания.

Все это хорошо известно и по научной, и по популярной литературе, наконец, по учебникам. «Психоаналитикам» же действительно есть, над чем поразмышлять. Вот уже семь десятилетий «евразийцы» повторяют одну и ту же русофобскую ложь. В свое время И.А. Ильин заметил, что «для увлечение евразийством нужны два условия: склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности». Это верно, но это только одна сторона дела. Другая – политическая – совсем не случайно повела многих «евразийцев» к немецким фашистам. В сущности, иного «общего знаменателя» у «евразийцев» не было в прошлом, нет и в настоящем. Достаточно сопоставить «аргументы» В. Коваленко и М. Аджиева. Что у них общего? Первый не любит русских «москалей» за то, что они по сути тюрки, а не славяне; второй – потому что в них слишком много славянского, а благодетельной роли тюрков в истории славян (включая уничтожение большинства городов и большей части населения татаро-монголами) они никак не хотят признать. Первый стремится «очистить» украинцев от посторонних примесей, в особенности как раз тюркской; второй – и сам Киев, и «Украину» «переводит» из тюркского. И все-таки – союз у них нерушимый. На какой же основе?

Выше цитировался «гвоздь программы» – В. Коваленко: притязания на особую «породистость», расовую чистоту со времен антов и полян. Сходный сюжет мы найдем и в итоговых абзацах статьи М. Аджиева. И хотелось бы эти строки читать вместе с редактором. Можно допустить, что школьные уроки истории им глубоко забыты, но уроки жизни обычно не забываются. Итак, «Бог, создавая народы, распорядился... не в угоду правителям. Народы мира отличаются не только внешне, не только своей культурой, обычаями, привычками. Они отличаются еще и на генетическом уровне. Поэтому в семье негра не может родиться китаец» и т. п.

Антропологи теперь знают, почему возникают расовые различия: они зависят от природной среды. Учитывать все это надо, особенно медикам. Но заостряться на физиологической специфике в ином плане – это значит и человека снижать до уровня животного. Не это ли мы и наблюдаем в последние годы в межэтнических и внутриэтнических кровавых конфликтах? И не сознательно ли такие конфликты разжигаются?

В конце прошлого века Н. Миклухо-Маклай заметил, что Россия оказалась единственной страной, где расизм не воспринимается «даже на полицейском уровне». Об исключительной способности русских ассимилировать разные народы говорилось неоднократно. И русская пословица «Не та мать, что родила, а та, что выходила» – о том же. Тот же смысл и в другой пословице: «Не важно, кем родился, важно, кем стал». И идет это все от характера древней славянской общины: она была территориальной, а не кровно-родственной. Не удивительно, что и «национальным вопросом» у нас традиционно занимались нерусские. Не было бы ничего страшного и в извечной ослабленности русского национального самосознания, если бы на этом не пытались спекулировать. Но именно – если бы.

Сейчас основной формой подавления русского национально-го самосознания является упомянутое «евразийство», внедряемое и во многие патриотические организации и издания.

И в данном случае, как и всегда и во всем, от врагов избавиться гораздо легче, чем от «друзей». А достойной отповеди эти «друзья» пока не получают. Спрашиваю известного историка, некогда разоблачавшего «евразийцев»: «Почему молчишь?» – «Они на девятом этаже, а я на первом». Да, мощные теневые структуры стоят за изданиями, вроде бы противостоящими друг другу. Но ведь так можно стать и соучастниками мародеров, хранителями краденого: знаю, но не скажу.

Да, сейчас, как никогда, от интеллигенции требуется элементарная честность. Иначе «домашнее» ленинское определение ее будут скандировать не только на митингах стремительно нищающие трудовые массы. Наша вина неизмеримо больше тех, кого превратили в «быдло» и «люмпенов». Если мы не все знали, то обязаны были знать, не все понимали – должны были осмыслить. И, конечно, те, кто, наблюдая мародеров, не пытаются их остановить или хотя бы осудить, сами становятся таковыми, причем в самой важной для выживания общества форме.

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖНЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ

ФАЛЬШИВКИ?*

«Влесову книгу» сейчас пропагандируют весьма широко, и потому откликов на статью «Арийские руны на Влесовых струнах» я ждал. К удивлению, их оказалось всего два: главного пропагандиста – А. Асова (он же Буса Кресень, он же Барашков), а также любитель исторических преданий А. Канавщиков. Естественно, я ратовал за публикацию их писем с тем, чтобы аргументы сторон были очевидны стороннему взгляду. Но редакция отказалась от продолжения обсуждения вопроса, и теперь он время от времени возникает на экране телевидения (куда меня по каким-то причинам не приглашают). Пропаганда нацеливается на все более широкую аудиторию и потому необходимо и аргументы, и проблемы представить на более широком фоне, с учетом и традиционного в таких случаях вопроса: кому выгодно?

Главными претендентами на «арийскую чистоту» у нас привыкли считать немецких нацистов. И хотя, казалось бы, эти притязания должны были бы оттолкнуть нормальное сознание от желания быть по-расистски «чистым» (обычно расовая «чистота» ведет к биологическому вырождению), нашлось много претендентов на нацистско-расистское наследие.

«Арийской» считала себя уже тюркская элита у младотурок, мечтавших об империи от Адриатического моря до Тихого океана; и «кавказские братья», некогда объявившие себя частью германской нацистской партии, а ныне питающие террористов и работоторговцев в Чечне. И чувашский автор Г. Егоров обнаружил у себя арийскую кровь, равно как и шумерийскую. Слияние арийского и шумерийского исповедовали и младотурки, а также еврей-антисионисты, настаивавшие на создании еврейского государства (в составе Турецкой империи) не в Палестине, а в Двуречье. И все эти «чистые» арии с бешеной злобой ненавидели и ненавидят Россию и русских. Ну а как относятся к «арийской» проблеме там, где Влесова книга сочинялась, хорошо показывает

* Ранее не публиковалась.

приводимый в приложении материал – «Перший урок на тему: «Відродження України».

Оба отклика к статье вроде бы и не относятся, поскольку аргументы ее не рассматриваются. Но в них затронут аспект не менее важный, нежели сама «Влесова книга»: нужна ли нам вообще наука, и в частности, историческая? А. Асов в качестве главного аргумента против публикации О. Творогова и моих (коих не читал) называет присущий им «воинственный материализм». Я и действительно не верю, что главный наш популяризатор «Влесовой книги» на несколько тысячелетий старше графа Калиостро. А к фактам с куда большим уважением относилась и средневековая преднаука.

А. Канавщиков, который, оказывается, готов и продолжить перечень «противоречий» «Влесовой книги», считает, что на 10-15% она все-таки достоверна и потому ее надо оберегать. А скажем у знаменитого А. Сулакадзева были подделки и всего на какой-нибудь 1 процент: запись на полях рукописи XIV века о том, что она принадлежит княжившему в X веке Святославу. С точки зрения многотысячелетнего Кресеня-Асова-Барашкова, пожалуй, допустимо, что в «библиотеке» Святослава могли быть и издания «Русских ведов» 1992 г. (тираж 50 тыс.), и 1994 г. (тираж 5 тыс.), а заодно и «Мифы древних славян», где воспроизводится «Влесова книга» (тираж 100 тыс.). Как аргумент Асов-Кресень привлекает и свою популярность: у него тысячи единомышленников. Боюсь, что их уже миллионы. И это совсем не удивительно, если учесть, что страна стала свалкой всякого религиозного мусора, что разного рода оккультных сект более 20 тысяч, и в такой же прогрессии сокращается численность допустившего все это народа. Поистине, когда Господь хочет наказать – лишает человека (и народ!) разума. Но крестьянин веками знал и другое: на Бога надейся, а сам не плошай.

А. Канавщиков также не намерен прислушиваться к мнению оппонентов, потрясающих «академическими томами». А напрасно. Ведь одной книги Ю. Шилова «Прародина ариев» (Киев, 1995) достаточно, чтобы вообще снять проблему «Влесовой книги», поскольку в ней убедительно показано на археологическом материале, что правы были те лингвисты, которые выводили индоариев из Причерноморья. Иными словами, арии шли не от Индии и Китая, а в противоположном направлении. Правда, Ю. Шилову придется определиться по отношению к «Першо-

му уроку», где и его имя употреблено для доказательства, что «украинська мова» является «матерью всех индоевропейских мов». Иначе придется отказываться от славянского языка и срочно учить санскрит (а приверженцам одного из создателей «Влесовой книги» Куренкова – также иврит, поскольку его арии-русы пришли в Киев с Ближнего Востока и того же Двуречья).

Основное содержание книги Ю. Шилова, разумеется, особая тема. Ее надо и ее будут обсуждать. В данном случае же достаточно заметить, что «дошъеки» Миролюбова-Лядского и Кура-Куренкова ничего в обсуждение привнести не могут.

На этом можно было бы и разойтись по домам. Но пропагандисты подделки, демонстрируя неуважение к науке, сыплют направо и налево обвинения в «подлогах» и «фальсификациях» именно ученых, косвенно признавая таким образом, что без достоверных фактов знания не бывает.

В «подлоге» А. Асов обвинил О. Творогова и согласившегося с ним Кузьмина. Между тем, филолог убедительно показал (и не в нескольких строках, а на нескольких страницах), как Миролюбов, фантазируя, постоянно противоречил сам себе, забывая о том, что ранее написал, как в паре с Куренковым они создали два ряда несогласующегося текста «дошъек». В моем же материале лишь добавлено, что «два ряда» «дошъек» – следствие существенно разных представлений «соавторов» на природу славян и руси. У Миролюбова (Лядского) русь – это славяне, расселившиеся из Прикарпатья. И, очевидно, не случайно, что, как заметил Ю.К. Бегунов, «Язык текстов не принадлежит какому-то одному народу. Он имеет сходство не только с древнеславянским, но и польским, русским, украинским и даже чешским».

По автору, «такое смешение лексических примет многих славянских языков говорит, впрочем, отнюдь не о великой древности памятника». Во всех случаях от «новгородских волхвов IX века» такая лингвистическая солянка весьма далека. И дело вовсе не в том, что «влесоведы» «не договорились между собой». Такая «договоренность» к науке вообще отношения не может иметь: это для сект и подобных им объединениям. Ю.К. Бегуну представляется, что «Влесова книга» – что-то вроде фантастических сочинений XVII века, которые могут представлять историко-литературный интерес и в которых можно попытаться выудить что-нибудь из исторических реалий. Но с языковой точки зрения такое смешение диалектов (почему-то приписанное

Асовым мне) более логично объяснено Л.П. Жуковской и О. Твороговым: дело не «в странности или исключительности форм, а в сочетании в тексте таких разновременных языковых фактов, которые не могли сосуществовать в каком-либо конкретном славянском языке, и уже по крайней мере в языке восточнославянской группы».

В «научных» аргументах Асова не последнее место занимает и утверждение, будто Л.П. Жуковская была связана с КГБ, который и заставил ее выступить против «Влесовой книги». Но ведь по такой логике придется считать, что создавали «Влесову книгу» по заданию Моссад? Уж не потому ли и загнал Куренков русов в Двуречье, на родину Авраама? И не концепция ли Г. Бараца – известного сионистского деятеля, настаивавшего на еврейском происхождении Руси – подкрепляла аргументацию Куренкова, считавшего, кстати, что никаких славян вообще не было в природе и их придумал летописец XII века? И в свете этой «концепции» замена в переводе куренковских «русищей» «славянами» – очевидный подлог.

В.В. Грицкову досталось за «воспаленное воображение», у которого «на одно верное суждение приходится два неверных по причине малой научной культуры». С высоты «большой научной культуры» Асов дает многочисленным скептикам вопрос: как же «деревянные вещи... поднимают из скифских курганов?». А так и поднимают, чтобы немедленно обеспечить специальные условия хранения. И не только деревянные вещи. Это ведь любому школьнику известно.

И уже совершенно недостижимой вершиной «научной культуры» является пассаж об академике Д.С. Лихачеве. Оказывается он «глава исторической и палеографической науки», исследующий творчество А.С. Пушкина! Неужели в журнале «Наука и религия», пропагандирующем «Влесову книгу», никто не знает, чем более полувека занимается Д.С. Лихачев? Или сотрудник журнала таким образом защищается от критики: мол, «неспециалист»? При всех моих расхождениях (и глубоких) с академиком, в вопросе о «подделках» нам довелось занимать с ним близкие позиции, защищая подлинность «Слова о полку Игореве». Для квалифицированного филолога это вообще не слишком сложная проблема – отличить подлинное от фальсификации.

И наконец о единственном аргументе Асова по существу: функции бога Велеса. Профессор, оказывается, не знает, что

«скот» – это домашние животные. Слова, взятые им в «кавычки» – не цитаты. Цитировать Буса Кресень, А. Асов и А. Барашков пока не научились. Поэтому не стоит за этой троицей говорить о «подлогах». Более того: умноженное наглостью невежество в данном случае хороший стимул поговорить по существу. Книга названа «Влесовой» и должно предполагать, что и создатели книги и «влесоведы» изучали вопрос о его прерогативах. Но явно не доизучили.

Имя Велеса (Волоса) в качестве «скотьего бога» впервые упоминается в договорах Олега 907 года и Святослава 971-го. Оба договора – относительно вольный пересказ действительных текстов соглашений. Но в данном случае это не существенно, поскольку эти вольные записи появились в составе летописей, видимо, раньше, чем в «Повести временных лет» оказались более приближенные к текстам оригинала договоры 911 и 945 гг. И понять надо именно эпитет «скотий»: что он значил вообще в языческую эпоху и какую роль играл в данных упоминаниях.

Удивительно, но набрасываясь на оппонента с кулаками, автор не удосужился посмотреть хотя бы словари Даля, Срезневского, Фасмера. Почти два столетия ученые разных стран ищут истоки слова, означающего во многих языках примерно одно и то же: деньги, богатство, имущество и (очевидно производное) подать, налог. Одним из аргументов норманистов изначально было шведское слово «скатт» – драгоценность, сокровище, клад, а также налог. Но оказалось, что слово это было известно и готам, и древним саксам, и другим германским континентальным племенам в значении именно денег, имущества.

Мое включение в полемику свелось в сущности лишь к тому, что я обратился к трехтомному словарю старой кельтики А. Хольдера, у которого нашел буквальное совпадение с древнерусским, все с тем же значением «имущество, богатство, деньги» (см. «Об этнической природе варягов» в журнале «Вопросы истории», М., 1974, № 11). А специального исследования заслуживает вопрос о том, как деньги стали «скотом» в современном понимании.

Но раньше надо точнее определить функции Велеса. Не случайно, конечно, что в договорах дружину и торговцев сопровождают Перун и Велес. Перун – бог дружинников, Велес – бог торговцев. В X веке дружинник и торговец чаще всего был в одном лице (и дальние походы совершали за моря ради добычи и торговли, а договоры предполагали именно правила торговых отно-

шений). Никакие «стада», конечно, по морям не плавали. Была у Велеса и еще одна функция: он покровитель поэзии. Легендарный Боян в «Слове о полку Игореве» – Велесов внук. Иными словами, его функции те же, что и у римского Меркурия: покровитель торговцев, путешественников, служителей муз (а они чаще всего тоже были путешественниками).

Соответственно в X веке и позднее должность «скотник» означала казначея, а «скотница» – хранилище казны. Под 996 годом в летописи говорится как о достаточно обычном событии – раздачи горожанам подарков «из скотниц кунами». Под 1018 годом новгородцы собирают для Ярослава «скот» кунами и гривнами. И в таком значении эти понятия долго будут существовать. «Скотом» же в современном понимании деньги и прочее имущество станет не сразу. И решение этого вопроса, видимо, подскажет нумизматика.

Дело в том, что, скажем, зверек куница – это меховой эквивалент серебряного динара – «куны» (от латинского «коен» – кованный), зверек бела (горноста́й) – эквивалент арабского диргема. То есть названия зверьков в данном случае вторичны по отношению к серебряным монетам. А Срезневский собрал внушительный круг источников, свидетельствующий о появлении аналогичного эквивалента для меры богатства – «скота». Таковой стала корова («от скот же и волов и овец», «полониша скоты и коне, вельблуды и челядь», и т. п.). Хотя по «Русской правде» больше подходил бы вол: как рабочий скот он ценился несколько выше коровы, именно ровно гривну, что равнялось 25 кунам (корова – 20 кун).

Жаль, что серьезные вещи приходится обсуждать на столь несерьезном уровне. Но слишком уж это сейчас актуально. Ведь под флагом «плюрализма» убивается наука и знание, без которых ни один народ в конце XX столетия не выживет. Когда А. Асов пытается впрячь в одну повозку и «Слово о полку Игореве», и «Влесову книгу», и приднепровских славян, и враждебных им земляков праотца Авраама русов, это, как он выражается, «его проблемы». Но вот и А. Канавщиков напористо разъясняет профессору, что фальшивки нужны, и что все «карамзины» прошлого и настоящего – фальсификаторы.

Фальсификаторов действительно много. Скажем, вся кампания против подлинности «Слова о полку Игореве» так и воспринималась обеими сторонами. Помнится, 30 лет назад Р.В. Фрид-

ман, которую я, будучи студентом, весьма уважал за прочитанный курс античной литературы, а она меня – за постоянно задаваемые вопросы, поделилась со мной – уже коллегой-доцентом – радостью: «Какой все-таки Сашка Зимин молодец! Как он ударил по русскому шовинизму!». «Да, — возразил я. — Но памятник-то – шедевр *мировой* культуры». «Правда, — легко согласилась она. — Надо так ударить, чтобы памятник не пострадал». Такой замысел мне показался нелепостью. И некоторое время спустя пришлось реагировать на книгу Олжаса Сулейменова, где автор «Слова» – половец, сами же половцы – младшие братья «Главного народа».

К сожалению, прав автор и в отношении многих ученых прошлого и настоящего. Скажем, спор норманистов и антинорманистов с самого начала питался не столько научными, сколько политическими соображениями, а потому подавляющая часть материалов в этой полемике не привлекалась (за очень редким исключением, вроде С.Гедеонова). Но в отношении многих оппонентов с той и другой стороны, следовало бы говорить о тенденциозности, а не о фальсификациях: материал практически необозрим и в полном объеме никто и никогда им не владел.

Гораздо серьезней нынешняя ситуация, когда чуть ли не строим наши историки и социологи бросились яростно обличать собственные научные труды (правда, не упоминая себя при этом и не предлагая снять с себя незаслуженно полученные степени и звания). На таком фоне легко расцвести любому шарлатанству, тем более, что для нынешней власти гораздо интересней шарлатаны, нежели ученые. Но это не значит, что науки нет вообще и тем более не значит, что она не нужна вовсе. Все-таки «ложь во спасение» оправдана лишь там, где правда и истина в принципе не допускаются. А замена науки шарлатанством всегда на пользу лишь самим шарлатанам.

Осень 1995-го борцы с «русским фашизмом» не без удовольствия отметили, что лишь 15 % русских сознают себя таковыми. Страшно? Страшно! А почему дело именно так и обстоит? Вот «Вечерка» от 1 сентября (того же года) прокомментировала результаты тестирования выпускников московских школ и сама удивилась: средний бал по истории – «двойка». Зато по английскому языку – аж «четверка». А чего же удивительного, если «двоечников» полно и в самой исторической науке и еще больше около нее? Отсюда и практическая денационализация. И если,

по Бисмарку, «немецкий учитель истории выиграл войну с Францией» (в 1870 году), то наш подвел и к Беловежской пуше, и к предательству традиционных друзей, и к ползанию на брюхе перед своими смертельными врагами.

Не будет никакого «возрождения» страны и народа, пока ученые и политики не осознают, чем жил и живет народ, что его делало могучей силой на протяжении веков – отнюдь не безбедного существования. Фальшивыми призывами и посулами можно на время сбить с толку (и сбили!). А пробудить по-настоящему можно лишь, апеллируя к тем историческим реалиям, которыми народ создавался, что порождало его сильные и слабые стороны.

Сказками Шехерезады живет большинство малых народов. Это и комплекс неполноценности, и отчаянные попытки сохраниться как особая этническая единица. Аналогичное мифотворчество «больших» в большей степени их и унижает: вполне достаточно уяснить, благодаря чему они стали большими и почему «большие» нередко превращались в малые и исчезали вовсе. А.Канавщикова отстаивает свое право на фантазию. Мне пришлось рецензировать десятки исторических романов, по большей части именно в рукописях. К чему обычно сводились требования? Фантазируйте в пределах достоверно известных фактов и не слишком модернизируйте эпоху. Поныне считаю непревзойденным образом изображение Византии VI века в романе Валентина Иванова «Русь изначальная»: все достоверно, на высочайшем уровне социологического анализа и современно за счет вскрытия механизма власти во все времена (не говоря уже о художественных достоинствах). А вот когда А.Канавщикова в «Россиянине» (№ 6, 95) женит киевских правителей Дира и Аскольда на дочерях великолукского волхва Мала, вспоминаются Нью-Васюки. «Луки» (еще не «Великие») впервые упоминаются древнейшей новгородской летописью лишь в 1166 году, то есть три века после того, как жили Дир и Аскольд. И хотя как «пригород Новгорода» поселение возникло несомненно раньше, но никак не на три столетия.

А.Канавщикова верно заметил, что сопоставление обычаев полян и других славянских племен свидетельствует об их разных истоках. Только напрасно он делает из полян «ариев», которые у него к тому же настолько человеколюбивы, что не допускают человеческих жертвоприношений. В упомянутой книге Ю.Ши-

лова есть целая глава, посвященная человеческим жертвоприношениям у ариев. При этом он стремится и объяснить, и оправдать этот ритуал. (Для оправдания достаточно сопоставить с нашими временами: «Буря в пустыне» или бомбы НАТО над Сербией, конечно, похлеще.) Но в XIX столетии в спорах норманистов и антинорманистов обычно присутствовал и такой аргумент: у славян человеческих жертвоприношений не было, а у норманнов и некоторых групп русов были. Мы сейчас не будем разбирать, у каких именно, и у русов ли (в канун христианизации обычай этот сохранялся у многих народов Европы и Азии). Отсутствие же его у славян – факт огромной важности, связанный с формами хозяйствования и общежития, которыми и создается национальный характер.

А то, что язычество не изучено – это верно. Но требуется методологический ключ, который позволит размежевать славянское и русское язычество и вычленил то и другое из комплекса индоевропейских верований. Только все это за пределами домашнего спора о «Влесовой книге».

И все-таки. А зачем все эти псевдопроблемы – куда, конечно, надо включить и напористо распространяемые отнюдь не «благоглупости» Фоменко и компании? Цель очевидна: превратить человека (именно русского) в обезьяну. А далее – тех, кто выживет – в клетку.

ФЕНОМЕНИАНА ФОМЕНКИНИАНЫ

*(Предисловие И.А.Настенко к заглавному разделу Сборника
Русского исторического общества. Т. 3 (151). М., 2001)*

Почему талантливый математик, совершивший немало открытий и получивший заслуженное признание, забросил свои изыскания и более двадцати лет занимается исследованиями, вызывающими свержение однозначную оценку?

От А.Т. Фоменко, из его «краткой истории новой хронологии» (далее – «нх»), можно узнать, что к сомнениям в традиционной хронологии («тх») его привели соображения, связанные с анализом второй производной движения Луны (D''), исследованной известным астрономом Р. Ньютоном. Желание «спрямить график D'' » повлекло пересмотр датировок затмений (по ко-

торым он выстраивался). Затем пришла очередь пересмотреть «Альмагест» Клавдия Птолемея, в котором описано звездное небо II века н. э. Далее последовали работы по статистическому исследованию древних текстов, были открыты «династические параллелизмы» и т. д. Отсюда вывод: «тх» неверна, описания событий древности дублируют известия о временах не столь далеких (даются варианты «хронологических сдвигов»), историю следует «укоротить». А затем, в качестве альтернативы «ниспровержению» и «разрушению», была предложена «конструктивная гипотеза» по воссозданию «истинной» истории – так называемая «новая хронология», в которой мы узнаем о Руси-Орде, тождестве Дмитрия Донского и Тохтамыша, Вятке-Ватикане, Христегильдебранде и пр., и пр.

Анализ «начальных» работ академика А. Т. Фоменко показывает, что в основе всех вышеперечисленных открытий лежали чудовищные ошибки и подтасовки (см. статьи А. Ю. Андреева, Ю. Н. Ефремова в настоящем Сборнике*). Столько совпадений и подгонок «под результат» в период выработки концепции не бывает! Оказывается, все началось несколько раньше, со знакомства будущих новохронологов с работами народовольца, узника Шлиссельбурга, а в советское время – «народного академика» Н. А. Морозова (был проведен такой семинар для математиков, где М. М. Постников сделал соответствующий доклад). Именно Морозову принадлежит идея о том, что эпоха античности (античные Греция и Рим) была придумана, а соответствующие литературные и др. памятники были сфабрикованы фальсификаторами эпохи Возрождения. Уже Морозов занимался передатировкой затмений, сообщения о которых дошли в произведениях античных и средневековых авторов. Идея о «династических параллелизмах» также впервые прозвучала у него. (Мне неоднократно приходилось выслушивать мнение о том, что вся «нх» выросла из книг Морозова, а также уличение Фоменко в прямом плагиате (возможно, это просто недобросовестное цитирование – когда забывается поставить в нужном месте кавычки?))

Идеи Морозова потрясли А. Т. Фоменко. А если учесть, что хронологией занимался на склоне лет знаменитый создатель классической механики И. Ньютон (чем, кстати, сильно подпор-

* Повторим, настоящая статья – обзор-предисловие к Сборнику РИО. Т. 3 (151). «Антифоменко».

тил свою репутацию), а также что основные открытия последнего времени происходили на «стыке наук», то становится понятной та увлеченность, с которой математики ринулись в хронологию.

К сожалению, столь замечательная концепция с трудом подтверждалась фактами. Но если факты не подтверждают гениальную идею, следует пожертвовать фактами – датировки затмений получают необходимые годы погрешности, долготами звезд в «Альмагесте» приходится пожертвовать, математико-статистические методы получают новую интерпретацию.

Позволю себе цитату из выступления академика П.Л. Капицы в мае 1966 года в Лондонском Королевском обществе: «...Хорошо известно, что нужна большая осторожность, чтобы при ограниченном числе статистических данных вывести из них общую закономерность. Как-то, говоря о применении статистики, кто-то сказал: “Существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика”» (П.Л. Капица цитирует Бендж. Дизраэли. – *И.Н.*).

Особый смысл эти слова приобретают по отношению к применению статистических методов А.Т. Фоменко. В подготовке данных для вывода «династических параллелизмов» сделано столько подтасовок (см. статьи А.А. Зализняка, М.Л. Городецкого и др.), а для оценки меры погрешности используются такие рассуждения (как минимум, просто недостойные математика, см. статью А.Ю. Андреева), что слова «наглая ложь» кажутся удивительно мягкими.

«Новая хронология» – эта «конструктивная гипотеза» относительно воссоздания «истинной истории» – уже не несет признаков строгого доказательства (которые следовало бы ожидать от академика-математика), приводится ряд фактов, косвенно подтверждающих гипотезу (при этом колоссальное количество других – опровергающих – замалчивается). В рассуждениях встречаются логические ошибки: из тождества признаков имплицитруется тождество объектов (событий), из результата вывода доказывается истинность посылки (порочный круг) и т. д., и т. п.

Казалось бы, ограниченный кружок людей тешится, придумывает всякую муть – ну и на здоровье, если им время позволяет. Любые выдумки на исторические темы имеют право на жизнь, например, в качестве развлекательной или фантастической литературы. Они не должны только подменять собою настоящую науку.

Ан нет! «Новая хронология» активно пропагандируется. Письма в защиту «нх» подписывают некоторые академики. Среди выступлений в средствах массовой информации проскакивает: «Историков пора вынести вперед ногами из исторических факультетов и вузов!»; «Я готов порвать любого историка, потому что знаю больше них!» (это не академик Фоменко – он вежлив, это его молодые сподвижники). Говорят об истории как прислужнице власти, наиболее зависимой от идеологии, как раз в то время, когда история как наука наконец-то освободилась от этих пут и вливается в общемировой процесс.

Выходят книги новохронологов – в дорогуших переплетах, впечатляющих объемов – по две-три в год. Производство поставлено на поток – разделы перекечывают из тома в том без изменений, случаются «дубликаты» и в рамках одного тома.

Малосвѣдущий ведущий одной из популярных передач с умным видом беседует с одним из новохронологов в лучшее эфирное время на протяжении двух месяцев (!). Оппоненты не приглашаются. Часто простые вопросы по телефону (прямой эфир – никуда не денешься) ставят выступающего в тупик.

Кассета с телевизионными беседами рекламируется и тиражируется.

Во время прямого эфира проводится опрос – верят ли зрители в пропагандируемый бред. Оказывается, до 70% верят.

И вот это очень и очень беспокоит!

Можно говорить о плохом преподавании истории в наших школах (одна из статей настоящего Сборника посвящена этой проблеме). Можно вспомнить высказывание Бисмарка о том, что войну с Францией выиграл немецкий учитель истории. А после всего задуматься о том, что нас ждет.

Я скептически отношусь к заявлениям о том, что «нх» есть результат специально спланированной диверсии против русской истории, русского народа. Феномен «нх» стал возможен из-за несчастливости стечения обстоятельств: преобразования 1990-х гг. отменили старую идеологию, не предложив ничего нового взамен, амбиции «новооткрывателей» оказались востребованными в силу полного разброда в умах. Возник рынок на подобную продукцию, и, как следствие, появились реальные возможности для осуществления программы «нх».

Как-то, разговаривая с коллегой-издателем, являющимся, кроме того, успешным оптовым книготорговцем, специализи-

рующимися на исторической литературе (и, кстати, как изда-
выпустившим не один из бестселлеров академика-новохроно-
лога), я сообщил ему, что собираюсь выпустить серию книг с
критикой «новой хронологии» (тогда впервые прозвучало слово
«антифоменко»). И тут я увидел просто неподдельный, чисто
читательский, интерес – мой собеседник ранее не встречал
серьезную критику «нх» и хочет разобраться, что же «с историей
на самом деле». На вопрос: «А кто же финансировал книги Фо-
менко?», я получил абсолютно прагматический ответ, что спе-
циального («внешнего») финансирования не было, Фоменко –
«раскрученный автор», любая его новая книга – это, как мини-
мум, с гарантией проданный 10-тысячный тираж. Дальше –
больше! Я получил вполне конкретное предложение моего ви-
зави об участии во всех предполагаемых к выпуску книгах. Же-
лание получить дополнительную прибыль облечено было во
вполне пристойную форму: «...Все, кто купил книги Фоменко,
приобретут и «Антифоменко». Люди хотят разобраться...».

Комментарии, как говорится, излишни.

Историки в свое время не стали широко обсуждать (ни, тем
более, травить их авторов) хронологические труды И. Ньютона
и Н.А.Морозова (тем более, что у каждого из перечисленных
были проблемы с психическим здоровьем), справедливо пола-
гая, что время расставит все по своим местам. Так и случилось.
Но в упомянутых случаях ложная (ошибочная или псевдо-) нау-
ка не была столь агрессивной. Дискутировали специалисты, не
затрагивая широкую публику.

В случае с «нх» ситуация другая. Специалистов – историков,
лингвистов, математиков, астрономов – убеждать ни в чем не
нужно, «нх» в этой среде не находит поддержки. (Вообще, при
всей своей «научной» аранжировке книги по «нх» рассчитаны на
читателя, малоискушенного как в математике, так и истории.
Ведь стоит только копнуть!..) Но бред навязывается массам, а
это – уже опасно. Необходимы разъяснения. Нужно, чтобы экс-
перты, каждый в своей области, дали подробные и понятные
возражения «нх».

Долгое время существовала такая ситуация – историки не
отвечали, потому что события проходили на «чужом (математи-
ческом) поле», а математики говорили, что использование
математики Анатолием Тимофеевичем весьма некорректно, но

его выводы касаются истории – пусть историки и разбираются. И от тех, и от других можно было услышать, что на критику «нх» у них нет времени – “слишком много настоящей работы, чтобы заниматься такой ерундой, как «нх»”

В настоящем томе академику Фоменко отвечают историки, с успехом использующие математические методы в своем научном творчестве, а также математики и физики – отнюдь не дилетанты в истории.

Истории критики «нх» не меньше лет, чем самой «нх». Первоначально это были редкие статьи, разрозненные по специальным научным журналам, малодоступные широкому читателю. Среди первых ученых, выступивших с критикой «нх», были Е.С.Голубцова, Ю.А.Завенягин, Ю.Н.Ефремов, Г.А.Кошелев, В.М.Смирин.

Интересное свидетельство приводит сестра покойного ныне Ю.А.Завенягина, передавая письма брата для публикации: «В 1984 г., примерно в конце июня, Ю.А.Завенягина (беспартийного) вызывают в ЦК КПСС почтовой повесткой. Когда он пришел в кабинет зав. отделом науки Д.В.Кузнецова, там уже был А.Т.Фоменко. Д.В.Кузнецов предложил оппонентам обсудить основные положения «нх». Через несколько часов напряженной дискуссии Фоменко не сдержался и, схватив за лацканы Ю.А.Завенягина, стал выкрикивать что-то типа: “Я советский, я русский! Я хочу, чтобы наша страна была бы такой же древней, как Древний Рим!”». Вот такой вот аргумент.

(Кстати, статья Ю.Н.Ефремова и Ю.А.Завенягина «О так называемой «новой хронологии» А.Т.Фоменко в несколько сокращенном виде вышла в «Вестнике РАН» в 1999 г. (№12) и на настоящий момент является одной из лучших критических работ против «нх», по существу «закрывающая» астрономические положения «нх».)

В декабре 1999 г. на историческом факультете МГУ состоялась конференция по «нх». В декларации, распространенной перед конференцией, указывалось, что обеспокоенность научной общественности деятельностью группы «новохронологов» достигла своего апогея. Псевдонаучные труды «новохронологов» выходят огромными тиражами, пропагандируются по телевидению. И дело даже не в том, что публику дурачат, предлагая фаль-

шивку. Представления об историческом прошлом подменяются в общественном сознании сомнительными логическими построениями. Растущая популярность взглядов и публикаций «новохронологов» представляет серьезную опасность для отечественной культуры. Происходит размывание фундаментальных культурных, научных и нравственных ценностей.

В конференции участвовали ученые историки, филологи, лингвисты, математики, физики, астрономы из ведущих научных и учебных учреждений Москвы. Прозвучали аргументированные возражения по всем ключевым положениям «нх». Материалы этой конференции и составили ядро основного раздела нашего Сборника.

На конференцию были приглашены академик А.Т. Фоменко и его главный соавтор по последним изданиям Г.В. Носовский. Ни тот, ни другой приглашением не воспользовались. Декан исторического факультета проф. С.П. Карпов, открывая конференцию, предложил представителям от «нх» выступить с изложением своей точки зрения. В ответ, увы, ничего не прозвучало*.

Вообще добровольное затворничество Анатолия Тимофеевича, его отказ на протяжении почти 10 лет участвовать в публичных обсуждениях «нх», кажется более чем странным. Говорят же, «в споре рождается истина». Или это боязнь попасть впро�ак и обнаружить свою некомпетентность, отвечая на простые вопросы из области, в которой являешься дилетантом?

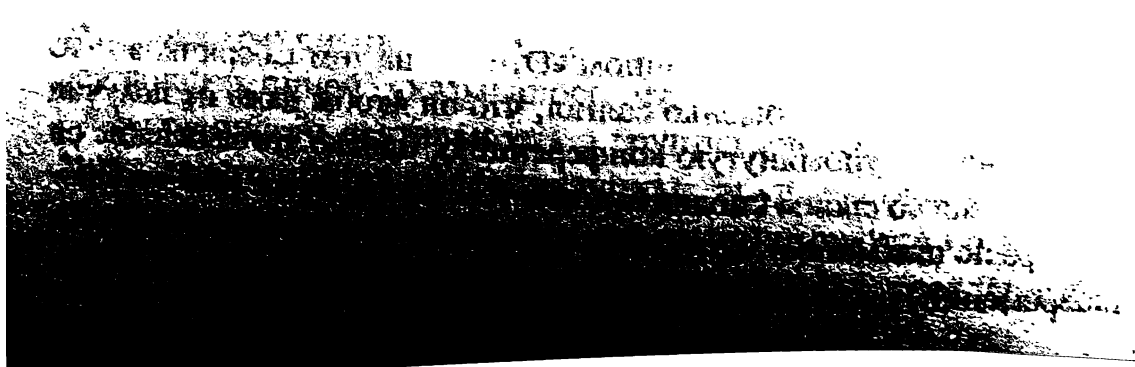
Представьте на секунду, уважаемый Анатолий Тимофеевич, что «новая хронология» неверна – как быть с тысячами поверивших Вам людей? Общественное сознание – очень тонкий и часто непредсказуемый инструмент. Отдаете ли Вы себе отчет, к каким результатам могут привести Ваши интеллектуальные игры с хронологией? Я понимаю, как трудно отказаться от результатов труда, которому посвящено более 20 лет жизни, столько труда и интеллектуальных усилий. Неужели туда же уйдут и последующие годы Вашего творчества?

* Позднее, в опубликованном «Ответе» на том Сборников РИО «Антифоменко» А.Т. Фоменко солгал, что он якобы даже не получил приглашение на упомянутую конференцию, однако это заявление он не согласовал со своим сподвижником Г.К. Каспаровым (экс-чемпионом мира по шахматам), который в интервью, опубликованном почти одновременно, рассказал о приглашении Фоменко на конференцию.

У Аполлона Григорьевича мне частенько приходилось бывать в гостях у него дома. Он живо интересовался нашим антифоменковским проектом (в издательстве «Русская панорама» вышло около десятка книг с критикой «новой хронологии»). Внимательно выслушал он и мой рассказ о том, что проект «новая хронология», по моему мнению, не имеет «стороннего» финансирования и своим существованием обязан исключительно нечистоплотности издателей, желающих сорвать куш, и одержимости самих авторов, основной из которых возмечтал войти в историю науки, совершив революционное открытие, и показать историю Руси не менее древней, чем у некоторых других народов (за счет укорочения всей истории в целом).

На это Аполлон Григорьевич усмехнулся: «Революционер!.. Удревнить ...! Услужливый дурак хуже врага!». А далее пояснил, пусть ли по дурости, пусть ли по неведению, и не в корыстных целях (можно даже не обращать внимания на мелкий гешефт в виде гонораров), но вред от этих горе-историков – не малый. А уж от тех, у кого побольше власти, зависело, давать или не давать новохронологам «зеленый свет» на телевидении, чтобы в течение нескольких месяцев выплескивать все эти изыскания на многомиллионную телевизионную аудиторию (в тысячи раз превышающую читательскую).

Отвратительно, конечно, что все без исключения эти теории строятся на фальшивках («Влесова книга»), подтасовках (весь фундамент «новой хронологии») или передергиваниях (неонорманизм). Но хуже другое – декларируя благие цели (чем дополнительно задурманивают мозги), они лишают русский народ его собственной истории – фундамента национального самосознания. Со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Россия в оккультной мгле

ВАЛЫПУРГИЕВА НОЧЬ ДУХОВНОЙ ОППОЗИЦИИ*

Два государственных переворота за два года, превративших великую страну в сырьевой придаток «золотого миллиарда» и в свалку отходов. И оба переворота – по одному сценарию: законспирированное меньшинство одерживает легкие победы над растерянным большинством, не желавшим ни разрушения Союза, ни сокрушения представительных органов власти. (Похожий смерч после Рейкьявика и Мальты прокатился и по странам Восточной Европы.) И нынешняя Дума, согласившаяся распустить Комиссию по расследованию, похоже, уже не сможет поставить вопросы: как сработал механизм разрушения, кто конкретно повинен в гибели сотен и тысяч ни в чем не повинных людей. Остается уповать на «журналистское расследование».

Настораживает, что главные патриотические издания, по существу, обходят вопрос о механизме провоцирования, и многие важные факты опубликованы в газетах «той» стороны («Московские новости», «Независимая газета»). Даже факты, рассеянные в зарубежных изданиях, не собраны и не проанализированы. А разобраться надо не только в том, как действовали западные спецслужбы (их почерк виден по всему миру), а в том, через кого они действовали, почему в «нужный» момент во главе оппозиции оказываются люди, явно не тянущие на роль лидеров и не заслуживающие доверия своей прошлой деятельностью. И тревожит стремление «героизировать» фактических виновников (а то и прямых пособников) происшедшей трагедии, закрепив за ними право «на вечные времена» возглавлять оппозицию. И закономерно падение интереса и, что важнее, уважения к этим изданиям у их традиционного читателя и почитателя.

Сейчас многие миллионы обманутых граждан беспокоит не поведение власти – с ней все ясно, а позиция оппозиции. Тревожные голоса раздавались и до «Черного октября» (Т. Глушкова, М. Антонов, Г. Шиманов и некоторые другие). Лейтмотив этих выступлений – многие лидеры оппозиции, критикуя власть, сами действуют в том же разрушительном направлении. И не понять, где по неразумению, а где по заданию.

* Опубликовано в журнале «Молодая гвардия», 1994, № 9.

Из последних публикаций самого серьезного внимания заслуживают брошюры Светланы Кравченко («Балаган на крови», Киев, 1994) и А.И. Лебеда («Спектакль назывался путч», Тирасполь, 1993). В брошюре С. Кравченко дан богатый материал, разъясняющий, почему нельзя доверять многим восседающим в президиумах «спасителям» России, «народным академикам», не имеющим никаких научных разработок, политикам, не способным просчитать ситуацию на два хода вперед, организациям, возникающим на деньги Борового и ему подобных. А перебежчикам – коих большинство – и вовсе трудно поверить.

Замалчивается патриотической прессой и книга А. Лебеда, изложение которой дано в «ЛР» еще осенью прошлого года (№ 34–35, 36). Когда А. Караулов в беседе с генералом откровенно уклонялся от обсуждения содержания публикации по существу (обложка ее присутствовала на телеэкране) – это понятно: власть будет покрывать тех, кто работал на нее от имени оппозиции. Но как могут восприниматься издания, уводящие от главного, истинными патриотами и просто добросовестными согражданами? А речь-то идет не о «стрелочниках»: выявляется роль главных фигур вроде «министра обороны» В. Ачалова.

В «низах» давно поняли, что нужны новые лидеры и новые идеи взамен тупиковых и прямо разрушительных. Вопрос в том, где их искать. У С. Кравченко есть, пожалуй, одно спорное место: резонно критикуя «большие» газеты и журналы, она противопоставляет им малотиражки «русских националистов». В них действительно много ценной информации, которая «больших» пугает. Но мало указать на зло: надо предусмотреть, чтобы плохое не заменили худшим, как у нас и было в последнее семилетие.

В первом ряду имен, привлекающих ныне повышенное внимание, значится А. Баркашов, которого просионистская пресса полоскала (и полощет), дабы создать впечатление, будто России угрожает «русский» (а не антирусский) фашизм. И внешний повод как будто был (игры со свастикой, поиски «здорового» в арийском мистицизме и пр.). Тревога С. Кургиняна, указавшего на явно нерусский уклон «русских фашистов» у А. Дугина (отошлю и к своим статьям в «МГ» № 2 и 8, «ЛР», № 14 и 31, «Русский собор», № 7 – все 1993 год), разделялась многими из лагеря «видимой» оппозиции и в еще большей мере из пока «невидимой». Появление вооруженных «баркашовцев» в «Белом доме» вызва-

ло истерику у наших «гуманистов», жаждавших как можно больше крови. Но и в самом «Белом доме» эта акция вызвала глубокий раскол в рядах «защитников Конституции». А за его пределами и вовсе было не понять, что соединило вроде бы крайних националистов с Хасбулатовым и Руцким, совсем недавно клеймившими «русских шовинистов» и «красно-коричневых».

А «баркашовцы» мужественно вели себя и в «Белом доме», и у Останкина, шли на смерть при явном неравенстве сил, заслужив добрую память нынешнего и будущего поколений. Филиппики против «фашистов» Вероники Куцылло («Записки из Белого дома») явно тенденциозны, что особенно заметно на фоне попыток оправдания действительных фашистов – бейтаровцев и иже с ними. Но вопросы остаются. И главный сформулирован в 1917-м Вертинским: «Кто послал их на смерть недрожащей рукой?». Ведь очевидно, что в сценарии провокации этим дисциплинированным и честным ребятам отводилась не последняя роль. А угрозы А. Дугина «посчитаться» со всеми, кто не признает «баркашовский» «новый порядок» («Завтра», № 18), лишь подчеркивают необходимость определиться: кто есть кто.

О том, что в дугинском «фашизме» нет ничего «русского», писали неоднократно. Оккультизм, немецкий нацизм (вплоть до прославления главного его идеолога – «мага», зоологического русофоба, сатаниста, гомосексуалиста Хаусхофера), сионизм. А критиковали его, между прочим, *только* из патриотического лагеря. И это в то время, когда «демократы» буквально задыхаются от собственных воплей о «русском фашизме»! Одного такого «союзника» было бы достаточно, чтобы поставить вопросы: а что там за кадром? А есть и другие загадки.

Прежде всего, что говорит сам А. Баркашов в интервью различным изданиям? В «Аль-Кодс» (№11), одной из набирающих силу газет, интервью берет известный журналист-патриот Александр Головенко. Естественно, ответы во многом зависят от вопросов. И на первый же – ответ, вынесенный в заголовок: «А была ли оппозиция?», и аргументы вполне в духе большевиков-ленинцев (что отмечено и Головенко): отсутствие широкой социальной базы, опоры на рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, молодежь.

И это оценка «Фронта национального спасения», не говоря уже о тех, кто что-то не поделил с «президентской командой». Но если это искренняя оценка положения (а она совершенно пра-

вильна и достаточно очевидна для многих), то зачем же было «браться за оружие» (плехановский упрек Ленину)? Ведь изначально было ясно и другое: «Белый дом» мог победить лишь не стреляя. Суть провокации и заключалась в создании впечатления, будто «защитники «Белого дома» начали *первыми*. Именно с этой целью палили по своим и по чужим так и не обнаруженные снайперы. А в детсадовских (или провокационных?) призывах вроде взятия СЭВа, мэрии, Останкина недостатка не было. (Об этом ценную информацию дает С. Говорухин в новых главах «Великой криминальной революции», печатаемых в иркутской газете «Земля» и др.)

Головенко не задал двух вопросов, интересовавших многих: кто пригласил А. Баркашова в «Белый дом» и как он оттуда вышел? Известный «правдист» Ф. Белолюбский уверен, что это сделал Баранников. (Большой материал на тему «Русский фашизм – миф или реальность» опубликовала «Лит. газета», № 18–19. В числе участников беседы были А. Бузгалин, Ю. Бородай, В. Максимов. Все они отмежевались от «русских фашистов», а Бузгалин предупредил Зюганова и Бабурина, что они «роют себе могилу», заигрывая с Жириновским.) Но вероятнее иное указание, исходящее от самого Баркашова. Тем более, что сделано это в газете «Завтра», где Баркашова более всего славят, и где он в последнее время постоянно выступает.

А. Проханов в аналогичной беседе с Баркашовым («Завтра», № 12) напомнил о радости, когда выяснилось, что «Баркашов не взят, Баркашов сидит в лесах, Баркашов уцелел». Ответа на второй вопрос здесь нет, но первый проясняется: Баркашов вспоминает о встрече с Прохановым за столом у Ачалова и объясняет свое поведение в «Белом доме»: «Лично я очень уважаю генерала Ачалова, у нас достаточно тесные дружеские отношения». (Кстати, и В. Куцылло обычно видела «баркашовцев» около Ачалова.)

А на второй вопрос Баркашов ответил корреспонденту АиФ В. Батуеву (№ 16):

— Я слышал, что многие соратники восприняли ваш побег как нарушение Кодекса чести и что покушение на вашу жизнь 20 декабря 1993 г. было совершено как бы в отместку.

— Не было никакого побега. Мы выходили все вместе, когда было принято решение прекратить сопротивление. Я сказал, чтоб меня арестовали вместе с Ачаловым, но офицер МБ заявил,

что у него нет приказа на мой арест, а своевольничать он не будет. И я вышел вместе со всеми.

А 6 октября, как сказано в том же интервью, он отмечал свой день рождения «на чужой даче в 20 км от Москвы». «Соратникам», и не только им, было о чем подумать: многие из них наверняка прочитали воспоминания популярного генерала об августе 1991-го, которые объясняют и его оценку событий Черного октября. К тому же рядовых «баркашовцев» зверски («ритуально», как сообщала газета «Русский порядок», № 9, 1 дек. 1993) убивали в «Белом доме» и не только там.

А. Лебедь пишет открытым текстом: именно Ачалов играл одну из главных ролей в спектакле в августе 1991 года. В. Куцылло напоминает о «большой буче» в связи с тем, что Хасбулатов взял себе в «военные советники» гэкачеписта Ачалова (указ. соч., с. 22). Удивляется, что «буча» ничем не кончилась. Видно, что Лебедя не читала. Хасбулатову же, похоже, эта информация не требовалась. Теперь Ачалов заявляет, что он больше не поддастся на провокацию. Интересно, кто же его провоцировал? И вообще, кто кого провоцировал? Так или иначе, но с восхитившим Проханова «полем чести» явно не все на месте.

Вопросы редактора «Завтра», однако, показательны (и поучительны!) в другом плане: в плане проявления взглядов главы «Русского национального единства». Они, оказывается, совсем не такие, какими показались Головенко. И это тоже загадка, зачем бы это перед каждым интервьюером говорить не то, что думаешь, а то, что от тебя хотят услышать? Приоритет же, конечно, должен быть отдан газете «Завтра», где «позитивная» программа выражена вполне отчетливо. И объединяет советников не только Ачалов и, видимо, не только Дугин.

Доверительная беседа редактора и политика дана, как обычно, под скромной рубрикой «Национальная элита». (От чувства превосходства над каким-то «быдлом» «наших» прямо-таки распирает.) Редактор сразу берет быка за рога: «Сама русская история пишет какой-то роман... Какой-то увлекательно-страшный мистический роман... Этот роман должен был закончиться трагически: кровью, бедой, стоицизмом, каким-то взрывом светоносной энергии». Похожий заход в беседе с Хасбулатовым («Завтра», № 18) отклика не получил, видимо, Хасбулатов даже и не понял, чего от него ждали. Здесь другое дело. Собеседник сразу соглашается: «События, которые у нас происходят, безусловно,

носят метафизический характер. Стараться примериться к ним, оценить с точки зрения политической выгоды почти бессмысленно. Многие, к сожалению, до сих пор этого не поняли и пытаются делать политические расчеты, прогнозы». Оказывается, «поиски политических альянсов приносили удовлетворение» лишь потому, что «было внутреннее чувство... что некая историческая мистерия происходит в России, и нужно искать друзей, стратегических союзников именно в том мистическом духе, которым пронизывалось это событие». В числе таких «союзников» оказывается и Ачалов.

Все критиковавшие «День» и «Завтра» за оккультизм (я в том числе), похоже, надеялись, что снятие покрывала устыдит заблудших. А критика воспринималась как комплимент: редактор и не скрывает, что газета является органом «духовной оппозиции» именно потому, что «победа, если мы ее достигнем, должна свершиться в области духа, как бы на небесах».

Редактор не сомневается, что у собеседника в тюрьме «наверняка были какие-то мистические состояния», «брызнула мистическая светлая энергия», видимо, та самая, которая в первом вопросе увязывалась с кровью и трагедией. Собеседник подтвердил: «на небесах» победа уже одержана. Осталось подождать, чтобы она реализовалась на земле. А на земле народ, по словам редактора, напоминает «спящего великана, который накрылся плащаницей, накрылся плащом». И снится ему «великое воспоминание, где много прекрасных таинственных состояний» и «такое же ослепительное, светоносное и прекрасное будущее». И т. п.

Собеседник чувствует то же: «Наш народ находится на каком-то рубеже, когда ему предстоит сделать прорыв... И с этим предстоящим великим делом связано то, что до сих пор наш народ молчал. Ведь, казалось бы, даже демократические политики удивляются: «Сколько же русское быдло можно не кормить, не поить и унижать! Ведь где-нибудь в Сальвадоре давно бы уже восстали, и не один раз, а русский терпит?». А все потому, что не социальный фактор будет главным в этом свершении. Прорыв будет именно в мистической, духовной сфере. Наш народ – необыкновенный... и поэтому на определенном рубеже политики уже не смогут влиять на общий курс, как бы они ни захотели... – от них ничего не будет зависеть. Это будет взрыв народного мистицизма, который и даст энергию для строительства государства».

Вопрос об истоках «строительной энергии» проясняет любопытнейшее наблюдение. Оказывается, этот год «особенно мистичен» и «будет решающим», так как «Православная Пасха совпадает с Вальпургиевой ночью, когда совершаются все самые оккультные магические операции».

Вот, оказывается, что разбудит «спящего богатыря». Вальпургиева ночь принесет «светозарную энергию», соприкоснувшись с православной Пасхой. Вальпургиева ночь (30 апреля) – наследие язычества некоторых европейских племен, отмечалась в Германии сатанистами как прямой вызов христианству. В эту ночь совершался главный шабаш ведьм и колдунов. «По колдовскому обыкновению, — пишет известный знаток оккультизма, — празднество начинается за час до полуночи. Великая жрица в распахнутом спереди газовом одеянии, имитируя полет ведьмы, появляется на месте с фаллоподобной ручкой. Голые колдуны, тоже с метлами и фонарями, танцующими шагами заключают ее в круг и принимают скакать, всячески высказывая свое безумное ликование. В надлежащий момент из тьмы и всегда неожиданно возникает великий жрец, держа в правой руке освященный меч и деревянный фаллос – в левой. В зависимости от необходимости он может явиться в козлиной маске или под другой устрашающей личиной. Обменявшись с партнером пятикратным поцелуем, великая жрица обращается с заклинанием к небу: «Страшный владыка смерти и воскрешения, владыка жизни, дающий жизнь, ты, чье имя есть тайна тайн, ободрь наши сердца! Засияй чистейшим светом в нашей крови! Принеси нам воскрешение! Нас нет вне богов! Снизойди, мы молим, на службу твоего и жреца». Обряд воплощения, если его решаются выполнить, предполагает любовное соединение жреца и жрицы. Церемония освящается трапезой, пародирующей христианское причащение». И т. д. Посвящается все это лунной богине, причем в ритуальную пищу включается и человечина (*Парнов Е.* Трон Люцифера. М., 1985. С. 291). Иные подробности в обилии рассеяны в книгах Г. Климова – в обычном контексте сатанизма и вырождения, «Сатаны с точки зрения диалектического материализма».

Вальпургиева ночь и Пасха прошли, а «спящий богатырь» пока не думает просыпаться. Да и как проснуться, если и справа, и слева ему вливают одуряющие наркотики? Головенко в беседе с Баркашовым особо выделил «знак Богородицы», видимо, восприняв его как христианский. А «Богородица» здесь из той же

системы, что и Вальпургиева ночь. А. Дугин запугивает: «Кровь «баркашовцев» заставила сиять новым чистым светом богородичную звезду их униформ и покушение на их эмблему отныне должно рассматриваться как святотатство». (Патриоты в Думе, по Дугину, «отбросы оппозиции».) По Баркашову, «звезда Богородицы» «у древних русов означала присутствие Главного божества». Но у индо-арийских племен главным было не женское, а мужское божество. (У русов это – Сварог, бог неба.) Само родство у них считалось по мужской линии, а отклонения от такой «нормы» требует специального исследования и объяснения. В частности, славянское язычество заметно отличалось от «русского» (в том числе и в отношении к материнскому началу). Но это специальный разговор, требующий профессионального подхода. В данном случае важнее подчеркнуть другое: предлагаемое язычество ни с русским, ни со славянским не связано.

В последнее время вышло много работ, посвященных оккультной стороне «третьего рейха», нацистской псевдорелигии «сверхчеловеков», соединившей разные культы, близкие Вальпургиевой ночи, с добавлением тибето-гималайских. Именно эту «религию» настойчиво пытаются доказать «спящему богатырю» «День» и его филиал «Элементы». И, к сожалению, не только они. В журнале «Атака», выходящем с эмблемой свастики, А. Широпаев требует отказа от «славянищины» и признания себя северным арийским племенем (№ 12, с. 36–37). Может быть, «спящего богатыря» и будить не надо, пока он во сне не овладеет немецкой речью? Только ведь из того, что исконные русы до ассимиляции со славянами имели свой язык, не значит, что он был германским (в «русском» именослове X века нет ни одного германского имени!). Игорь Дьяков в брошюре «Третий рейх: взгляд из Хазарии» буквально воспекает немецких нацистов. И это при том, что из 30 млн. погибших в последней войне (точных данных нет) примерно 25 млн. приходится на русских, а многочисленные нацистские инструкции предписывали уничтожение всех русских. И какую же «породу» собираются выводить «евгеники» из партии Баркашова?

В беседе с корреспондентом «АиФ» Баркашов, признавая себя национал-социалистом, не без оснований пояснил, что ни в национализме, ни в социализме нет ничего криминального. Оборонительный национализм и оправдан, и благороден. Другое дело, что в Германии он никогда не был оборонительным, и

никакого «социализма» не может быть на расово-окультурной основе. Баркашов же, как можно было видеть из его слов, «социальному фактору» не придает особого значения и «национализм» его вовсе пока не русский в своей основе. Он даже и не германский, хотя и заимствован у немецких «мистиков».

С. Рябков – лидер череповецкого отделения Конфедерации свободных профсоюзов России, сотрудничающей с РНЕ Баркашова, – на вопросы корреспондента «Известий», пугающих угрозой «русского фашизма», ответил: «Дури у «баркашовцев», конечно, много». И далее верно говорит о приниженном положении русских в своей стране. («Известия», № 87). Если бы только «дурь». Глубоко права С. Кравченко: «Наши» из «духовной оппозиции» совсем не наши. И дело не в том, что они «по крови» не русские, как представляется П. Пересвету (брошюра «Враги» и др.). Дело в том, что они не русские по духу. И пока «духовная оппозиция» ждет пробуждения Вальпургиевой ночью, вливая растерянному народу очередные порции мистического наркотика, президентская команда может спать спокойно. Американские советники президента (Годдард и К°), нанятые за наш счет довести дело до конца, к мистике ни в коей мере не склонны. Они понимают, что миром правят голод, секс и страх (журнал «Элита», вып. 1, осень 1993 г.). Голод организован разрушением агрокомплекса, секс заполнил все телевизионные программы, страх возбуждается процветающими под крылом властей мафиозными структурами, демонстрацией американских боевиков, в том числе немыслимой даже для колоний трансляцией американской компанией расстрела «Белого дома». И никакой мистики: все точно рассчитано, деньги получают не зря, деньги, таким образом, «делают» деньги.

КОМУ ОТКРЫТЫ ДВЕРИ ХРАМА СОЛОМОНА?*

Ныне Россия – свалка не только радиоактивных отходов, но и, как заметил А. Калинин в «Комсомольской правде» (19.04), «всякого религиозного мусора». Действительно. Сплошные «концы света», на которые кто-то не жалеет миллиарды и кото-

* Опубликовано в газете «Литературная Россия», 1995, № 35.

рые «готовятся» на манер «Белого братства» или «АУМ синрике». Более 12 тысяч сект только зарегистрировано! Примерно столько же действует без регистрации. И реакция властей на этот ускоренный «процесс» поистине загадочна и странна.

Понять население нетрудно. Государственные, национальные и социальные идеалы разрушены и опорочены. «Общечеловеческие ценности» и «новое мышление» исключают вообще и духовность, и культуру. А дикий рынок знает только биологическую природу человека, то, что издревле человек человеку – волк. Дабы выжить в этой войне всех против всех приходится волкам и волчатам сбиваться в стаи. Это мы и видим по всему «постсоветскому пространству». А что же реформаторы? Недоглядели? Или к этому и стремились?

Сейчас в предвыборном возбуждении прорываются скрываемые ранее факты и выносятся нелицеприятные оценки. А. Быстрицкий в отнюдь не радикальной «Литературной газете» (№№ 18–19) не без иронии определяет исходную позицию для соискателей: страна, мол, ничего кроме сырья не продает, выручка делится между Бог знает кем. «Все м заправляют мародеры, а прочие с завистью на них глядят». На брифинге в МВД в апреле назвали цифру ушедших за кордон безвозвратно долларов: 80 миллиардов. На «деревянные» это 400 триллионов. То есть почти столько же, сколько реформаторы украли у населения в ходе гайдаризации. И сам автор проекта «500 дней», которые должны были потрясти Россию, – Г. Явлинский – в ходе однодневного визита в США обвинил в разрушении науки и образования Ельцина и Гайдара. Он отметил, в частности, что на образование ныне отпускается в 10 раз меньше средств, чем в СССР, зато количество чиновников выросло в те же 10 раз («Известия», 08.06). Впрочем, А. Мурашев уверен, что в борьбе за власть Гайдар и Явлинский будут вместе («АиФ», №24). Очевидно, разграбление страны и десятикратное увеличение численности мало работающих, но много поедающих, – процессы параллельные и взаимосвязанные.

Архитектор перестройки А.Н. Яковлев в интервью «Шпигелю» высказал опасение, как бы к власти не вернулись коммунисты вместе с патриотами. Он убежден, что коммунисты управлять не умеют, и этим развеселил даже вполне лояльную к мародерам «Вечерку» (09.06). И в самом деле. Разве не член Политбюро КПСС тов. Яковлев выглядывал из-за спин тов. Гор-

бачева и тов. Ельцина? Да и все господа, мародерствующие ныне по окраинам Союза, – бывшие товарищи, воспитанники главного коммунистического идеолога. А вот как они сумели из борцов «за дело народное» так круто перестроиться, – вопрос интересный. Два десятка тысяч сект – это для ограбленных и воришек мелкой руки. Большому же кораблю – большое плавание. Опрокинуть вторую сверхдержаву мира могла только организация мирового уровня.

О том, что это за организация, было известно, по крайней мере, с начала нашего века. Но в апологетической и критической литературе изначально звучал такой разнобой, что даже специалистам трудно было разобраться: что же это такое? А после 1917-го тема почему-то упорно замалчивалась, хотя, казалось бы, почему не использовать столь выигрышный аргумент в идеологической борьбе против главного врага – империализма? Нет. В учебной и справочной литературе настойчиво повторялось, что масонство – некое допотопное увлечение наивных чудаков вроде Пьера Безухова. Лишь взрыв активности сионизма в 60-х – начале 70-х годов, приведший к редкому для нашего времени акту – осуждению его ООН как «формы расизма и расовой дискриминации» (1975), вывел и на другую всемирную организацию, близкую уже по названию: «вольные каменщики – строители храма Соломона».

Наиболее значительный материал дала тогда книга Н.Н. Яковлева «1 августа 1914» (М., 1974). Она прошла, видимо, на волне критики А.Солженицына, но автора явно больше интересовал не «август», а «февраль» 1917-го. И удивил не столько сам материал, сколько реакция на книгу тогдашних «идеологов», курсировавших между «Академиями» и «Старой площадью». Посыпались те же обвинения, что и ныне: «черная сотня», «фальсификация». Только вместо «разжигания межнациональной розни» страшили жупелом «внеклассового подхода». Стало ясно, что «братья-каменщики» и у нас свили гнездо где-то на самом верху, и руководствуются они совсем не «Постановлениями ЦК КПСС», хотя размеры раковой опухоли не осознавались даже специалистами. Книга турецкого автора Хасана Джема (Стамбул, 1976) «Масоны в Турции и в мире» не сразу была замечена блюстителями идеологической чистоты, и по рукам пошел список советских масонов. Он впечатлял. (Анализ его дан в книге А.М. Иванова «Логика кошмара». М., 1993.) Но в нем отражалось положение 50-х годов. А

более свежего материала не было. Справка КГБ об «агентах влияния» того же времени, похоже, не вышла за пределы Политбюро.

Репрессии «сверху» выражались в обычной форме: снятии материалов. И неизвестно, какой размах приняла бы эта компания, если бы не разразившийся в 1981 году международный скандал с итальянской ложей «П-2». О масонстве пришлось писать снова. Выплеснулась масса фактов, роднивших эту структуру с фашизмом. Оказалось, что Муссолини и другие высшие чины итальянских фашистов были масонами высоких степеней посвящения, в глубоко укрытых масонских структурах состояли и идеологи немецкого нацизма. Книга Н. Берберовой «Люди и ложи» (Нью-Йорк, 1986) поставила точку и в полемике вокруг Временного правительства: масонами были все его члены (автор делала исключение для П. Милюкова, хотя по другим данным он был масоном, видимо, невысокого «градуса»).

Книга Н. Берберовой особенно ценна именно тем, что к масонству она относилась с безусловной симпатией. Примерно тем же ценны и книги Е. Парнова («Ларец Марии Медичи», 1972; «Трон Люцифера», 1985 и др.). Скажем, он с полным пониманием относится к традиционному правилу всех тайных структур: «Клянитесь и лжесвидетельствуйте, но сохраняйте тайну». И, конечно, со времен Шумера осознавалась роль СМИ – жреческих каст, обслуживающих власть. Они всегда выполняли двойную функцию: что-то пропагандировали и что-то, опасное для власти, укрывали от «быдла», «профанов». Чем дальше от народа власть, тем больше у нее от него тайн. А иерархия «степеней посвящения» предполагает, что и задействованные в механизме власти «винтики» далеко не все должны знать. Упомянутый разноречивой оценок в большой мере зависит именно от «степени посвящения» и уровня понимания этого у критиков.

После августа 1991-го из подполья выплеснулись весьма зловещие силы. Началась бурная компания за легализацию гомосексуализма, и скоро статья, предусматривающая уголовное наказание извращенцам, была отменена высочайшим указом. А весной 1992 года журнал «Москоу Мэгэзин», где в редколлегии М. Полторанин, О. Попцов, Г. Бурбулис, Г. Явлинский, проинформировал Европу, что «по крайней мере, семьдесят процентов мужчин в кабинете президента Б. Ельцина – гомосексуалисты» (апрель–май, с. 47). И это была, конечно, именно реклама. Первый номер журнала «Элита» (1993), где в редколлегии зна-

чится и Е. Гайдар, тоже пронизан этой жгучей темой. Оказывается, специальная комиссия в США дала рекомендацию Конгрессу работать с Ельциным через Г. Бурбулиса, поскольку он «обладает чертами анального характера и, по всей видимости, является латентным гомосексуалистом». С ним и подписала контракт американская фирма «Годдард и Клаусен/Ферст Тьюздей» «о проведении политической кампании в поддержку Бориса Ельцина накануне референдума», а затем «вновь взялся проводить президента по скользким склонам власти» (из беседы А. Чеснокова с Годдардом).

На этом фоне сущей безделицей выглядит честь, которой был удостоен «всенародно избранный», получив звание «рыцаря-командора Мальтийского ордена – элитарной масонской организации – за три недели до «Беловежской пуши». Запрещенный у нас в 1801 году орден был признан на государственном уровне.

Из этого, впрочем, не следует, что монарх вполне сознавал, куда его ввели (ритуал был довольно странным, как бы домашним)*. Вряд ли он вник в этот вопрос глубже, чем в тонкости, скажем, христианства, разъяняя владыкам, что именно на Пасху Христос родился. Но в политике всегда интересней не то, что в кадре, а что за кадром.

С августовским ветром перемен в Россию устремились всевозможные «фонды», «ассоциации», «клубы». Теперь уже легально регистрируются и масонские ложи. Начинается борьба с «русским фашизмом». По требованию авторов позорно знаменитого письма («Известия», 06.10.93) командор издал указ № 310, кото-

* На самом деле, Ельцина приняла в свой «мальтийский орден» экстрасенс и «ассирийская царица» Джуна (Давиташвили). Однако тонкости взаимоотношений католического (можно ли при этом быть масонским?) Ордена св. Иоанна Иерусалимского и более чем 70 фальшивых (самозванных) «орденов» малоизвестны в России. Павел I, убитый масонами в 1801 г. (убийство было профинансировано английским правительством), дал убежище Мальтийскому ордену и был его Великим магистром. В 1803 г. Орден перебрался в Италию, а в 1810 г. Александр I объявил о прекращении существования Ордена в России. Во многих масонских ложах имеется степень посвящения «рыцаря Мальты», что вводит в заблуждение некоторых исследователей по поводу самого Мальтийского ордена. Мальтийский орден и масоны – антагонисты. Так, в 1799 г. из-за заговора масонов Орден потерял Мальту и был на грани ликвидации (его спас Павел I). – *Ред.*

рым предписывалось повести решительную борьбу с фашизмом, а Академия наук получила задание дать в двухнедельный срок определение того самого, с чем надо бороться.

Наказ, конечно, в духе всей нашей бананово-опереточной политической жизни. О фашизме написано более 50 тысяч работ, предложено более 200 определений, поскольку много и вариантов фашизма, и желающих использовать слово как ругательное в адрес оппонентов. Но в «недоработанности» президентской команды заложена и определенная хитрость. Задание вроде бы выполнено, а в кого стрелять – будет видно. Важно, чтобы боялись.

А выданное Академией определение заказчикам, похоже, не понравилось. Фашизм был определен как «идеология и политическое движение», которое отличает «культ личности, вождизм, крайний национализм и шовинизм, посягательство на национальное равноправие». «Вожди» ныне именуются президентами, как капли воды похожи друг на друга. Шовинизм и национализм расцвели по всем бывшим союзным и автономным республикам, принимая форму оголтелой русофобии. И это при том, что бывшие «младшие» по-прежнему живут, объедая и обворовывая «старшего», так и не сумевшего стать «равным среди равных».

Г-жа Новодворская в интервью «Свободе» и Б. Ноткину незря волновалась, что указ № 310 может быть повернут и против таких, как она. Еще до указа на парламентских слушаниях по этому вопросу (14.02) борцам с «русским фашизмом» нечего было возразить депутату Ю. Иванову, заметившему, что «у Новодворской фашистского больше, чем у Баркашова». И президент вправе обидеться, усмотрев в определении осуждение его деятельности, идущее и слева, и справа. Но хотя «вождь» и звучит по-немецки «фюрер», одиозный характер понятию придает содержание идей, для осуществления которых создаются «вождистские» структуры. Мы сейчас буквально изнываем не от избытка, а от катастрофического недостатка вождей, способных мыслить государственно, предложить созидательные идеи. Ломать же, как известно, не строить: ума много не надо.

Как было замечено, практически все фашистские режимы выросли из масонских структур. Очень похоже, что вся демагогическая шумиха вокруг «русского фашизма» (никакой иной «демократов» не волнует) направлена на отвлечение внимания от действительного фашизма или чего-то худшего. Т. е. фашистами назовут тех, кто всерьез замахнется на власть мародеров.

В связи с разоблачением деятельности ложи «П-2» в Италии была очень популярной аббревиатура МММ: масоны – мафия – мисини (фашисты). Поскольку фильм «Спрут» у нас все смотрели, нашим младомасонам приходится особенно стараться, чтобы не попасть под действие указа № 310. А саморекламу их можно теперь увидеть и на телеэкранах, и в печати.

В «Известиях» (04.04) опубликована беседа Н. Бурбыги с новоиспеченным масоном подполковником Владимиром Коваленко. Он член ложи, открытой три года назад «национальной ложей Франции». Знает он и еще о трех ложах, «в которых преобладают ученые, врачи, журналисты, коммерсанты и военные». Корреспонденту «вольный каменщик» разъяснил, что «масонская ложа – это демократическая организация, куда принимают независимо от сословия, национальности, вероисповедания и положения в обществе. Однако это должен быть человек, свободный от предрассудков, честный и бескорыстный, не имеющий уголовной судимости и отношения к расизму или фашизму». В общем, Личо Джели в эту ложу не приняли бы. А чем же занимается эта «демократическая организация»? Оказывается, «масонское учение... предполагает, что божественная истина была утрачена людьми и масоны находятся в постоянном поиске этого утерянного слова». Иными словами, всего лишь одна из тысяч оккультных сект. А на коварный вопрос корреспондента – «Существует ли некий мировой центр, который управляет масонами?» – следует уверенный ответ все постигшего каменщика: «Никакого такого центра не существует».

Дм. Радышевскому из «Московских новостей» (№ 21) повезло больше: его собеседник, американский «грузиномасон» Георгий Меписашвили, не был скован указом № 310 и представил более сочную картину, нежели его московский собрат. По «главному вопросу» – никаких лжесвидетельств: «Масоны проводят и мировые конгрессы, в которых принимают участие равноправные делегаты. Но тайное правительство – бред». Видимо, откуда-то с неба поступает сигнал, и все «равноправные» устремляются к назначенному месту. Признается, правда, что хотя это «не тайное общество», однако «общество с тайнами». А занимаются они (в отличие от московских братьев) «благотворительностью, у них есть свои больницы, детские сады, богадельни». Видимо, в силу сложности задачи, «чтобы иностранцу стать членом американской ложи... он должен быть или очень богат и знатен...

или на редкость талантлив и неординарен». Корреспондент сразу догадался, что «грузиномасон» из тех, кто «на редкость». Он «президент ассоциации Георгия Гурджиева, знаменитого мистика XX века... В Тбилиси он возглавлял ассоциацию оккультистов». Да и в Москве поднабрался – в Литинституте в семинаре у Анатолия Жигулина. В общем, свой в доску. Да и вождам «Оккультного рейха» вполне подошел бы: Гурджиева там более чем чтители. Сближает с последними и еще одно обязательное условие: «кроме высоких морально-кредитных качеств» масон должен «обладать хорошей памятью», так как «необходимо запоминать на староанглийском метафорические тексты». И тогда, «начиная с 3-го посвящения, ты можешь войти в любую ложу на земле и будешь принят как брат: где бы ты не оказался, тебе помогут и защитят. При встрече масон узнает масона с помощью символических слов, рукопожатия и знаков», которых нет в книгах и справочниках. Корреспондент недоумевает: «Почему все-таки в России... такая ненависть к вашему сообществу? Ведь масонами были император Павел I, декабристы, Кутузов, Тургенев...». Оказывается, «потому что в России масонство было радикальным, социалистическим».

Открытие тысячелетий. Темные аборигены ни за что бы не догадались, что родоначальником «русского социализма» являлся Павел I! И что-то похожее в Италии: здесь «масонские ложи тоже были очень сильно связаны с политикой». Другое дело США. Никакой политики. «Это своего рода бизнес-клуб, где совершаются сделки между своими». Ну а президенты-масоны просто воплотили «масонские идеалы в жизнь, в общественные отношения, в государственную систему».

А в одном, как выясняется, важном для масонов деле «грузиномасон» заметно уступает англосаксам: он выпивает только 12 рогов, тогда как в нью-йоркской Гранд-ложе «под звуки вольнки старые англосакские масоны поднимают традиционные 42 тоста». Видимо в соответствии с градусом. Вот и все масонские секреты. А о секретах двух близких по духу изданий, умильно рекламирующих «вольных каменщиков», поговорим чуть позже.

Поиски кремлевского золота после августа 1991-го на время приоткрыли архивы, в том числе ранее тщательно скрывавшийся масонский (именно французский). На его основе О. Платонов опубликовал целый ряд статей в разных изданиях. На читателя обрушена огромная информация. Некоторые очерки великолеп-

ны и с точки зрения решения спорных проблем. К таковым, в частности, следует отнести убедительный материал «Почему не могло победить белое движение» («Литературная Россия», № 12, 1995). Но излишняя прямолинейность оценки: «масон» – враг России, разрушитель – вызвала возражения не только в лагере апологетов. В гротескной форме этому пониманию противостоит трактат В. Мاستратова «Мы – масоны» («Молодая гвардия», № 12, 1994), где масоны – массовая патриотическая организация. Версия, разумеется, совершенно фантастическая. Больше резона в замечаниях В. Пруссакова («Аль-Кодс», № 28, 1994). Автор указал на тенденциозность противопоставления масонов монархистам, поскольку и цари с их окружением тоже в большинстве были масонами.

Прав В. Пруссаков и в том, что патриотам следует «почистить» собственные ряды, указав на прославление «духовной оппозицией» западных масонов (и неонацистов) вроде Ю. Эволы. Правда, М. Ковалевский в этой связи назван напрасно: теоретиком русского национализма был П. Ковалевский. Но главное обозначено верно: оппозиция весьма рыхла и в плане идейном, и составом лидеров. А масонство не оставит вне поля зрения ни одно серьезное течение и обязательно будет иметь в нем своих людей. Хотя бы для информации. И с прицелом возглавить его (или развалить).

Но и «независимый взгляд» В. Пруссакова вызывает возражения. Определение «враги рода человеческого» (а не России) к структуре, может быть и подойдет, но к персоналиям следует подходить избирательно. И дело не только в степени посвящения. Многие масоны, даже высоких градусов, ненавидели и ненавидят эту организацию, но не могут ни выйти из нее, ни тем более вступить с ней в борьбу. Ныне, пожалуй, без санкции масонов высших степеней ни бизнесменам, ни политикам не пробиться. Поэтому за «мальтийских рыцарей» как-то и обидно: не пустят ведь их далее лакейской.

Мир искусства (Гете, Вольтер и др.) обычно привлекается в качестве рекламных щитов. Их ни во что не посвящают: создают рекламу и используют как рекламу. А освободиться от уничительной роли далеко не просто. У нас писали, что трагедия Пушкина связана с такого рода попытками. Показательна судьба еще двух писателей, заглянувших в переднюю масонского храма и хлопнувших дверью: Радищева и Карамзина. Оба ско-

ро поняли, куда попали. И обоих масоны шантажировали до конца дней. Бессмысленно винить в принадлежности к «братству» и Суворова с Кутузовым: когда цари – масоны, выбора у них практически не было.

А масонство Америки и России все-таки не одно и то же. Русское масонство, справедливо отмечает О. Платонов, было во все времена филиалом «орденов», центры которых находились вдали от России. Масонство могло быть «западническим», оккультно-восточным, «евразийским», но всегда не русским. В Америке же это едва ли не главный инструмент утверждения «нового мирового порядка».

В публикациях О. Платонова ценны указания на разнообразные «фонды», широкой сетью раскиданные вокруг масонских лож. Обычно это открытые общества, где могут собираться и с «градусом», и без «градуса», и под «градусом». В подобных организациях и осуществляются «смотрины» новых кандидатов, «свободных от предрассудков» и готовых искать «утраченную истину».

В. Пруссаков склонен большее значение придавать оккультным сектам, полагая, что «подлинная власть помимо финансовой мощи требует знания оккультных тайн, недоступных пониманию профанов». Но оккультизм в масонстве все-таки не для верхов, а для низов. Стратегические задачи устроители «нового мирового порядка» ныне выражают на цинично прагматичном языке, без какого-либо мистического налета. Другое дело, что можно выйти на след, соединяющий разветвленную структуру власти и масонства с паутиной оккультных сект. Ведь и наша околуправительственная политическая элита оказалась запутанной этой паутиной. Связь властных структур и СМИ с сектой «АУМ синрике» – не просто скандал. Это национально-государственный позор. Даже «Известия» (18.04) ерничают по этому поводу, смакуя (правда, без должного основания) имена Руцкого, Коржакова, Грачева. И еще опаснее и безобразнее не менее представительный круг почитателей «мунизма», о котором был развернутый материал в «Совершенно секретно» (№ 3, 1995).

«Церковь Муна», или лучше «империя Муна», сообщается в газете, «состоит из машиностроительных заводов, гостиниц, банков, кораблей, военной и автомобильной промышленности, средств массовой информации. Его рабы собирают деньги на улицах по пятнадцать часов в сутки, торгуют втридорога мелким товаром, скрывая свою принадлежность к секте». Поскольку

«империя» укрывалась от налогов, конгрессу США пришлось провести слушания «по Муну». Выяснилось, что «первые его шаги оплачивало Центральное разведывательное управление Южной Кореи». Но именно «первые». Для того, чтобы выйти сухим из воды в Америке, Муну, очевидно, потребовались более высокие покровители. Достаточно сказать, что Муну принадлежит газета «Вашингтон Таймс».

Сектанты и оккультисты вообще отличаются крайним фанатизмом (с соответствующим нарушением психики). И «мунисты» «готовы отдать жизни для установления власти Муна над миром». Именно в этом и заключается «официально объявленная цель «Церкви Муна».

Почерк действий Муна до боли знаком: «Им не нужны миллионы и демонстрации. Им нужно влияние. Влияние скрытое, тайные организации, способные заниматься всем вплоть до подрывной деятельности. В работах Муна есть понятие «ключевые фигуры» – вот к ним они ищут пути. Как только начались реформы в Восточной Европе, Мун написал: «Возможности в Восточной Европе поистине безграничны. Кто-то унаследует посты в рухнувшей коммунистической империи. И дефицит здесь – вожди. На период 90-х годов мы должны ориентироваться на это».

Впрочем, и миллионы им тоже нужны: на приглашение трех тысяч российских студентов в Америку «Мун выделил 6 миллионов долларов, но он не бросает деньги на ветер – он планирует их вернуть с прибылью. Затем в России арендуются квартиры, конторы, дворцы культуры для мероприятий, спорткомплексы, арендовался даже Кремлевский Дворец съездов. В лучшее время на пять месяцев были арендованы престижные санатории Крыма, где проводились «семинары» для работников просвещения с оплаченным проездом в оба конца и банкетами в ресторанах. Таких семинаров проведено сотни. На них побывало более шестидесяти тысяч преподавателей высшей школы и учителей... Российское министерство образования поддерживало эти мероприятия! Популярность семинаров Муна такова, что в одной Москве на участие в них было подано семнадцать тысяч заявок».

Очень ценна информация – за какими «вывесками» прячутся «муниты»: «Международный фонд помощи и дружбы», «Международный культурный фонд», «Международная конференция по единству наук», «Ассамблея религий мира», «Религиозная молодежная служба», «Совет на высшем уровне в защиту мира во

всем мире», «Международная ассоциация деятелей искусств», «Международный фонд образования» и др. И поистине сенсация: «4–7 октября прошлого года в одном из санаториев бывшего ЦК под Москвой проходила конференция мунистов совместно с Высшей гуманитарной академией Вооруженных сил России! Вооруженные силы представляли генералы А. Зускевич и Н. Халдимов... Было решено, что муниты подготовят учебник под названием «Внутренний мир солдата».

В материале «Совершенно секретно» названы и конкретные имена политиков, работающих на «империю Муна». Это прежде всего Горбачев, можно сказать, введший Муна в Москву и принимавший его, будучи еще президентом. Многие сотни тысяч долларов затем поступили в «Фонд Горбачева» именно от Муна. «Орден Муна» в свое время приняли член Политбюро Яковлев, член Президентского совета, вице-президент АН СССР Осипьян и секретарь ЦК Фролов». «На деньги Муна в роскошные поездки по США прокатились несколько групп парламентариев СНГ, в каждой группе – двести человек. Год назад в Сеул по приглашению Муна прибыли Горбачев, бывший председатель ВС Белоруссии Шушкевич, премьер-министр Киргизии А. Юмагулов и бывший мэр Москвы Попов».

И, конечно, не обходится без «независимой прессы». Выше были названы два издания, рекламирующие масонство. Так вот у Муна «гостили редактор «Известий» Голембиовский и главный редактор «Московских новостей» Лошак. Надо заметить, что «Московские новости» приняли от «Церкви Муна» 100 тыс. долларов». Текст иллюстрируется фотографией умильной сцены – «в гостях у Муна». За спиной у счастливой четы Мунов стоят также довольные жизнью журналисты Г. Резниченко, Г. Шевелев, В. Лошак, А. Егоров, С. Морозов, И. Голембиовский и А. Шальнев...

И что же делать? – обычно спрашивают «профаны». Да ничего особенного. По оценкам борцов с «русским фашизмом» не более 15 процентов русских ощущают себя таковыми. Остальные в безнациональном сомнамбулизме. Когда чудо прозрения охватит не 15, а хотя бы 30 процентов – вся нечисть быстро сойдет в дальнее зарубежье. А указ №310 очень даже может пригодиться. Достаточно возбудить 10 млн. дел по фактам русофобии (а им, как всем известно, несть числа) и ситуация изменится на 180 градусов. Это ведь по нашей славянской застенчивости ст. 74 используется против нас и только против нас.

РОССИЯ В ОККУЛЬТНОЙ МГЛЕ, ИЛИ ЗАЧЕМ «ЕВРАЗИЙЦЫ» МАСКИРУЮТСЯ ПОД РУССКИХ ПАТРИОТОВ*

Всем памятен образ Уэллса: Россия во мгле и мечтатель в Кремле. В Кремле и тогда были не все мечтателями. Ныне же – только деловые люди. Без мировой и гражданской (пока еще) войны Россия стремительно погружается во мглу, а из Кремля несутся бодрые голоса: все хорошо, так и задумано. Наверное, действительно, так и задумано. Недавно «Нью-Йорк таймс» в материале из Москвы процитировала высказывание западного дипломата: «Русские политические деятели вечно путают приоритеты. Они настолько поглощены борьбой за власть, которая в значительной мере сводится к обладанию дачей и автомобилем, к заграничным поездкам и доступу к твердой валюте, что фактически не отдают себе отчета в том, что экономика находится на грани краха» («Недельное обозрение», 1992, № 12).

Подобных материалов «там» выходит немало. В США вышла даже книжка, поясняющая, сколько надо *давать* российским чиновникам при заключении сделок. Книга и у нас могла стать бестселлером: даже бывший мэр Москвы Г.Х. Попов жаловался, что не знает, сколько давать, и предложил научно обоснованную норму – 15 процентов. Мэрам же, конечно, чаще приходится не давать, а получать: о подвигах на этом поприще и прежнего, и нынешнего мэров тоже писали и здесь, и «там».

Под статью экс-мэру и. о. премьера, буквально провозгласивший, что «спекуляция – это нормальная форма становления рыночной экономики» («Правда», 8.10.92). «Нормально», очевидно, и то, что подчинена эта «форма» мафиозным структурам, а также то, что на 90 процентов спекулируют краденым. Видимо, «нормой» является и тот вид «деятельности», который описан в статье О. Кармазы «Детский труд в России: проституция» («КП», 10.10. 1992). И самое отвратительное в этом страшном материале – это и размах детской проституции, и то, что растлители малолетних никаких наказаний ныне не несут.

* Опубликовано в журнале «Молодая Гвардия», 1993, № 2.

Западный дипломат, конечно, лукавил, представляя наши власти туповатыми ворюгами, не думающими о последствиях. Ему наверняка известно, что только в штате Теннесси московская мэрия купила 1 200 га земли и возводит тысячу коттеджей, что десятки миллиардов долларов переводятся в зарубежные банки, что лишь четверть «нефтяных» денег остается «в этой стране», где пока еще правит «англоязычная команда» (отнюдь не «мальчики в коротких штанишках»!).

Взрыв, конечно, будет. Его давно ждут власти предрержащие. И, к их удивлению, взрыва все нет. Народ, многократно ограбленный своими правителями, безмолвствует. Неужто не стыдно хотя бы? Или оттого и молчит, что стыдно? Редкие всплески раскаяния бывших «защитников Белого дома» не меняют общей картины оцепенения и растерянности. Впервые за всю историю Россия вымирает в условиях мирного времени, как бы откликаясь на пожелания заокеанских советников сократить население страны вдвое, а народ, и вымирая, молчит.

Что же произошло? Почему народ, совершивший некогда три революции за 12 лет, ныне не может защитить себя от паутины мафиозных структур? Вопросы эти встают перед многими, с ответами же дело обстоит хуже. Председатель Черемушкинского райсовета Сергей Пыхтин справедливо замечает, что «самые отчетливые разоблачения коррупции московской администрации не оказывают влияния на общественное мнение. «Поток и разграбление», учиненные в Москве новым классом администраторов, воспринимается массой людей как само собой разумеющиеся действия, «обывательски привычные». Верно и то, что «если почти всем нам свойственно «тащить» по мелочам, то им прощается то же самое, но совершаемое всего лишь в увеличенном масштабе» («Советская Россия», 17.10.92).

Действительно, «поток и разграбление» идут и сверху, и снизу. Под Москвой вырубают леса, отдавая «ничьи» земли нуворишам, у огромного города отнимают уже и воздух, разворачивается самозахват земель (со ссылкой на «рекомендации» Попова), а иным политикам кажется, что власть не в силах справиться с ростом преступности. Все понимают, что социальной базы у нынешней власти нет (привычка мыслить марксистскими формулами!), а антиобщественные элементы вроде бы и не в счет. Между тем этого оказывается за глаза достаточно. Пока этого не осознают «социальные» слои, власть будет чувствовать себя бо-

лее уверенно, нежели в любом «правовом» государстве: ведь в условиях нарочитого беззакония законных путей для смены власти попросту не может быть. И, оставляя граждан самим разбираться с бандитами, власть лишь осуществляет старый принцип: разделяй и властвуй. Похоже, оппозиция в этом до конца не разобралась, а потому президент мог, со своей стороны, заверить чуть-чуть напуганных сотрудников «Останкино», что и у них нет сколько-нибудь широкой социальной базы.

Что поднимало людей на борьбу в начале века? Вера в возможность социальной справедливости. На выборах в Учредительное собрание осенью 1917 года почти 90 процентов избирателей отдали голоса социалистическим партиям. Что привело к нынешней безыдейности и бездуховности, несмотря на крутой поворот в сторону религии? Разочарование в идеалах, скомпрометированных правителями. Никто уже и не хочет разбираться, почему идеалы не сработали, почему у власти оказалась та часть партийно-хозяйственной верхушки, которая жаждала обнажить накопленные и привороженные за десятилетия богатства и вкупе с транснациональными компаниями готовила переворот. Исподволь разрушались прежние идеалы. Место государства и общества занял «суверенитет личности», место социальной справедливости – «рынок», во всей его дикой античеловеческой свирепости. Можно только удивляться, с какой легкостью наша самая читающая в мире интеллигенция заглотила отраву: ведь «суверенитет личности», помноженный на «рынок», – это общество, в котором «человек человеку – волк». Об этом давно и многие писали.

На вопрос «кто виноват» – ответ уже есть. В печати много сказано о вине интеллигенции: она привела нынешний режим к власти. К сожалению, в природе интеллигенции – стремление к «суверенитету личности». Между тем вне общества и государства ей вообще делать нечего. Дикому рынку она не нужна. Пренебрежение нынешних рулевых к науке, образованию, культуре – закономерно, и это легко было предвидеть. Ведь ничего, кроме «дай порулить», в потоке демагогии «демократов» и не было. В природе же интеллигенции и стремление перекладывать свою вину на кого угодно. И жалко ныне выглядят те интеллигенты, кто все еще числит себя в рядах «защитников Белого дома», выдавая тем самым либо корысть, либо нечто еще худшее. В целом интеллигенция от шока еще не оправилась. Рабочий же

класс, всеми обманутый, естественно, никому не верит. К тому же, как было сказано Маяковским, «ну а класс-то жажду заливает квасом?...». Нет, конечно. Принцип «разделяй и властвуй» и здесь пока срабатывает. Пока потенциально наиболее опасную для властей часть рабочих подкармливают за счет обнищания учителей, ученых, работников культуры, пенсионеров. А последствия грядущей безработицы еще не осознаны.

Не на уровне государственных задач и депутатский корпус. При наличии ряда ярких личностей он по всем линиям слабее Верховных Советов застойных времен. Там все-таки отбирали (как прежде в составы Земских соборов) с учетом социального расклада и квалификации. Последние выборы по числу нарушений и подтасовок перекроют едва ли не все «застойные», вместе взятые. И если надо решительно противодействовать намерению президента разогнать Советы, то не потому, что депутатский корпус хорош, а потому, что новая диктатура будет неизбежно более кровавой, нежели все предшествующие, хотя бы в силу специфичности своей «социальной» базы.

Явно не на высоте и патриоты. Никаких выводов не сделано из результатов прошедших выборов, на которых патриоты потерпели сокрушительное поражение. А как могло быть иначе, если они шли с теми же лозунгами, что и демократы, не обладая ни организационными, ни информационными, ни денежными средствами последних?

Мало изменилось положение и ныне. Хотя «демократы» и показали полную неспособность «рулить», патриоты ясной альтернативы не предложили. И те, и другие говорят о «возрождении России», не внося в это понятие ничего конкретного. И те, и другие игнорируют позитивные достижения последнего десятилетия (система образования, наука, социальные гарантии, общий уровень производства и потребления в 1950–1970-е годы, влияние в мире). И те, и другие, с некоторыми разночтениями, смотрят на Россию до 1914 года не с позиций подавляющего большинства («лапотного» и неграмотного), а с точки зрения дворянской или буржуазной элиты. Превращение России в полуколонию «демократов» не смущает (на Генуэзской конференции России был предъявлен счет на 33,8 миллиарда золотых рублей, который она, конечно, оплатить не могла), а патриоты этот факт просто не замечают. И если с осени 1917-го по весну 1918 года (и при Временном правительстве, и при

Советах) крестьяне пожгли почти все помещичьи усадьбы и загнали хуторян в общину, то осуждением разгула стихии не обойдешься: надо и их понять.

Манипуляция общественным сознанием всегда была важной заботой антинародных режимов. В печати сейчас говорится много правдивого, приводятся факты, за которыми, казалось бы, должно следовать самое суровое наказание провинившихся властителей. Такие факты можно найти и в «демократической» «Независимой газете», и в других «демократических» изданиях. В той же «Комсомолке» едва ли не в каждом номере прочтешь материалы, от которых берет оторопь (правительство постоянно лжет, пользуясь нашим попустительством, генеральный прокурор надругается над правом и законом, публикуя в валютных изданиях материалы предварительного следствия, называя, кстати, в числе главных заговорщиков Горбачева, Ельцина и Назарбаева – см.: «КП» от 29.08.92). Но вывод следует неожиданный: всю эту грязь пытаются опрокинуть в более или менее отдаленное прошлое, отвлекая внимание от наших дней и современных деятелей, а заодно и приучая к мысли, что все это неизбежно ныне.

Отвлечение – главный способ поддержания господства непопулярной власти. Воруя сотнями миллиардов, кричат о «деньгах КПСС», которые в большинстве шли все-таки на дело (пусть и иллюзорно понятое, вроде «мировой революции»), на защиту стратегических государственных интересов, и которые, оказывается, были каплей по сравнению с морем средств, затраченных против нас ЦРУ. Таким же путем от разрушительных последних лет уводят в начало века. И это свойственно как прозревшим демократам, так и тем, кто искренне считает себя патриотами. Привычка искать черную кошку в темной комнате, заведомо зная, что там ее нет, всегда была свойственна нашей интеллигенции. Сейчас эта привычка все чаще уносит с земли куда-нибудь в потусторонние миры.

Верно сказано: «Обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад». Но социально-политический сомнамбулизм и насаждается. Странно смотреть, как бывшие секретари отмечались на церковных службах со свечой в руках, а владыки делали вид, что всерьез принимают эти игры. Президент заявляет, что лишь Бог может лишить его власти (имея в виду, что народ ему нипочем!). И это сходит. Не замечает высшее духовенство и приобщения президента к Мальтийскому ордену, крайне враж-

дебное отношение которого и к старой, и к новой России никогда не являлось секретом. В данном случае речь совсем не о православии. Но складывается впечатление, что православие-то как раз никто сейчас и не защищает. Сам патриарх в многократно перепечатанном послании раввинам американских синагог в декабре позапрошлого года за образцы православной мысли берет писания русских розенкрейцеров – наиболее мистического направления в масонстве. И вот уже рэкетеры и проститутки напяливают кресты, изображая из себя истинных православных, а священники (вроде Глеба Якунина) в политиканстве дадут фору любому служителю Сатаны.

Именно «трон Люцифера» подпирают сейчас большинство новообращенных. И опять-таки среди них и «демократы», и «патриоты». Как и во все времена общественных кризисов, разного рода оккультные издания перегородили переходы метро. И вот уже вроде бы христианский Бог примирился и с иудейским, и с Люцифером. Именно такая необычная «Троица» стремительно вытесняет привычную старую.

В поклонении «демократов» новой «Троице» ничего удивительного нет: они в лучшем варианте предполагают внедрить в головы соотечественников «новое», западное мышление, а Запад давно уже принял эту «Троицу» в качестве запредельного идеала и вполне земной структуры, где каждый сверчок знает свой шесток. (Именно об этом напомнил А. Зиновьев в нашу-мевшей статье «Я хочу рассказать вам о Западе» в «КП» от 15 сентября 1989 г.) Но и патриоты чуть ли не в большинстве устремились туда же.

В средние века мистика, магия, оккультизм – тайное знание о «запредельном» – противостояли христианской церкви. Поэтому некоторые воинствующие атеисты склонны были венчать эпитетом «прогрессивных» секты, прямо поклонявшиеся Люциферу – антиподу христианского Бога. Но при этом, как правило, не затрагивали ни изуверского фанатизма, ни открытой аморальности сектантов, их противообщественной деятельности. Именно подобные секты и «ордена» являются предтечами и истоками позднейшего масонства, которое целиком усваивает и их символику (в частности, иудейскую каббалу), весьма важную в системе «тайного знания». Но реформация основательно подорвала способность западного христианства противостоять этим сектам. Сначала разные направления протестантизма, а затем и

католическая церковь сами становятся элементами оккультно-масонской структуры.

В России оккультные науки приживались с трудом. Славянское язычество вообще не знало фатализма: астрология и хиромантия приходят из Европы, и относительно поздно, захватывая к тому же лишь высший слой общества. И православие изначально ставило мистику в достаточно жесткие рамки, оставляя известный простор для «самовластия души» («на Бога надейся, а сам не плошай», «Бог-то Бог, да сам не будь плох» и т. п.). (Суеверия и поверия, сохранявшиеся в деревне, – явления иного порядка, восходящие к язычеству.) Более или менее значительное распространение оккультизм получает лишь с резким поворотом России к Западу при Петре I, и связан он был с возникновением масонских лож (сам Петр входил в две ложи), которые поначалу охватывали нахлынувших в Россию иноземцев, а затем и иных, «жадною толпой стоящих у трона».

Вопреки предпринимаемым ныне попыткам «реабилитировать» русское масонство XVIII – начала XIX века (см. статью В. Кожина в «Нашем современнике» № 6 за 1992 г.), оно всегда управлялось извне, а русские «братья» находились на низших ступенях масонской иерархии. Отнюдь не случайно, что Радищев, Карамзин и Пушкин, соприкоснувшись с масонством, затем отходят от него и ведут с ним открытую или скрытую, весьма непростую борьбу (эти факты В. Кожин обходит).

Н. Бердяев не без оснований отметил «масонский дух» русской интеллигенции вообще. Это верно в том смысле, что ни русская государственность, ни православие не являлись приоритетными ценностями для формирующейся в XVIII веке русской интеллигенции, в составе которой иноземцы изначально составляли высший слой. Даже в низших «градусах» масонской иерархии, формально ориентированных на христианство, не обязательно было держаться православия. В высших же ярусах (в XVIII веке это 7–8 «градусы») третировалось и христианство в целом. В конечном счете и православная церковь оказалась неспособной защитить свои принципы и приняла идеологию розенкрейцеров как свою собственную (см. о содержании религиозной философии Соловьева, Бердяева, Булгакова, Флоренского, Франка, на которых ссылается в упомянутом послании патриарх, в принципиально важной статье И.Н. Смирнова в «Нашем современнике» № 11 за 1991 год. Достойно сожаления, что ряд значи-

мых фактов и положений статьи были вычеркнуты пристрастными редакторами). Хотелось бы, чтобы и православные богословы (а таковые есть!) назвали вещи своими именами и вступились за чистоту веры. Ведь в противном случае она лишь будет прикрывать не спасительную, а разрушительную ложь. Сейчас, как никогда, народу нужно сказать правду. Он ведь потому и бездействует, что понимает: все его обманывают.

К сожалению, обманывают и многие патриоты. Ясно, что, когда рухнет государство, спасти и восстановить его способны только истинные патриоты. А под флагом «патриотизма» нередко подбрасывается такая пища, которую не сможет переварить самый здоровый желудок. В последнее время не раз (в немногих, к сожалению, патриотических изданиях) обращали внимание на странные материалы, печатаемые в патриотической газете «День». С одной стороны – самое информированное (наряду, может быть, с «Независимой газетой») издание, горделиво-открыто стоящее на стороне ГКЧП, разоблачающее нынешних преступных правителей, а с другой – пропаганда элитарности, пренебрежение к насущным потребностям того самого народа, от имени которого вроде бы выступают, и тот же оккультизм, поднимаемый на высший политический уровень. Поворот традиционно патриотического (и народно-социалистического) журнала «Наш современник» в это же русло усиливает и недоумение, и тревогу, поскольку становится ясным, что новые концепции разработаны за кулисами, а заглатывают наживку многие известные и уважаемые писатели и политики. И в этих условиях надо выразить искреннее удовлетворение в связи с выходом нового журнала – «Элементы. Евразийское обозрение», редактором которого является едва ли не главный идеолог газеты «День» А. Дугин, а в редакционный комитет журнала входят А. Проханов и определенная часть авторского актива газеты.

Прежде всего новый журнал открыто оккультный. Одна из видимых его задач – прояснить некоторые принципиальные материалы (того же А. Дугина), напечатанные в газете и в «Нашем современнике». Несколько лет назад констатацией этого факта можно было бы и ограничиться: оккультизм противостоит и научному знанию, и православной вере. Но ныне этого будет совершенно недостаточно в силу отмеченных выше причин, в частности, пораженности самого православия оккультизмом. Да и в науке давно уже наметилось некое любование оккуль-

тизмом и возникшими на его основе организационными структурами. Достаточно назвать сочинение Еремея Парнова «Ларец Марии Медичи» (экранизированное к тому же) и относительно недавнее роскошное издание Политиздата «Трон Люцифера» (1985), в которых и рекламируются, и прославляются магия, оккультизм и масонство.

Стоит отметить и определенные заслуги оккультизма в противостоянии вульгарно-материалистическому видению мира, когда забывают о том, что процесс познания мира так же бесконечен, как и сам мир, и что наши знания бесконечно малы по сравнению с тем, чего мы не знаем, в том числе в самых важных жизненных сферах. Верно и то, что многое мы познаем не разумом, а чувствами, а сам процесс творчества без определенного мистического настроения попросту невозможен. Очень хорошо выразил это Николай Рубцов в одном из самых философских своих стихотворений:

Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля – останься, мое божество!

Истинное искусство и творческий поиск вообще всегда идут впереди знания (хотя, конечно, и опираются на него). И суждения вроде того, что «Толстому для его гения не хватило ума», указывают не на слабость его ума, а на силу гения. Объяснить же непонятое им самим должна социальная наука, перед которой он поставил проблемы.

На обыденном уровне не страшен и спиритизм, вера в предсказания Глобы (тем более что они не сбываются), общение особо экзальтированных особ с инопланетянами и самим Люцифером. Но оккультизм никогда этим не ограничивался: он стремился оттеснить и вообще вытеснить науку и из таких областей, которые вроде бы прочно усвоены человечеством. Еще важнее то, что он всегда увязывался с тайными организациями и борьбой за влияние и власть.

«День» и «Евразийское обозрение» подают оккультизм именно на политическом уровне. Здесь все сфокусировано на «евразийском оккультном ордене» и на оккультной науке геополитике. И крайне важно разобраться: какие идеи и какую политику скрывает оккультный туман?

Должно признать, что с некоторых пор понятие «евразийство», оцениваемое раньше как слабенькая ветвь российско-украинской эмиграции, близкая к российским розенкрейцерам, стало модным. И употребляют сам термин, вкладывая в него разное содержание, как «демократы», так и патриоты. То же самое относится к понятию «геополитика». Совсем недавно слово употреблялось лишь немногими специалистами-международниками (обычно в критическом плане, как «фашистская лженаука» или лукавое оправдание империалистических притязаний на мировое господство; в этом плане она, в частности, рассматривалась в книге известного юриста-международника Л.А. Моджорян «Геополитика на службе военных авантюр», вышедшей в 1974 году). Теперь понятием жонглируют и публицисты, и политики от премьера до депутата сельского Совета.

Что скрывается за новыми терминами – читателю и слушателю уразуметь невозможно: у каждого свой смысл. Это проявилось уже за «круглым столом» в газете «День» (№ 2 за 1992 год), когда газета определила себя в качестве рупора евразийской геополитики. Наши участники (помимо А. Дугина) говорили просто о государственных интересах (с неизбежными разночтениями в определении их), иностранные – о некой науке, объяснившей раз и навсегда все в системе международных отношений. Что означает в понимании редакции «евразийское сопротивление» и «геополитика», разъясняли печатавшиеся почти полгода очерки А. Дугина «Великая война континентов». Но похоже, что читатель, ошеломленный каскадом новых для него терминов и сюжетов, ничего не понял. Вряд ли что-нибудь прояснил и отклик В. Кожина («День» № 18, по отделу «Конспирология»), поскольку ничего, кроме «глубокого удовлетворения» и убеждения, что «воскрешение и дальнейшее развитие «евразийского» мышления – это... необходимейшая задача нашего самосознания», по поводу изложенной концепции не сказано. А говорить есть о чем хотя бы потому, что многие из ничего не понявших остаются под гипнозом трескучих фраз и непривычных формул.

Журнал «Евразийское обозрение» проясняет многое уже потому, что в нем дается расшифровка своеобразного кода «геополитиков». К тому же здесь более обнаженно выражено политическое кредо евразийцев.

Разъяснение понятия «геополитика» дается в статье члена редкомитета Р. Стойкерса – бельгийского политолога, участника

упомянутого «круглого стола» в газете «День». Статья является сокращенным изложением брошюры с тем же названием – «Теоретическая панорама геополитики», распространяемой ныне в Москве неким «Союзом русских патриотов». На фоне этих публикаций яснее и «современная историософия» (выражение В. Кожина) главного редактора журнала.

Итак, что же такое оккультная наука геополитика?

В газетных очерках А. Дугина «оккультные ордена» и их политические деяния заслонили все остальное, даже то, что это и есть геополитика в действии. Стойкерс, напротив, мало касается этих действий, а говорит об истоках и компонентах новой политической науки. Родоначальником геополитики «в чистом смысле этого слова» он, в соответствии с мнением ведущих геополитиков, называет Фридриха Ратцеля, опубликовавшего в 1897 году работу «Политическая география». Справедливо выделена и главная идея Ратцеля: теория «жизненного пространства». Здесь можно лишь усомниться в правомерности отнесения «главной идеи» на четвертое место, тем более что поставленное на первое место представление о государствах, как живых организмах, которые рождаются, живут и умирают, было уже у Данилевского и Леонтьева.

Появление теории «жизненного пространства» именно в конце XIX века – закономерно. Мир уже был поделен, и назревала решающая схватка между хищниками за передел мира. Набиравшая силу и несколько запоздавшая к праздничному пирогу Германия готовилась свалить главного соперника: Британскую империю. В качестве оправдания территориальных притязаний могла служить любая «теория» (в частности, в социал-дарвинизме, популярном в это время, были «подходящие» направления). Оккультная наиболее удобна именно потому, что аргументами от «здравого смысла» ее не свалить: она их просто проигнорирует.

Ратцель и его последователи (в том числе противоположного в политическом смысле лагеря) стремились прежде всего убедить публику в предопределенности политических событий географическим фактором. (У А. Дугина это обозначается как «метафизика континентов» в традиционном понимании «метафизики» – внеопытной, «запредельной» науки.) Изменение роли географического фактора по мере социально-экономического и научно-культурного развития, а также изменения международной обстановки практически игнорировались. «Суша» и

«море» на многие тысячелетия настроились друг против друга. В новейших интерпретациях Евразия от Дублина до Сингапура противостоит «ордену Атлантики», то есть Америке. При этом если у Жана Тириара (бельгийского геополитика) она *должна* противостоять, то у А. Дугина противостоять в силу оккультной предопределенности.

Невозможность такого объединения очевидна для каждого, иногда открывающего газеты (тот же «День») и включающего радио. И вполне логично на упомянутом «круглом столе» Ш. Султанов предостерег коллегу о возможности каверзных вопросов со стороны оппонентов, что-нибудь вроде: «Что общего между, скажем, Португалией, республикой Марий Эл и Уйгурским национальным округом?». Отвечать, естественно, нечего. Но метафизика до таких мелочей не опускается, как не пытается она выяснить, почему вековые конфликты раздирают всю Евразию, и они не только не гаснут, а скорее разгораются на наших глазах.

Не исчезают конфликты и по ту сторону океана. Да и как противопоставлять эти континенты, если, скажем, индейцы приходят в Америку из глубин Азии, а истребляют их в XVI–XIX веках выходцы из Европы. Или это потому, что в то время «сушей» была Америка, а «морем» Европа?

Похоже, такая метаморфоза геополитикой не предполагается. Она все-таки прочно держится того размежевания, которое сложилось в канун Первой мировой войны. Тогда «суша» вдохновляла немецкий империализм, а «море» – британский. Итог – две мировые бойни – известен. Известно и то, что основные сражения шли в Евразии между евразийскими государствами.

Из германских и прогерманских геополитиков обычно называют шведа Челлена, отождествлявшего германские интересы с европейскими, и особенно Хаусхофера (1869–1946). Именно у последнего лидеры «третьего рейха», начиная с Гитлера, заимствовали «геополитические» лозунги, и он оказал значительное влияние на формирование направлений фашистской внешней политики Германии. И вполне возможно, что Гитлер и его окружение верили в предопределенность именно такой политики. Как показывает в недавно вышедшей книге «Оккультный мессия и его рейх» В. Пруссаков (кстати, неоднократно рекламированной газетой «День» еще до ее выхода), все существенные положения «Майн кампф» навеяны именно беседами Гитлера с Хаусхофером. Беседы шли обычно на языке оккультизма: «Все

происходило так, как если бы Гитлер был медиумом, а Хаусхофер – магом» (с. 145).

Британская геополитика начала века была представлена именем Макиндера (1861–1947). В свое время он был верховным комиссаром Антанты на оккупированной территории Украины, и на его концепцию этот факт повлиял. Самой трудной и актуальной задачей он считал установление господства над «срединой землей» – стыком Европы и Азии на территории России. В Англии, однако, геополитика не прижилась: на мировое господство она к середине столетия претендовать уже не могла, а употребление самого термина слишком ассоциировалось с агрессивными устремлениями «окультистского рейха». К тому же, хотя англосаксонское масонство и является наиболее многочисленным и могущественным в мире, оккультизм здесь – лишь ритуал и даже маскарад. Политика же строится не на предсказаниях звезд, а на основе всестороннего анализа действительности. В США геополитика нашла некоторых приверженцев. Но и там «новый мировой порядок» рассчитывают утвердить не проникновением в «метафизику континентов», а долларами и ракетами с использованием вполне земных «агентов влияния» (в том числе и для пропаганды оккультизма).

Геополитика как обоснование притязаний на мировое господство в той или иной мере проявлялась также в Японии (в своем варианте). Нередко называют также Израиль. Вот только как это «евразийское государство» противопоставить «атлантическим»?

Конечно, и в рамках геополитики могут присутствовать реальные государственные интересы той или иной страны. Так, Челлену совсем не надо было обращаться к запредельным тайнам, чтобы оценить потребность России в теплых морях и т. п. Но подобный учет интересов разных стран был обязательным для внешнеполитических ведомств и тысячу лет назад. Другое дело, что на всемирный уровень такая задача вышла лишь в XIX веке, когда мир был поделен между несколькими империями. Лукавство «геополитиков» в том и проявляется, что очевидные, опытом подтвержденные интересы они возводят к «метафизике континентов».

Безопасные на быденном уровне, оккультные игры становятся угрозой для целых народов, если этот магнит подложен под компас, ориентирующий государственную политику. У А. Дуги-

на, как было сказано, мир поделен между двумя оккультными орденами, к которым принадлежат все сколько-нибудь заметные политические деятели мира. Кому удалось одолеть «Великую войну континентов», не могли не подивиться, с какой легкостью он развел по «орденам», в частности, всех советских деятелей и даже целые ведомства (вроде «ГРУ против КГБ»). И чем же доказываются эти обвинения либо в принадлежности к тайной организационной структуре, либо прямо в государственной измене? А ничем! С пионерской непосредственностью А. Дугин признается, что не следует тех, кто привел к развалу страну, связывать с агентами ЦРУ и «каких-либо других организаций (избави Боже такое утверждать – это надо доказывать!)». Проще сказать, что это «агенты атлантизма – иной глобальной идеологии, иного континента» («День», № 2). Для такого утверждения никаких доказательств не требуется, и вот уже перед нами вереница «агентов атлантизма», среди которых Хрущев, Андропов и многие, многие другие.

«Метафизический» метод позволил А. Дугину без малейших сомнений вскрыть тайну событий августа 1991 года. «Лукьянов – вот тайное объяснение августовского путча. Этого человека надо было убрать любой ценой. Именно в его руках сосредоточивались нити евразийской оккультной структуры. Начиная с 1987 года именно Анатолий Лукьянов был протектором ордена Полярных» («День», № 15).

Под «орденом Полярных», видимо, разумеются нацистские ордена «Туле» и «Атлантиды» – сердцевина геополитики «оккультного рейха», некое оккультное оправдание идеи расового превосходства нордической расы (с этими легендарными островами, помещаемыми на севере, связывали нацистские оккультисты происхождение арийской расы). Сенсационное открытие ведущего современного медиума, очевидно, заинтересует писателя-прокурора, и можно ожидать, что вскоре появится еще одна версия обвинения, а собрание его сочинений пополнится еще несколькими томами. Как это все выглядит в земном измерении – пояснять не надо. Но то в земном. А у «полярников» мораль иная. Точнее – никакой. В «метафизике оккультной войны» («День», № 15) «не следует видеть упрощенный моралистический образ борьбы добра и зла, правды и лжи, ангелов и демонов и т. д.». «Оба ордена имеют глубочайшие онтологические и сакральные корни, метафизические причины быть именно тем,

чем они являются. Считать какой-то один из этих орденов исторической случайностью – значит отрицать тайную логику человеческих и космических циклов (подумать только, до чего можно докатиться! – А.К.). Выбор геополитического пути отражает выбор пути метафизического, пути эзотерического, пути духа сквозь мироздание. Поэтому не существует никаких гарантий, поэтому нельзя, строго говоря, утверждать, что Евразия – это хорошо, а Атлантика – плохо».

Поистине удивительно, как такую глубоко антихристианскую «метафизику» заглаживают православные (в интервью «Элементам» А. Проханов рассказал о давнем желании уйти в монастырь). «Никаких гарантий». Конечно, это для других. Себе же теоретик евразийства таким образом заготовил мосток для перебежки с континента на континент (о чем ниже еще скажем). А вот «идеолога» «заговора Полярных» можно и выдать: Боливар не снесет двоих.

К сожалению, все это далеко не смешно. Когда из недр «демократической» закулисы возник жупел «красно-коричневой опасности», было непонятно, о чем идет речь: слишком несовместимы эти два цвета в политической жизни планеты в последнее столетие. Но не покидало и «метафизическое» чувство, что за этим нечто кроется и в нужный момент проявится. «Евразийское обозрение» и в этом отношении поставило точки над «и». Оказалось, что именно таков «евразийский орден». В разделе «Идеология» главный редактор дает панораму предшественников нынешних поборников «Третьего пути», «Консервативной революции». Это «фаши Италии», «фалангисты Испании», «гвардисты Румынии», «русские евразийцы» и – главное – разные варианты этого движения от национал-социализма до национал-большевизма в Германии. Поскольку именно «русские евразийцы» являются непосредственными предшественниками нынешних евразийцев, знаменательна оценка их политического облика. «Русский Третий путь фактически раскололся на национал-большевиков, увидевших в сталинизме определенный поворот к народно-имперской стихии, и национал-социалистов, солидарных с немцами в надежде осуществить на русских землях после предполагаемого поражения Советской России в войне вариант русского национал-социализма» («Элементы», с. 51).

Каковыми «евразийцы» были на самом деле, здесь разбирать не будем (Западная Европа в состав Евразии ими не включалась).

Важно, что ярлык «красно-коричневых» проецируется на реальную политическую группу и даже на целый оккультный орден, который стоит над всеми патриотическими движениями и организациями.

Искусственность притягивания «красных» в орден вполне очевидна: пролетариат не охватывается даже понятием «социальной справедливости» (оно предполагает «хозяина»). Но и для патриотов уготовано в нем весьма незавидное место.

Прежде всего, что означает стратегическая задача германской политики – борьба за «жизненное пространство»? В основе ее всегда лежал тезис «Дранг нах Остен» (натиск на восток). Более тысячелетия объектом германской экспансии были прежде всего славянские племена и народы. Апологет раннефеодального Немецкого государства Видукинд Корвейский (X в.) более откровенно определял роли сторон, нежели нынешние его последователи: германцы воюют «ради славы за великую и обширную державу», а славяне «за свободу, против угрозы величайшего рабства» («Деяния саксов». М., 1975, с. 163). Многие славянские племена в результате многовековой борьбы были полностью истреблены, другие действительно обращены в рабство.

Кумиры нынешних геополитиков-евразийцев – вожди «третьего рейха» были также достаточно откровенны. А. Дугин, например, любит Гиммлера, главой СС: «Парадоксально, но именно в этой организации при Гитлере царила наибольшая интеллектуальная свобода и плюрализм. Гиммлер защищал от нападков догматика Розенберга таких консервативных революционеров...» и т. д. (с. 53). Наверняка кого-то он защищал. А вот как он относился к славянам: «Этот низкопробный сброд, славяне, сегодня столь же не способны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков». Может быть, стоит перепечатать хотя бы статью А. Андерле «Из истории идеологической подготовки гитлеровской агрессии против СССР» («Вопросы истории», 1961, № 6). Слишком уж забывчивыми стали некоторые наши патриоты.

В «Дне» А. Дугин писал уже, какая это трагическая дата для «евразийцев» – 9 мая (слово «победа» там вообще одето в пренебрежительные кавычки). В «Элементах» он вновь напоминает, что «поражение Германии во Второй мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии Третьего пути» (с. 54).

И это не запальчивая полемическая фраза, а стержень концепции, причем не только редактора, но и других геополитиков, тяготеющих к «евразийству». В том же номере журнала Роберт Стойкерс подчеркивает, что именно «Хаусхофер тайно рекомендовал известный германо-советский пакт, заключенный в августе 1939 года. Он развил свою теорию и приблизительно через год предложил план большого континентального евразийского союза, объединив в него Испанию Франко, Францию Виши, Германию, Россию и Японию против Британской империи». Стойкерс сожалеет, что Сталин и Молотов не ответили на предложение (с. 7 «Геополитических тетрадей»).

Выше имя Хаусхофера уже упоминалось в связи, в частности, с его ролью в формировании нацистской внешней политики. В «Элементах», помимо материала Стойкерса, напечатана статья самого Хаусхофера «Геополитическая динамика меридианов и параллелей», опубликованная в 1943 году, и «послесловие» к ней, в котором поются дифирамбы главному геополитику. Здесь, в частности, на основании «меридианов» и «параллелей» отмечается «абсурдность обвинения автора в расизме» и его особая привязанность к Японии как антиподу США.

Привязанность Хаусхофера к Японии в 1943 году более чем понятна. Уже разразился Сталинград, а о «меридианах» речь шла уже и после Курска. Северная Африка и Южная Италия находились в руках союзников, в лагере которых американцы, естественно, преобладали. Япония оставалась последней надеждой. К тому же Хаусхофер там бывал и даже служил. И в данной статье он вполне одобряет стремление японских милитаристов «создавать на периферии своего влияния буферные зоны безопасности» (с. 14). Имелись в виду Корея, Маньчжурия и Уссурийский край. Что же касается его «русофильства» и «антиамериканизма», то здесь нужны существенные поправки.

В упомянутой уже книге В. Пруссакова есть два сюжета, относящиеся к данному вопросу. «Подлинным наваждением для герра профессора, — пишет автор, — была идея жизненного странствия. Глубоко убежденный в превосходстве северных народов и в тлетворном влиянии евреев на ход мировой истории (к слову сказать, его жена была еврейкой. — В.П.), Хаусхофер полагал, что арийская раса ведет свое происхождение из Центральной Азии, и потому настаивал на необходимости захвата ее территории» (с. 142). «Хаусхофер... еще до Первой мировой вой-

ны... отдал большую дань оккультизму, прошел выучку у... тибетских лам и у адептов японского тайного общества Зеленого Дракона» (с. 143). По мнению Гитлера, «следуя бессмертной мудрости древних нордических народов, мир должен постоянно омолаживаться посредством крушения отжившего и сумерек богов». И «Хаусхофер поощрял и развивал веру Гитлера в неизбежность появления сверхчеловека, ибо он сам вовсе не случайно побывал в Тибете, который Блаватская и Гурджиев считали родиной Неизвестных Сверхлюдей» (с. 144).

Другой сюжет касается глубины «евразийских» (и российских) симпатий Хаусхофера. Его давним и подобоострастным почитателем был Гесс – второе лицо «третьего рейха». Именно через него Хаусхофер вошел в интимный круг советников Гитлера. Гесс до конца благоговел перед учителем. И ему обязан концом своей политической карьеры.

Вопреки мнению Стойкерса, Хаусхофер был расстроен не вероломным нападением Германии на СССР. Его обескураживала другая неудача. Именно он был инициатором экстравагантной миссии Гесса в Великобританию в мае 1941 года. Хаусхофер и его сын Альбрихт имели, как сообщает В. Пруссаков, «тесные связи с представителями английского высшего света, являвшимися членами оккультистского ордена Золотой зари... Старший Хаусхофер попытался через Гесса убедить Гитлера в необходимости мира с Англией. Он же весной 1941 года убедил своего послушного последователя совершить полет в страну туманного Альбиона, закончившийся воистину плачевно. Хаусхоферы составляли планы личной встречи между Гессом и герцогом Гамильтоном, который был хорошим другом Альбрихта. К мнению герцога прислушивались премьер Уинстон Черчилль и король Джордж. Если бы он смог сообщить им детали немецкого мирного предложения, то кто знает... Хаусхоферы полагали, что стоит пойти на риск. Старший Хаусхофер, зная, каким языком следует говорить с Гессом, сказал ему, что звезды благоприятствуют полету. Этого оказалось достаточно: Гесс всегда верил знакам, подаваемым из высшего мира» (с. 154).

Звезды подвели: «Британское правительство отвергло мирные предложения». В. Пруссаков сомневается: знал ли Гитлер о замысле Хаусхофера и Гесса? Знал, видимо, не все. Автор, похоже, прошел мимо новейших работ, в которых доказывается, что Гесс вообще не долетел до Британии, а прибыл к оккультист-

ско-масонским братьям его двойник (см.: *Томас Х. Гесс. Рассказ о двух убийствах // «Вопросы истории», 1990, № 4*). «Братъев» связывала и еще одна близость: Хаусхофер и герцог Гамильтон были в довоенное время «гомосексуальными партнерами». О том, что это означает в высших эшелонах масонской иерархии, недавно обстоятельно писал Г. Климов. Переговоры о мире с Британией велись в Мадриде, Стокгольме, Ирландии, Сан-Франциско при активном участии транснационального капитала. Германия получала возможность «легализовать» захват Чехословакии и Польши, а также свободу в «европеизации» России. Не исключалось отстранение от власти Черчилля и Гитлера, что и предопределило твердую позицию английского премьера, а может быть, и фюрера.

Сталин и Молотов, очевидно, потому и не откликнулись на «великий проект Хаусхофера», что были лучше осведомлены о действительных целях и замыслах гитлеровского правительства, нежели нынешние евразийцы. К тому же они, в отличие от нынешних интеллигентов, хорошо знали и «Майн кампф» Гитлера (в 1939 году книга вышла у нас ограниченным тиражом с предисловием Молотова), и вполне откровенные высказывания иных вождей «Третьего пути». Вопрос-то стоял – быть или не быть.

В журнале А. Дугина опубликованы также тезисы Жана Тириара по книге «Евро-советская империя от Владивостока до Дублина». (Идея книги вынесена на обложку журнала, правда, с поправкой: Тириар не включал в умозрительную «империю» Индию и Китай.) Тезисы открываются подзаголовком «СССР – наследник «третьего рейха», завершаются утверждением, что «не война, а мир изнуряет СССР. В сущности, Советский Союз и создан, и подготовлен лишь для того, чтобы воевать» (с. 5, 8).

Снова «красно-коричневые». Действительной политике СССР 1960–1970-х годов это никак не соответствовало, а европейцев пугало.

Недавно в газете «День» (№ 37 за 1992 г.) вновь Тириар вернулся к 1941 году, разделив вину за 22 июня пополам. По мнению бельгийского геополитика, «война России с Германией – это ошибочная война. Истинно справедливая война должна была быть направлена против американского капитализма». Между тем о войне с американским капитализмом тогда не было и речи. Как раз американский капитал и продвигал Гитлера с его «консервативными революционерами» к власти. И лишь слишком

быстрый разгром коалиции западных держав побудил пересмотреть отношение к Германии, да и то лишь тогда, когда немцы стояли под Москвой и нависла угроза остаться наедине с двумя ненасытными хищниками – Германией и Японией.

Вообще поражает безразличие евразийцев к трагедиям целых народов. На них не производит никакого впечатления напоминание о том, что восхищающая их империя Чингисхана – это полное уничтожение многих народов, колоссальная деградация и опустошение огромных областей. Достаточно сказать, что Руси для восстановления численности населения домонгольского времени потребовалось пять столетий. Такого же характера и рассуждения об «ошибке» стоимостью более полусотни миллионов жизней. Бельгийских геополитиков еще как-то можно понять: они на себе это практически не ощутили. Но как понять доморожденных геополитиков, для которых 30 миллионов жизней, отданных за сохранение независимости страны и народа в целом, ничего не значат? Да это похуже монгольского и гитлеровского геноцидов!

По заключению А. Дугина, «единственным государством, которое отчасти смогло реализовать на практике определенные аспекты Консервативной Революции, было государство Израиль» («Элементы», с. 54). Что же? Значит, свет в конце туннеля есть? И континент Евразийский. Только неясно, какой же прок от этого Евразийскому континенту: ведь «борьба за жизненное пространство» ведется этим государством, как и ранее нацистами, на Евразийском континенте, а главные опорные пункты остаются за океаном.

Тасуя политиков на две колоды – евразийцев и атлантистов, призывая держаться «своего» ордена, А. Дугин замечает, что оба они «необходимы друг другу» («День», № 15). Пожалуй, в этом замечании и раскрывается суть. Столь чтимый евразийцами Хаусхофер сразу же с крушением немецкой «суши» предложил свои услуги американскому «морю». И если даже ЦРУ не решилось принять его в свои объятия, то это потому, что уж слишком одиозной была фигура немецкого геополитика. Самоубийство Хаусхофера в то время многие восприняли с облегчением: недавние приверженцы «суши» устремились к «морю», сбрасывая лишний груз на покойника. Теперь же, полвека спустя, «конспирологическая» и «метафизическая» связь «орденов», очевидно, стала еще более прочной.

В России никогда не было оккультной геополитики. У России, естественно, всегда были свои государственные интересы, но никогда не было притязаний на мировое господство. Ныне говорят о необходимости обзавестись геополитикой. Выбор небогат. И суть его в рубрике газеты «День» «Евразия», пользуясь принятой в газете терминологией, но вкладывая в нее свое содержание, выразил А. Анисимов. По его мнению, цивилизованный Запад подняться нам не даст. Надо идти к кому-то с опущенной головой. Лучше всего на Восток. Япония, Китай и снова «империя Чингизидов». «Это лучше погибели», — заключает автор («День», № 31). Собственно «евразийство» никогда и не предполагало российской самостоятельности и самостоятельной политики. В прошлом оно было ответвлением германской геополитики, ныне появились и восточные конкуренты. И если что во всей евразийско-геополитической кампании и удивляет, так это притязания говорить от имени русских патриотов.

Ясно, что с таким «патриотизмом» Россия обречена, и еще вопрос, что для нее хуже: «суша» или «море». Ясно и то, что оккультизм парализует и без того ослабленную волю к сопротивлению. Поднять народ могут и должны совсем иные призывы и идеи. Их нетрудно найти в давней и недавней истории. Их надо найти, очистив от деформаций и выработав механизм предупреждения нового перерождения будущих «народных избранников». Идея социальной справедливости неистребима, как бы ей ни сопротивлялись «оккультные ордена» и прочие мафиозные структуры. Она может погибнуть только с самим человечеством. Крушение коммунистической идеи на шестой части планет имеет и положительное значение для нее самой. Стало ясно, что на смену ей всюду идет нечто гораздо худшее, что сами компрометация идеи и деформация осуществляющих ее институтов — результат целенаправленного воздействия и прямого вмешательства всевозможных «орденов», стремящихся к установлению некой всемирной иерархии во главе с «мировым правительством», назначаемым транснациональными корпорациями.

Евразийский каткан

Раздел V

ПРОПЕЛЛЕР ПАССИОНАРНОСТИ*

ИЛИ ТЕОРИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ ИСТОРИИ**

В сентябре 1990 года в Самаре проходила конференция на тему «Русская нация и современные межнациональные отношения». Как и обычно, о русской нации почти не говорилось (национальными отношениями у нас традиционно занимались представители малых народов), зато достаточно широко были представлены требования и пожелания многих других народов, прежде всего поволжских. Например, несколькими культурно-национальными обществами были представлены татары.

Национальное самосознание всегда строилось на тех или иных исторических фактах, воспоминаниях и апеллировало к ним. В данном случае с кафедры и в кулуарах довольно возбужденно говорилось о необходимости «запрещения» упоминания о татаро-монгольском нашествии и ордынском иге, поскольку-де знаменитый и выдающийся историк современности Л.Н. Гумилев «убедительно» доказал, что ни того, ни другого вообще не было. Получалось, что народ на протяжении ряда столетий несправедливо обижали и теперь эта несправедливость прорывается вполне оправданной русофобией.

Забегая вперед, скажем, что точка отсчета выступавшими взята ложная: татары поволжские – потомки не татаро-монголов XIII века, а волжских булгар, подвергшихся в XIII веке такому же страшному разорению, как Русь, половцы, аланы и многие другие народы. Для самих монголов нашествие в итоге оказалось также бедствием, в результате чего численность монголов сейчас меньшая, чем семь веков назад. Главное же – надо ли переписывать учебники? Об этом и поговорим.

Концепция Л.Н. Гумилева в основном была сформулирована еще более двух десятилетий назад и тогда же была отвергну-

* «Пассионарность» – термин, придуманный Л.Н. Гумилевым для объяснения процессов этнического развития, положенный в основу его «теории этногенеза».

** Опубликовано в журнале «Молодая Гвардия», 1991, № 9. В тексте восстановлены некоторые редакционные сокращения.

та серьезной наукой как экстравагантная, умозрительная, не опирающаяся на факты. Роман В. Чивилихина «Память» достаточно широко распространил эти выводы науки, кстати, глубоко проработанные и самим писателем, поставившим и вопрос о политической тенденции гумилевской конструкции. Но ныне все возвращается на круги своя, хотя никаких новых данных не появилось. Что же происходит?

Историки, наверное, дадут иное определение нынешней эпохе, названной бессодержательным термином «перестройка». Разрушение идеалов, разрушение общества, государства, самого человека неизбежно порождает так или иначе болезненные и ущербные концепции и представления-заменители. Наука сейчас не может быть авторитетной: экономисты, многократно перестроившиеся, привели к разрухе экономику, историки (часто одни и те же) готовы заново переписать историю, превратив черное в белое, а белое в черное (пока превалируют два этих цвета). Озлобленный пустыми прилавками и астрономическими ценами, обыватель бездумно заглатывает подбрасываемую ему наживку, собственными руками добывая то, что еще позволяло сохранять какую-то устойчивость. Не только некомпетентные правители, но и само общество взялось с остервенением рубить сук, на котором сидит. Сейчас мало кто способен слышать и слушать. Мало кого интересует истина. Нарастание беззакония (деликатно именуемое «войной законов») – лишь одно из проявлений бегства от истины с ее обязательным требованием дисциплины и самодисциплины. Но мало кто и способен признаться, что истина его не интересует. Поэтому напоминать существенные факты, без которых невозможно реально оценивать действительность, необходимо, даже если пока большинство их не воспринимает.

За последние годы Л.Н. Гумилев, наверное, самый печатаемый историк в нашей стране, едва ли не превзошедший даже Роя Медведева: книги, статьи, многочисленные интервью в газетах и журналах. Выступления его варьируются, иногда даже весьма существенно. Но основная направленность сохраняется. Это – общая приближенность к «школе евразийцев», оригинальная концепция этногенеза, взгляд на Лес со стороны Степи, отрицание факта татаро-монгольского нашествия и золотоордынского ига и стремление доказать плодотворный, даже спасительный характер монгольского господства для самой Руси. В № 1 «Нашего современника» за 1991 год все это представлено в дос-

таточно концентрированном виде. Поскольку же это последняя публикация, то от нее и целесообразно пойти. К тому же не следует забывать, что именно в «Нашем современнике» издана в свое время «Память» В. Чивилихина и было еще несколько публикаций подобного же направления.

«Наш современник» опубликовал интервью с Л. Гумилевым, как бы открывая объявленную в прошлом году рубрику «Летопись России: история в лицах». Л. Гумилев назван здесь «наиболее ярким, интересным историком нашего времени», представителем «единственной серьезной исторической школы в России». Таковую признается «евразийство», и интервью называется: «Меня называют евразийцем...». Сам Л. Гумилев от такой аттестации не отказывается. Но он пошел дальше: евразийцы, по его словам, не знали «главного в теории этногенеза – понятия пассионарности».

Разговор о «мощной исторической школе» евразийцев – явный перебор. Среди евразийцев почти не было профессиональных историков, а поздний Г.В. Вернадский во многом отказался от ранних «евразийских» увлечений. Н.С. Трубецкой – не историк, а лингвист. Большинство «евразийцев» были попросту дилетантами в истории, и «школа» эта интересна не как научное, а как культурно-психологическое явление (реакция части русской эмиграции на не слишком радужный прием со стороны Европы). И в данном случае важны не столько «научные» истоки концепции Л. Гумилева, сколько понимание той среды, в которой эта концепция культивируется. Поэтому напомним лишь в самых общих чертах воззрения «евразийцев».

Исходный тезис «евразийцев» – несовместимость Запада и Востока, причем важнейшим звеном Востока принимается Монгольская империя, которая возвышается над всеми, в том числе и над Русью. В вопросе о роли татаро-монгольского нашествия и золотоордынского ига «евразийцы» опирались на украинскую националистическую историографию (в частности, М.С. Грушевского), имевшую преимущественно антирусскую направленность. Украинские историки спорили прежде всего с концепцией М.П. Погодина, который полагал, что в домонгольской Руси Киев, Новгород, Владимир имели одно и то же древнерусское население, с одним и тем же языком, которое было сметено нашествием. Позднее же в Поднепровье пришло иное население из Прикарпатья. По существу, этот вопрос здесь разбирать не будем. Но отрицание значения нашествия украинскими нацио-

налистическими историками строилось на желании доказать, что Поднепровье издревле было родиной не древнерусской, а украинской народности.

Другим источником «евразийства» являлась русская философская мысль XIX столетия, в рамках которой выделялось византийское православие, причем не в национальных, а наднациональных ее вариантах (вроде исихазма*). Психологический дискомфорт, испытываемый эмигрантами в Европе, побуждал искать объяснение в существовании наднационального социально-психологического типа на Востоке, куда на вторых ролях включалось и славянство.

Следует отметить, что различия в психологии коренных западноевропейцев и выходцев из России – факт бесспорный и достаточно очевидный. Вопрос лишь в его объяснении, и оно не так уж сложно. Суть в характере общежития. У большинства западноевропейских народов община изначально была кровнородственной, и исчезла она уже в раннем феодализме. Для славян же характерна территориальная община, сохранявшаяся вплоть до XX столетия и с огромной силой воздействующая на национальный характер. Именно территориальная община сделала возможным и даже обязательным такой феномен: дойдя до Тихого океана, славяне не уничтожили ни одного народа, а ассимиляция многих племен проходила совершенно естественно и довольно быстро. Но Монгольская империя здесь совершенно ни при чем.

Истоки концепции этногенеза Л. Гумилева лежат в построениях русских философов прошлого столетия, прежде всего Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Данилевский выдвинул саму идею саморазвития народов от рождения до смерти. Леонтьев указал и срок этого естественно-биологического процесса: 1000–12000 лет. О. Шпенглер и А. Тойнби, почитаемые евразийцами, во многом следовали идеям названных русских философов. Л. Гумилев воспринял также некоторые идеи Вернадского и А.Л. Чижевского, абсолютизируя факт зависимости человеческого организма от воздействий космической среды. Сам он, как видно из процитированного выше, считает своим открытием введение понятия «пассионарности». В разных публикациях

* *Исихазм* (от греч. «молчание») – мистическое течение в византийском православии XIV века космополитической направленности.

он определяет его неодинаково. Но основной смысл – неосознанное и непреодолимое стремление действовать (неважно, разрушать или строить), которое овладевает отдельными лицами и целыми народами и не подлежит каким-то нравственным оценкам*. В целом этногенез, по Л. Гумилеву, чисто природный, а не социальный процесс.

Во время беседы в «открытом эфире» 14 апреля от радиослушателя последовал довольно неожиданный вопрос об отношении к оккультизму, оккультным наукам. Этот вопрос показался странным применительно к гумилевской концепции истории, но он как раз и проясняет причины успеха ее у интеллигенции, особенно технической: концепция воспринимается как вариант довольно модных ныне оккультных наук. А это значит, что проверять ее «на зуб» не обязательно: надо просто верить. И верят, хотя автору концепции не удалось найти ни одного бесспорного примера, ее подтверждающего, хотя он едва ли не в каждой новой публикации приводит новые версии, швыряясь вроде бы фактами из истории разных стран и континентов. В свое время под пером автора появилась идея о зарождении славянства во II веке нашей эры. Дата эта потребовалась для того, чтобы «похоронить» славян в XIV веке и дать начало новому этносу русских. Антиисторичность концепции очевидна и для непосвященных: возрождение XIV–XV веков шло не за счет отрицания предшествующей истории, а как раз наоборот, за счет подчеркивания ее преемственности, по крайней мере с IX века. В основе летописания Северо-Восточной Руси непременно лежа-

* Научная глубина понятия, введенного современным «евразийцем», может быть проиллюстрирована определением, данным им в журнале «Дружба народов» (1989, № 11, с. 196): «Это пропеллер, который крутится на том месте, на котором мы сидим». Заводится этот «пропеллер» из космоса (сейчас идут интенсивные поиски, где находится эта небесная Шамбала), причем «пассионарные толчки» и «взрывы» строго дозируются и безошибочно направляются. На один и тот же народ они могут снизойти лишь один раз в 1200 лет, причем на равнинные народы могут и вовсе не спуститься, и они вынуждены ждать, когда их кто-то оплодотворит извне. Сообщенный народу или его части пассионарный заряд передается затем половым путем. Славянам, похоже, «пропеллер» заводили только на земле пришедшие пассионарии, то есть поработители.

ла «Повесть временных лет», повествующая о происхождении славян и Руси. Что касается времени зарождения славян, то отвечать надо на вопрос, где и когда зародился славянский язык и возникли те специфические формы общежития, которые многие столетия сохранялись у разделенных и отдаленных друг от друга славянских пародов. Специалисты спорят. Называют второе или первое тысячелетие до нашей эры, указывают возможные археологические культуры. Ко II веку нельзя отнести ни одной новой культуры, которую можно было бы связать со славянами. Об этом говорили и писали.

В последней публикации Л. Гумилев вновь настаивает на удобной для него дате: ссылаясь на М.И. Артамонова: «Именно к этому времени (I–II вв.), как доказал еще мой покойный учитель, профессор Артамонов, появились первые археологические памятники, которые можно отнести к славянам». Автор правильно делает, что не уточняет, какие именно памятники. Потому что еще в 1940 году (М.И. Артамонов был тогда директором Института истории материальной культуры и задавал направления исследований и в этом направлении тоже, будучи специалистом по Степи, Хазарии) профессор сделал доклад, надолго определявший пути поиска истоков славянства. Он говорил, в частности: «Уже один тот факт, что праславянские племена, находясь длительное время под властью германцев и гуннов, не огерманились и не огуннились, достаточно убедительно свидетельствует о том, что их этнические особенности сложились задолго до этих завоеваний. Сейчас еще невозможно ответить с полной убедительностью, когда именно, но ясно, что очень давно, в рамках археологической периодизации не позже, чем в эпоху бронзы, а может быть, даже еще в конце неолита» («Краткие сообщения... ИИМК». VI, М.–Л., 1940, с. 7). Соображение в чисто историко-логическом плане совершенно бесспорное.

Во всех выступлениях Л. Гумилева можно прочесть самую резкую оценку «невежественных интеллигентов, не выучившихся ни истории, ни географии» (это о профессиональных историках). «В науке, — поясняет он, — считается правильным только «эмпирическое обобщение, то есть непротиворечивая версия, опирающаяся на все известные факты». Что же, можно согласиться. Историк, не владеющий фактами, конечно, не историк. Ссылка на Артамонова, как можно видеть, оказывается неверной. Хотя М.И. Артамонов в последние годы жизни и воевал со

«славянофилами» в археологии (доказывая германскую принадлежность черняховской (бывшей на территории Украины) культуры II–IV веков), все же вывода, сделанного Л. Гумилевым, из его построений не следует. Более того, Артамонов решительно отверг и предложенную Л. Гумилевым концепцию этногенеза, в особенности как раз идею «пассионарности», не без оснований увидев в ней попытку оправдания неравенства и притязаний на преимущества отдельных народов. Но сейчас речь о другом: именно о фактической точности отсылок.

По Гумилеву, «взрыв пассионарности, который вызвал к жизни Древнюю Русь, произошел в I веке нашей эры от Южной Швеции (движение готов) к устью Вислы и к Карпатам, где жили тогда предки славян; затем он прошел через территорию современной Румынии – Дакии: даки были сожжены этой пассионарностью, потому что бросились воевать с могучей Римской империей, в результате этой войны они, по существу, были все истреблены. Далее этот взрыв прошел через Малую Азию и Палестину, где возникло православное церковное христианство, позднее оформившееся в Византийскую империю. Далее этот толчок прослеживается в Абиссинии».

Прежде всего – фактические уточнения. Вопрос о том, были или не были готы в Скандинавии, остается спорным. Оксывская культура Нижнего Повисленья на рубеже нашей эры теснее связана с западными областями, нежели со Скандинавией или островом Готландом. Но для данной темы это несущественно. Важнее другое. Со II века до н. э. начинается движение части населения с побережья Северного моря на юг и юго-восток, и связано это было отчасти с резким опусканием суши у морского побережья. Некоторые из этих племен достигают ко II веку и причерноморских степей, где на базе местных и пришлых племен складывается черняховская культура. Готы из Повисленья продвигаются сюда в начале III века и усваивают местную культуру. Ни в Малую Азию, ни тем более в Палестину готы и в III веке не проникают. Всю вторую половину III столетия в Дакии и Подунавье идут кровопролитные бои между варварами (в основном германцами) и римским войском, закончившиеся поражением варваров. Огромное количество их было истреблено, погибло от голода и чумы, обращено в рабство. В опустошенных районах Подунавья появляются и готы-колонны – посаженные на землю рабы. Отдельные племена и роды варваров ищут возмож-

ности перейти на службу к Империи и получают за службу места для поселений вдоль ее границ.

Рассказывать историю готов и других «скифских» племен в данном случае не имеет смысла. Ясно, что ничего она для концепции Л. Гумилева не дает. И дело не только в ошибке на два столетия, не позволившей готам породить христианство в Палестине и Малой Азии. Неясно, как вообще могли готы породить славян, а заодно и христиан. Ведь, как это неоднократно разъяснял Л. Гумилев, «пассионарность» передается половым путем. Предположим, что готы встретили на пути какие-то племена, оплодотворили их. А откуда славянская речь «у зарядившихся» пассионарностью? А ведь, по Л. Гумилеву, «этот-то славянский (а вернее, славяно-готский) этногенез и породил позднее древнюю Киевскую Русь». Говорить же о христианстве тем более не приходится; готы принимают христианство лишь в IV веке.

Так обстоит дело со славянским этногенезом.

«К XIV–XV векам славянского единства уже не существовало», — пишет Л. Гумилев. Так ведь его не существовало и за тысячу лет до этого. Мы вообще не знаем такого периода, когда славяне составляли бы единую — не государственность, а культурную общность, ту общность, в рамках которой мог возникнуть единый язык, единые верования и формы общежития. Первые упоминания дают нам разрозненные и разбросанные на обширных территориях славянские племена. Удивляет как раз то, что, будучи разрозненными, они до сих пор сохраняют столько общего, и не только в языке.

В многочисленных публикациях Л. Гумилева обычно говорится о «взрыве пассионарности» в XII веке у монголов и «излете», угасании ее в это время у славян, что проявилось, в частности, в феодальной раздробленности. Правда, такая же раздробленность была и у французов, и у немцев, у которых «пассионарный взрыв» произошел, по Л. Гумилеву, незадолго до этого в IX веке. Но там это «излетом» не оказалось. По логике концепции, монголы, как ранее готы, должны были привнести свою пассионарность обессиленным славянам. Но автор отрицает факт нашествия и самого ига, а потому приходится изыскивать внутренние ресурсы. «Новая русская этническая целостность, — говорит автор в последней публикации, — результат толчка XIII века, который прошел несколько восточнее предыдущего толчка I века. Он прослеживается от Финляндии через

Белоруссию (между Вильно и Москвой), через Малую Азию, которая тогда уже была в руках турок (толчок породил там могучую Османскую империю) и до Абиссинии». «Точнее определить дату толчка и его географию, — скромничает автор, — мы не можем, но мы можем назвать первых пассионариев, которые создали две великие державы — Литву и Россию: Александра Невского в России и князя Миндовга в Литве».

«Точнее» определить даты и можно, и нужно. Так, турки-сельджуки бóльшей частью Малой Азии овладели уже в XI столетии, едва не взяв и сам Константинополь. «Османская империя» же создается в XIV–XV веках (родоначальник династии Осман I правил в первой четверти XIV века). Неясно, какие события в связи с «толчком» произошли в Финляндии. От Белоруссии «толчок», видимо, надо сдвинуть на восток: Александр Невский родился в 1220 году (по Татищеву), очевидно, в Переславле Залесском, где княжил его отец Ярослав. Самая же большая загадка — откуда спустился «толчок» и почему он снизошел всего-навсего на две личности.

Междуусобицы на Руси к XIII веку свидетельствовали об утрате пассионарности. В Литве же XIII век — период «смут, непорядков, распрей, все более кровопролитных и жестоких — начало пассионарного подъема. Силы вновь возникших и обновленных этносов уходили на междуусобные войны». В конце концов судьбы двух княжеств оказались разными. «Дело в том, что в XIII веке из Монголии пришли войска Батыя».

О нашествии Батыя говорят все летописи: и владими́ро-суздальские, и новгородские, и южные. Картину разорения они рисуют страшную. Археологические материалы полностью подтверждают достоверность описаний летописей. О том же говорят и иные источники, как восточные, так и западные. И весь этот огромный фонд источников Л. Гумилев попросту игнорирует. И как же быть с требованием (обязательным для учебного) «опираться на все известные факты»? А речь идет ведь о трагической судьбе целого народа, многих народов. Это даже не лженаука... Но об этом позже.

Чем же заменяет реальные источники Л. Гумилев, выстраивая свою оригинальную концепцию «симбиоза» Руси и Орды? Почти исключительно домыслами. Отвергая данные всех источников о численности монгольского войска, он выстраивает «потолочный» ряд: всех монголов было 700 тысяч, их войско

130 тысяч, и им предстояло завоевать 90 миллионов китайцев, 20 миллионов иранцев, а также Восточную Европу. И вывод: «Поход в 1237–1240 годах – не более чем просто большой набег, причем целью этого набега было не завоевание России, а война с половцами, с которыми у монголов уже была кровная месть». «Монголы применили известный тактический прием далекого обхода – и совершили кавалерийский рейд через Рязанские, Владимирские княжества, затем взяли Козельск, страшно истребив его население, затем перешли к Киеву, который, собственно, и защищать-то никто не стал: князь бежал, а воевода не смог собрать войско, потому что после троекратного разгрома соседними русскими княжествами Киев превратился в руины. Затем монголы ушли на Запад».

Вот так: кавалерийский рейд, затянувшийся почти на четыре года (то есть на период, равный Первой мировой и Великой Отечественной войнам). Не удивительно, что за четыре года монголы забыли о половцах и «ушли на Запад».

Пересказывать заново общеизвестные (хотя бы по учебникам) факты не имеет смысла. Тем, кто их забыл, можно вновь порекомендовать роман В. Чивилихина «Память», где рассказ о татаро-монгольском нашествии дан на самом хорошем профессиональном уровне. Напомним лишь самые важные факты, от которых надо идти и которые надо объяснять.

До нашествия Русь была одним из самых развитых в экономическом и культурном отношении государств Европы. Археологи насчитывают на ее территории до полутора тысяч городов. Более тысячи из них мы не знаем даже по именам, поскольку после нашествия они не восстанавливались. Средневековый город обычно сравнительно небольшое укрепленное поселение. Но на Руси были и города с населением в несколько десятков тысяч (в Европе таких городов практически не было за самым редким исключением). Киев, Новгород, Владимир имели население порядка 50 тысяч (в отношении Киева П.П. Толочко произвел подсчет почти подворный, с допуском в сторону преуменьшения, а никак не преувеличения). В конце XVII века городов будет в пять раз меньше и размеры их в большинстве случаев тоже меньшими, нежели за пять веков до этого. В конце XVII века население России составляло 11 миллионов человек. Очевидно, в начале XIII века оно было более многочисленным. Только на Киевщине, по подсчетам Н.П. Толочко, прожи-

вало примерно полтора миллиона человек. Такое количество населения здесь восстановится лишь в XIX веке.

Это и есть основные факты, от которых надо идти, осмысливая происшедшее. Остальное – детали, в ряду которых находится и действие самого механизма разрушения. Л. Гумилев заметил уничтожение лишь одного города: Козельска (где, кстати, татары потеряли 4 тысячи человек). Другие (больше тысячи) не попали в его поле зрения. Козельск же, по Гумилеву, просто нельзя было не уничтожить: благородные татары таким образом воспитывали вероломных русских.

Тема противопоставления благородных монголов русским дикарям вообще одна из основных, пронизывающих все бесчисленные публикации и выступления Л. Гумилева. Неоднократно поднимается этот вопрос и в последней беседе, о чем еще будет сказано. Пока же напомним, в чем заключается, по Гумилеву, та особая нравственность, побуждавшая монголов завоевывать и уничтожать безнравственные народы.

Монгольская держава возникла в результате длительных междоусобных войн, в ходе которых разные роды стремились уничтожить или подчинить соседей. В итоге сложилась иерархия родов с жесточайшей дисциплиной и борьбой за место в иерархии главным образом путем заговоров, частичных переворотов и убийств. Борьба с самого начала велась за пастбища, стада, иное имущество, и, естественно, обратилась на немонгольских соседей, которым в лучшем случае предназначалась роль низшего звена иерархии. Монгольские сказания передают своеобразный жизненный идеал Чингисхана: «Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы покорить мятежников и победить врага, взять то, что он имеет, заставить вопить слуги его, заставить течь слезы по щекам их, сидеть на их приятно идущих жирных конях, целовать румяные ланиты и алые уста их жен». Коварство служило важным оружием во внутренних смутах и тем более в войнах с другими народами. Ни одна мировая империя древности не имела такой «разведки» (те самые «послы», о которых постоянно печется Л. Гумилев). Подкуп, опора на изменников и перебежчиков – также оружие, созданное во внутренних войнах и постоянно оттачиваемое в завоевательных походах. Почти стомиллионный Китай был завоеван с помощью продажных чиновников – каковых немало в любой деспотической системе. Многолюдные и хорошо укрепленные

среднеазиатские города были взяты с помощью китайской осадной техники, многими тысячами использованной при осаде городов вместе с китайским обслуживающим персоналом.

Сообщения о монгольских походах самых разных источников единообразны. Арабский историк, современник Чингисхана Ибн-ал-Асир (ум. 1233), говорит о нашествии, как несчастье для всех народов, равного которому история не знала: «Летописи не содержат ничего сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с Израильянами по части избиения их и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима? И что такое Израильяне в сравнении с теми, которых они перебили! Ведь в каждом городе жителей, которых они избили, было больше чем всех Израильян... Ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародышей» (Тизенгаузен В.В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 2). Еще один современник, армянский историк Киракос Гандзакеци (1201–1272), предполагая, что многие будут рассказывать о трагических событиях, заверяет, что «все их повествования будут ниже действительности. Бедствия, которые постигли все страны, превосходят все, что история может рассказать».

Все шло по одному сценарию: городу предлагают сдаться, признав власть монголов. А как они поведут себя дальше – зависело от их намерений: оставят ли они город для систематической эксплуатации или предпочтут разграбить. И в Средней Азии, и на Руси результат, как правило, был один и тот же: город разрушали и грабили, жителей «до сущих млеко» избивали, угоняя в рабство ремесленников и молодых женщин и используя молодежь мужского пола на осадных работах при взятии следующих городов.

Отрицая факт нашествия и страшного опустошения Руси, Л. Гумилев, естественно, должен отрицать и факт многолетнего золотоордынского ига. Оказывается, что дальнейшее произошло по инициативе Александра Невского, который «договорившись сначала с Батыем, потом подружившись с его сыном Сартаком, а затем и со следующим ханом – убийцей Батыя и Сартака – мусульманином Берке, добился выгодного союза с Зо-

лотой Ордой». Самого беднягу Батыя, у которого и воинов-то было всего 4 тысячи (столько, сколько Батый потерял только под Козельском), спас Александр Невский, послав своему другу «свои дополнительные войска, состоящие из русских и аланов». А вскоре, когда немцы намеревались нанести решительный удар по Новгороду, «в Новгород явились боевые порядки татарских всадников», в результате чего (цитируется летопись) «немцы замиришася по всей воле новгородской, зело бояхуся и имени татарского». «Дружба» русского князя и с жертвами, и с убийцей либо не делает ему чести, либо не предполагает для него выбора. О какой «гражданской войне» говорит в данном случае Л. Гумилев – не ясно, тем более что скрытые и открытые усобицы, вроде упоминаемой автором (Берке – брат Батыя), шли постоянно. А вот «дополнительные войска» из аланов у Александра Невского, видимо, из того же источника, что и татарская конница на льду Чудского озера, о которой автор писал в одной из публикаций.

Нет никакого сомнения в том, что «дополнительные войска» татары требовали от русских князей постоянно, и есть основания считать, что таковые использовались уже в походах на запад в 1240–1241 годах, да и ранее. Русские князья, конечно, всегда стремились воспользоваться трениями в стане завоевателей. Но больше это удавалось татаро-монголам. Политика на разделение и противопоставление князей и епископских кафедр проводилась изначально и последовательно (этому посвящена добротная книга А.Н. Насонова «Монголы и Русь», вышедшая в 1940 году). И она была более эффективна хотя бы потому, что русские князья и епископы от татар решающим образом зависели, тогда как на усобицы в монгольских улусах они повлиять не могли. В 40–50-е годы Русь считалась зависимой и от Орды, и от далекой Монголии, причем последняя признавалась (в том числе Батием) главной инстанцией. За утверждением прав на княжение русским князьям приходилось ездить и к Батыю, и в далекий Каракорум.

Батый, естественно, стремился не допустить объединения сил всех русских князей, противопоставляя Юго-Западную Русь Северо-Восточной. Уже в 1243 году, сразу после возвращения Батыя из похода на запад, к нему отправился отец Александра Невского Ярослав Всеволодович с изъявлением покорности, и Батый объявил его «старшим» в роде русских князей, передав ему, в частности, Киев, на который претендовали Даниил Галицкий и

ориентировавшийся на галицкого князя Михаил Черниговский. В том же году сына Константина Ярослав отправил «к кановичам». Хотя в Монголии было междоусобице (делами заправляла старшая жена Угедая), окончательное утверждение осуществлялось там.

После почина Ярослава русские князья потянулись в Орду и «к кановичам» за подтверждением своих прав на княжение. Возвратиться удавалось не всем. В 1246 году в ставке Батыя были убиты черниговские князья Михаил и Андрей Мстиславичи, а в ставке Великого хана отравлен Ярослав. Тогда же вдова Угедая Туракина направила вызов в Монголию Александру, обещая утвердить его в правах на отцовские земли. Но Александр не поехал и потому, что не без оснований опасался расправы, и потому, что это противоречило бы завещанию Ярослава и неизбежно вызвало бы противодействие других, старших князей. В 1247 году сначала Андрей, а затем Александр направились к Батю, который отправил их «к кановичам». Вернулись они оттуда зимой 1249/50 года, когда Великим ханом был уже Менгухан. Ни в какой «гражданской войне» в правление Гаюка, следовательно, Александр вообще не мог участвовать.

Батый передал Владимирский стол Андрею, а Александру, княжившему в Новгороде, определил «Киев и всю Русскую землю» (то есть Киевщину, Поднепровье). «Русская земля» в это время ничего не стоила. Когда в 1246 году Карпини проезжал здесь, направляясь в ставку Батыя, он видел «бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле». От большого и многолюдного города оставалось «едва... 2 000 домов», и людей здесь татары держали «в самом тяжелом рабстве». В Переславле и Чернигове закрылись епископские кафедры. Владимирский стол в этих условиях был предпочтительней. Батый явно сталкивал братьев. К тому же Андрею пришлось отстранять дядю Святослава, занимавшего Владимирский стол по завещанию Ярослава.

Осенью 1250 года в Суздальскую землю приехал митрополит Кирилл. Помимо желания найти более спокойное пристанище, нежели разоренный Киев, он, по-видимому, имел и дипломатическое поручение. Вскоре он венчал князя Андрея с дочерью Даниила Романовича. Намечался союз двух важнейших земель. В 1252 году Андрей со своими боярами объявил об отказе «цесарем служить». Против князя была направлена «Неврюева рать». У Переславля князь был настигнут татарами, но сумел из-

бежать пленения и бежал через Новгород, Псков, Колывань «в Свейскую землю». Татары «россунушася по земли», схватили и убили вдову Ярослава, пленили его детей «и людей без числа падоша, до конь и скота, и много зла створше Отъидоша». В этих условиях Александр поехал из Новгорода «в Татары», где на сей раз получил «старейшинство» и Владимирский стол.

«Неврюева рать» была наслана «другом» (и даже «братом») Александра «христианином» Сартаком. Другой «друг» – Берке – заставил Александра в 1257–1258 годах обеспечить проведение переписи населения с целью получения татарами систематической дани. В 1262 году в ряде городов Северо-Восточной Руси произошло восстание против перекупщиков дани. Поскольку насильники прибыли из далекой Монголии, а Берке готовился к войне с улусом Хулагу (монгольские владения в Иране), Русь избежала нового разорения. Но Александр был вызван в Орду к Берке, где «удержа и Берка, не пустя в Русь, и зимова в Татарех, и разболеся». Лишь осенью следующего года совершенно больным он был отпущен и не доехал до Владимира.

В ряде летописей прямо говорится о том, что «бе же тогда нужда велика от поганных и гоняхуть люди, веляхуть с собою воиньствовати». Не исключено, что речь шла о посылке русских людей даже и не против иранских монголов, а против Византии, которая в это время поддерживала Хулагу и против которой ордынцы совершали набеги. Согласиться на это князь не мог хотя бы потому, что вошел бы в конфликт со своим духовенством. Но и Берке, судя по всему, не склонен был сделать какие-то послабления.

Упоминание Л. Гумилевым о событиях 1269 года, когда немцы испугались «и имени татарского», опровергает его же версию о слабости и малочисленности Батыева улуса. Но дело и не только в этом. О каких татарах идет речь? Для обеспечения сбора дани и контроля над русскими землями татары размещали в ряде княжеств и городов отряды баскаков. По просьбе новгородцев владимирский князь Ярослав Ярославич собрал силы для отражения немецкой угрозы, «и великий баскак Володимерский Иаргаман и зять его Айдар со многими татары приидоша». А на следующий год князь просит помощи у татар против новгородцев, направив в Орду новгородца Ратибора. В 1273 году Иаргаман с Айдаром «и с многими татарами царевыми» (то есть пришедшими из Орды) «воеваша новгородцкие власти, и возвратишася со многим полоном в Володимерь».

Два года спустя «ходиша татарове и русстии князи на Литву, не успевше ничтоже, възвратишася назад. Татарове же велико зло и велику пакость и досаду сътвориша христианом, идуще на Литву, и паки назад идуще от Литвы того злее сътвориша, по волостем, по селам дворы грабяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили и облупивше нагого пустять, ...и всюды и все дворы, кто чего отбежал, то все пограбиша погани, творяшеся на помощь пришедше, обретошася на пакость». Летописец добавляет: «Се же написах памяти дея и ползы ради».

Так выглядела «помощь» в действительности, и летописец предостерегает незадачливых правителей от приглашения подобных «помощников». Но у князей часто и не было возможности уклониться от «помощи»: баскаки и ханские «послы» и сами могли решить, когда и кому оказать «помощь».

Из сказанного, видимо, ясно, насколько обоснован пересмотр фактов и оценок, связанных с самой трагической страницей русской истории. И, естественно, возникает вопрос: а во имя чего факты заменяются домыслами? Думается, что ответ дан в изложении двух сюжетов: приезд во Владимир митрополита Петра и разрушение Москвы Тохтамышем.

По Гумилеву, в России князья – наследники уже разложившейся и уже загнивающей Древней Руси – были постепенно оттеснены от власти митрополитами. Митрополит Петр, который в 1300 году с Волыни якобы приглашен в Россию править в стольном городе Владимире, был, по мнению Гумилева, очень мягкий, добрый и образованный человек. Этим он, естественно, вызвал неудовольствие среди подчиненных, которые по старому русскому обычаю начали писать на него доносы великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому. Тот созвал специальный собор для того, чтобы выяснить, действительно ли берет взятки митрополит Петр... И паства сказала: «Да мы нашего владыку знаем. Никаких взяток он не берет. И вообще он очень скромно живет».

Неспециалисту может показаться, что сказанное чуть ли не цитирование источника. На самом деле – это очередная фантазия, сотканная из множества фактических ошибок. Утверждение об «оттеснении» князей митрополитами от власти опровергается здесь же приводимым фактом решения вопроса о митрополите на съезде князей и бояр.

Главное во всем придуманном пассаже Л. Гумилева – это, конечно, «естественная» реакция русских на мягкость и доброту

митрополита Петра и их якобы «старый обычай» писать доносы. Между тем «доносы» – это не чья-либо национальная черта, а обычная реакция на деспотический режим и связанное с ним беззаконие. Как раз в домонгольское время на Руси не было необходимости в писании «доносов»; можно было решить вопросы если не у судей, то на вече. С установлением ордынского ига такие возможности резко сужаются. И «учителями» новых способов решения вопросов становятся именно татаро-монголы.

Показательно, что у Л. Гумилева «безнравственные» русские противопоставлены Джанибеку, «доброму и справедливому человеку». Этот добряк и борец за справедливость убил сначала своего младшего брата, а затем и старшего – Великого хана. В свою очередь, его сын Бердибек «удави отца своего» «и уби братьев своих 12». «Доносы» и «оговоры» здесь процветали всегда и не слишком дорого ценились.

Во многих публикациях Л. Гумилева Мамай – это «западник», враг Дмитрия Донского, Тохтамыш же – прямо-таки славянофил, друг и союзник московского князя. Стоит воспроизвести некоторые пассажи, «доказывающие» эти положения. Западник Мамай «договорился с генуэзцами, получал от них деньги. И на них содержал войско, отнюдь не татарское, а состоящее из чеченов, черкесов, ясов и других народностей Северного Кавказа. Это было наемное войско. Мамай пытался наладить отношения с московским князем Дмитрием, который был тогда очень мал, и за него правил митрополит Алексей. Но тут вмешался Сергей Радонежский. Он сказал, что этого союза ни в коем случае допустить нельзя, потому что генуэзцы, союзники Мамаю, просили, чтобы им дали концессии на Севере, около Великого Устюга».

Когда читаешь экспромты Л. Гумилева, невольно вспоминается относительно недавний анекдот: «Верно ли, что академик Амбарцумян выиграл по лотерее «Волгу»?» – «Верно. Но не академик Амбарцумян, а футболист Амбарцумян. И не «Волгу», а сто рублей. И не по лотерее, а в преферанс. И не выиграл, а проиграл». Удивляет, как можно написать не такой уж малый текст, в котором нет ничего достоверного. И дело не в «концессиях» для агентов транснациональных корпораций генуэзцев, сочиненных на потребу дня нынешнего. Это-то, пожалуй, заметят и самые горячие приверженцы оккультных наук наших дней. Дело в оценке всей международной и внутренней ситуации.

Темник Мамай, будучи зятем Бердибека, пользовался большим влиянием и попытался удержать власть после смерти хана в 1361 году. В Орде началась «великая замятня», в результате которой она распалась на ряд враждующих улусов, возглавляемых чингизидами. Около 1362 года Мамай объявил «царем» Абдуллаха и отступил с «царицей» и «всей Ордой» на правый берег Волги. В Сарая же «царем» был провозглашен Амурат. Эти два главных соперника заявляли свои права на «русский улус». Именно это обстоятельство привело к борьбе за ярлык на великое княжение в Северо-Восточной Руси. При этом Мамай (и Абдуллах) поддерживали Москву, а Амурат – суздальско-нижегородских князей.

«Замятня» в Орде давала большие возможности для маневра и русским князьям, способствуя в целом их консолидации. Но, естественно, стараясь удержать за собой Москву и не допустить перехода ее на сторону Сарая, где перевороты следовали один за другим, Мамай делал все, чтобы поддержать и соперников Москвы – прежде всего Тверь, а также Литву. Борьбу Москвы против суздальско-нижегородских князей Мамай поддерживал, поскольку таким путем надеялся «отобрать» их у ханов Сарая. Но после того, как среди самих суздальско-нижегородских властителей наметился поворот в сторону сближения с Москвой, настроение Мамаея меняется. Наивысшего могущества Мамай достигает в начале 70-х годов, когда власть его распространяется на Крым и на самый Сарай. «Русский улус» теперь снова превращается лишь в поставщика дани и вспомогательных отрядов. Отсюда попытка внести раскол в среду русских князей путем передачи ярлыка на великое княжение Михаилу Тверскому. Но в 1373 году в Орде происходит новая усобица, когда «мнози князи Ординския межи собою избиени быша, а татар безчислено паде». Мамай вновь потерял Сарай, а враждебные ему силы в Степи оживились. Перед Москвой открылась возможность перехода в контрнаступление, и в 1374 году возникает своеобразный военный союз, включивший большинство княжеств Северо-Восточной Руси. С этого времени и начинается «размирье» Дмитрия Ивановича с Мамаем. Несмотря на определенные дипломатические успехи Мамаея (отпадение от коалиции Твери, антимосковская политика Литвы, а также Константинополя через своего ставленника Киприана), татары потерпели ряд чувствительных поражений. После разгрома татарского войска на реке

Воже в 1378 году полное освобождение от ига Орды стало реальной возможностью. Сознавая это, Мамай предпринял последнее усилие для усмирения Руси. Именно теперь он набирает большое число наемников в Крыму и на Кавказе. Но и это не спасает: на Куликовом поле войско Мамае было разгромлено.

Митрополит Алексей, безусловно, сыграл огромную роль в проведении гибкой политики Москвой в 50–60-е годы. Он последовательно использовал авторитет сана и структуру церкви для укрепления Москвы как идейно-политического центра земель Северо-Восточной Руси. И, конечно, никаких конфликтов на политической почве между митрополитом и игуменом Сергием не было, как не было и самой придуманной Л. Гумилевым проблемы. Не было и той чрезмерной политической активности, которую часто приписывают Сергию, игнорируя его ортодоксальность (инок должен воздействовать на мир личным примером). Дмитрий же Донской в 70-е годы – активнейший и тонкий политический и военный деятель, решившийся бросить вызов самому Константинополю, намереваясь самостоятельно поставить своего митрополита на место умершего зимой 1378 года Алексея.

«Союзник» и «друг» Тохтамыш появился на горизонте уже после разгрома Мамае русским войском. Он был возведен ханом в Сарае при поддержке и покровительстве Тимура Аксака и, конечно, воспользовался столь счастливо сложившимися обстоятельствами, дабы подчинить своей власти весь «улус Джучиев». Поход на Москву становится важнейшим звеном в мероприятиях по «наведению порядка».

В публикациях Л. Гумилева, как в романах со счастливым концом, обычно дело кончается тем, что возлюбленные наконец соединились. В данном случае ему все-таки пришлось отвечать на вопрос: почему «союзник... разорил Москву»? Вопрос этот неоднократно задавался создателю новой концепции, но он игнорировал его. На сей раз пришлось отвечать, и в известном смысле автор превзошел самого себя: «Тогда случилась беда, погубившая Тохтамыша, но не Москву». Суздальские князья интриговали, «а интриги у них всегда осуществлялись одним способом: писанием доносов». Они донесли Тохтамышу, что Дмитрий «хочет предать его и присоединиться к Литве». «Тохтамыш был очень славный человек – физически сильный, мужественный, смелый, но, к сожалению, необразованный. Он был не

дипломат... И он поверил, ибо в Сибири не лгут: если свои же приходят и говорят про другого плохо – этому верят!» (Очень хорошее объяснение для бесконечного ряда убийств, отравлений, удушений ближайших родственников и взаимоистреблений целых родов!)

Итак, у «славного» Тохтамыша не было выбора: донесли – значит, надо придушить друга. Тохтамыш пошел к Москве, а «все князья и бояре разъехались по своим дачам и жили там спокойно». Не имевший дач и садовых участков народ один остался в Москве. Что ему оставалось делать? «Народные массы в Москве, как всегда у нас на Руси, решили выпить. Они стали громить боярские погреба, доставать оттуда меды, пиво, так что во время осады почти все московское население было пьяным. Москвичи выходили на крепостные стены и крайне оскорбляли татар непристойным поведением – они показывали им свои половые органы. Татар это ужасно возмутило. А когда на Москве все было выпито, москвичи решили, что больше воевать не стоит, пусть татары договорятся обо всем и уйдут. И открыли ворота, даже не поставив стражу перед ними». Татарам ничего не оставалось, как перерезать горожан.

Предполагая сомнения у читателей, Л. Гумилев заверяет: «Так было на самом деле – все это описано в летописях». В летописях события всегда описываются неодинаково. Политическая борьба отражается и в летописях. Киприан пережил своего главного врага Дмитрия Донского на 17 лет и постарался очернить его перед потомками. Тем не менее версии, изложенной Л. Гумилевым, нет, конечно, ни в одной летописи.

О намерениях Тохтамыша на Москве было известно. Тохтамыш начал с того, что распорядился грабить русских купцов, торговавших в городах Волжской Булгарии. Дмитрий попытался собрать войско и позвал на совет князей и бояр. Однако «обретется разность в них, не хотяху помогати». Именно в этом причина произошедшей трагедии. Дмитрий вынужден был ехать на север, чтобы там попытаться собрать войско. Но на это времени уже не было. Татары быстро приближались к Москве.

В Москве, естественно, не были в восторге от того, что князь покинул город. Еще большее возмущение охватило горожан, когда бежать решили митрополит Киприан, княгиня с детьми и бояре. В конце концов митрополита и княгиню выпустили, а остальных отпускали, ограбив. В городе оказалось немало окрест-

ных жителей, искавших спасения за его стенами, а многие горожане его покинули. Традиционная система городского самоуправления незадолго до этого была разрушена, а княжеская самоустранилась. На вече спорили о том, оставить город или защищаться. Летописцы осуждают «мятежников», разбивавших погребя брошенных боярами дворов и их пьяную храбрость, когда, забираясь на заборала, они «шатахуся и ругающеся татаром образом безстудным досаждающе и словеса исполнь укоризны и хулы кидаху на ня». Так были встречены передовые татарские отряды, проводившие разведку и отъехавшие от Москвы к вечеру. Наутро же к городу подошли основные силы Тохтамыша. Теперь «граждане узревше силу велику и ужасошася зело».

Незадолго до подхода татар относительный порядок навел в Москве литовский князь, внук Ольгерда Остей, служивший московскому князю. После трехдневной осады Тохтамыш «обалга князя их Остея лживыми речьми и лживым миром, вызвав его вон из града и уби его пред враты града». Видимо, доверчивый Остей начитался давних предшественников современного апологета великих добродетелей ордынских ханов.

Картину избиения и грабежа можно представить и без летописца. Летописец особенно сокрушается по поводу иссеченных архимандритов, игуменов и «всех священников», поскольку со времен Батые и Берке их освобождали даже и от даней. Были разрушены и сожжены все церкви и монастыри, перебиты все «от уна и до стара, можеск пол и женеск». «Множайши же в полон поведени быша, в работу поганьскую и в страну Татарскую». В летописях особенно сокрушаются – и нам не следовало бы забывать об этом, – что в пожаре сгорели все книги, в том числе свезенные из окрестных мест: «Книг же толико множество снесено со всего города и из загородья и из сел, и в зборных церквах до тропа наметано, сохранения ради спроважено, то все без вести створиша».

Вернувшись на пепелище, Дмитрий выделил на погребение убитых 300 рублей из расчета 1 рубль на 80 человек. 24 тысячи убитых – это, видимо, больше, чем все население города, поскольку в городе было много сбежавшихся из окрестных сел. К тому же татары разорили и другие города и волости Московского княжества. Дмитрий изгнал главных виновников «неодиначества» князей и бояр митрополита Киприана и духовника Владимира Андреевича Серпуховского Афанасия, но для восполне-

ния потерь требовалось длительное время. Дмитрию оно не было отпущено: в 1389 году он скончался в возрасте всего 39 лет.

«Все бы сошло Тохтамышу, — процитируем еще один пассаж Л. Гумилева, — если бы на него не напал Тимур... Татары героически сопротивлялись. И потребовали, конечно, помощи от москвичей. Князь Дмитрий Донской уже умер к тому времени, а его сын Василий вроде бы повел московское войско, но защищать татар у него не было ни малейшего желания. Он повел его не спеша вдоль Камы, довел до впадающей в Каму реки Ик и, когда узнал, что татары, прижатые к полноводной Каме, почти все героически погибли, переправил войско назад и вернулся в Москву без потерь. Но на самом деле он потерял очень много, потому что сам он заблудился в степи, попал в литовские владения, был схвачен Витовтом и вынужден был купить свободу женьбой на Софье Витовтовне, которая впоследствии причинила России много вреда».

Встретив указание на столь точный ориентир, как река Ик, читатель, наверное, подивится эрудиции автора и легкомыслию московского князя. Но не будем томить: все было совсем не так. Тохтамыш затеял войну против своего покровителя и был за это жестоко наказан своим благодетелем. Как и ранее Мамай, поддержки он искал в Литве и бежал туда со своими нукерами. Ни на какой Ик Василий не ходил. Он дошел лишь до Коломны, и вовсе не для помощи татарам, а для прикрытия своих земель: Тимур вошел в Рязанские пределы и разорил Елец. Не блуждал князь и в степи, а на Софье он был уже женат. В свое время, в 1383 году, Василию пришлось отправиться в Орду к Тохтамышу в качестве заложника. Не без участия литовской дипломатии и Киприана ему удалось бежать оттуда в Литву, где его обручили с дочерью Витовта. Брак этот встретил противодействие Дмитрия, и свадьба состоялась уже после его кончины.

Грустно все это пересказывать, да, видимо, и нет необходимости. Но одного сюжета придется коснуться, поскольку он слишком актуален. В концепции Л. Гумилева татары — защитники, а литовцы и западные русские — враги. После Куликовской битвы «было очень много раненых. Их положили на телеги и повезли домой. Что же делали наши милые западные соседи? Литовцы и белорусы догоняли телеги и резали раненых». Нарисовав эту ужасающую картину, автор возмущается: «Я не понимаю: как можно изучать русскую историю и не видеть, где свои и где

чужие? Это или умышленное замалчивание, или полная неспособность к историческому мышлению».

С Литвой, конечно, отношения были не простые. Были уособицы и среди русских. Да и Гедиминовичи – это тоже, по всем родословным, одна из русских династий. Летописи единодушны в том, что Ягайло был союзником Мамай. Однако «от тех Бог избавил есть, не поспеша бо за мало на срок, за едино днище или менши». Ягайло бежал «не виде великого князя... но токмо именъ его боящеся». Естественно, ни о каких «белорусах» не могло быть и речи, хотя бы потому, что не было и такого этнического понятия.

И еще один вопрос, на котором спекулируют в силу его неразработанности, – размеры взимаемой татарами дани. Постоянный мотив публикаций Л. Гумилева – «как за барами (то бишь татарами) житье было привольное». В. Кожинов («Наш современник», № 3), поддерживая концепцию, утверждает, что «в среднем на душу населения годовая дань составляла всего лишь один–два рубля в современном исчислении! Такая дань не могла быть обременительной для народа, хотя она сильно была по казне собиравших ее русских князей. Но даже и при этом, например, князь Симеон Гордый, сын Ивана Калиты, добровольно жертвовал равную дани сумму денег для поддержания существования Константинопольской патриархии».

Ответственное утверждение дается со ссылкой на статью П.Н. Павлова, опубликованную в 1958 году в Ученых записках Красноярского пединститута. В статье такого заключения нет и быть не могло: мы не знаем ни общей суммы дани, ни численности населения. Едва ли не лучший знаток истории татарской политики на Руси А.Н. Насонов в свое время остановился в недоумении, встретив указание на то, что татары выделили на территории Великого княжества Владимирского 15 тем («тьма» – десять тысяч). Ведь это означало по меньшей мере десятикратное сокращение населения в результате нашествия. В конечном счете, видимо, так оно и было. Но решение данного вопроса должно осуществляться не путем деления одного неизвестного на другое неизвестное, а выяснением норм обложения.

После ряда массированных разорений, ограблений, угона населения в рабство татаро-монголы перешли к систематической эксплуатации русских земель. В 1257–1258 годах была проведена перепись. Как и в других землях, из обложения исключалось

духовенство. Остальные должны были платить дань. В 1275 году перепись повторили. В «Истории Российской» В.Н. Татищева объясняется, почему это потребовалось: хан Менгу-Тимур нашел, что привезенная великим князем Василием Ярославичем дань недостаточна («люди многи в земле твоей. Почто не всех даеши?»). У Татищева же имеется указание, что дань брали «по полугривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужи работнии».

Исключительной ценности указание не привлекло должного внимания. Б.Д. Греков – один из крупнейших и авторитетных советских историков, заметил, что «конечно, Татищев не выдумал здесь сохи, а взял ее из летописи, до нас недошедшей», но он усомнился в том, что соха могла быть «представлена двумя работниками».

«Повесть временных лет» знает три единицы обложения: двор, дым, плуг (рало). Дань с «дыма» бралась с так называемых «больших домов», в которых проживали большие семьи, состоящие из нескольких малых семей. С «плуга» платили дань радимичи и вятичи, которых летопись относил к «ляшским», польским племенам. Они отдавали с плуга по «шелягу» сначала хазарам, а затем русским князьям. Это, видимо, западный шиллинг, обозначавший, однако, в Польше самую мелкую монету (на западе шиллинг был больше денария-куны). На Руси дань собирали натурой. Хазары, видимо, требовали и серебро, хотя и замена его натурой тоже не исключалась. Но надо признать, что дань была весьма умеренной во всех трех измерениях.

Представление о «плуге» как единице обложения дает автор XII века Гельмольд, говоря о балтийских славянах: это пара лошадей или волов, впрягаемых в орудие пахоты, и соответственно обрабатываемый ими участок земли. В конце XIX века на пару лошадей в среднем приходилось 7,2 десятины пашни. За семь столетий технология сельскохозяйственного производства изменилась мало. Но все-таки 7 десятин, видимо, максимальный предел древней сохи.

Б. Греков усомнился, что «соха» может определяться количеством работников. Но взаимосвязь между обрабатываемой площадью, численностью рабочего скота и рабочими руками предполагалась всегда. Возможны были и варианты в зависимости от местных условий. В новгородской грамоте середины XV века о предоставлении князю Василию Васильевичу «черного бора» (татарской дани) с Новоторжских волостей, поясняет-

ся: «А в соху два коня, а третье припряжь» (то есть пристяжной). Поскольку «сохи» по местностям различались, Иван III в 1478 году с присоединением Новгорода «велел въспросити, что их соха; и они сказали: 3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет (то есть пашет), а кто на трех лошадех и сам третьей орет, ино то соха».

В новгородской грамоте имеется и перечень равноценных замен для промыслового населения: чан кожевничий, невод, «четыре пешщи» (то есть безлошадные), кузнец, лавка. За ладью и чан для выварки соли числили две сохи. Исполщики вносили по полсохи. В городе окладной единицей служил двор или дом. Но предполагалась и дифференциация по роду занятий. Летопись отмечает, что «большие» облегчали свое положение за счет «меньших». «Соху» могла заменять «деревня». При этом «деревня» часто была меньше «сохи». Так, в новгородских писцовых книгах 1500 года упоминается шесть владычных деревень, насчитывавших вместе с погостом лишь 11 дворов с 14 жителями, что составляло 13 обож или 4 с третьей сохи. Когда-то «двор» и «соха» в основном совпадали. Но в монгольский период семьи были и малочисленны, и маломощны (что, естественно, связано с тяготами жизни). Поэтому редкий двор мог вести хозяйство на уровне «трудовой нормы» начала XX века, примерно совпадающей со старой «сохой».

В упомянутом погосте высевалось 52 коробьи хлеба (примерно 350 пудов), или 80–90 пудов на соху, как и в начале нашего столетия. Урожай исчислялся соотношением посеянного и полученного. Различаясь в разных местах и разное время, в северной половине Руси он обычно составлял от «сам-два» до «сам-четыре». В голодные годы часто не собирали и семена. Урожай «сам-два» оставлял на потребление те же 80–90 пудов, «сам-четыре», соответственно, 240–270 пудов. Это и есть основной доход крестьян, включенных в «соху».

Попробуем определить, что стоила названная в татищевском тексте «полугривна». Новгородская гривна содержала 204 грамма серебра, полугривна соответственно 102 грамма. Что можно было купить на эту сумму в XIII–XV веках и где мог добыть серебро крестьянин? В.О. Ключевский подсчитал, что рубль конца XV века стоил в 130 раз больше рубля конца XIX века. Это связано и с уменьшением содержания серебра в рубле, и с неуклонным отставанием производства от роста находящегося в обращении

нии металла. В конце XIX века батрак и однолошадный крестьянин зарабатывал и потреблял с семьей за год продуктов и товаров на сумму менее ста рублей. Это много меньше, чем рубль конца XV века. Упомянутый В. Кожинным П.Н. Павлов сделал выписку из Псковских летописей о ценах на хлеб в XV веке: они колебались от 87 до более 250 пудов на рубль. Псковские летописцы вообще внимательно следили за ценами и выплатами. Так, под 1424 годом сообщается о сооружении каменной стены у псковского крома: 200 мужей три с половиной года строили стену и получили за это по 6 рублей каждый (1 200 рублей всего). Но летописец, похоже, счел эту плату слишком щедрой: на стене поставили колокольню, и стена развалилась. Под 1465 годом летопись говорит о новом строительстве стены. На сей раз трудилось 80 «наймитов». За три года они получили 175 рублей, то есть немногим более двух рублей на человека за три года.

Такова была плата за труд в XV веке. В XIII–XIV веках она не могла быть большей, поскольку и серебра было много меньше, и производительность труда, в частности ремесленного, упала в связи с разрушением многих городов и угоном ремесленников в рабство. 1 рубль – это почти предел платы, которую можно было получить даже квалифицированному работнику. А добыть «серебро» в деревне во много раз сложнее. Приходилось ждать купцов и мириться с их неизбежно заниженными ценами.

Дань не была постоянной. Обычно князья добивались ее уменьшения, а Орда – увеличения. Уменьшить ее можно было, видимо, какими-то иными услугами (вроде поставки вспомогательных войск). Но до середины XIV века действовали нормы, установленные первыми переписями. Об этом говорят косвенные данные. Так, сразу после смерти Калиты новоторжцы, опираясь на помощь Новгорода, отказались вносить дань. Симеон Гордый направил к Торжку большое войско, и новгородцы согласились отдать «бор по волости», а новоторжцев обязали внести 1 000 рублей. Мир восстанавливался «по старым грамотам». Видимо, это та сумма, которую обычно вносил Торжок. Вряд ли город имел в это время более тысячи облагаемых дворов (после разорения таких размеров городов были единицы). А это совпадает с уровнем, утвержденным в XIII веке.

Другие косвенные данные – воспоминания о тяжести дани при Узбеке. В летописях есть указания на то, что были попытки

распространить дань и на духовенство. Так, в 1342 году в Орду был вызван митрополит Феогност, от которого требовали «полетной» дани, так как он имел большие доходы, обирая низшее духовенство и мирян. От претензий митрополиту пришлось отбиваться взятками: он оставил в Орде 600 рублей.

В связи с «замятней» в Орде нажим ее заметно ослабевает. В 70-е годы Дмитрий вообще прекращает выплату дани. Но после нашествия Тохтамыша возвращались самые мрачные времена. В 1383 году сын Дмитрия Василий был задержан в Орде, и Тохтамыш потребовал за его освобождение 8000 рублей. После разорения Москвы такую сумму Дмитрий, видимо, просто не мог собрать. В 1384 году летописи сообщают о «дани тяжелой» «по всему княжению великому, всякому без отдатка, со всякие деревни по полтине. Тогда же и златом даваша в Орду, а Новгород Великий дал черный бор». О дани «по рублю с двух сох» говорится и в письме Едигея Василию Дмитриевичу несколько позднее. Этимологически «рубль» – это отрубленная часть. А потому «рубль» и должен соответствовать половине гривны. Но Дмитрий Донской, начав собственную чеканку монеты, установил величину рубля равной новгородской гривне. Следовательно, после нашествия Тохтамыша была восстановлена изначальная грабительская дань.

«Соха» вовсе не была единственной податью. В.В. Каргалов насчитывает 14 видов даней. Содержание татарских посольств, насчитывавших по тысяче и более человек и живших месяцами на Руси, обходилось нередко дороже и самого «черного бора». Не случайно, что восстания в большинстве случаев были ответом на насилия, чинимые «послами».

Переводить рубли эпохи монгольского владычества в современные «деревянные» – дело довольно бессмысленное. Ведь рубль того времени – это больше годового потребления половины крестьянских дворов рубежа нашего века. По сравнению с варягами, хазарами и собственными князьями татары забирали в несколько десятков раз больше. Можно лишь удивляться, как люди выживали. С другой стороны, неудивительно, что выживали немногие. И так более двух столетий.

«Подарки» константинопольским патриархам не были столь обязательными и столь накладными. Но они не были и вполне «добровольными». Вымогание взяток с кандидатов на митрополичьи столы – повседневная практика патриаршего стола, о чем

прямо говорят летописцы. Отнюдь не бескорыстно в 1347 году Константинополь пошел на ликвидацию раскольнической Галицкой митрополии. Алексея «человеческого ради сребролюбия» шантажировали в Константинополе неоднократно. Долги митрополита Пимена, взятые у константинопольских ростовщиков под подложное поручительство князя Дмитрия, давили на Русь вплоть до падения Константинополя. И Феогност не от щедрости душевной роздал в Орде 600 рублей. Новгородский летописец сетует, что с приездом митрополита «тяжко же бысть владыце и монастырем кормом и дары».

И Симеону Гордому пришлось раскошелиться по вполне житейскому поводу. В 1346 году он «отослал» от себя вторую жену и посватался к дочери Александра Михайловича Тверского. Но митрополит «не благословил его и церкви затвори». Пришлось направлять посольство в Константинополь за «благословением». Можно представить, во сколько обходилось оно при порядках, царивших в Константинополе. А собиралась княжеская казна, естественно, за счет все тех же крестьян.

Когда-то к месту и чаще не к месту ссылались на «классиков». Сейчас это нечто вроде дурного тона. И все-таки хочется напомнить слова одного автора, отнюдь не симпатизировавшего славянам: «Это было иго, которое не только подавляет, но растлевает и иссушает самую душу народа, который ему подпал. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства». Да, это Маркс. На расстоянии он рассмотрел то, что иные не замечают вблизи. Почему?

Какого-то фантазера понять можно. Можно и объяснить его привязанность к насильникам и презрение к жертвам: это искаженная реакция на беды, которые ему пришлось претерпеть в стране, где и поныне живут потомки уцелевших в той давней резне. Можно понять и потомков болгар или половцев, которые по ошибке мнят себя наследниками Чингисхана и Тохтамыша.

Но как понять тех, кто организует пропаганду этих псевдо-исторических сочинений?

Что это? Способ пробудить поправное чувство собственного достоинства через оскорбление предков? Или же до конца подавить волю к сопротивлению у последнего окопа борьбы за выживание? А иного не дано: ведь «концепция» многократно отвергалась в силу ее полной несовместимости с фактами.

ХАЗАРСКИЕ СТРАДАНИЯ*

Студент-первокурсник выступает на семинаре с докладом по проблеме «Русь и Степь». С увлечением и энтузиазмом рассказывает он о том, как Песах покорил Русь и заставил русского князя Игоря в 941 и 943 годах идти походами на Византию, заведомо зная, что добром они не кончатся, а затем и вовсе погибает, собирая для хазар дань с древлян. Хазары, печенеги, половцы, блоки и союзы, продиктованные лесной Руси Великой Степью. А на вопрос – откуда все эти данные, из каких летописей и хроник – следует как рефрен ответ: «Из Гумилева». И студент изумляется: как же так? Ведь это не роман, а работа, претендующая на научную достоверность, и оказывается, что никаких источниковых оснований для уверенно изложенного хода событий попросту нет.

Первый семестр для студента-историка – самый важный. И по отечественной, и по всеобщей истории он изучает длительные исторические периоды, начала начал, на которых только и могут закладываться основы методологии, закономерности исторических процессов, возникновения народностей и государств. На семинарах он должен выступить с докладом по той или иной проблеме – обычно весьма спорной, понять, из-за чего идет спор и на каком материале проблема может быть решена. Как правило, если студент не усвоил в первом семестре, что такое «проблема» и как от нее идти к «источнику», он останется любителем, который, может быть, знает много историй, но не вполне осознает, что такое наука история.

Студент явно был расстроен, не сумев представить ни для одного положения документального подтверждения. И лишь одно служило некоторым утешением: не он один подпал под магическое воздействие необычных трактатов «великого евразийца». После публикации в «Нашем современнике» статьи «Меня называют евразийцем» (1991, № 1) блестящий математик, академик и коллега по редколлегии И.Р. Шафаревич справился, что неверно в статье Л.Н. Гумилева, и не мог поверить, что в ней нет ничего верного («Он же ученый!»).

* Опубликовано в журнале «Молодая Гвардия», 1993, № 5–6.

С точки зрения социальной психологии факт сам по себе весьма любопытный. Совсем недавно, кажется, интеллигенция, по крайней мере патриотическая, вполне осознала разъяснения Владимира Чивилихина, что означает попытка «реабилитации» татаро-монгольского нашествия и ордынского ига на Руси. Но пробуждение «Памятью» оказалось кратковременным, и вот уже палачи народа стали его чуть ли не лучшими друзьями и заступниками. (Как будто правда о татаро-монгольском иге была выгодна лишь «партийной номенклатуре».)

На втором месте после Монгольской державы в рамках «евразийской» утопии стоит Хазарский каганат. И важно уяснить, что именно привлекает в истории этого государства евразийцев и в каком направлении развивается их фантазия. Хазарский каганат, несомненно, оказал определенное влияние на Русь. Достаточно сказать, что поляне, северяне, вятичи и даже радимичи какое-то время платили хазарам дань. В романе лучшего нашего исторического писателя-романиста Валентина Иванова «Русь изначальная» Русь формируется в борьбе с «неразумными хазарами», хотя в VI веке славяне вообще еще не вступали с хазарами в какие-либо контакты. Но вопрос о месте и роли этого раннего государственного образования остается весьма спорным в научной литературе, что подогревает публицистическую фантастику.

Публицистическую пикантность хазарской проблеме придает, разумеется, уникальное явление: господство в течение достаточно длительного времени иудаизма на землях, где этнические евреи не составляли сколько-нибудь значительной социальной группы. Отсюда и специфический интерес, и своеобразная актуальность. Публицистическая острота так или иначе коснулась и «чистых» специалистов – М.И. Артамонова, С.А. Плетневой, А.П. Новосельцева и некоторых других (равно как и их оппонентов). Для «евразийской» же концепции мастерами-евразийцами, естественно, отбирается только «подходящий» материал. Здесь придется напомнить и о том, что именно оставлено вне поля зрения.

В научном плане хазарская проблема сводится к двум большим узлам: роль и место салтово-маяцкой культуры и характер хазарского иудаизма. За счет первого Хазария либо «раздувается», либо свертывается, за счет второго – либо «оправдывается», либо «обвиняется». Первая группа вопросов тесно связана также с русско-хазарскими отношениями, оценка которых также существенно расходится и у специалистов, и у популяризаторов.

Названные аспекты хазарской проблемы заслуживают серьезного обсуждения и в чисто научном плане из-за спорности выдвигаемых положений по существу. В публицистических же сочинениях игнорируется даже и сам факт спорности тех или иных представлений и суждений. Речь идет об «евразийских» интерпретациях Л.Н. Гумилева, опубликованных в книге и повторенных в нескольких номерах «Нашего современника» для широкого читателя, а также о догадках и размышлениях В. Кожинова об исключительном значении Хазарии в истории Руси, занявших семь (!) номеров журнала («НС», 1992, № 6–12). Называется эта публикация «История Руси и русского слова», но смысл ее в том, чтобы, отталкиваясь от былин и догадки, что раньше в былинах вместо «татар» могли упоминать «хазар», взглянуть на историю этого государства с точки зрения «евразийского» мировоззрения.

В публикации В. Кожинова много лирических отступлений, смысл которых, похоже, не всегда ясен и ему самому, и чуть ли не каждый раздел приходится начинать словами «но вернемся к...». Но одно отступление имеет принципиальное (особенно для литературно-художественного и общественно-политического журнала) значение. Автор предупреждает читателя, что кое-что ему «следует знать», и пишет об этом аж на двух страницах («НС», № 11, с. 164–165). Оказывается, что хазарская тема очень опасная. Капитальная книга М.И. Артамонова «История хазар» (Л., 1962) «испытала очень трудную судьбу». Автор ссылается на книгу А.П. Новосельцева, где сказано, что опубликовать такую книгу можно было только в Ленинграде, да еще в Эрмитаже, где Артамонов был директором. «И едва ли случайно, — добавляет от себя В. Кожинов, — М.И. Артамонов через год после ее выхода был освобожден от должности директора Эрмитажа и в дальнейшем стал заниматься в основном не «опасной» историей древних скифов». Подобные же трудности испытал и Л.Н. Гумилев, рукопись которого не была напечатана издательством «Молодая гвардия». «Очень чтимый и влиятельный филолог», давший «высокоположительный отзыв», отказался его напечатать в качестве предисловия или послесловия, поскольку его незадолго до этого побили в подъезде собственного дома, а за публикацию такого предисловия могли и вовсе убить.

Такие вот страсти. А кто же все-таки эти враги рода хазарского, готовые пойти на смертоубийство, лишь бы не допустить

до народа высокой правды о хазарах? В. Кожин не разъясняет. Поскольку же книга Новосельцева вышла всего двумя тысячами экземпляров, придется дать расшифровку. А.П. Новосельцев сетует, что американскому исследователю Данлопу «удалось опередить Артамонова в публикации обобщающего труда о Хазарии в значительной мере из-за той ситуации, которая сложилась в нашей исторической науке в конце 40-х – начале 50-х годов. Речь идет о пресловутой «борьбе с космополитизмом», которая была очередной кампанией в духе репрессивной политики Сталина и его ставленников» («Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа». М., 1990, с. 54). Помимо Сталина, изучению хазарской истории, по мнению Новосельцева, мешал академик Б.А. Рыбаков. Правда, «к счастью, подобных работ было немного». После же «исторических решений XX съезда КПСС подлинно научный интерес к хазарской истории в нашей стране возобладал и был озаглавлен...».

Итак, враг ясен: это предшественники общества «Память», с их оголтелым шовинизмом, национализмом и антисемитизмом. Но кое-что все-таки нуждается в уточнении. Во-первых, М.И. Артамонов (1898–1972) не просто ученый, а и функционер, во многом определявший направления исследований. В 1938–1943 годах он был директором Института материальной культуры АН, в разгар борьбы с космополитизмом в 1948–1951 годах был проректором ЛГУ, откуда перешел, явно не с понижением, директором Эрмитажа (1951–1964). До конца дней оставался заведующим кафедрой археологии ЛГУ. Первую книгу о хазарах опубликовал еще в 1936 году, и выяснилось, что для решения проблемы не хватает достаточно представительного археологического материала.

Кожин ошибается, полагая, что скифами Артамонов вынужден был заниматься, спасаясь от преследований. Скифы – его главная тема как археолога. В 1941 году он защитил по этой теме докторскую диссертацию, а основанная на ней книга «Сокровища скифских курганов» вышла лишь в 1966 году. Ученый параллельно работал над двумя большими проблемами, а археологические материалы накапливаются десятилетиями. В 1949–1951 годах Артамонов руководил экспедицией, раскапывавшей Саркел – Белую Вежу. Это была одна из крупнейших экспедиций. В 1958–1963 годах под его редакцией были опубликованы три тома «Трудов Волго-Донской археологической экспедиции» общим объемом свыше 150 печатных листов. Ну а что касается

сомнений Б.А. Рыбакова в плодотворном влиянии хазарской цивилизации на Русь, то и Новосельцев их во многом разделяет. Во всяком случае, он не верит, что хазары заслоняли Русь от арабов и кочевников.

Что касается реакции академика-филолога, то удивляться надо не тому, что он отказался публиковать свой отзыв, а тому, что он его написал. Хотя он и далек по своим научным интересам от хазарской истории, он не мог не откликнуться на более чем смелый вывод, что потомки хазар – это казаки. (Открытие Хазарии. М., 1966, с. 177–180; *его же*. Князь Святослав Игоревич // «НС», 1991, № 7, с. 149). А подобные открытия, почитай, на каждой странице. Рецензент же отвечает еще и за точность цитаций, то есть фактов как таковых. В связи с татаро-монгольскими увлечениями об этом мне не раз приходилось говорить («МГ», 1982, № 1; «НС», 1982, № 4; «МГ», 1991, № 9; 1992, № 3–4). Но метод изложения и хазарской «сюиты» тот же самый. До источников же «евразийцы» обычно не доходят, заблудившись в литературе.

Как это выглядит на практике, можно судить хотя бы по такому примеру. Говорится о дате крещения Ольги. «Б.А. Рыбаков, — пишет Гумилев, — отвергает версию «Повести временных лет»... чем поддерживает мнение В.Н. Татищева, опиравшегося на утерянную Иоакимовскую летопись, и Г.Г. Литаврина, который, пересмотрев византийские источники, обосновал ранее отвергнутую дату – 957 г. Е.Е. Голубинский, сверх того, полагает, что Ольга приехала в Царьград уже крещеной, со своим духовником Григорием, а крестилась еще в Киеве» («НС», 1991, № 7, с. 144–145).

Ссылка на Голубинского дается по Рыбакову, а упоминание Литаврина сопровождается ссылкой на его статью. Но автор ее явно не смотрел, как не смотрел и Татищева, а Рыбакова прочел крайне невнимательно. В результате все перепутано. Так, у Татищева значится 945 год, дату 957 обосновал не Литаврин, а Голубинский. Литаврин же вернулся к дате 946 год, предполагавшейся еще некоторыми авторами XVIII столетия. Именно эту дату поддерживает и Рыбаков. А ведь речь идет о фактах, так сказать, первого ряда.

Что касается хронологии «Повести временных лет», о запутанности которой упоминает Рыбаков, причина ее достаточно ясна: смешение разных космических эр и стилей летоисчисления в результате соединения в летописи источников разного

происхождения. Выявить эти эры можно (они употреблялись не только на Руси), а сопоставление с иностранными источниками позволяет определить и дату крещения Ольги – 959 год, и дату похода Святослава на хазар – 968–969 год, и целый ряд других дат, записанных не по константинопольской, а по старой византийской эре.

И все-таки, пожалуй, Кожин прав: рецензента-филолога удержало не чувство научной ответственности, а страх. Только вряд ли перед боевиками борцов с космополитизмом. Ведь Гумилев в последней своей степной симфонии резко разделил предков казаков, излиха наполненных всеми добродетелями, и евреев, захвативших власть в Хазарском каганате и нещадно угнетавших доверчивых ротозеев. Такой поворот мог вызвать восторг у тех самых борцов с космополитизмом, а в подъезде вместо красно-коричневых можно было встретить желто-голубых.

На последнее обстоятельство уже обратили внимание. В «Неве» (1992, № 4) опубликовано три материала, прямо обращенных к этой теме. Александр Тюрин вспомнил и Сталина, и жидомасонов, но и порекомендовал «почитать «Современник» и послушать «теоретиков» всех фракций «Памяти» у Казанского собора» (с. 225). Примерно в таком же духе (хотя и с комплиментами и вроде бы принимая гумилевскую теорию этногенеза) высказывается и известный востоковед Игорь Дьяконов. Более обстоятелен отклик Льва Клейна, знакомого Гумилева со времени работы на раскопках Саркела – Белой Вежи в экспедиции Артамонова и коллеги по университету. Клейн твердо свидетельствует, что Лев Николаевич «безусловно не антисемит» (с. 228). Я бы тоже мог это засвидетельствовать, хотя долгий и откровенный разговор на эту тему у нас происходил более двадцати лет назад. Видимо, хорошо знал об этом и высокочтимый филолог. Возможно, знал он и о другом: зачем было Гумилеву от юдофильства повернуть к юдофобии? Вроде бы никаких видимых причин для этого не было, а из книг Надежды Мандельштам, где главный герой не столько ее супруг Осип, сколько подруга «акума» А. Ахматова (урожденная Аренс) и ее сын Лев, следует, что вроде бы и не должно быть.

К сожалению, и у Кожина мы не найдем разъяснения этой загадки. Он, хотя и в несколько смягченной форме, следует концепции Гумилева. А поскольку в концепции нет внутренней логики, то и последователь оказывается вынужденным постоянно

противоречить самому себе. С «делом Артамонова» вроде бы разобрались. Но под стать ему еще и «дело Платонова», к которому автор обращается в одном из лирических отступлений, уверяя, что оно имеет, «быть может, не вполне очевидную, но глубокую связь с той давней эпохой» («НС», 1992, № 11, с. 168). Так и непонятно, за что судили С.Ф. Платонова: за то, что он возглавил группу монархистов, или за то, что принял на работу зятя А.А. Шахматова еврея Коплана, равно как непонятно, за что получил пять лет Коплан: за то, что он еврей, или за то, что читал в православной церкви на клиросе. Если же разбираться в процессах 1928–1929 годов по существу, то надо иметь в виду, что это были разные процессы. Одних судили как монархистов, других как кадетов (Л.В. Черепнин в их числе), третьих (в Ленинграде) как масонов или членов организаций масонского типа (похоже, единственный в истории страны подобный процесс).

И все-таки писать «про хазар мемуар» необходимо с салтово-маяцкой культуры. Никто не пускается во взаимные обвинения, пока идет речь о первых двух веках хазарской истории, когда ищут местонахождение какого-то упоминаемого источниками города, включая и пропавшую столицу Итиль. Но как только заходит речь о салтово-маяцкой культуре VIII–X веков в бассейне Дона и Северского Донца, страсти закипают. И дело в том, что это самый развитый и представительный район на всей территории, предположительно входившей в состав Хазарского каганата. Кожинов всякий раз, упоминая эту культуру, в скобках поясняет: «то есть хазарская». С.А. Плетнева, занимавшаяся раскопками в этих районах (наряду с М.И. Артамоновым, И.И. Ляпушкиным и многими другими), удостоилась титула «наиболее выдающегося исследователя» за то, что включила их в зону хазаро-славянского пограничья. В отличие от Поволжья здесь достаточно плотно встречаются «величественные развалины белокаменных замков». Могильники сохранили останки воинов, захороненных с оружием и конями. Впечатляющая картина. И вывод, что эта полоса укреплений развертывалась для наступления на славянские племена, поскольку расположена не на левобережье, а на правобережье Дона. На этом выводе и сооружает Кожинов башню хазарского Вавилона.

Самое удивительное то, что вопрос об этнической принадлежности салтовцев, по существу, ни у кого не вызывает сомнений: это аланы. Никто не оспорил археологических аргументов

И.И. Ляпушкина, никто не взял под сомнение заключений антропологов (длинноголовый индоевропейский тип). И материальная культура, и внешний облик салтовцев вполне тождественны аланскому населению Северного Кавказа. Все это не вызывало сомнений у М.И. Артамонова, ясно С.А. Плетневой и А.П. Новосельцеву. Откуда же взялась версия о салтовцах как хазарах?

В данном случае перед нами пример зависимости оценки источника от концепции, а концепции от каких-то субъективных настроений. Стремление как-то сблизить хазар и алан изначально просматривалось у М.И. Артамонова, да и у других хазароведов. Дело в том, что хазары почти неуловимы: они кочевники, следы которых затеряны в степи, и облик их неясен, поскольку умерших они сжигали. В 1936 году М.И. Артамонов (не без влияния Н.Я. Марра) склонен был считать, что «и болгары, и хазары могут быть возведены к сарматам, но скрещенные с угорскими племенами» («Очерки древнейшей истории хазар», с. 121). Иными словами, предполагалась некая смесь иранских и угорских языков. В результате тюркского завоевания хазары проникаются тюркскими элементами. Позднее ученый этим элементам придавал большее значение, предполагая даже распространение тюркского языка по всей территории, подвластной хазарам.

Что хазары принадлежали к тюркской ветви, засвидетельствовано «царем» Иосифом в середине X века в его знаменитом письме испанскому еврею Хасдаю. Он производит хазар из рода Тогармы, сына Иафета, а Тогармой в древнееврейской литературе именовали тюркские народы. Не отрицая алано-болгарской принадлежности поселений и могильников Подонья, М.И. Артамонов стал склоняться к мысли, что и эти народы были ассимилированы тюркоязычными хазарами. Эту мысль вроде бы проверил и подтвердил тюрколог А.М. Щербак, прочитав ряд надписей салтово-маяцкой культуры как тюркские, и М.И. Артамонов немедленно принял это прочтение как огромной важности факт (обе статьи опубликованы в сб. «Советская археология», т. XIX, 1954). Заключение М.И. Артамонова приняла и С.А. Плетнева, признав вероятным, что уже к середине VIII века на территории каганата распространился «общий язык», который восприняли «даже ираноязычные аланы» («Хазары». М., 1976, с. 46). Теперь археолог поражается «широко распространенной среди жителей Хазарии грамотности» и заключает, что «общий язык и письменность были еще двумя

факторами, которые объединяли обитавших на огромной территории жителей каганата в единое целое».

Между тем серьезнейшее и ответственное концепционное заключение базируется на простом недоразумении. Еще в 1971 году вышла книга Г.Ф. Турчанинова «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы», в которой основательно разобраны все эти надписи. Автор показал, что Щербак не только неверно перевел, но даже неверно воспроизвел все надписи, поскольку в оригинале их даже и не видел. В действительности – одни надписи оказались алано-осетинскими, а другие – черкесскими (с. 66–79, табл. XXX–XXXI, I–III). Тюркоязычными оказались надписи в Саркеле. Но этот город и строился как крепость хазар на крайнем западе, хотя жили там, помимо хазар, также аланы, славяне и выходцы из некоторых других племен и народов.

По заключению Турчанинова, письмо это восходило к арамейскому в так называемом сирийско-несторианском изводе VIII–XIII веков. Именно это письмо было заимствовано и хазарами. Но в указании на него персидского историка XIII века Фахр ад-дина Мубаракшаха сказано, что оно заимствовано из «русского». «У хазар, — говорит историк, — есть такое письмо, которое происходит от русского; ветвь румийцев, которая находится вблизи них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Хазары пишут слева направо, и буквы не соединяются между собой. У них 21 буква... Та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудейство» (Турчанинов, с. 96–97).

О том, что значит здесь этноним «русский», поговорим ниже. Пока отметим, что аланы сохраняли свой язык и после X века, и доказательства этого также приводит Турчанинов. Он напоминает, в частности, что в 1116 году сын Владимира Мономаха Ярополк, посланный против половцев, взял по Северскому Донцу три города и привел себе красавицу жену – дочь ясского князя. (Автор процитировал Ипатьевскую летопись; в другой древнейшей летописи – Лаврентьевской, сказано, что князь также «приводе с собою ясы».) Похоже, этот поход был связан с восстанием покоренных половцами народов, так как из другого района после двухдневного сражения с половцами на Русь пришли торки и печенеги. Сами города, подчиненные половцам, очевидно, не ими были построены и не ими заселены. Интерпретируя летописный рассказ о большом походе на половцев русских князей в 1111 году, известный русский византист, специально пи-

савший о христианстве у алан, Ю. А. Кулаковский и вслед за ним Турчанинов, обращают внимание на то, что население одного из взятых на Донце городов (Шаруканя) было христианским (оно открыло ворота не перед войском, а перед попами, которые пели тропари, и кондаки, «и канон в честь святой Богородицы»).

Турчанинов ссылается также на работу венгерского тюрколога Ю. Немета, который показал, что даже и в 1239 году пришедшие в Венгрию вместе с половцами аланы-ясы говорили на своем языке и сохраняли его вплоть до XV столетия (статья, опубликованная в 1958 году в Берлине, перепечатывалась в Орджоникидзе в сокращенном переводе известного ираниста В. И. Абаева).

В общем, фактов, свидетельствующих о принадлежности салтовских поселений аланам и в период хазарского господства, и позднее, равно как и о сохранении ими своего языка, так много, что можно лишь недоумевать, почему хазароведы их игнорируют. При этом надо иметь в виду, что строителями городов и создателями высокой культуры, включая письменность, были именно аланы, а не хазары.

Другой этнический компонент, представленный брахикранными (круглоголовыми) захоронениями, по Турчанинову, оказался черкесским (касоги русских летописей). В летописи «ясы и касоги» часто идут в паре. Так, они упомянуты и в известии о походе Святослава, приведшем к гибели Хазарского каганата: «Иде Святослав на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и соступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их Белу Вежу взя. И ясы победи и касоги».

Событие, записанное в летописи под 6473 годом, произошло в 969-м, а не в 965 году, как обычно переводят дату, исходя из константинопольской эры. Оно отражено в достаточно современных восточных источниках. В данном случае оставим в стороне суждения о маршруте похода Святослава, в частности, вопрос о том, на какую Болгарию ходил перед этим Святослав, на Волжскую или Дунайскую. По летописи, поход на хазар русский князь предпринял, дабы освободить вятичей от хазарской дани и подчинить их Киеву. Белая Вежа (Саркел), ясы и касоги – это все область Подонья, где и произошло решительное столкновение русских с хазарами. Что же касается разгрома собственно хазарских поселений в низовьях Волги, то летопись об этом ничего не знает.

Это не означает, однако, что сообщения Ибн Хаукаля о разрушении русами городов на Волге недостоверно. Надо лишь разобратся, о каких русах идет или может идти речь. И в этой связи мы сталкиваемся еще с одним удивительным явлением: хазароведы игнорируют едва ли не бóльшую часть известий о хазаро-русских отношениях, поскольку они не укладываются в их представления и о хазарах, и о Руси.

Как было отмечено, Турчанинов установил, что «русским» персидский историк XIII века назвал в действительности аланское письмо (хотя отдельные совпадения этого письма с глаголицей и кириллицей Турчанинов тоже отмечает). Но ему это указание представлялось единичным заблуждением. Между тем восточные авторы систематически называют аланов Подонья «русами». Сведения эти собрал и проанализировал известный украинский археолог Д.Т. Березовец (статья «Об имени носителей салтовской культуры» в сб. «Археология», т. XXIV, Київ, 1970). Как археолог Березовец более всего и занимался восточной окраиной славянства и салтовской культурой, поэтому непонятно игнорирование этой принципиальной работы хазароведами.

Особенно убедительно «наложение» катакомбных погребений салтовского и сходных с ним могильников с описанием характера погребений русов у Ибн-Русте (конец IX – начало X века). Автор указал, в частности, и на то, что описанный Ибн-Русте погребальный обычай до наших дней сохранялся у потомков алан – осетин (с. 70).

Березовец предполагал, что именно от салтовцев имя «Русь» перешло и на приднепровские славянские племена. За этим предположением следовать нет необходимости, поскольку источникам известны многие «Руси» (более десятка) и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке (сводку этих известий см. в кн. «Откуда есть пошла Русская земля», 1986, кн. 1). Проблема заключается в другом: почему аланов Подонья восточные авторы называли «русами»? И в этой связи встает вопрос о Причерноморской Руси, которую также хазароведы игнорируют.

Литература о Причерноморской Руси обширна, и в числе занимавшихся этой темой ученых было много блистательных умов (начиная с Г. Эверса и В.Г. Васильевского). В сущности, и спорили лишь потому, что искали и не находили здесь славянскую Русь. А Русь первоначально всюду была неславянской. О том, что она была таковой в VIII–IX веках в Крыму, достаточно

убедительно показал Д.Л. Талис (статья «Росы в Крыму» в журнале «Советская археология», 1974, № 3).

Талис поддержал идею Березовца и попытался найти доказательства того, что и в Крыму «росами» называли алан. Но археологическая и антропологическая близость просматривается в могильниках юго-западного Крыма и брахикранных захоронениях Подонья. Обычно предполагается, что и тут, и там оставили след жившие здесь ранее болгары. Но захороненные в могильниках Крыма практически не имели монголоидной примеси (статья Ю.Д. Беневоленской «Антропологические материалы из средневековых могильников юго-западного Крыма» в «Материалах и исследованиях по археологии СССР», вып. 168. Л., 1970). Главное же заключается в том, что Восточный Крым, с которым, собственно, и связывается имя Русь (Росия), имел иное население – именно долихокранное (длинноголовое), но отличающееся от салтовского. Кстати, долихокранами представлено почти исключительно мужское население, тогда как женское практически не отличалось от погребенных в могильниках Западного Крыма. А это значит, что в какое-то время на эту территорию пришла и здесь осталась лишь мужская половина.

Большинство хазароведов норманисты. А.П. Новосельцев считает этот вопрос давно решенным и советует читать летопись так, как она написана. А в летописи есть единственное прямое указание на место расселения «варягов», и оказывается, что жили они на Балтийском побережье между «ляхами» и «англами» – южной частью Ютландского полуострова, а также на восток от Балтики до «предела Симова», каковым летопись представляла Волжскую Болгарию. Надо иметь в виду также, что германоязычие (скандинавское происхождение) варягов доказывается известиями, относящимися к «руси» («русские» названия порогов, «русские» имена, послы народа «рос», «русы» как «нордманы» у Лиутпранда, «русы» в Андалузии). А как в восточных, так и (многочисленных!) западных источниках речь идет о *разных* «русах» и Русиях. В самой «Повести временных лет» достаточно ясно противостоят две концепции начала Руси: дунайская – полянская (с выходом из Норика – области средневекового Руги-ланда – России) и варяжская. Вообще из летописи нельзя выдергивать отдельные строчки. Ведь почти два столетия назад было доказано, что летописи – это своды, сборники разновременных и разнохарактерных сказаний и разного рода сведений. В «По-

вести временных лет» ясно просматривается первый значительный рубеж – конец X века (об этом писали Н.К. Никольский, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков и ряд других специалистов, включая и автора настоящего отклика), а «застывший» облик она обрела не ранее 20-х годов XII столетия. Совсем не случайно, что в «Повести...» отразились *три* разных представления о варягах, и относятся они, очевидно, к разным эпохам и разным летописным традициям. Без сознательного отношения к источнику, без учета условий и времени происхождения каждой записи, отсылки к летописи в лучшем случае лишь ставят вопрос, но никак его не решают.

Вообще такие темы, как начало Руси, начало христианства на Руси, начальные этапы русского летописания – темы, тесно связанные между собой и требующие глубоко продуманной методологии (как понимания исторического процесса, так и путей добывания информации из источников). Опубликовав около десятка книг и более полусотни статей по этим вопросам, я хорошо сознаю, сколь далека наука пока от «окончательного» решения всех этих вопросов. А потому несколько небрежных строк о русских летописях в книге А.П. Новосельцева – это не выражение мнения, а скорее свидетельство его отсутствия.

Наиболее удивительна дисгармония, внесенная под влиянием норманизма автором «степной симфонии» Л.Н. Гумилевым. В книге «Древняя Русь и Великая степь» (1989) он неоднократно в соответствии с источниками отождествляет племя «русь» с балтийскими «ругами», говорит о необходимости поразмыслить об этом и даже дает отсылку, что к такому же выводу «одновременно» пришел и Кузьмин (речь идет о книге «Падение Перуна», где кратко пересказаны сделанные в ряде публикаций выводы). Кстати, к тому же выводу на языковом материале пришел видный специалист в области сравнительного языкознания В.И. Кодухов (к сожалению, статья его так и не увидела света). Но, видимо, концепция Гумилева сложилась раньше и «размышление» уже мало что в ней могло изменить. Он вполне резонно полагал, что причерноморские «росы» – это «росомоны» («розоמוны») автора VI века Иордана, но даже и Иордан не учтен в полной мере. Ведь у Иордана упомянуты и «роги» как подданные готской державы Германариха (возможно, те же розомоны), а также говорится об отступлении к Днепру и Черному морю части рогов вместе с гуннами после поражения гуннов от гепидов

во второй половине V века. Другие группы ругов-русов, рассеянные по Европе (в том числе Восточной), в его поле зрения не попали. В результате источники (в частности, восточный), говорящие о разных «русах», проецируются у него на одну и ту же Русь (именно росомонов).

Бесспорно и то, что «русь» изначально не славяне. Но они и не германцы, что видно хотя бы из германских источников. Это особая ветвь индоевропейцев, именуемая в современной лингвистике «северными иллирийцами». Они вечные противники готов и в Прибалтике, и в Причерноморье, и на Дунае, и в Северной Италии. В силу исторических причин в большинстве областей они усвоили славянскую речь, считая себя особым аристократическим родом.

Легко убедиться в том, что летописи дают две разные концепции начала Руси (поляно-дунайскую и варяго-русскую). И обе они в основе достоверны: в Киеве сохранялись предания о переселении с Дуная (Норик – область Ругиланда), а новгородцы и прямо вели себя «от рода варяжска».

Гумилев принимает и обоснованную разными источниками версию о переселении значительных масс балтийских славян с южного берега Балтики на восток. Но и этот важный факт никак на его концепцию не влияет. Считая желательным, чтобы подтвердилась гипотеза о происхождении Рюрика из рода ругов (в средневековых генеалогиях его выводят от славянского племени ободритов), автор ссылается на Г. Ловмянского, но цитирует его по Г.С. Лебедеву. Но Лебедев принимает старую версию о тождестве новгородского Рюрика с Рориком фрисландским, тогда как Ловмянский эту версию отрицал. И ни тот, ни другой не считал Рюрика ругом. Да и сам Гумилев ниже назовет Рюрика «варяжским конунгом», имея в виду норманнов (§ 41–42), а летописцу он предпочитает «не верить». (И через такую чехарду приходится продираться по всей книге.) А за пределами летописи автор находит, что в 852 году русы (из Крыма) «взяли славянский город Киев», а тем временем хазарские иудеи с помощью европейских договариваются с норманнами: «два хищника... в 859 г. договорились о разделе сфер будущих завоеваний». Так истолковано сообщение о дани варягам северных племен и хазарам – южных. Вплоть до второй половины X века русские князья – вассалы Хазарии, собирающие со славянских племен тяжелейшую дань для хазарских иудеев.

В. Кожин в целом принимает эту схему, принимая и норманизм без оговорок и даже отрицая сам факт существования Причерноморской Руси. Автор считает, что данные о ней (приводимые и Гумилевым) отвергнуты современной наукой. Но норманисты их всегда отвергали. Вопрос же заключается в том, были ли это потомки ругов, живших здесь в III–IV веках, потомками ругов, отступавших сюда в V веке из Подунавья (пальчатые фибулы Крыма и Поднепровья VI века имеют дунайское происхождение), или же на Причерноморье название «Русь» пришло с Северского Донца из земли алан.

Размежевать донецких русов-алан и крымско-таманских русов помогают сведения о Росской митрополии. Она впервые упомянута при императоре Льве VI (886–912) и патриархе Николае Мистике (901–907). Ясно, что имелась в виду не Киевская Русь: договор Олега с греками явно не предполагает наличия в его войске христиан (в отличие от позднейшего договора Игоря). Источникам известен город Росия. Специалисты полагают, что это Боспор (нынешняя Керчь). У автора XII века Идриси этот город обозначен в 27 милях от «Матрахов» (Тмутаракани). По хрисовулу Мануила I 1169 года, генуэзские купцы получали право торговать во всех областях царства «за исключением Росии и Матрахи». Сама связка двух наименований указывает на своего рода замок, закрывающий путь через Керченский пролив («Русийя» у Идриси) к народам Северного Кавказа и Подонья.

В перечне митрополий начала X века Алании еще нет. Позднее она займет место после Росии. Это соответствует факту крещения аланов в 932 году. И хотя митрополию хазарам вскоре удалось упразднить, христианство у алан, как было сказано, сохранялось, а после разгрома Каганата была восстановлена и митрополия (имеется упоминание митрополита аланского в конце X века).

Аланы, готы и русы (руги) взаимодействовали в течение многих веков (и в Подунавье, и в Причерноморье), возвышались то одни, то другие. Очевидно, в какой-то момент в представлении восточных авторов русы заслонили алан. К тому же названия аланских племен аорсов, роксолан усугубляли путаницу у авторов, далеко отстоящих и территориально, и во времени. Византийцы же их различали достаточно четко, поскольку выступали там в роли миссионеров.

Кожин, вслед за М.В. Левченко, видит доказательство существования лишь Поднепровской Руси (в отличие от Левчен-

ко считая ее норманской) в известном послании патриарха Фотия (до 867 г.), где росы, напавшие на Византию в 860 году, представлены народом, явившимся откуда-то издалека, отделенного от Византии странами, реками и «лишенными пристанищ морями». Но у Фотия нет указаний на то, когда из-за морей росы пришли, равно как и на то, что они вернулись после похода на исходные места. Кстати, русский князь Бравлин, упоминаемый в Житии Стефана Сурожского в связи с событиями в Крыму в конце VIII века, может быть, именно тогда и появился на берегах «Русского» моря. Дело в том, что его имя явно созвучно названию города Бравалла, близ которого в 786 году фризы были разбиты датчанами, после чего многие из них переселились на восток, рассеявшись по славянским городам и землям южного берега Балтики и обозначив себя в древнейшем слое Ладоги. Фотий мог иметь в виду и переселения II–III веков, когда выходцы с побережья Балтики и Северного моря обрушивались на малоазиатское побережье, переплывая на своих судах море и возвращаясь назад к Кимерийскому Боспору.

Доказательства же тождества причерноморских и поднепровских русов строятся обычно на других источниках, главным из которых является Лев Диакон – современник Святослава, давший обстоятельное описание и похода Святослава на Дунай, и облика русов, и их места обитания. Для него (и не только для него) русы – это тавры или тавроскифы. Он считает это имя подлинным, а название «росы» простонародным (Лиутпранд производит его от внешнего вида росов – «красные», что, кстати, этимологически вполне оправдано: различия в написании этнонима «русь» в разных языках, как правило, связаны с разным написанием и произнесением индоевропейского «красный, рыжий»). Собственно тавров, некогда живших в Крыму, и русов Святослава Лев Диакон не различает.

В отрицании норманской теории Кожинов видит «одно из ярких выражений своего рода комплекса национальной неполноценности, присущего, увы, достаточно большому количеству русских людей («НС», № 9, с. 154). Но, принимая ее, так сказать, безоглядно, он сам постоянно сталкивается с фактами с точки зрения норманизма необъяснимыми. Много страниц, например, уделено у него еще одному евразийскому государству, якобы повлиявшему на Русь: Хорезму. Автор полагает, что евреи из Хорезма занесли в Хазарию иудаизм, а затем, когда власть

иудеев в Каганате рухнула, многие из них попали на Русь, принеся туда «очень высокую культуру», в результате чего их воздействие оказалось более значительным, чем норманское. «Характерно, — пишет автор, — что Русь, в частности, не восприняла скандинавских богов, а как раз напротив — варяги стали поклоняться восточнославянским божествам, в том числе и «пришедшим» из Хорезма» («НС», № 11, с. 172). Речь идет о божествах Хорс и Симаргл. Можно было бы добавить сюда также Сварога и Стрибога. Только надо иметь в виду, что «иранское» не обязательно хорезмское: гораздо ближе к Руси аланы и некоторые другие ираноязычные племена, некогда заселявшие степные просторы Причерноморья и Северного Кавказа. К тому же надо учитывать, что божества эти известны и в Индии (об этом писала Н. Гусева), и восходят скорее не к иранскому, а к индо-арийскому (мощный топонимический пласт его в Причерноморье выявил О.Н. Трубачев). Непонятно и то, каким образом хорезмийские евреи могли принести на Русь языческие божества. Главное же заключается в том, что боги русской дружины — это Перун и Велес, а не Один или Тор — прославленные скандинавскими сагами. И пришли эти боги именно вместе с русами, причем на южном берегу Балтики даже в конце XVIII века четверг у потомков балтийских славян назывался «Перундан» — «день Перуна» (по аналогии с немецким «Доннерстаг» или французским «жоди» — «день Юпитера»).

Как правило, от своих богов народы не отказываются, даже меняя верования. Тот же Перун в Новгородской земле будет жить, по крайней мере, до XVII века. И если в Киеве от него легко отказались («Слово о полку Игореве» его даже не упоминает), то это потому, что он был привнесен сюда с севера теми русами, которые клялись им, заключая договоры с греками. И не случайно, что первые русские христиане (а они, как установлено археологами, пришли во второй четверти X века из Великой Моравии) посвящают свой соборный храм Илье-проку, функции которого в народных представлениях буквально воспроизводили Перуна.

Славянское и русское язычество различалось, причем существенно. Эти различия сохранялись веками, доживая даже и до наших дней. Язычество вообще прочнее «книжных» религий, поскольку связано с повседневным бытом. И если ни в славянском, ни в русском язычестве нет скандинавских черт, то это по-

тому, что ни варяги, ни русь скандинавами не были. На это в XIX столетии указал С. Гедеонов. И одного этого аргумента достаточно, чтобы искать для русов и варягов иную, не скандинавскую родословную. Стоит напомнить также, что Рюрик со своими варягами строили Новгород, Изборск, Белоозеро (последний вообще не на славянской территории), а Петр со своими варягами Петербург, Шлиссельбург, Нотебург, Кронштадт (до 1723 года Кроншлот).

Прав С. Гедеонов и в своем главном заключении: норманское вето парализует возможность изучения русской истории. Ни социального строя, ни культуры, ни политической истории Руси не понять через призму скандинавских саг, тем более что ни варягов, ни руси они не знают до эпохи Владимира. Теперь к норманскому вето намереваются добавить хазарское. И в этой связи также, как уже можно было видеть, допускается серьезный перебор.

Совершенно очевидно, что Русь Причерноморская была неким яблоком раздора между Хазарией и Византией, и в рамках этого противостояния пользовалась большей или меньшей свободой и самостоятельностью. Достаточно очевидно и то, что именно причерноморские русы могли совершать довольно многочисленные походы на Каспий в IX–X веках, причем шли они на Каспий через территорию Хазарии, либо договариваясь с хазарскими властями, либо игнорируя их, а путь обычно шел вверх по Дону и затем вниз по Волге и по морю. Хазары обычно подстерегали русов, возвращающихся из похода, подобно тому, как печенеги караулили в порогах Святослава. Все это в определенной степени характеризует и Хазарию как государство, все это заставляет остановиться и на вопросе о том, что являла собой хазарская дань.

«Дань» – понятие многомерное. Это и устойчивая – веками – выплата своеобразного государственного налога (отсюда «подданные»), и контрибуция с побежденных, и откуп от рэкетиров эпохи Великого переселения и раннего феодализма. Византии – самому могучему государству Передней Азии – приходилось платить «дань» и русским князьям, и болгарам, и едва ли не всем своим соседям. Каким-то варягам Новгород платил дань вплоть до смерти Ярослава. Б.А. Рыбаков не случайно засомневался в том, что была ли вообще хазарская дань как система или же речь идет о каких-то разовых выплатах, вроде поборов с проезжающих купцов и возвращающихся из дальних походов дружин.

Далеко не ясно также, что представляла собой дань хазарам со славянских племен по летописи.

Следует иметь в виду, что летописи дают разные представления и о сути хазарской дани, и о ее размерах. Обычно цитируют текст из сказания о призвании варягов в трактовке Б.Д. Грекова, принятой Д.С. Лихачевым: «Варяги из заморья взымали дань с чуди и со славян, и с мери, и с всех кривичей, а хазары брали с полян и с северян и с вятичей, – брали по серебряной монете и по белке от дыма». Новосельцев полагает, что в тексте речь идет лишь о хазарской дани, причем и серебром, и мехами (с. 210). Но надо иметь в виду, что это текст, возникший на севере, и предполагает он как раз дань, вносимую варягам. Именно так текст и читается в Новгородской I летописи: северные племена «дань даяху варягам от мужа по белей веверице», то есть по зимней белке. Тот же размер дани и по древнейшей Лаврентьевской летописи. Ипатьевская летопись дает прочтение «по беле и веверице», что может означать по горностаю (беле) и белке. Такую дань можно признать тяжелой. Но нет уверенности в том, что летописец не разделил слова по своему разумению (в ранних текстах делений на слова не было).

Надо иметь в виду и то, что серебряные монеты имели устойчивый меховой эквивалент. «Кунами» называли на Руси западные денарии (от римского «кованый»), и «куница» получила название от монеты, а не наоборот. Арабский дирхем назывался «ногатой». Он был больше денария, и в «Русской правде» 20 ногат приравнены к 25 кунам. 50 кун составляли киевскую гривну (170 г серебра), а 50 ногат – новгородскую (204 г), равную денежной единице Волжской Болгарии. Белка приравнивалась к «резане» – разрезанной монете. «Бела» в «Русскую правду» не попала, а из упоминаний в источниках ясно лишь то, что она ценилась значительно дороже белки.

Летописи знают и разные единицы обложения: «дым», «двор», «плуг», «муж». Обычно в этом тоже просматриваются и разные эпохи, и разные традиции. «Дым» предполагает «большие дома», в которых жила «большая семья», а «малые семьи» группировались каждая около своего очага. Такие семьи известны в Ладоге и Киеве ранней поры. С «мужа», видимо, брали там, где ремеслом, промыслом или торговлей занимались «ватаги». «Плуг» был единицей обложения у западных славян. По летописи, таковую уплачивали вятичи и радимичи.

О дани хазарам полян сообщает именно сказание о призвании варягов: киевляне сообщили об этом пришедшим с варягами Диру и Аскольду. Соправители «начаста владети Польскою землею». Прибывший сюда в 882 году Олег переводит на себя также дань северян и радимичей (о полянах речи уже нет). Дань с северян названа «легкой». Олег «не дать им Козаром дани платити, рек: «Аз им противен, а вам нечему».

В чем заключалась «легкая» дань – не пояснено. Видимо, она была близка тому, что платили вятичи и радимичи, а те платили «по щелягу от рала». Эти два племени летописец выводил «от ляхов» и «щеляг» – это обозначение самой мелкой монеты в Польше. («Плуг» предполагал земельный участок, обрабатываемый плугом с парой лошадей или волов.)

Летописное известие о «западном» происхождении вятичей и радимичей археологически пока не подтверждено. Непонятно также, почему летописец пользуется польской терминологией. Маловероятно также, чтобы деревня платила дань серебром: не настолько были развиты торговые отношения. Но никаких намеков на тяжесть хазарской дани в летописи не просматривается.

Олег освободил от хазарской дани северян и радимичей. Святослав прошел дальше в землю вятичей. Как и ранее Олег, он справился: «Кому дань даете?». Олег обещал «разобраться» с хазарами, Святослав сначала разгромил хазар, а затем пришел за данью к вятичам. Принуждать их к уплате дани пришлось силой, а позднее и Владимир дважды ходил на вятичей, чтобы получить дань «от плуга, яко и отец его имаше».

Предание о хазарской дани – часть повести о полянах – самого древнего слоя летописи. Оно явно легендарно: хазары пришли требовать дани, и поляне дали от дыма меч. Хазарские старцы увидели в этом дурное предзнаменование: хазарская сабля заострена с одной стороны, а меч – обоюдоострый. Следовательно, Русь, в свою очередь, будет брать дань с хазар, что и сбылось. Дань в этом случае рассматривается как откуп от налетчиков.

Таким образом, летопись дает глухие и противоречивые сведения о дани, взимавшейся хазарами, но из этих преданий и воспоминаний никак не следует, чтобы эта дань была тяжелой. Хазары вообще остаются где-то за кадром. Если учесть, что сведения о хазарах в древнейших текстах летописи явно эпического происхождения, основную идею Кожина – о замене в былинах этнонимом «татарин» ранее там значившегося «хазарина» –

надо признать необоснованной. Создается впечатление, что это и не идея вовсе, а лишь повод поговорить о хазарах.

Гумилев и Кожинев летописи, в общем-то, и не верят. Они отталкиваются от иных источников. Прежде всего от знаменитой «еврейско-хазарской переписки»: писем испанского еврея Хасдая и хазарского царя Иосифа (середина X века). Еще в прошлом столетии стоял вопрос о подлинности документа. И хотя была обнаружена рукопись XI–XII веков, сомнения в подлинности оставались. Специалисты, во всяком случае, склонны считать, что письма эти написаны после жизни Иосифа и имеют литературное происхождение (к этой мысли склонялся и издатель П.К. Ковцев, и В.В. Бартольд, и А.П. Новосельцев). Это значит, что в документе соединены разновременные предания о событиях. Естественно также, что и царь подавал себя в обычной для царей и властителей манере: не стесняясь преувеличениями.

Документ, несомненно, весьма интересный, но читать его следует с учетом названных обстоятельств. И прежде всего, конечно, в сюжетах, касающихся обычных притязаний «царей народов». А именно в этом ряду проходит сюжет о хазаро-русских отношениях. Передается, в частности, такая история. Император Роман (920–944) убедил «царя русов» Халевгу (так у Бартольда, у Новосельцева – Хлг) напасть на хазар. Халевгу взял «воровским способом» город Самбарай (в документе Смкрии; Самбарай поправка из самого «письма»). В отместку хазарский наместник Песах захватил и разграбил три города греков (видимо, в Крыму), осадил Шуршун (видимо, Херсонес, Корсунь русских источников) и заставил жителей платить дань. После этого Песах пошел войной на царя русов, победил его и заставил идти войной на Романа. Халевгу воевал четыре месяца против Константинополя, но войско его погибло, так как греки сожгли огнем корабли. Сам Халевгу ушел морем в Персию (Прс), где и погиб вместе с войском. Русы же попали под власть хазар.

Таков рассказ. К письму он непосредственно не относится и источник его неясен. Обычно обращают внимание на имя «царя», соблазняясь отождествить его с именем князя Олега. Норманисты видели в имени доказательство того, что имя Олег восходит к скандинавскому Хельги. Но это имя в более близкой форме известно и тюркскому, и иранскому языкам: «улул» в тюркском «великий», и как заимствование в иранском оно звучит с тем же значением «Халег». Не исключено поэтому, что

это ни ой ая м ла о
в данном случае вообще осмысление автора этой части до-
стает. И во всех случаях речь идет, конечно, о Причерномор-
е Руси, хотя заметны отголоски и похода Игоря 941 года.
Д. Н. Гумилев не сомневался, что Песах победил именно
«скифских русов». «Каганату удалось не только обложить Киев да-
но и заставить славяно-русов совершать походы на Визан-
тисского врага иудео-хазар». Как о само собой разумею-
мся говорится о том, что Игорь был убит «за сбором хазар-
ской дани». Подвело Игоря и известное легкомыслие: «После
похода Песаха киевский князь стал вассалом хазарского царя, а
следовательно, был уверен в его поддержке. Поэтому он пере-
стает считаться с договорами и условиями, которые он заключил
с своими подданными, полагая, что они ценят свои жизни
больше своего имущества. Это типично еврейская постановка
вопроса, где не учитываются чужие эмоции». И т. д. («НС», № 7.
144). «Объевреившегося» Игоря убила обидевшаяся дружина
Свенельда (версия «Повести...» полностью отвергается, а ис-
точники альтернативной легенды не проясняются).

Между тем не только Киев, но и Русь Причерноморская оста-
валась вполне независимой от Хазарии. Именно в 943 году русы
совершили большой поход к южному побережью Каспия, захва-
тив город Бердаа (конечно, это были не киевские русы, у кото-
рых было достаточно забот с Константинополем и с собственны-
ми подданными – уличами и древлянами). Царь Иосиф в пись-
ме Хасдаю (служившему у мусульманского правителя Кордовы)
ставил себе в заслугу то, что он стережет устье Волги и не пуска-
ет к морским побережьям русов, защищая таким образом му-
сульман. «Я веду с ними войну. Если я бы их оставил в покое на
один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багда-
да». Русы, однако, на Каспий проходили, и хазары вместе с му-
сульманской гвардией, видимо, не в состоянии были этому по-
мешать (хотя не исключаются и договоренности за счет добыто-
го в походах «за зипунами»).

Кожин, вслед за Гумилевым, считает, что Аскольду не уда-
лось освободиться от хазарской дани, «поскольку... Олег снова
должен был воевать с хазарами» («НС», № 11, с. 179). Только на-
до оговорить, что воевал он за северян и радимичей, а не за по-
лян, в отношении которых так вопрос не стоял. Принимает
Кожин и версию Гумилева, будто все походы русов на Визан-
тию направлялись хазарами, а жестокость русов во время этих

походов, в частности, во время похода 941 года, объясняется тем, что они «имели опытных и влиятельных инструкторов» из хазар («НС», № 12, с. 168 и далее).

Кожинов верно замечает, что все сведения о «жестокостях» взяты из византийских хроник, но почему-то считает, что византийцы, имевшие многовековой опыт членовредительства и самых изуверских расправ, писали сущую правду и взывали к человеколюбию. А стоит открыть любую европейскую, да и русскую хронику, чтобы убедиться в том, что врагов всегда упрекают в зверствах, а своих зверств не замечают. И если рассказы о зверствах норманнов или татаро-монголов не вызывает сомнений, то это потому, что и в самих их сказаниях говорится примерно о том же, да и результаты – разрушенные города – налицо.

Итак, оба публициста «раздувают» Хазарию, возвышая ее над Русью – неважно каким путем: то ли за счет необыкновенного взлета цивилизованности, то ли как страшного паразита, веками грабившего и угнетавшего русский народ. Поскольку ни то, ни другое не соответствует действительности, неизбежно возникает вопрос: а зачем это делается? Ну и, конечно, кому нужна эта ложь? Славянам? Ни в коем разе! Русам? Тоже нет! Хазарам? Хорезму? Пожалуй, ответ можно еще поискать в особо остром сюжете: иудаизме Хазарии.

Иудаизм Хазарии, естественно, давно привлекал внимание и «семитов», и «антисемитов». И в рассматриваемых публикациях эта тема, может быть, кардинальная. У Гумилева в последней работе вопрос раскрывается до прямолинейности четко: паразиты-евреи погубили добрейших хазар, захватив власть над ними и создав тоталитарную систему. Кожинов старается пройти между Сциллой и Харибдой, предупреждая и возможные обвинения в антисемитизме, и вероятные обвинения в русофобии.

Писать на такие темы трудно: лишь особо уполномоченные имеют право сказать правду. Хотя бы частичную. В свое время опубликовал я небольшую статью о хазарском иудаизме, защищая первого русского историка Татищева от нелепых обвинений в антисемитизме (само это понятие появится лишь во второй половине XIX века). Речь шла об оригинальных сведениях Татищева в связи с восстанием в Киеве в 1113 году и выселением иудеев после восстания 1124 года (статья вышла в «Вестнике МГУ», серия истории, № 5 за 1972 г.). В статье доказывалось, что иудаизм Хазарии не был ортодоксальным, сближаясь с караимством. И

расана, и из Византии, а какие-то общины издревле существовали и на месте. Кожинов поставил задачу подкрепить соображение С.П. Толстова о преобладающей роли Хорезма, с чем связал и отступление в историю еврейства, и пропаганду «евразийской концепции» («НС», № 11, с. 172).

Нестойким «евразийцам» напоминают о том, что «к VIII веку Хорезм представлял собой государство с исключительно высокой цивилизацией и культурой». Евреи в авангарде этого подъема, и сам Хорезм основан ими. Автора привлекает эпизод начала VIII века, когда родственник шаха Хуразад попытался захватить власть. Соединив мнения узбекского историка Я.Г. Гулямова и Толстова, Кожинов увязал в этом движении военное сословие со старым дехканством (в пояснении Кожинова «феодалов») и еврейскую «интеллигенцию». Те и другие каким-то образом сошлись на идеях маздакизма, а это движение «было «социалистическое» или «коммунистическое» по своей направленности», преследовавшее «цель установления экономического равенства и общности имущества – вплоть до обращения в «коллективную собственность» женщин» (с. 173).

Борьбой за власть в Хорезме воспользовались арабы. В результате «коммунистам» пришлось бежать в Хазарию. Если бы они по пути заглянули в Горган, то обрели бы еще и Красное знамя (под таким знаменем проходило восстание в VIII веке в Горгане). Но, захватив власть в Хазарии, еврейские «коммунисты» не спешили воплощать провозглашаемые идеалы. «Необходимо отметить, — прозрачно намекает Кожинов, — что, встав во главе Каганата, иудеи отнюдь не стремились насаждать маздакитский «коммунизм», который нужен был лишь тогда, когда задача состояла в сокрушении наличной государственной власти, — как в Иране начала VI века или, позднее, в Хорезме начала VIII века. Так, у хазарского кагана, полностью подвластного царю-каганбеку, был обширный гарем, и на него никто не покушался...» (с. 174). На наши времена это, конечно, очень походит. Но факта отсутствия «коммунистических» идей у хазарских иудеев все-таки маловато для признания их за «коммунистов» Хорезма.

Сюжет, как видим, для тех, кто раздражается при одном упоминании о «пламенных революционерах». Ну а для тех, кто, напротив, испытывает к ним симпатию, можно порекомендовать статью в «Дне» (№ 18 за 1992 г.), где автор не без гордости говорит о своих родственниках из их числа.

Иудейская знать в Хазарии действительно не чуралась гаремов. И это лишний повод для разговора о характере хазарского иудаизма. К тому же Кожин в пространных рассуждениях об антисемитизме не отличает его от антииудаизма. А антисемитизм рожден в рамках расовых теорий и предполагает также арабов (даже прежде всего). Иудеи же есть и черные, и красные, и желтые.

Хазарский иудаизм, безусловно, не был ортодоксальным. Как уже упоминалось, письменность хазары заимствовали у «русов» (в данном случае у алан). Об этом, кстати, было известно как раз хорезмийской «интеллигенции». Писали они слева направо (в иврите справа налево), буквы «алеф» в алфавите не было.

Не гармонирует с ортодоксальным иудаизмом и этническая генеалогия, излагаемая царем Иосифом в письме Хасдаю. Царь прямо производит свой народ от «рода Тогармы, сына Иафета», то есть от тюрков, которым в Библии места не находилось. А означает это, что хазарские иудеи не были закрытой сектой «избранного народа».

Иосиф упоминает и о диспуте между раввином и христианским священником, в результате которого «верхи» предпочли иудаизм. Такой диспут имел смысл, если представлялась возможность выбирать и не надо было приносить справку от «матери-еврейки». В подобном диспуте участвовал в 860 году и Кирилл, причем, по Житию, он кого-то убедил в преимуществах христианства. А «антисемит» Татищев считал на основе имевшихся у него материалов, что хазары – те же славяне, поскольку иевские иудеи говорили на славянском языке.

В хазаро-еврейской переписке сказано и о появлении в Хазарии ортодоксов, наставлявших правителей иудейскому уму-азуму. Они наверняка осложняли положение правящего клана, о преодолеть приверженности знати к своей тюркской генеалогии не могли.

Очевидно, в связи с характеристикой хазарского иудаизма выбирать следует между библизмом и караимством. Библизм – учение, не знавшее еще Талмуда, караимство – реакция на Талмуд. Видимо, здесь были те и другие. Нынешние караимы, как известно, тюркского происхождения, и естественно связывать их Хазарией, хотя подобные общины были и в Волжской Болгарии, и в низовьях Волги у «хвалис». Русский летописец, отвергая версию о семитском происхождении половцев, отнес к семитским два упомянутых народа («сыны Аммоновы» и «сыны

Моавли»). «Обучение истинной вере» привело лишь к тому, что топонимию Ближнего Востока перенесли на Восточную Европу (киевские иудеи называли местное население «ханаанцами»).

Хазарию иудаизм не укрепил и в таком виде. Держался он там за счет союза с мусульманами, составлявшими придворную гвардию, а отношение мусульман к иудеям часто определялось событиями, происходившими в разных мусульманских областях. Ортодоксы и на месте могли взорвать эту зыбкую гармонию. Походу Святослава предшествовали и преследования христиан, и столкновения иудеев с мусульманами едва ли не по всему христианскому миру. Святослав явно пользовался сочувствием части населения Каганата, причем не только славянского. Видимо, причерноморские русы тогда и стали осознавать себя частью славяно-русского мира и здесь появится Тмутараканское княжество, как часть Киевской Руси.

И все-таки, в чем же смысл хазарских страданий двух известных публицистов? «Евразийская» основа исканий тем и другим не скрывается, а «евразийство» предполагает безразмерный Черемушкинский рынок, где Азия продает, а Европа покупает втридорога свою собственную продукцию. Целое столетие вычеркнуто из истории Руси, «потомкам хазар» казакам подброшена идея обособления и т. д.

Кому же это выгодно? Недавно опубликована подборка материалов «Мертвая вода» (СПб., 1992), где есть очерк о «пассионарности» (ч. 1, с. 165–188). В очерке справедливо отмечается, что «В СССР после 1987 г. идет *пропаганда* концепции Л.Н. Гумилева». Тщательно выбрав все определения «пассионарности» у Гумилева, авторы опять-таки справедливо заключают, что «набор признаков, необходимых для идентификации «этноса» Л.Н. Гумилева, иногда шире, чем пять признаков в определении *нации* И.В. Сталина, и включает в себя даже среду обитания (природную и социальную), а иногда сокращается до одного стереотипа поведения, достаточно устойчивого во времени. Стереотип поведения может быть различным, в том числе и стереотип Т. Герцля: «группа людей общего исторического прошлого и общепризнанной принадлежности в настоящем, сплоченная из-за существования общего врага». То есть гумилевский «этнос» можно напаять и на *нацию*, и на псевдоэтническую *мафию*; потом назвать это межнациональным конфликтом; а после этого приступить к защите «малого народа» от «притеснений» со стороны

иных народов, отстаивающих самобытность и дальнейшее развитие своих культур. Это – главная причина, почему концепция «пассионарности» пропагандируется в качестве одного из последних достижений советской науки, ранее якобы скрывавшегося от народов ретроgrадами.

Кроме того, «еврейский народ» на протяжении двух тысячелетий демонстрирует ничем не истребимую «пассионарность», что льстит чувству «богоизбранности» сионо-нацистов» (с. 172).

Можно добавить к этому, что и 20 лет назад концепцию пропагандировали те же силы (и у нас, и за океаном). После публикации статьи Б.А. Рыбакова «О преодолении самообмана» («Вопросы истории», 1970, № 3) мне, как заместителю главного редактора, пришлось отвечать на целый ряд писем абсолютно тождественного (и злобно русофобского) содержания с защитой концепции и нападками на блестяще опровергавшего ее академика. Хорошо почувствовал все это и В. Чивилихин. Сам автор «теории этногенеза» тоже не скрывал этого в основательной нашей беседе, но я тогда воспринимал заведомо беспочвенную концепцию как неудачную форму протеста за несправедливо наложенные властями испытания.

А откуда же взялся этот неожиданный и совершенно не свойственный автору «антисемитизм»? У лиц смешанного происхождения часто резкие перепады от «про» к «анти». Насколько далеко может заходить дело, хорошо показал Г. Климов, оценивая «Гитлеровское политбюро», в котором все были либо смешанными, либо выкрестами, либо женатыми на еврейках. Но к данному случаю это не подходит. Здесь антисемитизм явно нарочитый, и цель заключается едва ли не в том, чтобы через такую «наживку» схватить на крючок потенциальных критиков из антисиионистского лагеря. Да и служит антисемитизм, как это неоднократно свидетельствовали лидеры сионизма, сионизму (об этом не раз писали в нашей антисиионистской литературе, см., в частности: Климов Г. Красная каббала, 1992, с. 2).

В. Кожин, как было сказано, идет просто вослед Гумилеву. В духе «евразийства» Степь у того и другого поднимается за счет Леса, а кочевники за счет оседлых земледельцев. К половцам у Кожина отношение прямо-таки любовное. Даже «Слово о полку Игореве» приносится в жертву этой расположенности. А ведь именно половцы смели славянское население Подонья и южной кромки лесостепи в Поднепровье. Именно половецкие

набеги побудили массы людей переселяться на северо-восток, где в конце XI – начале XII века появляются новые Переяславы (Рязанский и Залесский) со своими «Трубежами» и «Лыбедами». И обвинения в «антисемитизме» он боится напрасно. Всем памяты его вполне дружеские беседы с видным сионистом М. Агурским на телевидении, равно как диалоги в «Нашем современнике» и «Еврейской газете». Многие слышали и вполне достойный ответ на провокационный вопрос: «Как вы относитесь к тому, что дети ваши полукровки?» – на встрече «НС» с читателями в Доме кино. (Так, что расчувствованный Коэн тут же презентовал свою книгу о Бухарине.) Прав автор и в том, что сионизм массе своего народа не менее опасен, чем «гоям» («НС», № 12, с. 173–175). А вот со славянороссами дело обстоит гораздо хуже. Если учесть меру искажения фактов и ее направленность, придется делать вывод об осознанной попытке поставить возможно больше препятствий на пути пробуждающегося самосознания народа.

Народу надо знать свои достоинства и слабости, дабы правильно оценивать себя и свои возможности. И то, и другое заложено в истории. Именно поэтому отношение к истории должно быть столь же ответственным, как и установление диагноза у тяжело больного. Хазарские набеги на историю ничего доброго принести не могут, и на их пути пора выставить богатырские заставы.

ОТВЕТЫ ИЛИ НАВЕТЫ?*

Отклик не менее странный, чем материал семи номеров «Нашего современника». От спорных вопросов В. Кожинов ушел, скрываясь за фразой «Умом Россию не понять» и протестуя против исключения его из рядов русских патриотов. (Кстати, Л.Н. Гумилев – и это делает ему честь – не скрывал антирусской направленности своих озарений.)

Понять Россию «умом» и можно, и нужно. Но для этого придется обратиться к почти необозримому морю источников, соз-

* Ответ на статью В. Кожинова «Вот уж действительно «хазарские страсти», помещенную в журнале «Молодая Гвардия», № 11–12, 1993. Опубликовано в журнале «Молодая Гвардия», 1993, № 12 (продолжение полемики).

нательно отнести к вопросам гносеологии, к общим и частным вопросам закономерностей общественного развития. Скажем, спор об условиях сложения Древнерусского государства может быть продуктивным лишь в том случае, если обе стороны будут учитывать многие тысячи источников, включая их современные интерпретации (в том числе роль иллиро-венетских и кельтских племен в Европе раннего средневековья). Из названных В. Кожинным «норманистов» лишь М.П. Погодин *специально* обращался к этой проблеме, но в споре с Геденовым и Костомаровым он выглядел довольно бледно. Перечень же антинорманистов показывает, что говорить о «комплексе национальной неполноценности» не приходится.

Оппоненту В. КожинOV приписывает желание «облегчить» русскую историю. Сам он ее «утяжеляет», отдавая «героический» период хазарам, а трагический – тотальное татаро-монгольское разорение и кровавое иго «облегчает» настолько, что приходится вспоминать слова Карема Раша о «евразийстве» как наиболее подлой форме русофобии. Именно к этому сюжету (а не к хазарам) относится «пятое по счету» напоминание об общеизвестных фактах, и смысл напоминаний в том, чтобы лишний раз подчеркнуть полное безразличие «евразийцев» к фактам, в том числе к фактам трагедии народа, последствия которой ощущаются до сих пор.

Хазария тоже включена В. Кожинным в круг «евразийских» проблем. И снова автор не в ладах с фактами. Об этом и шла речь в публикации «Молодой Гвардии». Но, оспаривая ее, сути проблемы автор не затрагивает.

Напомним, что хазарская проблема сводится к трем вопросам: 1. Кому принадлежала салтовская культура Подонья? 2. С какими «русами» постоянно соприкасались хазары в IX–X вв.? 3. Что являл собой хазарский иудаизм? По всем трем вопросам В. КожинOV не в ладах с источниками, и по всем трем в отклике нет ни одного возражения. Автор закрывается именами «хазароведов», приглашая их в союзники путем манипуляций с цитатами. «Кузьмин, — пишет он, — ...без сколько-нибудь оснований аргументов утверждает, что их труды – «пример зависимости источника от концепции...». И т. д. А речь идет не о «трудах» вообще, а об этнической принадлежности салтовцев. Все специалисты знают, что салтовцы – аланы, но некоторые превращают их в хазар. А «тенденциозность» тоже бывает раз-

ной: у одних это увлеченность темой, у других – политическая публицистика. Последняя проявляется в непристойных выпадах А.П. Новосельцева против академика Б.А. Рыбакова, к которым украдкой, но безоговорочно присоединяется В. Кожин и которые нельзя оценить иначе, как «злонамеренные».

«Евразийская» концепция В. Кожина питается в основном трудами С.П. Толстова. Но обращается он с ними весьма вольно, не считаясь с внутренней их логикой. А по первым двум вопросам у Толстова много интересного. Он считал (как позднее Березовец), что русы – это аланы-аорсы, роксаланы, которые от Арала, смежных с Хорезмом земель, прошли к Дону. Именно с ними он связывал и появление иранских (видимо, все-таки индоарийских) божеств в древнерусском пантеоне. Не сомневался он и в существовании Причерноморской Руси. По мнению автора, «сложившееся на базе древнего сармато-аланского, ретроспективно роксаланского и аорсского, населения, северокавказское, подонское и нижневолжское славянство, политическую традицию которого несла еще в средние века *приазовская Русь*, продолжало жить в составе хазарских и болгарских политических объединений, оставшихся сармато-славянскими под топким внешним покровом гунно-тюркских форм» (Толстов С.П. Из предыстории Руси // «Советская этнография». Сб. VI–VII. М.–Л., 1947. С. 55).

И на стр. 247 моей статьи В. Кожин вычитал совсем не то. Там ясно сказано, что поход на Бердаа могли совершить только причерноморские русы (а не киевские). И речь шла о независимости в данный момент от Хазарии этих русов, о чем недвусмысленно говорит и царь Иосиф. В. Кожин, имея в виду лишь киевских «норманнов», цитирует В.В. Бартольда как источник, доказывающий подчиненность русов хазарам. На стр. 793 у Бартольда сказано, что под «хазарскими» «надо понимать, вероятно, суда русских, в союзе с хазарами, или по крайней мере с их согласия совершавших набеги на прикаспийские области халифата». А на стр. 832, говоря о том же сюжете (речь идет о событиях начала X века), он высказывает предположение: «Возможно, что эти суда, и в особенности морские, в действительности принадлежали *местным славянам или русам* (курсив мой. – А.К.), на которых хазарский каган мог смотреть как на своих подданных». Как можно видеть, на подчиненность хазарам Киева здесь нет и намека.

Вообще для В. Кожина чье-то мнение или случайно обретенная фраза значат больше, чем источник. Показательна ссылка на Ю.Д. Бруцкуса, будто «*почти все первые оригинальные записи*» начальной русской летописи «посвящены борьбе с хазарами» («НС», № 10, с. 174). «Это действительно так», присоединяется автор. А «действительно» это совсем не так. Но читатель «Нашего современника» статью Бруцкуса не прочтет (она вышла в Берлине в 1924 г.), а к источнику, доступному всем, вроде бы и обращаться незачем.

А теперь о третьем вопросе – иудаизме Хазарии. Автор поправляет, что в его «сочинении» (верная оценка!) «и речи нет» о судьбе хазарских иудеев, а «очень высокую культуру» принесли на Русь хорезмийцы, «после жестокой гражданской войны эмигрировавшие на запад в район Днепра». Признаться, трудно было допустить, что фантазия сочинителя может зайти так далеко. По Толстову – главному источнику для В. Кожина – далее Волги (Итиль и Булгар) хорезмийцы не ходили. Появление их на Крещатике, безусловно, открытие века.

В отклике В. Кожин отмечает, что в отличие от Гумилева, склонного к поэтической фантазии, он следует только фактам. А цепочка «фактов» выстраивается такая. Константин Багрянородный упоминает о том, что во время одной из «разборок» в борьбе за власть три хазарских рода «кабаров» бежали к венграм, с которыми в конце концов слились (верхушка и венгров была тюркоязычной). М.И. Артамонов увязал это сообщение с разрушением Правобережного Цимлянского городища, датировал его началом IX века – временем утверждения иудаизма – и сделал заключение о «жестокой гражданской войне» в Каганате. Гумилев добавил, что такими жестокими могли быть лишь ортодоксальные иудеи. Такова цепь домыслов, основанных на неоднократно опровергнутом предположении, будто салтово-маяцкая культура была частью Хазарии и хазароязычна. Построенный византийскими мастерами в 30-е годы IX века Саркел был крайним западным укреплением Хазарии. Так границы страны обозначал и Иосиф в X веке (об этом тоже не раз писали).

Салтовцы, как доказано Г.Ф. Турчаниновым, до конца оставались ираноязычными. Правобережное Цимлянское городище находится в сфере маяцкой культуры и увязывается с «касогами» русских летописей (адыги, кабардиночеркесы). Никаких «циви-

лизованных хорезмийцев» среди них не могло быть, да и бежали к венграм *хазарские* роды.

А иудейская община на Руси была. Она упоминается уже в X веке, причем имена у них были еврейские и тюркские, то есть община не была ортодоксальной (см.: *Новосельцев А.П.* Указ. соч., с. 152–153). Именно против этих иудеев в Киеве в 1113 и 1124 гг. поднимались восстания, в результате которых иудеи были выселены из страны. Да и сам В. КожинOV предположил, что массовых мигрантов из Хорезма тесно связал с иудаизмом, совершив на указанных им страницах дальнейшее турне, дабы привести иудеев в Хазарию.

Пункт отправления – «утверждение власти иудеев в южно-арабийском... царстве химьяритов», как «своего рода предыстории иудаистского Хазарского каганата» («НС», № 11, с. 169). Автору зачем-то «необходимо пояснить, что Химьяритское царство было самым цивилизованным государством всего арабского региона» (с. 170). Иудеи Ирана этим прониклись. «А в конечном счете именно из Ирана... пришли те иудеи, которые сумели подчинить себе Хазарский каганат» (с. 170).

Шли они окольным путем. Было еще «одно из самых древних и высокоразвитых государств» – Хорезм, переселенцы откуда и были «носителями очень высокой культуры» (с. 171). «К VIII веку Хорезм представлял собой государство с исключительно высокой культурой и цивилизацией» (с. 172).

Сообщив о связях древнего Хорезма с Египтом и «эллинистическим Причерноморьем» (то есть в последние века до н. э.), автор заключает, что «Хорезм был одним из узловых пунктов раннесредневековой Евразии» (то есть тысячелетие спустя). Главное же – связи, торговля «почти всецело» находились «в руках еврейских купцов». «На Востоке их специальностью были также денежные дела». Монополией еврейской торговли были также рабы. А далее ссылка на Иностранцева, который ссылался на еврейского автора Л. Грея, что сам «город Хорезм был основан Нарсе, сыном еврейки» (с. 172).

Сделав столь важное открытие, В. КожинOV поясняет, что «Нарсе, имея еврейское происхождение по материнской линии, считался «полноценным» евреем и действительно мог быть главой еврейской общины в основанном им городе Хорезме – Кяте» (с. 173). Узаконенное в 1971 г. израильским кнессетом требование на всякий случай соблюдено.

А затем начало VIII века. Попытка Хуразада совершить переворот провалилась. А стояли за ним «ученые мужи», «интеллигенция», «хабры», то есть «ученые раввины». «И не могло ли арабское завоевание привести к массовой эмиграции хорезмийских иудаистов в Хазарию?» — ставит вопрос Толстов. «Так и было», — соглашается В. Кожинов.

В упомянутой работе Толстов полагал, что «Повесть временных лет» называет хорезмийцев «хвалисами». Жили они в низовьях Волги и считались «сынами Моавлими», то есть семитским народом («Повесть временных лет», 1096 г.). Иными словами, на Руси (под влиянием хазарских иудеев) хвалисов-хорезмийцев тоже считали иудеями.

Хорезмийцы «принесли с собой опыт очень высокой цивилизации». Допускается, что были среди них не только иудеи (с. 175), но далее цитируется хазаро-еврейская переписка, из которой следует, что это были именно иудеи. И опять «одна характерная деталь: отец жены Булана... наставил его к пути жизни». Это «один из хабров» (с. 176). Напоминается, что и «принявший иудаизм химьяритский царь был сыном знатного химьярита и еврейки». Снова закон соблюден.

О том, что закон этот вовсе не соблюдался в Хазарии, и говорилось в статье, на которую реагирует В. Кожинов. Он не оспаривает аргументов, он их просто игнорирует.

А зачем он так упорно «подгоняет» хазарский иудаизм под закон современного Израиля?

Ответ, может быть, содержится в одном письме, имеющемся в редакции: «Если вспомнить историю, то нужно признать, что эти земли – исконные земли Хазарии, то есть Израиля. Вы, русское быдло, временные гости на этих землях».

Не хотелось бы заострять вопрос на «злонамеренности» или некомпетентности. В конце концов, десятки книг и сотни других публикаций Б.А. Рыбакова защитят его имя от «неразумных хазар» надежней, чем белокаменные крепости салтово-маяцкой культуры. И совсем не обязательно соглашаться со всеми выводами академика: привлеченный им громадный материал позволяет предлагать и иные интерпретации, и иные концепции, и это ни в коей мере не уменьшит его заслуг ни перед отечественной историей, ни перед Отечеством. А в адрес хулителей хотелось бы выразить сожаление: неприлично выполнять социальный заказ в столь неэстетичной форме.

АУТОДАФЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РАСЧИСТИТ ПУТЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭЛИТЕ*

К этому заголовку вернемся позже. Он подсказан названием передовой в третьем номере журнала «Элементы». Со-звучна ей и полоса «Евразия» в седьмом номере газеты «День». Читателю же, захлебывающемуся в море плюралистических изданий, видимо требуются некоторые пояснения, о каком со-звучии идет речь.

С некоторых пор в «Дне» появились рубрики «Евразия», «Геополитика», «Конспирология». На читателя обрушился шквал оккультно-масонских терминов и понятий с эпитетами «великий», «знаменитый» и т. п., замелькали имена оккультно-масонской (и гомосексуалистской) элиты пангерманского, а также панмонгольского и панисламского направлений. Несколько месяцев газета печатала из номера в номер статьи А. Дугина и из номера в номер призывала читать его другие оккультные публикации. Широко рекламировался журнал «Элементы. Евразийское обозрение», где редактором стал он же – А. Дугин, а некоторые сотрудники газеты стали членами редакционного комитета журнала.

Журнал «Элементы» – открыто оккультный, на это уже обращалось внимание (отошлю и к своей статье в № 2 «Молодой гвардии» за этот год). Но у евразийцев-пангерманистов ощущается мощный тыловой эшелон, обеспечивающий прикрытие передовым отрядам, ведущим разведку боем, не пропускающий критику заведомо антинаучных и антирусских писаний в издания, считающиеся патриотическими. А рядовой читатель, привыкший доверять этим изданиям, пожалуй, и своим глазам не поверит, да и не разберется в оккультно-масонской тарабарщине.

Правда, журнал все-таки сманеврировал, если первый номер вышел тиражом 50 тысяч, то третий – лишь 10 тысяч. И дело, видимо, не в трудностях распространения или недостатке средств, а в открытом провозглашении курса на некую «элиту», противостоящую интеллигенции. И последней следовало бы внимательно прислушаться к тому, о чем говорят на оккультно-евразийском олимпе.

* Опубликовано в газете «Литературная Россия», 1993, № 20.

В чем наиболее емкое выражение сути «евразийства»? В нем Украина и Россия настолько противоположны, что Древняя Русь – общий исток восточнославянских, большинства угрофинских и балтских, отчасти индо-иранских народов – напрочь вычеркивается из истории. Москва же представляется порождением и преемником Золотой Орды. Поскольку же нынешние евразийцы пропитаны и пангерманизмом в нацистской упаковке, то и первое с третьим желанием – в духе их мировоззрения.

Итак, передовая журнала и полоса газеты. Читателю напоминает, что именно «День» ввел в политический лексикон понятие «Евразия». А о сути его говорят материалы Захара Краснова и Игоря Александрова.

Евразия – огромный континент, где сотни народов, верований и бесчисленное множество «вечных конфликтов». Каждый может вложить свой смысл в образ «Евразии», включить в него разные страны. Тем более, что у изначальных евразийцев никакой научной основы не было, и можно было предаваться безразмерным фантазиям. И нынешние, повторяя как заклинание название континента, либо попросту пустословят, либо о чем-то глубокомысленно умалчивают.

На сей раз сказано больше чем обычно. И Краснов, и Александров подчеркивают основную идею старых евразийцев – величественную роль Золотой Орды. Статья Краснова – целая программа евразийцев наших дней. Автор предложил освободить «евразийскую идею» «от мистики и оккультизма» (в которые облек ее А.Дугин). Хорошее предложение, оно позволит понять, что останется, если сбросить оккультные одежды.

К сожалению, не обойтись без длинных цитат, читатель должен убедиться, что «раздетому» евразийцу ничего не приписывается. А суть всего, конечно, в отношении к российской истории. Итак, «Подлинно евразийской сверхдержавой стала Золотая Орда, основа которой – соединение в одном государстве тюркских и славянских племен. После ее распада роль объединителя перешла к Москве.

Но понять в полном объеме смысл и существо происходивших в отдаленном прошлом событий нам теперь мешает многовековая фальсификация: Золотая Орда изображалась и изображается в учебниках истории однозначно как «империя зла», а Российская держава «светочем добра и прогресса». Фальсификаторами сначала были поколения церковников, стремившихся оп-

равдать порабощение сопредельных народов необходимостью «крещения басурман», затем свою лепту внесла немецкая профессура (за немногими исключениями – К. Фукс и др.), приглашенная Петром I и Екатериной II, принесшая в историографию западноевропейскую ненависть к «азиатам», оставшуюся от крестовых походов.

Не устояли перед соблазном и некоторые славянофилы. Но особенно тотально и изощренно занимались фальсификацией историки и литераторы «сталинского призыва». Честные же ученые, например, М.Г. Худяков, автор «Очерков по истории Казанского ханства» (1923), были расстреляны (1936). Пережитки и теперь сохраняются в русском массовом сознании, а также в некоторых патриотических движениях, мешая воспринять «евразийскую идею» в ее истинном свете и величии.

К примеру, фальсифицировалась даже история деяний Александра Невского – величайшего евразийца своего времени. Из «жития» святого выпали факты стратегического союза его с золотоордынскими правителями, то что он – побратим Сартака, сына Батые, что в длительном путешествии в Каракорум он прикоснулся к таинствам монголо-тибетской цивилизации, а затем, получив военную поддержку Орды, сокрушил мятежный Новгород, разбил шведов на Неве и немцев на льду Чудского озера.

Оказался искаженным и смысл Куликовской битвы. Дмитрий Донской разгромил не Золотую Орду, а мятежного темника Мамай, переставшего подчиняться хану Тохтамышу. Именно поэтому благословил Сергей Радонежский князя на битву, не нарушающую договоров. А освободило Русь от выплаты дани Орде только «стояние на Угре» – довольно миролюбивое с обеих сторон – лишь в следующем веке.

Факт и то, что Золотоордынская держава в течение нескольких столетий надежно ограждала русские княжества от западной экспансии – со стороны немцев, шведов, литовцев, поляков, в агрессивности, религиозном фанатизме и алчности превосходящих золотоордынских правителей. Поэтому пора признать историческую правду: Россия (СССР) – преемник Золотой Орды, возникший на том же географическом и национально-демографическом пространстве. Ее основа – соединение и частичное слияние славянских и тюркских народов...

Начавшийся было в 1917 году распад евразийской державы был остановлен коммунистами, отстаивавшими в кровавой борь-

се формулу интернационального объединения. И главная причина поражения белого движения в том, что, опираясь теоретически на прежнюю формулу «единой и неделимой», а практически на разношерстную интервенцию, оно оттолкнуло от себя другие народы империи. То, что последующая политика сталинского центра сползла на прежнюю российскую стратегию разделения и подавления малых наций, подготовило или даже сделало неизбежным распад СССР».

Есть в этом манифесте евразийства и «тюрьма народов», и «геноцид по отношению к татарам, чеченцам, северным народам и другим». Есть и уклон к тому же оккультизму и через «таинства монголо-тибетские», и через пропаганду близких к этим «таинствам» воззрений Рерихов. И хотя о многих переписанных у Л.Н. Гумилева домыслах не раз писали, ни авторов, ни газету действительные факты явно не устраивают. Они просто воспроизводят концепцию «неистовых ревнителей» 20-х годов в ее крайнем русофобском проявлении.

Итак тезис номер один: Россия (СССР) – преемник Золотой Орды. Не с Рюрика и Игоря надо начинать свою историю, а с Чингисхана и Батыя, уничтоживших многие народы полностью, другие – Русь в их числе – более чем наполовину. Домонгольский уровень культуры на Руси был достигнут не ранее конца XV века, а численность населения восстановилась еще два столетия спустя.

Трагическая судьба М.Г. Худякова, безусловно, способствует желанию принять его идеи. Но книга 1923 года несла на себе печать той эпохи, и крупнейший востоковед, не превзойденный и ныне, отнюдь не «великорусский шовинист» В.В. Бартольд в 1924 году указал на необоснованность и тенденциозность «крайних» суждений Худякова. (Худякова обвиняли в троцкизме и в борьбе против «великорусского шовинизма»; в 30-е годы он действительно смыкался с троцкистами.)

Репрессии тех лет конечно во всех случаях заслуживают осуждения. Но не следует думать, что пострадавшие «пламенные революционеры» были невинными овечками. В 20-е годы ими преследовалось все русское, вплоть до физического устранения «шовинистов» (слово «патриот» было в это время ругательным). Сама дисциплина «история» была изгнана из учебных заведений и вернулась туда лишь после известных решений 1934 года. Именно «неистовые ревнители» начали новый тур репрессий в

конце 20-х годов, именно они создали машину смерти, поглотившую и их самих (книги Григория Климова хотя и несколько односторонни, но картину в целом представляют достаточно верно). Именно в 20-е годы нагнетался тезис о «тюрьме народов», причем «тюремщиком» представляли русский народ. Между тем никогда в послемонгольское время русские не имели даже и равноправия в своей стране. И многочисленные добровольные вхождения народов в состав России в XVI–XVIII веках обычно предполагали возможность что-то получить от нее (либо хлеба, либо внешней защиты).

Спекуляции вокруг «национального гнета» тогда и сейчас имеют одну цель: внушить русским чувство вины и сознание обязанности «оплатить злодеяния царского режима». За эту линию ратовали приверженцы идеи «мировой революции». Подкармливание окраин за счет центра было последовательной политикой и Сталина, и его преемников. Именно эта политика, сопровождаемая стенаниями об угнетении малых народов, привела в действительности к развалу Союза. Политика эта продолжается в самых циничных формах и нынешними «демократами», что превращает страну в огромный Черемушкинский рынок, где Азия продает Европе втридорога ее собственные товары. Страна сможет восстановиться лишь тогда, когда окраины осознают, за счет чего они если не процветали, то и не бедствовали на протяжении и веков, и последних десятилетий.

О мнимых «евразийцах» Александре Невском и Дмитрие Донском мне писать приходилось неоднократно, как неоднократно указывать на прямую фальсификацию событий Гумилевым. И – поразительное дело, не имея никаких аргументов по существу, «евразийцы» повторяют те же самые фальсификации. Составляя «житие» Александра Невского, «церковники» и не могли приписать своему герою тех деяний, о которых говорит Краснов, ведь Гумилева они не читали, а в иных источниках подобных фактов попросту нет. Да и откуда им быть? В 1240 году, когда произошла Невская битва, Батый со своими полчищами разорял Киевское Поднепровье, да так, что и шесть лет спустя Карпини видел по дорогам неубранные останки убитых людей: некому было убирать. В 1242 году, когда проходила битва на Чудском озере, Батый с огромным войском опустошал Венгрию и соседние с ней страны. И не усыновлял Батый Александра, вопреки фантазиям Гумилева. Хотя, разумеется, ордынцы старались на-

травливать русских князей друг на друга – это была их традиционная политика. Столкнув Александра с Андреем в 1250–1251 годах, татары (направляемые мнимым побратимом Сартаком) разорили северо-восточную Русь, установив окончательное господство над ней. Ну, а о каком «сокрушении» Новгорода говорит Краснов – вообще непонятно, как и непонятно, чему же он радуется.

Столь же фантастичен и рассказ Гумилева о нехорошем «западнике» Мамае и «славянофиле», «друге» Дмитрия Донского Тохтамыше. После того, как Бердибек («добрейший», по аттестации Гумилева) убил двенадцать своих братьев (1359 г.), потомков Батые в Орде вообще не осталось, а другие чингизиды были так или иначе пришельцами, что и предполагало последующую нестабильность (20 ханов за 20 лет с расколом правобережья и левобережья Волги). Мамай действовал от имени ханов, которых возводил и низвергал, и ярлыки русским князьям давали эти подставные ханы, и союз русских князей, возникший в 1374 году, был направлен против Орды в целом. К сожалению, союз этот не удалось закрепить, и Куликовская битва проходила в гораздо менее благоприятных условиях, нежели те, что сложились за шесть лет до нее.

Тохтамыш вел ту же самую политику, что и Мамай, только, как отмечают специалисты, более коварно. Уже вскоре после утверждения в Орде он, как раньше Мамай, дает ярлыки литовским князьям на русские земли (Ягайло становится союзником Тохтамыша так же, как был союзником Мамае). Отправляя лживые заверения русским князьям, Тохтамыш распорядился перехватить и уничтожить всех русских купцов, торговавших по Волге, дабы поход на Русь был внезапным.

А союз князей Дмитрию восстановить не удалось. Даже двоюродный брат Владимир Андреевич отказался от совместных действий. А пока Дмитрий пытался набрать войско в северных своих владениях, Тохтамыш, по обыкновению вероломно нарушив обещания, захватил Москву и уничтожил ее население (24 тысячи человек)...

Пляски на костях героев и невинных жертв, демонстрируемые нынешними евразийцами, оставляют далеко позади оргии сатанистов-окультистов глухого средневековья. Но здесь-то все ясно: они выполняют социальный заказ тех же кругов, что и «неистовые ревнители» 20-х годов, и их последователи, и потомки. Удивляет другое: почему удается цинично русофобские фальси-

фикации протаскивать через русскую интеллигенцию как нечто патриотическое? Или она «созрела» и для того, чтобы проглотить очередную, смертельную дозу яда, подготовленную «Элементами»? Речь идет об упомянутой в начале передовой журнала, объясняющей и название настоящей реплики. Статья озаглавлена «Аутодафе интеллигентов... очистит путь элите». А подразумеваются именно русская интеллигенция и евразийская элита. Замес весьма крутой. Ведь «аутодафе» в языке инквизиции – сожжение на костре. Было это понятие и у немецких нацистов. Теперь его берут на вооружение наши евразийцы.

Интеллигенцию, конечно, есть в чем упрекать: она далеко не всегда выполняет свой долг перед народом. Но «Элементы» имеют в виду иное. И без цитат опять-таки не обойтись. «Реальной властью обладают только «элиты». «Только подавляющее меньшинство членов общества способно действительно рационально и в полном объеме постичь и осмыслить логику «правлящих идей»... Массам же эта «элита» передает определенные готовые нормативы, выведенные из «правлящей идеологии». «В обществе всегда есть две четко отделенные друг от друга части – «элита» и «массы». «Общественное мнение» или «общественное сознание» – это иллюзия обладания иррациональным человеком массы способностью к рациональному суждению в историческом, политическом и социальном плане». «Общественное мнение» сконцентрировалось в особом социальном пласте... Этим пластом стала «интеллигенция» – прослойка, буквально загнипнотизированная своей мнимой рациональностью». И дальше:

«Интеллигенция» – это ни элита, ни контр-элита (т. е. элита, противопоставляющая себя элите, находящейся у власти в данный момент), ни даже анти-элита (т. е. маргиналы и преступники). Это псевдо-элита, отвратительная пародия на мыслящий тип человека и одновременно позорный пример бывшего человека массы, утратившего свое «коллективное бессознательное». «Коллективное бессознательное» народа – это пространство, где бойцы элит размещают свои орудия... И лишь тупая интеллигенция – и правая, и коммунистическая, и либеральная – всерьез считает, что она активно участвует в этом процессе». «Именно «интеллигенция» ненавистна нам более всего – более, чем пассивные массы, более, чем противостоящие нам идеологические элиты». «Костры из книг, в конечном счете, не такая уж и плохая идея».

Претендентов на роль элиты, равновеликой Трехсторонней комиссии и Бильдербергскому клубу (вершине масонской пирамиды), пугает, что интеллигенция на очередном повороте «при упоминании об «инородцах» или «иноверцах» будет впадать в «справедливый гнев». Видимо, в этом опасении – опасении раскрытия действительных пружин, выбросивших в общество «евразийские идеи», – и заключена суть антиинтеллигентских заклинаний. О знаменитых «Протоколах» все еще спорят: подлинные или неподлинные. А содержание их давно усвоено всеми «элитами», претендующими на господство. Весь вопрос лишь в том, насколько они противостоят друг другу.

«ЕВРАЗИЙСТВО» И «ГЕОПОЛИТИКА» *

Наверное, трудно найти в нашей истории эпоху, когда бы с таким пренебрежением относились к науке, вообще к знанию. Не последнее место в модном «наукотворчестве» отводится «евразийству» и «геополитике».

Правда, смысл в эти понятия вкладывается разный, и это обстоятельство как раз и есть то сущностное, что характеризует «оккультные науки» – каждый по-своему понимает явление.

Во всяком случае, его различно трактовали почти все участники «круглого стола», материалы которого публиковались в № 2 газеты «День» за 1992 г. Скажем, для С. Бабурина с понятием «евразийство» связывается объективный государственный интерес бывшего СССР, Ш. Султанов рассматривает возможные блоки государств евразийского материка, противостоящие мировому жандарму – США, А. Дугин говорит о «Евразии» от Дублина до Сингапура.

Так же неоднозначно толковался за «столом» и термин «геополитика». Большинство наших участников рассматривали его как обозначение глобальной государственной стратегии в международных отношениях. Иностранные участники и А. Дугин исходили из специфического понятия «геополитика» как некой оккультной науки, возникшей в канун Первой мировой войны, когда остро встал вопрос о «переделе мира». Смысл этой «нау-

* Опубликовано в газете «Русский вестник», 1992, № 27.

ки» достаточно обстоятельно, но крайне невразумительно представил А. Дугин в серии статей в газете «День». «Евразийство» родилось тоже в рамках именно такой «геополитики». Но территория предполагалась совсем не та, которую выделяет А. Дугин. В этом легко убедиться, ознакомившись с перепечаткой статей «евразийцев» в «Нашем современнике».

Пожалуй, массовому читателю трудно воспринять статейный эшелон А. Дугина не только из-за крайне произвольного и чрезмерно изобильного употребления импортно-научной терминологии, часто не совпадающей с общепринятым в серьезной социальной науке их содержанием, но и потому, что не верится в буквальный смысл написанного. Так, у него святая вроде бы дата 9 мая 1945 года – «победа» в кавычках, с позиции «евразийства» – это поражение. Вершиной же достижений следует считать пакт Молотова-Риббентропа (в тактическом значении которого никто никогда не сомневался). Руководство «третьего рейха» прямо-таки изнывает от любви к России, следуя евразийскому инстинкту, а русский Генштаб и военная разведка пылают ответной страстью к лидерам фашистской Германии, стремясь слиться с ними в едином оккультном ордене то «евразийском», то «полярном».

В рассуждениях А. Дугина большая нагрузка ложится на противопоставление «крови» и «почвы». При этом он осуждает славянофилов за их якобы приверженность к «крови», поддерживая «почвенников». Но расовые теории вообще не русское явление и славянофилы к ним никакого отношения не имели. И проблема, конечно, не сводится к альтернативе «кровь» или «почва». Уже славянофилам было понятно, что специфика русского (и славянского) этнического характера зависит от форм религии (веры), общежития и хозяйственной деятельности.

Удивляет совершенный разнобой в аргументации и в понимании реальности, отсюда фантастическое соединение несоединимого и расчленение достаточно крепко связанного (скажем, блок НАТО, куда спешат на поклон нынешние российские руководители). Практически полностью игнорируется и реальная история народа. Так, противостоянию германских и славянских племен, по крайней мере, полторы тысячи лет, а политика «Дранг нах Остен» традиционна для германских феодалов со времен Карла Великого. Кстати, нацистские геополитики никогда об этом не забывали. На Востоке Европы несколько тысячелетий противостояли Лес и Степь.

Впрочем, А. Дугин, похоже, не стремится в чем-либо быть точным: противоборствуют у него в простенькой схеме от начала века два оккультных ордена, пронизавших всю планету и поделивших между собой всех сколько-нибудь известных общественно-политических деятелей. Назвать, скажем, нынешних «атлантистов» агентами ЦРУ он не решается («это надо доказывать!»). Зато обозвать, скажем, Хрущева и Андропова «агентами атлантизма» – доказательств не требуется: оккультные ордена! И вообще ничего не надо доказывать: бери с потолка.

Как было сказано, исконные «евразийцы» имели в виду иную «Евразию», нежели А. Дугин. Западную Европу в этот континент они не включали. Исключались даже славянские страны, хотя вопрос о Болгарии и Сербии и оставался на доследование. Их салонные разговоры и домашние публикации приходятся на то время, что и выступление геополитиков. Усвоили «евразийцы» и методологию «геополитиков»: излагать, ничего не доказывая, следуя своим озарениям.

На эту особенность методологии «евразийцев» по совершенно другому поводу указал видный русский славист А.М. Селищев. Он откликнулся на статью главного «евразийца», филолога Н.С. Трубецкого, посвященную диалектному членению древнерусского языка. «Я должен заявить, — решительно возразил Селищев, — что ни одно из положений Трубецкого не соответствует реальным данным, которыми располагает лингвистическая наука. Он оперирует главным образом с «языковой системой»... Но такое отношение к «языковой системе», какое обнаруживает в своей работе Трубецкой, неприемлемо и ведет к отрицательным результатам. Следует сперва восстановить эту систему, а потом уже исходить из нее» (Избранные труды. М., 1968. С. 32. Написано в 1929 г.).

Тем же оккультным путем Трубецкой и его коллеги создавали концепцию «евразийства». В предположительную систему различных культурно-психологических типов втискиваются разные народы, ничего общего между собой не имеющие. Совершенно произвольно Трубецкой конструирует в Азии некий «туранский психологический тип», включающий народы, даже и не соприкасавшиеся друг с другом (скажем, угрофины и маньчжуры). Не более уважительно обращаются «евразийцы» и с историческим материалом, в том числе хорошо известным по школьным и гимназическим учебникам.

Узловое звено в концепции «евразийцев» – держава Чингис-хана. Именно с ней связывается обнаружение «особого материала» – Евразии. Если германские геополитики твердо стояли на почве пангерманизма, рассматривая Восток как сферу экспансии, то русские эмигранты «евразийцы» искали на Востоке противовес Европе и находили его в Монгольской державе. Собственно славяно-русская история их не интересовала, не существовал для них вопрос о православии, его роли. Домонгольский период мыслился как исторически бесперспективный. Уже поэтому монгольское завоевание воспринималось как благо.

Своеобразной реабилитации монгольских завоевателей служили и материалы полемики, развернувшейся во второй половине XIX века по вопросу о последствиях нашествия для Киева и Киевской земли. Историк М.П. Погодин, лингвисты И.И. Срезневский, А.И. Соболевский и некоторые другие настаивали на том, что Киев домонгольской поры был по языку ближе к великорусскому, а не малорусскому диалекту. М.А. Максимович, М.С. Грушевский и некоторые другие украинские историки и филологи оспаривали это заключение. Первые исходили из того, что нашествие «смыло» первоначальное население из Киевского Поднепровья и позднее туда спустилось новое население из предгорья Карпат. Вторые стремились доказать, что ни город, ни земли не понесли серьезного ущерба (!?) и, следовательно, на Киевщине все время жило одно и то же население. Ради этого вывода потребовался пересмотр и самого отношения к монгольскому нашествию и ордынскому игу.

В прошлом веке привлекались в основном лишь письменные источники. В них есть разногласия и противоречия, но картина разорения предстает все-таки ужасающей. Даже шесть лет спустя после взятия Киева, в 1246 г. проезжавший здесь Плано Карпини видел вдоль дорог бесчисленные останки убитых, которых некому было захоронить, а от многолюдного некогда города осталось не более двухсот домов. Археологические материалы полностью подтверждают эту картину. Факты эти широко известны. Поэтому и выглядят кощунственно современные писания евразийского толка. Сейчас становится все больше материала для сравнения: города и их население до и после нашествия. Известный киевский археолог и историк П.П. Толочко население Южной Руси в домонгольский период оценивает в 6 млн. человек, предполагая примерно такую же численность и для осталь-

ной Руси. Видимо, в северной части (менее исследованной с этой точки зрения) она была выше: дело в том, что в северных городах, защищенных от набегов степняков лесами, укрепления обычно занимали значительно меньшую территорию, нежели на юге, тогда как открытые посады во много раз превышали укрепленную часть. Как бы то ни было, население Руси было выше его численности в конце XVII века (пять столетий спустя!), когда оно составит 11 миллионов.

Самое резкое падение приходится, конечно, на годы завоеваний. Южная Русь практически полностью была разорена, и на долгое время некогда цветущие районы окажутся «диким полем». В руинах, не восстанавливаясь, лежали и многие города северной части Руси. А грабительская дань не позволяла не только возродиться, но и воспроизводиться. «У кого денег нет – у того дитя возьмет, у кого дитя нет – у того жену возьмет, у кого жены нет – сам головой пойдет». К сожалению, здесь нет никакого преувеличения: два с лишним столетия татаро-монголы грабили Русь и истребляли ее население.

И можно только удивляться, как весь этот оккультный евразийский вздор заглывается теми, кто считает себя российскими патриотами. Поистине надо довести людей до сомнамбулического состояния, чтобы упиваться бедами и страданиями своего народа (или все-таки не своего?)...

ЕВРАЗИЙСКИЙ КАПКАН*

Противостояние Леса и Степи длится по крайней мере пять тысячелетий. И вызывалось оно не этническими, а хозяйственными различиями. Одна из самых ярких раннеземледельческих культур – трипольская была разрушена во II тысячелетии до н. э. кочевниками, говорившими если не на том же, то на близком трипольцам языке. Несколько позднее Лес и Степь разделили тянувшиеся на сотни километров «Змиевы» валы, которые то оставались в тылу у земледельцев, осваивавших Причерноморские степи, то отражали новые волны накатывавшихся с востока кочевников.

* Опубликовано в журнале «Молодая Гвардия», 1994, № 12.

Именно хозяйственный уклад предопределял и различия в менталитете. Земледельцы привязаны к земле и объединяются по территориальному принципу. Кочевники объединяются патриархальной иерархией с жесткой системой соподчинения. Жизнь на колесах больше располагала и к агрессивности, и к паразитарности. И не имело значения, было ли кочевничество изначальным или вторичным, когда по тем или иным причинам кочевниками становились бывшие оседлые племена.

В нашем столетии спор Леса и Степи перешел в идеологическую сферу. Остро поставил этот вопрос лучший наш исторический романист Валентин Иванов, выдвинув критерий: «прав защищающий свое поле». С ним многие не согласились. И шло это неприятие в русле общего настроения «шестидесятников»: сказать наоборот, даже если придется высечь самих себя.

К нынешним рассуждениям о «коренных» и «некоренных» эта формула не имеет отношения. Но она лишь из области этики. А можно добавить, что и труд земледельца эффективней кочевнического. Исходя из этой простой арифметики, русские власти в конце XIX века поддерживали местных «оседлых» против «кочевников» в Кокандском ханстве, что привело к Андиганскому восстанию 1898 года. Из той же арифметики исходили и советские чиновники в конце 1920-х годов, когда не освоившим земледельческий труд калмыкам выделяли в 4–5 раз больше земли, чем русским и украинцам.

Ныне экономические притязания прикрываются идеологическими, а последние подаются как новое прочтение истории. В 60-е годы со «степной симфонией» выступил Л.Н. Гумилев. Прославление тюрков, хазар, половцев и монголов у него прикрывалось понятием «пассионарности» как некоего из космоса спустившегося блага, оправдывавшего завоевательные походы и порабощение «непассионарных» земледельцев. Но уже бывший научный руководитель М.И. Артамонов отрекся тогда от своего ученика, обвинив его в расизме. И хотя защитников у Гумилева было немало, «открытия» его науку не поколебали, а в идеологии оставались на обочине. Примерно так же была воспринята и вышедшая в 1975 году книга Олжаса Сулейменова «Аз и Я» (к ней вернемся ниже). И лишь с конца 80-х годов в рамках «перестройки» начинается «евразийский» бум, выразившийся в перепечатке фантазий Гумилева в миллионных тиражах на многих языках, причем русофобская направленность этих «оза-

рений», не скрываемая и самим автором, стала подаваться чуть ли не как патриотическая альтернатива разрушительным действиям «перестройщиков».

На этой новой волне ярко загорелось и еще одно имя: Мурад Аджиев. За несколько последних лет на затюканного читателя обрушили буквально шквал «половецких» притязаний «этноисторика». Журналы «Вокруг света», «Знание – сила», «Новое время» и другие, отдельные брошюры, многочисленные газетные статьи заполнили, как теперь говорят, «информационное пространство». Более других в этом усердствовала «Независимая газета», где часто раздуваются довольно странные дискуссии на исторические темы. Поскольку никаких научных заслуг за автором никогда не значилось, почти истерическая пропагандистская акция носит неприкрыто идеологический характер: за историческими фальсификациями стоит задача окончательного добивания России и уничтожения самого русского народа.

Явление Мурада Аджиева полезно уже тем, что позволит встряхнуть сонное царство обывателя, «зомбированного» всякой мистической дребеденью и однонаправленным «плюрализмом» средств массовой информации. Оно помогает понять и роль «евразийства» в разрушении России, и просто осознать «кто есть ху», как выразился первый и последний президент Союза. Надо отметить, что, как и все «перестройщики», М. Аджиев сбрасывал камуфляжные одеяния по мере того, как «процесс пошел», а противодействия ему практически не было. Последние его статьи в «НГ», перекрывшие в русофобском азарте исступленные писания разных «Г» (Гитлер, Гиммлер, Геббельс и др.), похоже, вызвали беспокойство и кое у кого из тех, кто обеспечивал «зеленую улицу» любым эмоциональным «выбросам» этноисторика. В «НГ» началось что-то вроде дискуссии. С резкой критикой концепции Аджиева выступил В. Каджая («НГ», 15.01). Статью Аджиева «О москальских вотчинах в России» («НГ», 11.01) он осудил «предварительно» как «галиматью, насквозь пропитанную какой-то патологической ненавистью к русской истории и вообще ко всему русскому», пообещав вернуться к теме. А через несколько дней («НГ», 21.01) было опубликовано письмо О. Беляевской, в котором редактора В. Третьякова упрекают в непоследовательности, а Каджая в полном невежестве. Затем были публикации Л. Круковского («НГ», 12.02) и А.П. Новосельцева (19.03), касавшиеся частных. Видимо, их и имеет в виду В. Каджая в статье «Жерт-

вы мартабря» («НГ», 16.04). Статьи Аджиева ему представляются «безумными». Ему «кажется страшным, что дискуссии о работах Аджиева носят не политический, а академический характер».

✓ В. Каджая прав. Но только отчасти. Уход от политических оценок – это тоже политика. А «академизма» в них как раз не хватает. Набор мнимых русско-норвежских языковых параллелей у Круковского, которыми показывается перевес северогерманского влияния над тюркским, тоже политика, а не «академизм». Такие параллели можно найти и на островах Полинезии. Надо бы прежде выяснить, что в норвежском от германского, а в германском от индоевропейского. Давно установлено, в частности, что германские языки впитали древний пласт языков иллиро-венетских и кельтских племен, с которыми славяне общались непосредственно (та же «брага» – не норвежский, а кельтский напиток и т. п.). С эпохи неолита и бронзы по северу расселяются также уральские племена, смешавшиеся с индоевропейскими.

Ничего «академического» нет и в общем выводе Круковского, будто «сильное тюркское влияние на Древнюю Русь было выдумано и насаждалось в наше сознание нашими партийными идеологами от истории, чтобы доказать нашу обособленность». Ни одного имени автор не назвал, и не случайно. На Восток Россию развернули «евразийцы», будучи в эмиграции. Агенты ЧК среди них были, но от «партийных идеологов» они отстояли так же далеко, как и от «академизма». Близко их знавший И. А. Ильин видел у *них* лишь «склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности». И главный современник «евразиец», недавно скончавшийся Л. Н. Гумилев воевал не только с русской национальной, но и «партийной» идеологией. Идеология за всем этим есть, но иная.

Старые «евразийцы», начав с отвержения Европы (в том числе славян), затем повернули к немецкому нацизму. Туда же в большинстве склоняются и нынешние. Отсюда и их слепой норманизм. Между тем давно установлено, что по балтийским берегам смешивались разные племена, и славяне были одним из самых многочисленных. И в Скандинавии местами славянская речь удерживалась до XVII века. На Руси же первые «бурги» и «штадты» появятся с Петра I, когда выходцы из разных германских государств «жадной толпой» обсядут трон.

Маловато «академического» и у А. Новосельцева. Сказать по поводу очевидной нелепости (будто имя Иван по-тюркски значит

«дурак») «мне не встречалось» можно было, лишь защищая оппонента от серьезной академической критики. Но удивительно-го в этом ничего нет: А. Новосельцев был одним из крестных отцов «этноисторика», дававший ему путевку в «большую жизнь» (см. «Вокруг света», 1992, № 4–6).

В. Каджая вызывает расположение искренним желанием показать, что ничего, кроме голой политики, за оголтело расистскими и русофобскими излияниями Аджиева нет. Но от аргументации его тоже хотелось бы большей «академичности», дабы не давать неистовым Беляевским повода, по принципу «сам дурак», тоже кричать о «невежестве».

В статье «Мародеры на дорогах истории» («Литературная Россия», 1994, № 10) мне пришлось отметить одну неточность у Каджая: Ярослав в 1036 году под Киевом разбил не половцев, а печенегов. Это факт из школьной программы, и многие могут обратить на него внимание, тем более, что для обсуждаемой темы он весьма важен. Но в условиях нашего безвременья, похоже, перестали следить даже за публикациями по интересующим авторов сюжетам. В итоге через два месяца после указания на неточность она разрастается в подарочный букет для Беляевской. «Кипчаки, — пишет автор в последней статье, — которых русские называли половцами (то есть живущими в Поле), появились в Причерноморских степях где-то около XI века, вытеснив печенегов, которые, в свою очередь, вытеснили венгров, ушедших в Придунайскую равнину. Первое время половцы успешно разоряли Русь, пока в 1036 году Ярослав Мудрый не разбил их наголову под Киевом, после чего вчерашние враги стали добрыми союзниками. Киевские князья охотно женились на половецких принцессах, и наоборот, между двумя народами складывались тесные культурные связи, так глубоко и основательно прослеженные Олжасом Сулейменовым в его интереснейшей книге «Аз и Я».

К сожалению, в столь важном концептуальном пересказе нет ничего достоверного даже с чисто фактической стороны. Половцы появляются у границ Руси лишь в 1055 году, уже после смерти Ярослава Мудрого. Название их племени связано, как многократно отмечалось, со словом «полова» (солома, мякина) и «половый», то есть бледно-желтый. (Видимо, это связано с особенностью головных уборов: предшественники половцев назывались на Руси «черными клобуками», что является буквальным переводом этнонима «каракалпаки» — черные шапки.) Название,

по всей вероятности, занесено на Русь донскими и тмутараканскими русами и славянами, которые раньше познакомились с половцами и лучше понимали тюркские языки.

Печенеги (видимо, входившие в собирательное название «черные клобуки») отступили к Дунаю именно после победы над ними Ярослава Мудрого (остатки же их, тюрков, берендеев в конечном счете станут союзниками Руси). Венгры ушли на Средний Дунай еще в конце IX века, задолго до появления половцев.

«Культурные связи», конечно, были. Но не в духе умильного братства. От первого нападения половцев в 1061 году до Калки (1223 г.) летописи отмечают полсотни больших походов половцев на Русь, а мелких нападений – вообще не счесть. Чего стоит один образ «Слова о полку Игореве»: «А мои ти куряне сведоми кмети, под трубами повити, под шеломами възлелеяны, конец копия въскормлени, пути имь ведоми, яругы им знаеми». Более столетия Курск принимал на себя волны набегов из «Поля половецкого», и горожанам приходилось постоянно быть начеку. Князья (да и дружинники) на половчанках женились. Но такое родство мало что значило и на Руси, и в Степи. Экзогамия (браки вне своего рода) предполагала и покупку жены, и умыкание, и договоренность. Но родство считалось только по мужской линии. «Сваты», приглашаемые из Степи во время усобиц, ничем не отличались от «диких половцев», разоряя земли и «врагов», и «союзников». Не от хорошей жизни массы людей в XI–XII веках переселялись из черноземного Поля в лесистый и болотистый край, а многие поселения в Причерноморье, на Дону и Кубани были уничтожены кочевниками. Оставались лишь островки, вроде упоминаемых в XVI веке С. Герберштейном «пятигорских славян». (На таких «островках» и вырастает казачество.)

Каджая напрасно поверил Аджиеву, будто тот «цитировал» Ибн-ал-Асира. Как и в других случаях, текст источника заменен собственными фантазиями. И «академизм» здесь был бы убедительней, чем рассуждения о возрасте средневекового историка. Главное же в другом. Обвиняя Каджая в «невежестве», Беляевская верит, что об Аджиеве, так же, как об «Аз и Я» О. Сулейменова, будут с гордостью говорить «наши потомки». Кто эти «наши» – из «Завтра» или из позавчера – она не проясняет. Но безусловно, у нее больше оснований взять за одни скобки двух поборников рода половецкого, чем у Каджая их противопоставить. Кстати, и в 1975 году, когда вышла книга «Аз и Я», шуму было много. И то-

же многие издания готовы были рекламировать «певца кипчаков». Даже Д.С. Лихачеву не дали выступить с возражениями, касавшимися в основном текста «Слова о полку Игореве», то есть вопроса, по которому филолог признавался одним из ведущих специалистов. А по секрету всему свету внушали, что поэт свой человек в семьях Кунаева и Брежнева и споры с ним чреватые неприятностями. Эту информацию, то ли защищаясь, то ли запугивая, распространял в кулуарах и вице-президент АН Каз. ССР А.Н. Нусупбеков во время конференции двух академических отделений – истории и филологии – 13 февраля 1976 года.

Естественно, что столь высокий уровень обсуждения вызывался не качеством выдвинутой концепции, а именно высоким рангом поэта в феодальной иерархии той эпохи. Ведь до обсуждения на высшем научном форуме критическую рецензию осмелился дать лишь один орган: «Молодая гвардия» (1975, № 12).

Обсуждение, в котором участвовали практически все ведущие специалисты – историки, филологи, лингвисты – русисты и тюркологи, – убедительно показало, что «Аз и Я» – сплошная фантазия. И исторически, и лингвистически. Сам поэт держался довольно развязно, но сник, после того, как видный тюрколог Н.Н. Баскаков («отеческую» рецензию его отвергли редакторы) показал, что автор не знает тюркских языков, в том числе казахского. (Краткий обзор обсуждения опубликован в журнале «Вопросы истории», 1976, № 9. Конечно, с учетом упомянутой выше кулуарной информации.)

К сожалению, Каджая не пояснил, в чем он усмотрел разницу в концепциях двух современных «евразийцев». Он верно заметил, что фантазии Аджиева метят в казахский национализм, стремятся его подогреть, поскольку казахи (вернее, часть их) восходят к древним кипчакам. (Строго говоря, это арабское обозначение предполагает не этнос, а территорию, а потому и половцы – только часть кипчаков.) Выступления Н. Назарбаева показывают, что почва для такой пропаганды готова, а подтасовки на выборах с целью устранения с ведущих политических и экономических позиций русского населения удивили даже западных наблюдателей. «Евразийские» идеалы реализуются на наших глазах в Казахстане, и хищный их оскал Каджая заметил верно и своевременно. Но ведь и О. Сулейменов всегда тянул в ту же сторону и, пожалуй, значительно дальше. Судя по всему, О. Беляевская это поняла. Каджая, возможно, прошел мимо главного.

В сущности, у Аджиева нет ничего о самом этногенезе тюрок. Он просто исходит из общепринятого представления, что они формируются где-то на востоке, откуда последовательными волнами накатываются на Восточную Европу, проникая частично и далее на запад. Для О. Сулейменова тюркский этногенез – главная проблема. Но берет он ее вне всей нашей литературы – археологической, антропологической, лингвистической – последних десятилетий. Поэт пытается доказать, что тюрки происходят из Шумера и являются потомками этого древнего народа, создавшего некогда государственное образование на юге Месопотамии.

Сопоставление тюркской лексики с шумерийской, обильно представленное в книге «Аз и Я», вполне в духе упомянутых русско-норвежских. Именно в этой связи Н.Н. Баскаков поиронизировал, что как будто специально в параллелях к «шумерскому» даже и не оказалось тюркских слов (привлекались заимствования из иранского и др.). Со своей стороны другой известный тюрколог К.М. Мусаев, иронизируя, подыскал параллели в одном из западноафриканских языков. Все вроде бы прояснилось. Но вот выходят разные переводы книги, заново она переиздается и – те же мифические параллели. А это уже совсем серьезно: что же это за цель, за сверхзадача, ради которой можно пойти на любую глупость, пожертвовать репутацией не только честного, но и хоть что-то разумеющего человека?

Упомянутая статья в «Молодой гвардии» называлась: «Точка в круге, из которой вырастает репей». Заголовок касался важной темы, на которую я (автор статьи) тогда вышел, но которую не понял. Этот сюжет включен в шумерийские «раскопки» поэта, и казалось, что внимание на всех этих знаках задерживалось специально для того, чтобы в сознании отразилась главная мысль: от шумерийцев ведет свою родословную «Главный народ» (понятно какой), а тюрки – это младший брат «Главного народа».

На обсуждении О. Сулейменов (к моему удивлению) отметил, что я понял его правильно и мы просто стоим на противоположных позициях в оценке одних и тех же фактов. На самом деле я тогда мало что понимал, и некоторые разъяснения пришли вскоре из Алма-Аты от казахских литераторов, близко знавших и автора, и его окружение. Так пресловутая «точка в круге», вынесенная в заголовок как пример пустопорожних фантазий, на самом деле несет определенную нагрузку: это один из

масонских символов, различно (как и другие) раскрываемый на разных степенях посвящения. А за «шумерийской» версией – целая идеологическая и политическая традиция.

Давая мне слово на упомянутом обсуждении, ведущий, и. о. секретаря Отделения языка и литературы Г.В. Степанов предупредил: «Не повторяйте свою статью – ее все читали». Хотя в то время читали действительно больше, чем сейчас, намек я понял: не надо касаться темы «Главного народа». И практически все выступавшие главное звено концепции Сулейменова обходили. Пожалуй, лишь известный востоковед И.М. Дьяконов дал ключ к прояснению вопроса: высмеивая шумерийские искания, он напомнил, что подобными опытами занимались еще в начале столетия, но они тогда же были отвергнуты наукой. Кто и зачем искал – он не пояснил. А достаточно очевидно, что именно здесь и зарыта собака.

Прежде всего, что такое Шумер? Чем он мог привлечь политиков («геополитиков», как ныне любят говорить, используя нацистский термин)? Это не просто одно из самых ранних государственных образований Востока: это едва ли не самая совершенная машина господства и соподчинения, разветвленнейшая сеть тайных структур, многостепенная иерархия жреческих каст с жестко охраняемым тайным знанием, смысл которого – господство над людьми. Макиавелли, Жоли и пресловутые «Протоколы» лишь поверхностное, «популярное» изложение того, что знали шумерийские рабовладельцы и к чему всюду стремится Власть, противостоящая Народу.

К концу XIX века, в канун схватки за мировое господство, в основном складываются идеи и структуры противостоящих лагерей. В Европе это прежде всего пангерманизм, соединивший идеи социал-дарвинизма и расизма с древними культами Северной Европы и тибето-гималайскими, и создавший закрытые «ордена» розенкрейцеровского типа. «Нечистые» германцы – англичане искали мистическую основу противостояния «морских» и «континентальных» народов (разумеется, с приоритетом «моря»). Но политический прагматизм здесь всегда брал верх. В данном случае он выразился в готовности сражаться до последнего русского солдата. Франция, будучи в руках «Великого Востока», хотя и испытывала после поражений 70-х годов подъем национального самосознания, равновеликой пангерманизму идеологии не создала, а «Великий Восток» служил не только Франции.

В 1897 году с созданием Всемирной сионистской организации на поверхность вышла еще одна структура. Явной целью ее провозглашалась задача создания «Еврейского государства» (или «очага», как эту идею представляли в переговорах с турецкими властями), а укрепление и объединение еврейских общин по всем странам и континентам, с напоминаниями о великих предназначениях Торы и Талмуда, вроде бы имело лишь служебное значение. Европейские евреи во главе с Герцлем, как известно, хотели развести «очаг» на «исторической родине» в Палестине. Герцль встретился с турецким султаном Абдул Хамидом II и пообещал за Палестину «полное урегулирование турецких финансов». Финансы в Турции, конечно, были крайне расстроены, но такую цену султан платить отказался.

Султан исповедовал панисламизм, и в этом был резон. Турки в Империи составляли лишь 6 млн из 30. Господство обеспечивалось их реальным положением в качестве воинов и чиновников, а идеи панисламизма создавали иллюзию, будто и иные народы, исповедовавшие ислам, имели равные с турками права и обязанности. Политически панисламизм был заострен против христиан, в особенности армян, греков и балканских славян. Положение евреев в Империи конца прошлого столетия было относительно более благоприятным, чем других иноверцев. Они неизменно демонстрировали свою верность режиму и быстро укрепляли свои позиции в экономике, идеологии и политической жизни страны. Восточные евреи, как правило, подчеркивали свою обособленность от западных, проникнутых «либерализмом». Обращение Герцля к султану, несомненно, встревожило. Но сил для полного блокирования намерений сионистов у него не было. Тем более что многие и из его окружения видели в евреях союзников в одном из главных вопросов: Стамбул традиционно считал Россию своим главным врагом, а евреи шли в авангарде антироссийской пропаганды.

В итоге конфликт с сионистами серьезно осложнил положение султана. К тому же восточные евреи демонстративно отворачивались от западных, подчеркивали свой «антисионизм»: они считали, что «очаг» надо создавать не в пустыне у горы Сион, а в более перспективной во всех отношениях Месопотамии, там, где некогда существовало государство Шумер.

Так появилась «шумерийская» версия происхождения евреев. Материал для нее давала уже Библия. Именно отсюда вы-

шел «праотец» Авраам, там оставались его сородичи, туда он посылал за женой для сына Исаака. Правда, Авраам считается «праотцем» всех народов. Но этот момент либо игнорировался, либо осмысливался в духе расистских теорий конца XIX века: «Главный народ» все равно евреи, а остальные выстраиваются по мере приближения к нему.

Этническая природа шумерийцев до сих пор не прояснена. Ясно лишь, что это не семиты. Но, пугая жупелом «антисемитизма», сионисты и восточные евреи не прочь были подыскать себе и иную родословную, дабы размежеваться с арабами. Поэтому увлечения Шумером или Хазарией, где иудаизм исповедовали турки, воспринимались достаточно благосклонно. Действительных научных обоснований в политике, ориентированной на потребу дня, обычно не требуется. Оставалось найти «исполнителей». Таковыми и явились «младотурки».

Кружки «младотурков» появились в Европе в последней трети XIX века. Там они представляли либералами, сторонниками «реформ» в Турции, борцами за «свободу, равенство и братство», то есть демонстрировали приверженность традиционным лозунгам масонства, прежде всего «Великому Востоку». На рубеже веков аналогичные организации возникают и в Турции. Но при той же риторике здесь изначально используется и «шумерийский» опыт: организации прямо масонские или масонского типа глубоко законспирированы, а тайны охраняются вполне по-восточному. И практически всюду в этих тайных организациях оказываются и местные евреи или так называемые «денме» – евреи, искренне или по соображениям конспирации принявшие ислам. Идейным и организационным центром движения становится город Салоники, где к началу XX века насчитывалось 80 тысяч евреев и примерно 20 тысяч денме из общей численности населения в 150 тысяч. Кстати, именно из салоникских денме происходил и будущий ниспровергатель младотурков – Мустафа Кемаль Ататюрк (то есть «отец турок»).

Литература о «Младотурецкой революции 1908 года» довольно обширна, в том числе на русском языке. Но названный аспект в ней практически не затронут, а потому вроде бы и не понять, почему революционеры, провозгласив упомянутые лозунги, ни в коей мере их не осуществили. При желании можно привести длинный перечень параллелей с обещаниями наших «демократов» и реальными достижениями нынешнего тоталита-

ризма. Но достаточно отметить, что механизм утверждения у власти однопорядковых структур также сходен.

Почти во всех наших работах о младотурецкой революции игнорируется или вскользь упоминается весьма важный документ: секретное донесение английского посла в Стамбуле Г. Лоутера от 29 мая 1910 года своему министру иностранных дел Хардингу. Министр весьма высоко оценил информацию и так же конфиденциально распространил ее среди английских дипломатов в Каире, Тегеране и Индии.

Надо заметить, что и на Западе, довольно часто цитируя разные письма и отчеты Лоутера, это письмо тоже обходится. Похоже, его и опубликовали впервые лишь в 1971 году (Оксфорд) с весьма критическим предисловием Элие Кедури. Именно это издание было воспроизведено в 1978 году в турецком журнале «Бикирим» (№ 45). (Издание вышло незадолго до масонского переворота 1980 года, подтвердившего важность информации Лоутера уже тем, что новые власти начали энергично уничтожать литературу, разоблачавшую масонов.)

Суть письма Лоутера – связь младотурков с масонами и евреями. Собственно, факт этот никто и не опровергает. Просто пишущим дают понять, что заостряться на этой теме не положено, а без такого «заострения», естественно, ничего не понять и в сути движения.

О самом главном было заявлено уже на IX сионистском конгрессе, состоявшемся в декабре 1909 года в Гамбурге. Оказывается, «чудо турецкой революции» примирило сторонников разных «очагов». Очевидно, это говорит и о том, что разногласия не были настолько глубокими, чтобы повлиять на взаимоотношение «верхов» тех и других, и о том, что младотурки устраивали и тех, и других.

Разумеется, что в младотурецкой Турции, как и всюду, где у власти находятся масоны, младшие не посвящались в секреты «старших», и отмеченный Лоутером альянс реально поддерживался на самом верху. У тех же младотурок, что не были включены в закрытые структуры, неизбежно был широкий разброс мнений, в том числе и прямо противоположной направленности. На этих рядовых «профанов» действовали идеологически, подбрасывая те или иные идеи. (Система «гамельнских крысоловов», уведших по немецкому преданию всех детей из города, обязательное приложение к «шумерийской» организации

власти.) И разбираться в этих идеях необходимо с учетом степени посвящения.

Многонациональным государствам всегда трудно находить объединяющую концепцию. В России – и дореволюционной, и советской – нерусское население пользовалось значительными экономическими преимуществами за счет русского крестьянина. В Турции Абдул Хамида такой идеей был панисламизм. Младотурки попытались переориентироваться на пантюркизм. Различные издания младотурков фантазировали по поводу «Великого Турана», свободно соединяя разные версии о происхождении тюрков (вопрос этот и ныне не решен). Так, сюда включаются все угро-финские народы, монголы и маньчжуры и даже японцы. В итоге «Великий Туран» охватывает территорию от Японии до Скандинавии (совсем как у А. Дугина). Но на всей этой огромной «евразийской» территории действует и принцип расовой градации. Принцип в целом сходный с тем, что провозглашался сионистами: близость к «праотцу» по крови. Но наблюдались и расхождения, кого считать «праотцем». Культ Аттилы и Чингисхана, усвоенный позднее «евразийцами», перебивался здесь желанием приобщиться к «арийцам». В 1910 году в меджлисе стоял даже вопрос о запрещении «туркам-арийцам» вступать в смешанные браки. (О расистских притязаниях младотурок большой материал представлен в книге Д.С. Киракосяна «Младотурки перед судом истории». Ереван, 1989.)

«Шумерийская» версия также не отвергала «панттурианизм»: за неимением данных легко было предположить, что шумеры пришли из «Великого Турана». А каким образом «Главный народ» при этом сумел забраться на высшую ступеньку в расистской лестнице – пояснил нам О. Сулейменов. Хотя «жрецы Главного народа» и поднапутали, осваивая шумерийское и египетское наследия (мужское имя Раиль у них стало женским), они сумели донести и до индоевропейцев, что «точка в круге – это избранный народ во вселенной, избранное государство» («Аз и Я». Алма-Ата, 1975. С. 290).

Младотурки потерпели поражение именно из-за своих расово-шовинистических, более чем фашистских притязаний. Но бактерии подобных болезней обычно не умирают, время от времени порождая эпидемии. Успехи в борьбе за разрушение России, целенаправленно ведущиеся более столетия, стимулируют многие подобные болезни. И старые, и новые «евразийцы» доказы-

вали это и словом, и делом. А застенчивая наша интеллигенция, все еще пребывающая в полудремотном состоянии, не просто заглатывает всю эту отраву, но и рассеивает метастазы среди задавленного «архитекторами перестройки» трудового народа.

Не поняли мы тогда, что значила алма-атинская фантазия, как не поняли и смысла вроде бы бессодержательного термина «перестройка». А ведь нас предупреждали. В том же 1975 году в сборнике «Круглая звезда» поэма О. Сулейменова начинается словами «поет на идиш девочка в Литве». А далее: «Мой род Муса (то есть Моисей) полвека вел далами (то есть степью), когда до цели – всего девять лун. Дорогу вымостили мы телами, за нами Гималаи, Куэнь-лунь». И т. д.

Хотя, как сказано, на обсуждении книги «Аз и Я» главной темы касались как раскаленной сковороды. А.Н. Нусупбеков признал, что «в книге явно переоценивается роль тюрок в истории, роль семитов в истории мировой цивилизации» («Вопросы истории», № 9, с. 154). Надо бы сказать «евреев». Главное же – речь не о роли. На свет извлекается зоологическая концепция едва ли не самых хищных рабовладельцев в мировой истории, подправленная расизмом, захватившим «цивилизованный» мир с конца прошлого века. И если уж у Аджиева Каджая видит «сатанизм», то здесь сатанизм в кубе.

Такое заключение не в порядке упрека в адрес В. Каджая. Думается, что он искренне заблуждается. Да и где прочесть что-либо об идеологической и политической направленности «шумерийской теории»? Официозные издания об этом не скажут, а оппозиция подчас спешит опередить и самих разрушителей, смакуя разрушительные идеи. Ведь это факт, что разные формы «евразийства», в равной мере выгодные и пантюркистам, и «лучшим немцам года», процветают под патриотической крышей. «Государственникам» предлагается целый набор вариантов: иудео-хазарский (идеальный «младотурецкий»), монголо-татарский с культом Чингисхана и Батыя, «кипчакский» с выходом на «Евразию» Назарбаева. И, наконец, младотурецкий в сулеймовской интерпретации. И, будучи расистски окрашенными, все они так или иначе выходят на немецкий нацизм, в идеологии которого сознательно насаждались сатанинские культы. И не догадываются ребята – искренние патриоты, кто и зачем подбросил им разные оккультные знаки, не имеющие ничего общего ни с христианством, ни со славянским и русским язычеством.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Введение к теме мародеров в истории и политике можно начинать с любой телепередачи и газетной статьи. Наши телеканалы обычно в «новостях» покажут безмерную глубину развала и разграбления, а затем выразят опасение: как бы не вернулись те времена, когда ничего этого не было.

Скажем, почти обыденная информация. В «Независимой газете» она подана под аншлагом: «Зачем России собственное правительство?». И в подзаголовке: «В Вашингтоне есть умные люди, которые не только знают, что нужно нашей стране, но и дают вполне конкретные указания». Речь идет о предписаниях директора МВФ М. Камдессю и руководителя Всемирного банка Д. Вулфенсона В. Черномырдину срочно распродать оставшуюся госсобственность (объективно – иностранным инвесторам) («НГ» от 18.12.97). На следующий день В. Третьяков в редакторской колонке называет правительство «холопами», хотя заголовок «Правительство холопов» можно понять и как напоминание многократно ограбленным бессловесным холопам, что гонят их на кладбища слуги иностранного государства и финансового капитала. (Еще один из многочисленных фактов, разъяснение которым давно дано в статье «Письмо анонима».)

Очень обиделся А. Лифшиц: кто-то из самых высших выдает информацию. Только на что обида? Что стало достоянием гласности? Обиделся и В. Черномырдин: ничего еще не решено. И в самом деле: указание финансовых заокеанских воротил будет выполняться лишь через неделю. А г-н Уринсон в беседе с Н. Сванидзе («Зеркало», 21.12) выразил удивление: ясно, кто платит, тот и заказывает музыку. Аргумент этот, похоже, очень понравился Николаю Карловичу, буквально с пеной у рта защищающего своего покровителя А. Чубайса. Дуэт также был замечен «НГ» (23.12) и «Титус СОВЕТОЛОГОВ 12-й» немедленно откликнулся: «Ах, что ж в том дурного, когда из Вашингтона шлют письма Черномырдину и требуют отчитаться за свои денежки?! — вопрошал Сванидзе. И в подтверждение зачитывал по бу-

мажке имя-фамилию некоего американца из Фонда Карнеги, который тоже не против управления российской экономикой из-за океана. Зачем, мол, создавать лишние бюрократические места, когда всем в этом мире можно руководить с Потомака?

Ну а если г-н Лифшиц имел в виду утечку информации к этим самым истинным господам – финансовым воротилам, то ходить далеко незачем: та же «НГ» от 20.12 напомнила, что подобные указания А. Чубайс получал от зам. министра финансов США Лоуренса Самерса задолго до нынешнего скандала (см. также «НГ», 26.09; мнение Уринсона на этот счет в «Зеркале» как будто не отражалось). А уж если говорить об источниках информации, уходящих «туда», – вообще нечему удивляться. Газета напоминает, что сама «ваучерная приватизация» была придумана за океаном еще в 1992 году, а американский гражданин (и он не единственный) Борис Йордан «контролировал почти половину ваучерных инвестиций».

О действительной роли А. Чубайса в финансовых аферах самого последнего времени прямо-таки удивительную информацию приводит в «Новой газете» (№ 51 за 1997 г.) А. Минкин. Отметив, что «есть численно незначительная, но влиятельная группа лиц (президент, дамы-демократки, некоторые журналисты), верящих, что Чубайс выведет Россию из кризиса», журналист убедительно разъясняет, что «эта вера основана исключительно на собственных заявлениях Чубайса. Все, что он делает, он объявляет победой. Вступил в Лондонский клуб – победа. Заплатил клубу четыре миллиарда долларов – победа. Выпросил там же два миллиарда в долг – опять победа». Оказывается, что уверения Чубайса, будто клуб гарантирует получение Россией долгов – такая же «победа»: но долгов по оплате поставок оружия (а это и есть основные долги) принявшие Чубайса клубы не признают. А за два испрошенных Чубайсом миллиарда надо было бы уплатить такие проценты, что даже лидер фракции «Наш дом – Россия» А. Шохин высказался против такого займа. И т. д. А в заключение – резонный вывод: «...Все зависит от точки зрения. За одно и то же кто-то может дать звание лучшего министра, а кто-то – пятнадцать лет с конфискацией».

Поскольку в ВЧК есть мнение о благодетельном характере для России рекомендаций заокеанских советников, полезно привлечь и еще одну свежую информацию, выданную «Московским комсомольцем» 20.12 под заголовком «Назарбаев срывает мас-

ку». Посетившего в ноябре 1997-го Вашингтон Назарбаева «словно подменили». «Президент сначала выступил с несколькими откровенно антирусскими заявлениями, а затем приступил к физической расправе с оппозицией». И, конечно, «американцы закроют глаза и помогут администрации Назарбаева материально. А Нурсултан Абишевич еще больше упростит доступ янки к минеральным богатствам Казахстана». И автор заметки М. Ростовский напрасно осторожничает в оценках: все это давно проявлялось у Назарбаева (см. «Письмо анонима»). Ведь не от хорошего отношения к России из Казахстана уже изгнано более миллиона русских. Другое дело, что и Москва больше жалуется янки, нежели своих единокровных, поднимавших по призыву Центра целину и сооружавших там, как и в других республиках, шахты и предприятия.

В великолепных памфлетах А. Хинштейна в «Московском комсомольце» (газете отнюдь не патриотической и просто бульварной) упоминается и о схватке «двух соотечественников»: Чубайса и Березовского. О роли уступившего в данном случае Березовского обстоятельно писала та же газета (31.07.97): «Случай с Борисом Березовским просто уникален. Этот человек должен был как минимум дважды попасть в Книгу рекордов Гинесса. В первый раз – когда был назначен на высокий государственный пост, будучи гражданином другой страны. Дело в том, что являясь подданным Израиля, он – по израильским законам – был обязан всеми силами бороться за укрепление безопасности и интересов этой страны. То есть – работать в пользу Израиля. Подчеркиваю: этой неукоснительное правило, ибо в противном случае Березовский имел бы крупные неприятности по всем фронтам. Еврейский клан бизнесменов во всем мире пронизан агентурными капиллярами «Моссада» (разведки Израиля) – это вам подтвердит представить спеслужбы любой страны».

В газете указан и источник необычного влияния гражданина иной страны: «По правительственным коридорам гуляет информация, что Борис Березовский сегодня стал главным кассиром, спонсором, финансовым директором дружного семейства Ельциных. Об этом в Белом доме даже не шепчутся, а говорят в полный голос. Любой мало-мальски приближенный к Олимпу власти человек подтвердит: хотите попасть в немилость – скажите пару неласковых слов о Березовском в присутствии Татьяны Дьяченко». А ведь и Чубайс, как в свое время писал в той же

газете К. Боровой (21.10.96), шел тем же путем. И Боровой противопоставил его кремлевским «педикам». Так что «соотечественникам» пришлось бороться не только за доступ к скудеющим кормилам.

Театр абсурда непрерывно вторгается в нашу жизнь и через СМИ, и через месяцами неоплаченный труд, и просто через отсутствие каких-либо гарантий – в том числе права на жизнь – со стороны «правительства холопов». Возведенный с помощью коробок из-под ксерокса на роль неподсудного защитника интересов транснациональных компаний и мафиозных структур, президент очень любит величать себя «гарантом», намекая, что полномочия ему даны не только на расстрелы Белого дома или Красной думы. А Указ от 15 мая, кажется, всех удивил: «гарант» предписывал всем чиновникам дать декларации о доходах. Но когда «гарант» подал пример и оценил свой бронированный БМВ в 11 тысяч долларов, то есть уменьшил стоимость его в несколько десятков раз, у чиновников сразу отлегло. А там посыпались публикации вроде «Рублевка – край непуганных вождей» в «Совершенно секретно» (№ 7, 97), в том же «МК», где собирались проверить, что разместилось на скромных 4 га земли у «гаранта», и т. д., и вовсе стало спокойно. Так что Б. Березовский вместо нескольких миллиардов показал скромные тысячи, а Чубайсу так и вовсе нечего было показывать: так, перебивается с хлеба на воду. И когда пришлось, дабы не уйти в мир иной от отошания заняться литературой, «гарант», пожурив кого-то, Чубайса одобрил: столько работает, а заработки... Ну какие могут быть заработки у вице-премьера? Ну пришлось взять каких-то там 90 тысяч долларов. Но ведь он не все взял себе. Он тут же переложил в другой свой карман на благотворительность.

И Сванидзе по второму «чубайсовскому» каналу недоумевает: да разве это деньги для человека такого размаха. Это какому-нибудь нищему НИИ может быть и хватило на зарплату всем сотрудникам. Но ведь речь идет о птице более чем высокого полета: сам зам. минфина США запросто переписывается и советует. И в самом деле. Еще осенью 1995 года Ю. Лужков загадал загадку, а Павел Горелов по московскому каналу ее озвучил. Если стоимость фондов к моменту приватизации составляла 1 трлн. рублей или 10 тыс. трлн. в ценах 1995 года и 60% приватизировано, то куда пошли эти 6 тыс. триллионов? Ю. Лужков сгустил краски, назвав 1 трлн., полученный казной. На са-

мом деле, как установила Счетная палата Думы, казна получила целых 3 трлн., то есть в три раза больше! Ну а куда исчезли 5997 трлн., видимо, надо спрашивать Йордана и иных граждан, реально управляющих «этой страной». (О 315 млрд. руб. украденных вложений граждан – в переводе на нынешние еще 4 тысячи трлн. – если и упоминают, то лишь для того, чтобы изыскать способ невозвращения их.) И никто, кажется, уже не удивляется, слушая, как громко и уверенно провозглашает пресс-секретарь «гаранта» нечто немыслимое ни в одной стране: нам интересы человека – в данном случае, конечно, не гражданина России, – дороже разных там геополитических интересов страны, в которой и живет-то каких-то полтора миллиона холопов. (Речь шла всего-то о союзе России с Белоруссией, способном разрушить идею Балто-Черноморской федерации, столь любезной минским и московским врагам возможного сближения двух близкородственных народов. А телеканалы, не ведая, что творят, со смаком показывали, как «демократы» Минска топтали российские флаги.)

Не так давно телеканалы возмущались преследованиями в Минске тележурналиста Ступникова. В беседе с московским ведущим опальный журналист сетовал, что его притесняли по политическим мотивам: за то, что он гражданин Израиля. Ведущий намекал собеседнику, что у него есть уже российское гражданство и не нужно напоминать о другом. Но журналист, кажется, не понимал: зачем бы это ему скрывать в Москве свое истинное гражданство? Теперь все устроилось. Ступников с исторической родины передает ценнейшие информации в качестве сотрудника НТВ. 23.12.97 с Ближнего Востока на НТВ пришла радостная весть: 33-й сионистский конгресс признал российских и украинских сионистов равноправными со всеми, кто претендует на руководящие роли в ВСО.

В «НГ» от 18.12 воспроизведена еще одна весьма важная информация: статья министра внутренних дел А.С. Куликова. Автор констатирует факт резкой криминализации современного российского общества и достаточно интересно объясняет его, как отражение фундаментальных противоречий российской действительности. «От преступников-индивидуалов и разрозненных бандитских групп до покрывших всю страну многочисленных хорошо законспирированных, интеллектуально и технически обеспе-

ченных, располагающих обширными коррумпированными связями преступных сообществ – вот путь, который в последние годы прошел российский криминальный мир.

Ранее мы не сталкивались с подобными явлениями. Опираясь на методы уголовного террора, используя малейшие пробы в законодательстве, просчеты в управлении экономикой, в процессах приватизации и иных сферах государственной и общественной жизни, преступные кланы приобрели огромные капиталы, что позволило им стать своего рода «пятой властью». Ибо деньги, как известно, всегда требуют власти...

Этой силе надо противостоять, и мы научились работать по-новому... Только на АвтоВАЗе в Тольятти ликвидировано семь преступных сообществ общей численностью свыше 800 человек, полностью подчинивших себе процесс производства и реализации выпускаемой продукции. Их криминальный доход составлял более 500 млрд. рублей ежегодно. На почве раздела сфер влияния данными сообществами совершены убийства 65 членов конкурирующих преступных групп и двух руководителей подразделений АвтоВАЗа...

Интересно и весьма грамотно представлено сравнение «первоначального накопления» в странах Запада и в современной России. «На Западе все было по-другому. На Западе не было к моменту первоначального накопления капитала ядерного оружия, всепроникающих международных преступных синдикатов, высокоточного оружия и реактивных систем залпового огня. На Западе первоначальное накопление капитала не было связано с эрозией всей системы индустриального производства, обладающей сложнейшей инфраструктурой, разрушение которой, даже частичное, может быть чревато всероссийской и международной катастрофой.

На Западе не было огромного количества разочарованных реформами и выброшенных из системы специалистов, чья квалификация легко может быть востребована преступными сообществами. Я имею в виду, в частности, тысячи специалистов-«силовиков», оставшихся без контроля государства и без работы.

И наконец, на Западе процесс первоначального накопления был растянут на исторически длинный срок, он не был сжат до одного исторического мига в три-пять лет... Результатом совокупного действия все этих различий является криминализация российского общества...

По оценкам экспертов объем теневой экономики составляет сегодня около 40% валового внутреннего продукта. Огромное число фирм и граждан осуществляет предпринимательскую деятельность... в рамках теневого сектора, где размер оборотного капитала вполне уже сопоставим с доходной частью бюджета».

Хотя министр и настроен оптимистично, для оптимизма пока данных явно мало. Да и сам он в подобном же материале в журнале «VIP» (29–30.97) приходит к иному заключению: «Чем же провинился перед всевышним талантливейший русский народ, что выпадает на его долю все время такая тяжелая жизнь и бесконечная череда испытаний». И есть от чего всерьез беспокоиться. Ведь криминал забрался на самый верх, в том числе, конечно, и в правовые органы. Стыдно, например, за Судебную палату, которой с самого большого «верха» поручалась защищать от «нападок» прессы проворовавшегося вдоль и поперек Чубайса. Стыдно читать сообщения о том, как рассыпают дела матерых преступников вроде Собчака, тех же кремлевских «литераторов» и всей президентской рати. Стыдно и больно, когда со службы увольняют таких заслуженных генералов, как А. Николаев. Увольняют те, кто, как говорится, и мизинца не стоит уволенного.

И показательна серия разоблачительных статей А. Хинштейна. О ком в них идет речь? В рубрике «коррупция» прошла едва ли не вся ВЧК. 6–7.08.97 – Владимир Пансков и Владимир Бабичев. 23.08.97 – «Конец связи-2» – ФАПСИ (Федеральное агентство правительственной связи информации), речь шла о сотнях тысяч долларов на счетах у гендиректора генерала Старовойтова и прочих «высших». 8.10.97 – «Утро стрелецкой казни» – глава президентской администрации Сергей Филатов. Связь с крупным преступным авторитетом Северного Кавказа Рамбоном Гавриловым, в свою очередь тесно связанным с «Моссадом» и другими службами Израиля, откуда поступали и кое-какие деньги, 1 млн. долларов из которых пошли на строительство дачи Филатова. В курсе был и «архитектор перестройки» А.Н. Яковлев. Коржаков докладывал об этом и президенту, но тот отмахивался: «Опять всякое дерьмо мне носишь». И парадокс нашей эпохи: насквозь проворовавшийся чиновник меняет место деятельности: именно он возглавил подготовку проведения Конгресса интеллигенции Российской Федерации (10–11.11.97) и выступил на нем с вступительной, «направляющей» речью...

Таковы ныне претенденты на выражение «чести и совести эпохи». И нужно быть благодарными другой группе писателей (В.Распутину, В.Белову и другим представителям Союза писателей России), что они проигнорировали это шумное мероприятие. Проигнорировал и А.Солженицын, хотя его там явно ждали.

Другой «герой» очерка А.Хинштейна Максим Бойко, бывший председатель Госкомимущества, отец которого Владимир Шамберг преподает в специализированном вузе ЦРУ. Он правнук знаменитого Лозовского, начальника Софинформбюро, расстрелянного по делу Еврейского антифашистского комитета. Родители «эмигрировали на постоянное место жительства» в США. Сам Бойко прошел стажировку в Национальном бюро экономических исследований США. Журналиста интересовало, как к деятелям с иностранным гражданством относится президент. «Директор ФСБ Ковалев докладывал президенту о второй «родине» Бойко. Как видите, никаких мер не принято...». И целый ряд других имен с тем же результатом. 9.12.97 – «Шеф президентского протокола и другие официальные лица». «Вице-премьер Булгак, председатель Таможенного комитета Круглов, гендиректор ФАПСИ Старовойтов, помощник президента Шевченко, зав. ельцинской канцелярии Семенченко. Всех этих сановников объединяло одно: они держали огромные суммы в российском коммерческом банке». В этом банке оказались имена 72-х чиновников, в числе которых и прославившийся банными делами Валентин Ковалев, бывший министр юстиции.

О кремлевских «литераторах» писали едва ли не все издания. Примерно та же компания и в материале «Играем в бридж» («МК», 28.11). «На кону компания «Роснефть», — анонсирует содержание А.Хинштейн. — За игровым столом — «писатель» Кох, председатель Российского фонда федерального имущества Липкин, и. о. министра госимущества Газизуллин, финансист Йордан и другие официальные лица. Проигрыш исключен». Помимо названных задействованы первый заместитель Российского фонда федерального имущества Владимир Малин, бывший первый заместитель руководителя администрации президента, председатель совета РАО «Газпром» Александр Казаков, а также прославившийся с коробкой из-под ксерокса помощник Чубайса Евстафьев. За кадром Чубайс и Немцов, а также сам президент. Гомосексуальные наклонности проходят как пароль: можно говорить открыто. (С этого начинается разговор Коха с Казако-

вым.) И вопрос об овладении еще одним солидным куском все-народной собственности (с помощью иностранных инвесторов) проходит как равнозначный карточному столу и тому же гомосексуализму.

В «Дуэли» (№ 23) опубликована статья В.М. Лозовского под примечательным заголовком: «Будущего может и не быть». Тревога автора небезосновательна: «Деградация нашего народонаселения очевидна, и экскурсы в историю вызывают горькие мысли. В 1612 г., например, нижегородцы избрали своими предводителями Минина и Пожарского, а сейчас они избирают Немцова и Скрырова... Французы гордятся своей великой и кровавой революцией, не оплеывают ее, понимая, как много она дала простым людям. Наши же бараны, потомки нищих, безграмотных, бесправных рабочих и крестьян, которым Октябрьская революция открыла путь к науке, культуре, образованию и т. д., исходя злостью к Советской власти, при которой у всех честных людей был достаток и уверенность в завтрашнем дне. У баранов отобрали все трудовые накопления, а они голосуют за своих грабителей. Да какой же народ на свете может дойти до такого самоуничтожения?.. Что же это за народ, который так покорно и безропотно сносит все издевательства над собой ельцинской клики и при этом за нее голосует? Разве, допустим, французы или американцы стерпели бы такое?..

Посмотрите, что стало с нашими людьми за годы перестройки и реформ! У очень большой части утрачены ум, совесть, человечность, то есть именно то, что делает людей людьми». И т. д. С вполне справедливыми упреками оппозиции, которая «в значительной части не умеет предвидеть и рассчитать даже на шаг вперед». Тревога вполне оправдана. И надо понять и механизм разрушения государства, народа, общества, человека, и выявить виновников происшедшего, и наметить пути возрождения. Ведь если в Ленинграде на выборы приходят лишь 12% избирателей и теперь там отменены всякие нормы (достаточно проголосовать одному!), то это упрек не трудовому народу, а тем, кто ему должен предложить достойный выбор.

Недавно В.С. Черномырдин развеселил депутатов Думы, предложив сравнить их собственный достаток до «перестройки» и в наши дни. Конечно, и тогда чиновники воровали, но не в таких размерах. И продолжением диалога премьера с депутатами вполне мог послужить скетч Фазиля Искендера:

«—Что делают в России?

— Думают о России.

— Все думают о России?

— Нет не все.

— И что делают остальные?

— Остальные воруют.

— И что, с этим никто не борется?

— Никто.

— И кого же больше: кто думает о России или тех, кто ворует?

— А это невозможно подсчитать, потому что и думающие о России подворовывают. Жить-то надо! А те, кто воруют, тоже иногда думают о России. В итоге их уже и не различить».

Поистине, портрет Кремля и Белого Дома. Ну, еще может быть «Край непуганных вождей РУБЛЕВКА» («Совершенно секретно», 1997, № 7). Воруют миллиардами. И заключение для тех, кто еще способен думать о России: «Земля здесь так и дышит предчувствием новых переделов».

Несколько с иной стороны, но к тому же подходят авторы материала «Умрет ли Борис Ельцин?» в «Мегаполис-Экспресс» (1997, № 50). Невежество, наглость, маразм президента еще недавно великой страны. Или уже тем, кто подворовывает, чувства стыда и обиды за державу вовсе не свойственны?

Вообще наглость и президента, и премьера, когда они говорят о каких-то достижениях, росте производства и благосостояния вполне заслуживает вознаграждения титулом «враги народа», как об этом вполне резонно сказал Владимир Полеванов, имея в виду всю хищную команду расхитителей и разорителей. Эксперт Госдумы П.И. Филимонов вполне резонно назвал «бредом» дифирамбы Черномырдина разграблению под видом «приватизации» и то, что этот бред «слышат десятки миллионов обездоленных и безработных при катастрофическом упадке производства, обескровлении и упадке страны» («Дуэль», № 23 (45)). В том же номере газеты приводятся материалы РАН «Пределы падения»: «За последние четыре года: производство валового внутреннего продукта (ВВП) снизилось более чем вдвое, а предельно-критический показатель падения составляет 30%. Это грозит полной деградацией экономики;... — идя навстречу пожеланиям своих западных покровителей и советчиков, режим стремительно превращает Россию в поставщика топлива и сырья (около 80% общего объема экспорта). Страна ускоренно превра-

щается в сырьевой придаток Запада... Население России сокращается на 1,5–2 млн. в год. Страна вымирает. Дело идет к демографической катастрофе».

В упомянутом «Письме русофоба» основной источник разного рода выкладок и расчетов – материалы «Римского клуба». Одна из «забот» клуба – сократить население Земли (в основном, конечно, за счет «нецивилизованных» народов. Автор письма говорит о 45–50 млн. «запланированных» для России. У П.И. Филимонова названа та же цифра с указанием на 2010 год, как время «исполнения». В материале специалистов по сельскому хозяйству Н.П. Радугина (доктора экономических наук, заслуженного работника сельского хозяйства России) и П.Г. Свечникова «Некоторые соображения по вопросу «О земле», подготовленном для депутатов Государственной Думы Федерального собрания, дается поистине страшная картина целенаправленного разрушения сельского хозяйства и разорения деревни, также заходит речь об эти «римских» миллионах. Только это уже «детализация» в рамках концепции «золотого миллиарда». Вызывающий восторг у наших СМИ (особенно электронных) Запад обещает включить в «золотой миллиард» 30 млн. российских аборигенов и еще 30 млн. оставить в качестве слуг. Ну, а остальные...

И ведь не придется особые усилия прилагать «цивилизаторам». Как показывают названные авторы, нынешнее сельское хозяйство уже и самих сельчан прокормить не может, а «корм», поступающий с Запада не дает ни количества, ни качества необходимых для выживания калорий.

И не случайно «гарант» при случае и без случая стучит кулаком: распродать иностранному капиталу последнее, что осталось – землю. Если удастся сейчас нашим компрадорам этого добиться – к 2010 году и 50 миллионов не останется. Остается утешаться лишь тем, что правителей, уничтожающих собственный народ, не примут в «золотой миллиард».

СЕРИЯ «РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА»

КУЗЬМИН Аполлон Григорьевич

МАРОДЕРЫ НА ДОРОГАХ ИСТОРИИ

Утверждено к печати редакционным
советом НП ИД «Русская панорама»:

президент ИД – *Яшнев Ю.В.*;

гл. редактор ИД – *Настенко И.А.*

ISBN 5-93165-112-8

Редактор, художник – *И.А.Настенко*;
корректор, верстка – *О.Е.Пугачева*

Некоммерческое партнерство Издатель-
ский дом «Русская панорама». Изд. ли-
цензия ЛР № 071667 от 22.05.1998.
109028, г. Москва, Серебряническая
наб., 27, оф. 1-03. Тел.: (095) 917 5983;
(095) 917 7094; e-mail: in@rus-pan.ru.

Подписано в печать 18.06.2005. Формат
84 × 108/32. Бумага офсетная № 1. Пе-
чать офсетная. Гарнитура SPSL-Dutch.
10,5 п/л. Тираж 2000 экз. Заказ № 3194.

Отпечатано в полном соответствии с ка-
чеством предоставленных диапозити-
вов в ОАО «Дом печати – ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Сборник публицистики под названием «Мародеры на дорогах истории» – единственная книга, не вышедшая при жизни выдающегося ученого-историка, истинного патриота России Аполлона Григорьевича Кузьмина (1928–2004). Сборник был составлен еще в 1998 г. самим А.Г.Кузьминым из статей, опубликованных в 1991–1997 гг., в которых он поднимает важнейшие, по его мнению, вопросы выживания и дальнейшего существования России и русского народа. Прележав несколько лет без движения в различных издательствах, эта книга все-таки увидела свет...

2006291278